

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА

ПУШКИНСКОГО ДОМА

на 1992 год

Гуманитарное агентство
«Академический проект»
Санкт-Петербург
1996

Редакционная коллегия:
А. В. Лавров, А. Ф. Лапченко, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор:
Т. С. Царькова

Рецензенты:
А. М. Грачева, А. А. Шелаева

Редактор:
Д. М. Климова

Худож. редактор:
В. Г. Бахтин

Техн. редактор:
О. Ф. Макаровский

Корректоры:
Т. Л. Ломакина, Е. Я. Лапиль

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 96-04-16279

ISBN 5-7331-0075-3

© Коллектив авторов, 1996

© Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996

Е. В. Иванова

ВОЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ТРУДЫ И ДНИ

В духовной жизни Петрограда первых послереволюционных лет особая роль принадлежит Вольной Философской Ассоциации (Вольфила), публичные заседания которой начались в ноябре 1919 года и продолжались до их запрещения в 1924 году. Вольфила явилась одной из последних попыток интеллигенции создать идейно независимое от государства, хотя и субсидируемое им объединение, в рамках которого было бы возможно свободное обсуждение философских и культурологических вопросов при участии заинтересованной аудитории. К моменту возникновения Вольфила независимая и частная издательская деятельность была практически прекращена, не-большевистские газеты и журналы были закрыты, а руководство духовной и идейной жизнью приобрело все более и более централизованный характер, в силу этого подобное объединение приобрело важное значение.

Инициатива создания Вольфила принадлежит нескольким участникам группы «Скифы»¹, заявившей о себе изданием двух одноименных сборников, в которых опубликовали свои произведения Андрей Белый, Валерий Брюсов, Сергей Есенин, Николай Клюев, Алексей Ремизов, Ольга Форш (под псевдонимом А. Те-

---

¹ Скифы. Сб. 1. Пг., 1917. Сб. 2. Пг., 1918 (вышел в конце 1917 года).

рек), Евгений Замятин, Алексей Ганин, философ Лев Шестов, музыковед Арсений Авраамов, публицист Сергей Мстиславский (псевдоним С. Д. Масловского; 1876—1943). Идеологом «Скифов» был критик и публицист Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова; 1878—1946). К этой группе примкнул впоследствии Александр Блок, в момент подготовки сборников находившийся в армии. Иванов-Разумник считал, что только эта случайная причина объясняла отсутствие Блока среди участников, он указывал также, что поэт намеревался опубликовать свое стихотворение «Скифы» в третьем выпуске сборника².

В среде дореволюционной интеллигенции «Скифы» оказались одной из немногих группировок, принявших Октябрьскую революцию, что обрушило на них поток нареканий со стороны большей части интеллигенции, называвшей «скифов» «прихвостнями правительства», «приспособленцами» и т.п. Последующие политические события обнаружили безосновательность этих обвинений: политически «скифы» тяготели не к большевикам, а к левым эсерам; после изгнания последних из правительства «скифы» также обрели ореол оппозиционности.

В первые послереволюционные месяцы «скифы» соединились на страницах левозсеровской газеты «Знамя труда» и журнала «Наш путь», литературными отделами которых заведовал Иванов-Разумник³. После разгрома большевиками левозсеровской периодики А. Блок привлек часть «скифов» к работе в Театральном отделе Наркомпроса, в недрах которого и родилась идея Вольфила.

Вольфила была задумана как Академия — заведение, совмещающее в себе учебные и научные задачи. Замысел ее возник после провала проекта сотрудничества «Скифов» с московской Социалистической Академией. 2 мая 1918 года Блок записал: «Разумник Васильевич (<...> из Москвы. Масса рассказов, планов, новых предложений (1) чтение курса лекций в „Социалистиче-

² См.: *Иванов-Разумник* Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 223—224.

³ Подробнее об этом см.: 1) *Петрова М. Г.* Эстетика позднего народничества // *Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века*. М., 1975. С. 156—170; 2) Переписка Блока с Ивановым-Разумником. Вступ. статья, публикация и комментарий Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова // *Лит. наследство*. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 366—414; *Иванова Евг.* Об эволюции Блока после Октября и поэме «Двенадцать» // *Литература в школе*. 1993. № 3. С. 23—28; См. также: *Hoffman Stefani.* Scythian Theory and Literature // *Art, Society, Revolution Russia. 1917—1921*. Stockholm: Nilsson. 1979. P. 138—169; *Dobringer Elisabeth.* Der Literatur Kritiker R. V. Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Scythentums. München, 1991.

ской академии общественных наук" в Москве (курс — полгода, <...> во главе: три большевика и три левых с. р. <....>»⁴. После мятежа левых эсеров (июль 1918) союз с большевиками стал для них невозможен, поэтому прекратились и переговоры со «скифами» об их сотрудничестве в Академии.

В результате возник план создания собственной академии в Петрограде, первые упоминания о котором относятся к осени 1918 года. 27 сентября Блок записывает: «В 12 часов зовет К. А. Сюннерберг на первое заседание об образовании Скифской Академии (в противоположность московской)»⁵.

Воссоединившись осенью 1918 года на службе в ТЕО Наркомпроса, «скифы» провели здесь первые организационные заседания, посвященные созданию Академии, о чем неоднократно упоминается в записях Блока⁶. Разговоры об Академии носили тогда уже конкретный характер, о чем свидетельствует одно из писем Иванова-Разумника К. А. Сюннербергу: «Очень досадую, что не могу сегодня быть, а еще более того — что не могу прислать Вам (не успел переписать!) разработанный проект „кафедр“ в Вольной Философской Академии»⁷. Тогда же был выпущен манифест Академии, носивший заглавие «Объяснительная записка к проекту положения о „Вольной Философской Академии“», под которой стояли подписи четырех будущих учредителей Вольфилы: А. Блока, Иванова-Разумника, А. Штейнберга и Конст. Эрберга⁸.

В Записке сообщалось о предстоящем создании особого учебного заведения, целью которого было бы «исследование и разработка в духе философии вопросов культурного творчества, а также распространения в народных массах философски-углуб-

⁴ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 404.

⁵ Там же. С. 429.

⁶ Там же. С. 429, 431.

⁷ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 145. Л. 8.

⁸ См.: Временник Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению. Вып. 1. Пг., 1918, ноябрь. С. 12. Штейнберг Арон Захарович (1891—1972) — литератор, до революции выступавший по вопросам эстетики на страницах «Русской мысли» и «Логоса». 1914—1918 годы провел в Германии, по возвращении активно включился в работу в Театральном отделе Наркомпроса, преподавал в Институте Живого Слова и Народном Европейском Университете. Один из активных членов Вольфилы. В 1922 году выехал в Берлин, где издал книгу «Система свободы Достоевского». В дальнейшем занимался еврейской культурой. См. книгу его воспоминаний: Друзья моих ранних лет (1911—1928). Париж, 1991, где есть сведения и о Вольфиле; Конст. Эрберг (псевдоним Константина Александровича Сюннерберга, 1871—1942) — критик, поэт, теоретик литературы и искусства. О нем и его работе в Вольной Философской Ассоциации см: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 99—115.

ленного отношения к этим вопросам»⁹. Касаясь идейных устремлений будущей Академии, учредители отмечали, что время заставляет их ставить перед собой задачи синтетического характера, которые отвечали бы всеобщему стремлению услышать «от всякого ученого, общественного деятеля или художника слово „последней правды“ и оправдания того, что они творят и делают»¹⁰.

В этом первом манифесте будущей Вольфилы подчеркивалось также стремление ее основателей к поиску «единого смысла» человеческой жизни, стремление к сохранению цельности человеческого знания в противовес специализации и дробности, насаждаемой современной западной культурой. В самом общем виде программные установки изложены в следующих словах: «Русская революция открывает перед Россией и перед всем миром новые широкие и всеобъемлющие перспективы культурного творчества. Впервые из идеи Единого Человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может, наконец, осуществиться в действительности и должна принять характер конкретной организационной попытки. Этому делу хочет посвятить себя Вольная Философская Академия. Она связывает со словом Академия память о первых источниках европейской культуры, когда науки, искусства и общественность еще были связаны цельностью и законченностью античного мирозерцания; Академия, видящая в свободе общения и преподавания ту естественную атмосферу всякого творчества, в которой только и могут зарождаться и развиваться существенные культурные начинания; Академия, относящаяся к философии, как к той хранильнице заветов единства, без которого нет ни Единого Человечества, ни единого Общечеловеческого Идеала. Именно в этом смысле вся работа Академии должна протекать в духе философии и социализма»¹¹. Подобная социалистическая направленность противопоставляла Вольфилу другим религиозно-философским объединениям по идейным устремлениям, хотя организационно она строилась на тех же основаниях. Даже собрания Вольфилы с определенного периода начнут проходить в том же самом зале Географического общества, где до революции собиралось петроградское Религиозно-философское общество. Кроме того, ввиду закрытия последнего, многие бывшие его члены — такие как Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин,

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Временник ТЕО Наркомпроса. Вып. 1. С. 12.

А. А. Мейер и др.— будут принимать деятельное участие в заседаниях Вольфилы; некоторых из них Вольфила лишится в результате высылки философов 1922 года. Но не они задавали здесь тон, и деятельность Вольфилы отличал от Религиозно-философского общества индифферентизм к религиозным вопросам (исключая антропософию, интерес к которой поддерживался усилиями Андрея Белого).

В начале 1919 года разговоры о близящемся открытии Вольфилы все продолжались, и 4 января Блок записал: «Разговор с Р. В. Ивановым: уйти от председательствования в Вольной философской академии, которая откроется „Катилиной“»¹². В дневнике в этот же день более подробная запись: «(<...> подойти ближе к Вольной философской академии, где, я думаю, позволено будет думать о серьезном <...>»¹³. 16 января еще одно упоминание: «Некоторый умственный отдых — заседание о Вольной философской Академии, к вечеру, в комнате Сюннерберга»¹⁴. Наконец, 23 января записано: «Приехал Мейерхольд (а с ним Белый и Алянский). Весь вечер у Мейерхольда с Эрбергом <...>. Вольная философская академия утверждена»¹⁵.

Опубликованная Записка была переработана в афишу, возвещающую об открытии Академии, полное название которой должно было быть следующим: Вольная Философская Академия. Высшее ученое и учебное заведение. Предполагалось, что она будет совмещать исследовательские и учебные задачи; программные установки Академии, изложенные на афише, почти буквально повторяли текст «Объяснительной записки». Афиша содержала сведения и о предполагавшемся порядке работы Академии: «Открывается отдел философии культуры и искусств. Участие в ближайших работах будут принимать: Арс. Авраамов, Александр Блок, Андрей Белый, Иванов-Разумник, Б. Кушнер, А. Луначарский, Е. Лундберг, Артур Лурье, В. Мейерхольд, К. Петров-Водкин, А. Штейнберг, К. Эрберг. Темы ближайших курсов чтений и докладов: основные вопросы философии, философия культуры, религия и социализм, философия творчества, революция и педагогика, психология труда, философия социализма, искусство в свете революции, литература и революция, живопись будущего, основы звукозаписи, театр будущего, классификация художест-

¹² Блок А. Записные книжки. С. 444.

¹³ Блок А. Собр. соч. Т. 7. С. 354.

¹⁴ Блок А. Записные книжки. С. 446.

¹⁵ Там же. С. 447.

венных идеологий, философия искусства, история религий, история эстетики, история искусства, история литературы, история живописи, история музыки, история стилей»¹⁶.

Такова была намечавшаяся программа Академии, открытие которой предполагалось в феврале 1919 года докладом Блока «Катилина — эпизод из истории мировой революции». На одном из экземпляров афиши два любопытных примечания. Первое принадлежит К. А. Сюннербергу: «Прошу дать корректуру 14. I. 1919», — оно помогает установить время выпуска афиши. Второе примечание — А. В. Луначарского: «Подтверждаю свое согласие на участие в ВФА.»¹⁷, оно является единственным свидетельством намерения наркома просвещения принять участие в работе Академии.

Результатом подготовительной работы стало учредительное заседание, которое происходило 25 января 1919 года на квартире Иванова-Разумника в Царском Селе (у него в это время жил Андрей Белый). Протокол этого первого заседания приводится ниже в Хронике; во время его работы учредители получили известие о том, что создание Академии запрещено.

Решение о запрещении Академии было принято на заседании Коллегии Наркомпроса, под выпиской из протокола подпись того же Луначарского, который недавно подтверждал на афише свое намерение участвовать в ее работе. Приводим текст выписки: «Слушали: Об организации Вольной Философской Академии. Постановили: признавая организацию Вольной Философской Академии в Петрограде в настоящее время несвоевременной, рекомендовать инициаторам создать организацию Вольного философского общества, которое могло бы рассчитывать на получение государственной субсидии»¹⁸. Из протокола учредительного заседания Академии следует, что об этом решении они узнали из телефонного сообщения Бакрылова, предполагавшегося секретаря объединения. Блок в этой связи записал: «Телефон от Бакрылова: в Москве нашли „несвоевременной“ Вольную Философскую Академию и предложили учредить Вольное Философское Общество (с субсидией)»¹⁹. Из протокола следует также, что на том заседании будущее объединение получило название Вольная Философская Ассоциация, под которым оно и начнет

¹⁶ В настоящий момент известны три экземпляра афиши: собрание М. С. Лесмана, а также ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1 и Ф. 474. Ед. хр. 513.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 513.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 12.

¹⁹ Блок А. Записные книжки. С. 447.

свое существование в дальнейшем. О причинах, по которым было запрещено создание Академии, можно только догадываться. Скорее всего, не устраивала возможность Академии вести самостоятельные научные исследования в области философии, которые носили бы заведомо не марксистский характер.

За этим решением Наркомпроса последовала долгая полоса «проталкивания» ассоциации в «инстанциях», хождения по которым выпали, главным образом, на долю В. Мейерхольда, Иванова-Разумника, А. Штейнберга и К. А. Сюннерберга; в записях Блока этот этап почти не отражается. 11 февраля Иванов-Разумник писал Эрбергу: «1. Что слышно о В.Ф.А? Телеграмма Лундберга (последняя) была от 1 февраля, и я тогда же сообщил ее Вам по телефону. Луначарский не только приехал, но, вероятно, уже и уехать собирается; неужто же воз и ныне там?»²⁰ В этом же письме Иванов-Разумник упоминает разработанный им план организации собственного издательства Вольфилы, во главе которого должен был стоять С. М. Алянский. Визит вольфильцев к Луначарскому был запланирован на 16 февраля, о чем свидетельствует запись Блока: «В Царское Село — 3 ч. 10 мин. В 7 час. вечера — у Луначарского. В Царское Село по поводу ВФА (Вольфила)»²¹. Но визиты эти не состоялись потому, что накануне 14 февраля Иванов-Разумник был арестован, а 15 февраля аресту подверглись и другие «скифы», среди которых были Блок и Штейнберг²². Блок вышел на свободу через два дня, Иванов-Разумник и Штейнберг были задержаны несколько дольше, все это на некоторое время приостановило хлопоты о создании Вольфила.

Вероятно, в Петрограде создание Ассоциации натолкнулось на какие-то препятствия, поскольку 15 апреля 1919 года Е. Г. Лундберг в письме к К. А. Сюннербергу предлагал: «В Москве возникла возможность осуществить задуманную Вами Скифскую Академию. Уже есть помещение и расходный минимум в 50 тыс. руб. в месяц. Вы, Блок, Иванов-Разумник могли бы наметить, как, когда и на каких условиях Вы могли бы бывать в Москве с отдельными или систематическими лекциями»²³. Об этом же проекте речь идет в недатированном письме Лундберга Блоку²⁴.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 145. Л. 10.

²¹ Эта запись не вошла в печатное издание "Записных книжек" (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 13 об.).

²² Воспоминания А. З. Штейнберга об аресте см. в сб.: Памяти Александра Блока. Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Пг., 1922. С 35—55.

²³ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 183. Л. 89.

²⁴ См.: там же. Ед. хр. 511. Л. 1.

Но и этому проекту не суждено было осуществиться; однако к осени того же года создание Вольфилы в Петрограде стало реальностью²⁵.

Письмо Иванова-Разумника к Сюннербергу дает представление о том, какие нелегкие хлопоты предшествовали этому: «...собираюсь быть у Вас около 12 час. дня,— писал Иванов-Разумник 16 октября,— чтобы вместе ехать к Кристи по делам Вольфилы. И еще „если“: — если я не явлюсь к Вам — поезжайте Вы. По совести — настолько не верю в роды Вольфилы, что уверен, что белые начали наступление со специальной целью — помешать сделать то, что разрешено, наконец, их врагами»²⁶. Но, вопреки опасениям, на этот раз хлопоты увенчались успехом, и Вольфила разрешена была как учреждение, подчиненное Петроградскому отделению Главнауки, во главе которого стоял тогда М. П. Кристи²⁷.

Перед открытием Вольфилы состоялось заседание Совета Ассоциации, на которое получил приглашения и Блок, но он уклонился от участия и не вошел в члены Совета. В протоколах Совета датой рождения Вольфилы названо 1 ноября 1919 года, здесь же указано, что откроется она чтением статьи Блока «Крушение гуманизма». Замена доклада объясняется тем, что статья «Катилина» к этому времени вышла отдельным изданием в «Алконосте» (Пг., 1919).

Об открытии Вольфилы пресса писала: «<...> новое философское общество отличается от обычного типа философских обществ прежде всего тем, что философию оно не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общественности, и ответственность эту мыслит не иначе, как в свете всепроникающего творческого начала беспредельной вольности <...>. В самом ее названии неразрывно соединены начала свободного и соборного стремления к истинности»²⁸. В той же заметке отмечалось своеобразии взгляда инициаторов создания Вольфилы на задачи философии в новых исторических условиях: «Философия должна

²⁵ См.: письмо за подписью М. П. Кристи от 9.IX.1919 о регистрации ВФА (ГАРФ. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 921. Л. 12).

²⁶ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 145. Л. 15.

²⁷ В примечаниях к своей переписке К. А. Сюннерберг писал о нем: «Мих. Петр. Кристи, живший в 1919 году в Петрограде,— видный член Коллегии Наркомпроса. Хоть он и симпатизировал Вольфиле, но часто повторял: „Вольфила — это один из моих грехов“» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 53. Л. 78).

²⁸ Из жизни ученых обществ и учреждений. Вольная философская ассоциация//Наука и ее работники. Пб., 1920. № 1. С. 26.

быть тенденциозна, то есть напряженно стремительна и жизненно действенна»²⁹.

Исходя из этих установок, сказано здесь же, новое объединение стремилось видеть среди своих участников «не столько знатоков и ценителей философской словесности и буквенности, сколько людей живых и глубоких интересов, все равно, теоретики ли они, или практики, ученые или художники, ученики или учителя»³⁰. Все это свидетельствует, что Вольфила обладала чертами идейного объединения, ее установки во многом повторяли расплывчатый максимализм «скифских» деклараций.

Устав Вольфилы, составленный на первом этапе ее существования, представлял собой дальнейшее развитие «Объяснительной записки». Первый параграф Устава гласил: «ВФА учреждается с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества, а также с целью развития и укрепления как среди своих сочленов, так и за пределами Ассоциации, социалистического и философского углубленного отношения к этим вопросам»³¹. Содержание Устава свидетельствует о том, что направление ее деятельности отличалось от планировавшейся Академии лишь тем, что новое объединение не являлось образовательным заведением³². Работа Вольфилы подразделялась на научно-теоретическую и просветительскую, и та и другая предполагали проведение лекций, собеседований и диспутов, организацию публичных чтений, докладов и их обсуждение.

Идейный центр Вольфилы составляли члены-учредители, каковыми были названы участники заседания 25 января 1919 года: А. А. Блок, Андрей Белый, Иванов-Разумник, Б. А. Кушнер³³, В. Э. Мейерхольд, К. С. Петров-Водкин, К. А. Сюннерберг, А. З. Штейнберг. Членами-учредителями названы также Е. Г. Лундберг, Арс.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 12. Л. 1.; то же: ЦГАОР. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 4 об.—5 об. и Ед. хр. 192. Л. 16—17 об. Здесь же переработанный в феврале 1923 года текст устава, Л. 44—45 об.

³² Устав Вольфилы буквально списан с проекта Устава Академии, текст которого см.: ГАРФ. Ф. 2551. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 11. Проект датирован 30 января 1919 года.

³³ Кушнер Борис Анисимович (1888—1937) — поэт и очеркист, активно сотрудничал в газете футуристов «Искусство коммуны» в 1918—1919 годах. Вскоре после учредительного собрания 25 января 1919 года уехал из Петрограда и в работе Вольфилы участия не принимал.

Авраамов и Лев Шестов, не принимавшие никакого реального участия в работе Ассоциации ввиду их отсутствия в Петрограде.

Круг слушателей Вольфилы известен далеко не полностью. В информационной заметке в журнале «Книга и революция» сказано, что число ее членов равняется 350 человекам, а на заседания собирается до 1000 посетителей³⁴. Разумеется, среди последних были и люди случайные. Но цифра 350 представляется реальной, она подтверждается частью сохранившихся анкет членов-соревнователей за 1919—1920 годы. Анкеты сохранились только на несколько первых букв алфавита, эта случайная выборка тем более репрезентативна. Она показывает, что большинство вольфильцев составляла молодежь. 144 сохранившиеся анкеты содержат следующие сведения о возрастном составе вольфильцев: до 20 лет — 42 человека, причем самому молодому вступающему 15 лет; до 30 лет — 58 человек, до 40 лет — 21 человек, старше 40 — 15 человек, в остальных анкетах этот пункт не заполнен. Интерес представляет и ответ на вопрос о круге интересов вступающего (пункт № 8 анкеты). 34 анкетируемых записали в соответствующей графе «философия», 29 — «религия», 28 — «литература», 10 — «антропософия», 7 — «искусство», 6 — «культура», 4 — «эстетика», 3 — «история», «анархизм», «марксизм», 2 — «философия» и «математика». На этот вопрос были и нетривиальные ответы, не поддающиеся рубрикации. Например, матрос В. П. Клокачев 18-ти лет ответил, что его интересуют «взаимоотношение общества и истинной религии и проблема истинной религии», моряк 23-х лет В. П. Корсаков писал, что его интересует «литература XX века», учащийся 16-ти лет В. И. Потулов отметил в этой графе «вопросы строительства новой жизни — новой культуры», а студент 18-ти лет С. Г. Рысс — «отношение Высшего разума к моему разуму, его влияние на мои идеи, его в них отображение». Служащий А. Г. Злачевский ответил на этот вопрос так: «разрешение проблемы как жить, как должно жить, культура мысли, путь к самопознанию», а милиционер М. И. Корцов 39 лет лаконично написал, что интересует его вопрос: «есть ли Бог?». Были и другие столь же краткие ответы, например, 25-летняя студентка И. В. Тревер писала: «Все лекции Андрея Белого»³⁵.

Сохранился ряд недатированных списков членов Вольфилы. Он свидетельствует о том, что вольфильцы разделялись на несколько ступеней. Список, сохранившийся в фонде К. Эрберга,

³⁴ См.: Книга и революция. 1920. № 2. С. 91—92.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 15.

содержит имена 18-ти действительных членов: А. Белого, А. А. Блока, А. В. Васильева, А. Л. Вольнского, П. П. Гайдебурова, Вл. Вас. Гиппиуса, Б. А. Кушнера, Р. В. Иванова, Н. О. Лосского, Е. Г. Лундберга, А. С. Лурье, М. В. Матюшина, А. А. Мейера, В. Э. Мейерхольда, Н. Н. Пунина, К. С. Петрова-Водкина, К. А. Сюннерберга, А. З. Штейнберга, Л. Шестова, среди которых уже 11 были названы и членами-учредителями (Белый, Блок, Кушнер, Иванов, Лундберг, Мейерхольд, Пунин, Петров-Водкин, Сюннерберг, Штейнберг, Шестов). Следующий список содержит имена 79-ти членов-соревнователей, среди которых наиболее известны А. А. Гизетти, М. М. Зощенко, И. А. Груздев, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Н. А. Шкловская, А. Г. Ларош, Э. Л. Радлов, Е. Г. Полонская, А. Л. Векслер, Л. Н. Лунц³⁶. Обращает внимание, что членами Вольфилы были почти все будущие «Серапионовы братья». Это заставляет согласиться с возражениями Н. И. Гаген-Торн в адрес В. А. Каверина, утверждавшего в воспоминаниях, что серапионы чуждались Вольфилы³⁷.

Говоря об общей направленности работы Вольфилы, принято считать, что основной тон здесь задавали символисты. «Вольфилу создавали А. Белый и А. Блок, — вспоминала Н. И. Гаген-Торн, — в ней было многое от символистов»³⁸. Едва ли можно с этим согласиться: участие Блока в Вольфиле было недолгим, к моменту открытия он успел охладеть к идеям «скифства» и потому сторонился вольфильских собраний. Андрей Белый участвовал в работе Ассоциации интенсивно, но недолго: начав бурную деятельность в 1920 году, он в октябре 1921 года надолго уехал в Берлин, откуда вернулся только в конце 1923 года, жил в Москве и участия в Вольфиле не возобновил³⁹. Настоящим лидером Вольфилы был, несомненно, критик Иванов-Разумник, на что справедливо указывал К. А. Сюннерберг: «Председателем состоял Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), который тогда в Петрограде не жил. Основным же деятельным бродильным началом Вольфилы был Р. В. Иванов»⁴⁰. Не менее активное участие принимали в органи-

³⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 567.

³⁷ Цитаты из воспоминаний В. А. Каверина и возражения на них Н. И. Гаген-Торн см. в ее воспоминаниях: Вольфила: Вольная философская ассоциация в Ленинграде в 1920—1922 гг. // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 99.

³⁸ Там же.

³⁹ Подробнее об участии Белого в работе Вольфилы см.: А. В. Лавров. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома. 1978. Л., 1980. С. 40—46.

⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 53. Л. 35.

зационной работе сам К. А. Сюннерберг, А. З. Штейнберг, позднее Д. М. Пинес; имя последнего появляется в материалах Вольфилы в июле 1921 года, в сентябре того же года он назван библиотекарем Вольфилы.

Из ответов на вопрос о круге интересов следовало, что среди поступавших было немало людей, проявлявших интерес к антропософии, с приходом же Андрея Белого на пост председателя антропософское крыло Вольфилы укрепляется. Вскоре здесь появляются также М. В. Сабашникова, О. Д. Форш и создаются особые эзотерические кружки со своей иерархией посвящений, складывается особый замкнутый круг людей, деятельность которых не отражается в архиве, судить о ее характере можно только по биографической канве Андрея Белого «Ракурс к дневнику» и по его воспоминаниям⁴¹, а также по воспоминаниям М. В. Сабашниковой.

Другими источниками для изучения антропософской деятельности в недрах Вольфилы мы не располагаем: даже воспоминания входившей в антропософскую группу Андрея Белого Н. И. Гаген-Торн писались в тот момент, когда говорить об этом было невыносимо. Поэтому перечислим лишь известные факты. Курс лекций «Антропософия как путь самопознания» Белый начал читать в мае 1920 года и отметил в этой связи: «В этом месяце особенно сближаюсь с рядом курсантов Вольфилы, потому что посещаю почти все курсы ВФА и всюду участвую в прениях. Знакомство с Фехнер, Меринг, Мейникес, Данилевским, Виссель, Векслер, Кояловичем и рядом других курсантов». Лекции Белого по антропософии продолжают и в июле, на который приходится пик его вольфильской активности. «Я увлекаюсь, — пишет он, — задачами своего курса, читаю лекции часа по 4; она переходит в семинарий и обратно; семинарий в лекцию; получаю много писем; очерчивается кружок, специально заинтересованный антропософией; из него потом Михайлов, Соня Каплун, Фехнер, Меринг, Соня Мейникес оказываются в специальной антропософской группе, но курс перестает быть курсом: ряд частных разговоров, уже вызывающих к проблеме „пути“. Второй интерес месяца — связать отдельные курсы в целое; я стараюсь понять целое ВФА»⁴². Таким образом, вокруг Белого очень быстро создается специальная антропософская группа, перечисленные Белым ее члены являлись одновременно и наиболее активными вольфильцами.

⁴¹ См.: Белый А. Ракурс к дневнику//Ф. 53. Ед. хр. 100. Л. 104.

⁴² Там же. Л. 104, 105. Перечисленные Белым слушатели часто упоминаются в стенограммах заседаний Вольфилы, но биографическими сведениями о них мы не располагаем.

Особая группа слушателей объединилась и вокруг М. В. Сабашниковой, кружок которой назывался «Антропософия», но имена его членов до нас не дошли⁴³.

Неразгаданной остается роль в Вольфиле конфиденциальных собраний Совета, о которых упоминает Белый в «Ракурсе к дневнику»: «Интимные (понеделничные) беседы членов Совета ВФА»⁴⁴. Белый упоминал также об особой роли этих собраний: «Органом связи служат наши понеделничные собрания, где члены Совета уже интимно дебатировали об идейных устремлениях друг друга, стараясь вынашивать самые темы будущих бесед»⁴⁵. С отъездом Белого в июле 1921 года в Москву хлопотать о разрешении на выезд за границу, эти упоминания обрываются, и никаких других сведений об этой закрытой стороне деятельности Вольфилы нет. В конце 1921 года уезжает из Петрограда, а затем и из России М. В. Сабашникова; дальнейшая судьба основанных ими антропософских кружков в Вольфиле неизвестна.

В июле-августе 1921 года вольфильцы планировали совершить ряд поездок по маршруту Москва — Юрьев-Польский — Владимир — Ростов — Ярославль — Кострома — Новгород — Псков. В ходе этих поездок А. Белый, К. С. Петров-Водкин и Иванов-Разумник должны были выступать с лекциями, пропагандирующими деятельность Вольфилы. Расписание планировавшихся поездок сохранилось в архиве Иванова-Разумника, сведений же об осуществлении этих планов нет⁴⁶.

С целью расширения своего влияния Вольфила в 1921 году пыталась открыть ряд филиалов. 1 сентября в Москву для создания филиала был командирован А. З. Штейнберг, который возглавлял инициативную группу по проведению Первого философ-

43 Сабашникова Маргарита Васильевна (1882—1973) — художница и поэтесса, первая жена М. Волошина, была одной из первых русских учениц Р. Штейнера. В Петрограде М. Сабашникова прожила весь 1921 год, в течение которого деятельно сотрудничала в Вольфиле. В 1922 году вернулась в Москву, откуда уехала навсегда за границу. О вечере в Вольфиле, где она выступала с докладом о Гете см.: *Woloschina M. Die grüne Schlange. Stuttgart, 1987. S. 335—336.* О ней см. также: *Woloschina M. Leben und Werke. Stuttgart, 1982;* о связях Вольфилы с антропософией см.: *фон Майгель Рената. О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России//Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Блоковский сборник. XI. Тарту, 1991. С. 67—81.*

44 Белый Андрей. Ракурс к дневнику. Л. 104.

45 Там же.

46 См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп.1. Ед. хр. 156.

ского съезда⁴⁷. 30 октября с отчетом о работе московского отделения приезжал А. А. Шрейдер⁴⁸ (позднее его имя будет фигурировать в списке учредителей берлинского отделения Ассоциации). В записях Белого находим упоминание о том, что для организации московского отделения в сентябре 1921 года в Москву приезжали Р. В. Иванов и А. З. Штейнберг. В этом же месяце Белый упоминает организационное заседание московского отделения Вольфила, на котором присутствовали М. П. Столяров, Н. А. Бердяев, Я. И. Новомирский, В. О. Нилендер, С. М. Соловьев, А. З. Штейнберг, Я. Голосовкер, А. С. Петровский. Председателем московского отделения был также избран А. Белый, а М. П. Столяров стал его помощником⁴⁹. Московское отделение Вольфила имело более выраженную антропософскую направленность. Среди участников организационного заседания А. Белый, М. П. Столяров, В. О. Нилендер, Я. И. Новомирский и А. С. Петровский были активными членами Антропософского общества. В записях Белого упомянуто еще несколько организационных мероприятий, после чего следует запись: «Председательствую на открытии Московской Вольфила. Читаю доклад о „Преступлении и наказании“»⁵⁰. 20 октября 1921 года Белый уезжает за границу, и наши сведения о московском отделении Ассоциации обрываются, что, однако, не означает прекращения его работы. В опубликованном недавно интервью с В. П. Эфроимсоном упомянуто о собрании немногих прежних участников Вольфила, относящемся к 1929 году: «Три-четыре старых человека вздумали рассказывать юношам о существовании идеалистической философии. Я помню один доклад, в котором доказывалось, что пространство и время — явления имманентные и представляют „вещь в себе“ <...>. Через три года я был арестован именно за посещение этого кружка»⁵¹.

В декабре 1921 года предполагалось открытие берлинского отделения Вольфила. Еще 30 сентября этого года было выписано

⁴⁷ См.: Командировочное удостоверение: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 91.

⁴⁸ См.: Там же. Л. 97.

⁴⁹ См.: Белый А. Ракурс к дневнику. Л. 110—110 об.

⁵⁰ Там же. Информацию об открытии московского отделения см. также в заметке А. Белого: Вольная философская ассоциация//Новая русская книга. Берлин, 1922. № 1. С. 32—33. См. также: Жизнь. 1922. № 1. С. 174—175.

⁵¹ Огонек. 1989. № 11. С. 12.

командировочное удостоверение А. З. Штейнбергу на три месяца в Берлин; цель командировки была обозначена так: «1) организация русско-германского отделения Ассоциации в Берлине; 2) приглашение в петроградское и московское отделение ряда заграничных деятелей науки и искусства для участия в работах Ассоциации в России; 3) установление постоянной связи с ВФА и родственными учреждениями за границей; 4) ознакомление с научно-философской литературой последнего семилетия»⁵². Сведения о том, состоялась ли эта командировка, отсутствуют. В сообщениях об открытии берлинского отделения Вольфилы имя А. З. Штейнберга не упоминается.

Из информационной заметки в журнале «Мысль» известно, что организационное заседание берлинского отделения состоялось 5 декабря 1921 года. Цель создания этого отделения обозначена как «исследование и разработка философии культурного творчества вне всякой партийности и политических устремлений»⁵³. Членами совета были избраны: Андрей Белый (председатель), проф. Ф. А. Браун (товарищ председателя), Р. Р. Вальтер, З. А. Венгерова, д-р В. Залле, проф. Д. Койген, Е. Г. Лундберг (товарищ председателя), Н. М. Минский (товарищ председателя), А. М. Ремизов, С. П. Ремизова-Довгелло, Лев Шестов (почетный председатель), А. А. Шрейдер (секретарь), И. Г. Эренбург и проф. Яценко. Действительными членами Вольфилы были избраны: Р. Абрамович, Р. Бланк, Н. Н. Белоцветов, Вл. В. Вальтер, И. В. Гессен, М. М. Гурович, проф. А. Лютер, Е. Д. Зайцева, С. Каплун, Ю. О. Мартов, С. Поляков (Литовцев), М. Р. Сегалова, П. Сувчинский, В. Б. Станкевич, А. Н. Толстой, проф. Н. М. Федоровский и Г. В. Фромм⁵⁴.

На 12 декабря была назначена первая публичная беседа о Вольфиле и ее задачах, а 19 декабря планировалась публичная лекция Н. М. Минского «От Данте к Блоку», на 29 декабря — лекция А. Белого «Ветхий и Новый завет». Однако в декабре разразился скандал между Л. Шестовым и Е. Г. Лундбергом. Последний был в течение многих лет учеником и близким Шестову человеком. В 1921 году он издал книгу Шестова «Что такое большевизм», но по неизвестным причинам вскоре после ее выхода уничтожил тираж. В Берлине распространились слухи о том, что Лундберг — агент ГПУ, присланный присматривать за эмиграцией. В результате Л. Шестов отказался участвовать в од-

⁵² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 98.

⁵³ Мысль. Пб., 1922. № 1. С. 186.

⁵⁴ См.: там же.

ном объединении с Лундбергом и заявил о сложении с себя звания почетного Председателя⁵⁵. За ним последовали отказы ряда других литераторов и ученых сотрудничать в Ассоциации вместе с Лундбергом. В результате, едва начав свою работу, берлинское отделение Вольфилы распалось⁵⁶.

Настоящая работа посвящена деятельности Петроградского отделения Вольфилы. Основной формой его работы были публичные заседания с чтением докладов и их последующим обсуждением, хроника которых публикуется ниже. Но помимо этих заседаний с афишами, собиравших большое число слушателей, при Вольфиле работал ряд кружков. Приведем их названия по частично сохранившимся расписаниям работы кружков: А. З. Штейнберг — «Основные вопросы метафизики» и «История эстетических учений», А. В. Васильев «Философия математики», Э. З. Гурлянд-Эльяшева «Введение в философию», Иванов-Разумник «Критическая история литературы XX века» и «Философия культуры», А. А. Мейер «Философия религии», А. А. Чебышев-Дмитриев «Введение в философию математики», О. Д. Форш и А. Л. Векслер «Творчество слова», А. Л. Векслер «Введение в теорию литературы», М. В. Сабашникова «Антропософия», Н. Е. Фельтен «Изучение Толстого», А. А. Гизетти «Философия индивидуализма» и «Философия народничества», И. А. Боричевский «Философия материализма» и «Философия коммунизма», Н. М. Коялович «Логические учения», «Психология» и «Пограничные вопросы теории познания», Л. В. Пумпянский «Опыт системы нравственной философии», К. С. Петров-Водкин «Изобразительное творчество», С. А. Оранский «Философия марксизма», Стоянов «Философия анархизма»⁵⁷ и др. Занятия кружков проходили в будние дни недели.

Кроме того, с ноября 1921 года начал свою работу кружок по изучению творчества А. Блока, с октября того же года — кружок по изучению творчества В. В. Розанова⁵⁸, после отъезда

⁵⁵ Заявление Л. Шестова см.: Руль. 1922. № 370. 3 февраля (21 января).

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921—1923. Париж, 1988. С. 29—31.

⁵⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 8, 12, 14.

⁵⁸ Этот Вольфильский кружок был создан по инициативе Э. Ф. Голлербаха. Но до этого существовал другой кружок по изучению творчества В. В. Розанова, также созданный им (см.: Новая русская книга. Берлин, 1922. № 3. С. 30). Материалы обоих кружков сохранились в собрании М. С. Лесмана (см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 290—292).

А. Белого в Москву начал работать кружок по изучению его творчества. При Вольфиле существовал Шахматный клуб, во главе которого стоял математик А. А. Чебышев-Дмитриев⁵⁹.

Примерно с 1921 года Вольфила была разбита на отделы, которые как бы упорядочивали деятельность кружков. Приводим афишу, где эти отделы перечислены:

«I. **Отдел философии искусства.** а) теоретический, б) практический. **Конст. Эрберг**, А. Л. Векслер, Гирицкий, Н. М. Меринг, Д. М. Пинес, [Л. В. Пумпянский], О. Д. Форш, Р. В. Иванов, Лев Бруни, Бакрылов, Петров-Водкин. Собрания по вторникам от 5 до 7, вечера по вторникам от 7 до 11.

II. **Отдел истории философии.** А. А. Мейер, Смотрицкий, Засыпкин, Мейер, И. А. Барышева, Сидорова, Гирицкий. Собрания по средам от 5 до 7, вечера по средам через неделю от 7 до 11.

III. **Отдел духовной культуры.** Андрей Бельй, М. В. Сабашникова, А. Л. Векслер, Н. М. <лист оборван>, Фехнер, Д. М. Пинес, Г. Я. Змеев. [Гаген-Торн] Собрания по средам через неделю от 5 до 7, вечера по средам, через неделю от 7 до 11.

IV. **Отдел чистой философии.** А. З. Штейнберг, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, А. Л. Векслер, А. А. Бобрик, Каплан, Н. М. Коялович, Ф. Я. Чудно-вская <лист оборван>. Собрания по четвергам через неделю от 5 до 7, вечера по четвергам через неделю от 7 до 11.

V. **Отдел философии культуры.** Р. В. Иванов, [А. Л. Векслер], С. С. Вивьен, [Н. М. Меринг], Д. М. Пинес, А. В. Уханова, Шимкевич, А. А. Бобрик, А. А. Чебышев-Дмитриев. Собрания по четвергам через неделю от 5 до 7, вечера по четвергам через неделю от 7 до 11.

VI. **Отдел литературы.** а) теоретический б) практический. **Иванов-Разумник**, О. Д. Форш, А. Л. Векслер, Г. Я. Змеев, Н. М. Меринг, Д. М. Пинес, Фехнер, А. Г. Хлебников, Конст. Эрберг, А. А. Чебышев-Дмитриев, Гаген-Торн. Собрания по пятницам, от 5 до 7, вечера по пятницам от 7 до 11.

VII. **Отдел философии общественных наук.** Р. В. Иванов, И. А. Боричевский, [А. Л. Векслер], А. А. Гизетти, В. Л. Кибальчич, Новомирский, [Н. М. Меринг], Д. М. Пинес. Собрания по субботам, через неделю <...>.

VIII. **Отдел философии точных наук.** А. А. Чебышев-Дмитриев, А. В. Васильев, Н. М. Коялович, П. М. Осокин, А. А. Бобрик. Собрания по субботам, через неделю <...>.

⁵⁹

Биографические сведения о А. А. Чебышеве-Дмитриеве отсутствуют. Это был деятельный член Вольфила, часто выступавший на публичных заседаниях, математик по образованию.

По понедельникам, каждую неделю от 6 ч. веч. — общее собрание всех отделов (перечисленных выше лиц, и лиц, особо приглашаемых), — <закрытое> заседание для обсуждения всей деятельности Вольфила.

По воскресеньям от 2 1/2 дня — открытые заседания Вольфила»⁶⁰.

За неполные пять лет своего существования Вольфила несколько раз меняла адреса своих публичных заседаний. Как следует из протокола первого организационного заседания Совета, открытие Вольфила состоялось в квартире издательства «Колос», по адресу: проспект Володарского (так назывался в 1918—1944 годах Литейный просп.), 21, кв. 14. С февраля 1920 года публичные заседания проходили в помещении Дома Искусств (Мойка, 59), с мая ассоциация получает свое помещение по адресу: Чернышева площадь, д.2. В октябре 1920 года Наркомпрос присылает бумагу с просьбой освободить это помещение⁶¹, и с 24 октября заседания Вольфила переносятся в зал Географического общества (Демидов пер., 8-а). Это последний из известных адресов публичных собраний Ассоциации.

Ассоциация неоднократно пыталась наладить собственную издательскую деятельность. Членами ее издательской комиссии названы Андрей Белый, В. Бакрылов, Иванов-Разумник, Дм. Пинес и К. Эрберг⁶². Издательские планы известны далеко не полностью, в сохранившемся фрагменте содержатся планы нескольких сборников:

«Сборник III. О пролетарской культуре. Стенографическая запись заседания ВФА 21 марта 1920. Речи А. Белого, П. Гайдебурова, Иванова-Разумника, А. Лурье, А. Мейера, Петрова-Водкина, Н. Пунина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга.

Сборник IV. Кризис христианства. Иванов-Разумник. Три искушения. А. А. Мейер. Гуманизм и христианство.

Сборник V. Философия религии. Н. О. Лосский. Бог в системе органического понимания. К. Эрберг. Религия и мистика»⁶³.

Предполагалось также наладить регулярный выпуск журнала «Записки ВФА», издать книги А. Белого «Глоссолалия», а также

⁶⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 1, 1 об. С незначительными расхождениями тот же перечень: Оп.3. Ед. хр. 44. В квадратные скобки заключена вычеркнутая часть текста.

⁶¹ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 170.

⁶² См.: Там же. Л. 175.

⁶³ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 68.

стенограммы заседания о Пушкине, на котором выступали Иванов-Разумник, А. Лурье, А. Мейер, Л. Пумпянский, Н. Пунин, Ю. Тынянов, В. Шкловский, А. Штейнберг, Б. Эйхенбаум⁶⁴. Ни одно из этих изданий не осуществилось.

Весной 1922 года в издательстве «Эпоха» шли переговоры об издании журнала под тем же названием, частично состоящего из материалов вольфилцев. План первого номера сохранился:

«Вступительная статья

Влад. Гиппиус.	Лик человеческий. Поэма, Песни I—IV.
Е. Данько.	Простые муки.
Александр Блок.	Письма к Андрею Белому (1903—1905).
Андрей Белый.	Вячеслав Иванов.
[Конст. Эрберг]	По нагорьям искусства. По нагорьям мысли.
Андрей Белый.	О смысле познания.
М. Гершензон.	Труд.
А. Штейнберг.	Достоевский гл. I—II. Хроника искусств и философии. Библиография» ⁶⁵ .

В письме Иванова-Разумника к К. Эрбергу от 16 января 1922 года есть упоминание о том, что он редактирует стихи Е. Данько и рукописи А. Белого для первого номера⁶⁶, в письме от 3 марта того же года сообщается о приостановке этой работы ввиду болезни⁶⁷. Сохранился также перечень авторов и произведений, которые предполагалось опубликовать в последующих номерах: «Стихи: Н. Клюев, А. Ахматова, Е. Данько, В. Брюсов, Н. Тихонов, Н. Павлович, В. Ходасевич, Вл. Пяст, Казин, Александрович, Герасимов, К. Эрберг, Маяковский, В. Хлебников, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, М. Кузмин, Влад. Гиппиус (трилогия).

Проза: А. Белый, А. Чапыгин («На лебяжьих озерах»), Никандров, Сергеев-Ценский, О. Форш, М. Пришвин, Вяч. Иванов, Б. Пильняк, А. Ремизов, Е. Замятин.

Статьи: А. Авраамов, М. Гершензон, С. Мстиславский («Шесть дней»), Серг. Соловьев, Игорь Глебов, Нилендер, Л. Шестов, Е. Лундберг, Петров-Водкин («Наука видеть»), Л. Бруни, Степун,

⁶⁴ Там же. См. издание «Глоссолалия» (Берлин; Эпоха, 1922).

⁶⁵ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 147.

⁶⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 474. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 31.

⁶⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 39.

Шпет, Горнфельд, М. Шагинян, Шах-Эддин («Андрей Белый»), К. Эрберг, Иванов-Разумник (Итоги), А. Белый, В. Розанов (письма), А. Блок (письма и статьи), Л. Пумпянский (размышления о «Ревизоре»), Н. Пунин, Артур Лурье, Е. Полетаев, Пиотровский, Ф. Зелинский, А. Штейнберг, Б. Кушнер, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, А. Гизетти, В. Жирмунский, А. Вольнский, <Р.>Иванов, Сабанеев, Лернер, Денисов, Каратыгин, А. Смирнов.

Редакция: А. Белый, Ив.-Р., К. Эрберг, секр. Д. Пинес»⁶⁸.

При разнообразии планов, издать удалось только стенограмму заседания памяти А. А. Блока⁶⁹.

Но все-таки главной формой работы Вольфилы были публичные заседания, хроника которых публикуется ниже. На них обсуждались животрепещущие вопросы духовной жизни, затрагивались насущные философские и научные проблемы. Специальные заседания посвящались юбилеям крупнейших писателей, ученых, публицистов, общественных и политических деятелей. Дважды юбилеи отмечались серией заседаний (Достоевский и Данте). Ежегодно Вольфила посвящала несколько заседаний памяти А. А. Блока, тем самым стремясь подчеркнуть свою особую связь с ним.

Остается неясным вопрос, когда именно прекратилась деятельность Вольфилы. Уже высылка философов 1922 года развилась на ее работе, поскольку среди них оказались постоянные участники заседаний Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин и др. В конце 1922 года навсегда уехал за границу деятельный член Вольфилы А. З. Штейнберг, в октябре 1921 года, как уже говорилось, уехал А. Белый. И хотя он вернулся в 1923 году, вновь включиться в работу Вольфилы он уже не сумел. Однако, судя по отчетам, и в 1923 и в 1924 году ассоциация продолжала существовать. Но 1924 год — последний по тем данным, которыми мы располагаем. Открытая деятельность Вольфилы прекратилась на основании распоряжения от 7 мая 1924 года за подписью М. Кристи, где было сказано, что ленинградское отделение Главнауки не находит возможным зарегистрировать ВФА в качестве научного общества, состоящего в ведении Главнауки⁷⁰. После этого отказа в регистрации, 4 сентября, Ассоциация была закрыта представителем Исполкома, а имущество было передано Союзу писателей⁷¹. Это не исключает возможности того, что

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Памяти Александра Блока. Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Пб., 1922.

⁷⁰ См.: ГАРФ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 921. Л. 55.

⁷¹ См.: Там же. Л. 55 об.

продолжались собрания вольфильцев частного характера, но говорить о них можно лишь предположительно.

Все имеющиеся на сегодня сведения по истории петроградской Вольфилы мы публикуем в виде хроники, в основу которой положены (в сокращении) афиши, повестки и объявления о заседаниях. В хронику включены также сохранившиеся отчеты о работе ассоциации, дополняющие скудную информацию объявлений и повесток. В разные годы форма и тип повесток менялись; в настоящей публикации им придано по возможности единообразие.

Информация об архивных источниках дается в тексте, о печатных, как правило, в примечаниях (за исключением тех случаев, когда архивные данные отсутствуют).

В общий хронологический ряд включены отдельные сообщения об устраиваемых Вольфилой авторских вечерах А. А. Блока, А. М. Ремизова и других писателей, а также циклы вечеров, посвященных памяти А. А. Блока, Ф. М. Достоевского, Данте. Эти заседания не имели порядковых номеров. Информация об этих циклах чаще всего заключается в одном архивном деле и дается только один раз в начале или конце цикла.

Сведения о лицах, упомянутых в тексте, даются в примечаниях выборочно.

В тех случаях, когда необходимо обозначить общую тему заседания, она дается в ломаных скобках в тексте.

В приложении публикуются два протокола заседаний Вольфилы. Первое состоялось 2 мая 1920 года и было посвящено Интернационалу. В стенограмме сохранился только доклад А. Белого. Второе заседание было посвящено памяти Платона. Оно состоялось 7 ноября 1920 года.

Автор приносит благодарность Н. Г. Лесман за предоставленную возможность пользоваться материалами из собрания М. С. Лесмана, куда вошла часть архива К. А. Сюннерберга, и В. М. Звереву за ряд библиографических сведений по истории Вольфилы.

**Протокол 1-го заседания Вольной
Философской Академии от 25 января 1919**

Присут. А. Блок, А. Белый, Р. Иванов-Разумник, Б. Кушнер,
В. Мейерхольд, К. Петров-Водкин, А. Штейнберг, К. Эрберг.
Пред. А. Белый. Секретарь А. Штейнберг.

Иванов-Разумник указывает, что ввиду последовавшего утверждения положения о Вольной Философской Академии, как это явствует из телеграммы Мейерхольда и Бакрылова из Москвы от января 1919 года, а также ввиду того, что, как сообщается в той же телеграмме, Народный Комиссар Луначарский содействует проведению сметы Академии,— пора приступить к практическому осуществлению задуманного плана и сегодня же решить: какие из этих практических мер признать особенно неотложными. Предварительно следует, однако, ознакомить совета с историей зарождения Академии и с теми работами, с которых может начаться ее деятельность. Мысль объединить научные и художественные силы на почве общего устремления к духовному максимализму возникла еще до февральской революции. События помешали тогда осуществлению этого плана, мысль эта, однако, не покидала инициаторов и они то и дело возвращались к ней. Наконец, этой осенью она приняла более конкретные формы и ею заинтересовалась Научно-Теоретическая группа Педагогической секции ТЕО Наркомпроса, при рассмотрении которой был предложен проект Положения о ВФА, выработанный Штейнбергом и Эрбергом и объяснительная записка к нему, подписанная, кроме названных лиц, еще Блоком и докладчиком. Записка эта была напечатана в 1-м выпуске «Временника». Одновременно с этими первыми работами организационного характера шли работы по подысканию нужных Академии сил и по более подробному развитию намеченной в общих чертах программы ее. При подыскании родственных духу задуманной Академии сил пришлось руководиться более или менее определенными литературными и идеологическими направлениями. Одним из таких центров оказался кружок, объединившийся вокруг сборников «Скифы». Так сформировался намеченный состав учредителей ВФА, в который входят еще А. Авраамов, Е. Лундберг, Л. Шестов, хотя и отсутствующие, но, вне всякого сомнения, столь же преданные делу Академии, как и все здесь нахо-

дящиеся. При этом подборе лиц их политические взгляды не играли никакой роли, что явствует из самого их перечисления. Признаки, по которым подбирались имена, совсем иного порядка. Здесь представители философии — Шестов и Штейнберг; теории искусств Иванов-Разумник и Эрберг, критики Лундберг, поэзии Блок и Белый, музыки Авраамов, живописи Петров-Водкин, театра Мейерхольд. Курсы предполагаемых чтений намечены отчасти независимо от лиц, которые могли бы их в ближайшее время реализовать, отчасти в соответствии с имеющимися налицо силами. В ближайшее же время могут быть осуществлены чтения следующих курсов: Основные проблемы философии — Штейнберг, История культуры — А. Белый, Религия и социализм — Луначарский и Мейер, Философия творчества — Эрберг, Психология труда — Толчинский, Искусство и революция — Авраамов и Блок, Критическая история современной литературы — Иванов-Разумник, Основы звукозаписи — Лурье, Основы театра — Мейерхольд, Классификация художественных идеологий — Эрберг, История религии — Лундберг, История эстетических учений — Римский-Корсаков, Штейнберг, Эрберг, Введение в понимание русской литературы — Гиппиус, Социализация искусства — Кушнер. Кроме того, предполагаются еще курсы Учителя учителей Брюсова, Из истории Рима и мира (V век) — Брюсов; Глоссолалия — Белый; Пневматология — Перцов; Микель Анджело и Рафаэль — Белый; Врубель — А. Иванов; Вагнер — Блок, Пушкин — Гиппиус. Предполагается организация кружка по ритмике Белым совместно с Бобровым. Намечены курсы о живописи будущего — Пунина, лекции Сабашниковой, Брюсовой и др. В качестве вступительного чтения на открытии ВФА намечается доклад Блока «Катилина — эпизод мировой революции». Помимо курсов предполагаются и отдельные доклады и литературные собрания с участием поэтов, например, Клюева, Есенина, Маяковского, Блока, Белого, летучие выставки с участием Петрова-Водкина, Альтмана, Татлина, Малевича; музыкальные собрания с участием Лурье, Прокофьева и др. Затем намечаются диспуты, объявления конкурсов, ряд изданий и проч. Имеется ввиду также привлечение к работе Академии — Лосского, Шпета, Шершеневича и др. Наконец, президиум Совета Академии наметился на предварительных организационных собраниях в составе: председателя Белого, товарища председателя Иванова-Разумника и ученого секретаря — Штейнберга. Ввиду, однако, значительности объема работ, возлагаемых на президиум, докладчик считает нужным избрать еще одного товарища председателя и предлагает Совету просить Эрберга принять на себя это звание.

Пост.: Доклад Иванова-Разумника принимается к сведению. Эрберг избирается вторым товарищем председателя Совета.

Эрберг дополняет заслушанный доклад объяснением смысла самого названия Академии, как вольной и философской, ссылаясь на опубликованную объяснительную записку и подчеркивая, что для него лично самым существенным является элемент вольности. Что касается ближайших практических шагов, то для полной организованности Академии нужны: суверенитет, территория и население. Суверенитета она уже добилась, остается подыскать помещение и открыть запись слушателей.

Белый выражает пожелание, чтобы внутри самого совета Академии устраивались совещания, чтения, диспуты для достижения полного единства в многообразии академического творчества. В докладе упоминалось скифство, это скифство он понимает как духовную конкретность. Чтобы не впадать в пустую отвлеченность, Совет должен стать живым коллективом. Положение Академии должно, так сказать, каждодневно подвергаться пересмотру.

Штейнберг задает вопрос, следует ли понимать упомянутую духовную конкретность в гегелевском смысле, на что Белый дает утвердительный ответ, но для расшифровки считает нужным добавить, что должна быть разрешена антиномия между равенством и свободой, заключающаяся в известной триаде.

Штейнберг: Через братство?

Белый: Да.

Эрберг разъясняет, что идеология зарождающейся Академии, как это следует из всего сказанного, должна быть не облачной, а черноземной. Академии нужно не соглашательство, а терпимость. Начало революционности стоит под знаком динамики, и динамикой творческой энергии должна быть проникнута вся деятельность молодой Академии.

Кушнер против всех трех элементов, вошедших в название нового учреждения, но не считает единственно существенным то или другое название. Что же касается доложенной программы, то она нуждается в урегулировании. Он считает важным выяснить вопрос: на основании какого порядка тот или иной курс будет включаться в программу. Возможностей три: предложение лектора, заявление слушателей и приглашение Совета. Какой же из этих путей должен быть избран, и будет ли подвергаться контролю идеология и содержание курсов.

Штейнберг разъясняет, что все три возможности могли бы быть использованными, за содержание же курса будет ручаться имя лектора. Со своей стороны, он желал бы, чтобы в ту атмосферу творческой напряженности и духовной конкретности,

о которой упоминали Эрберг и Белый, были вовлечены и слушатели Академии.

Белый, всецело присоединяясь к этому пожеланию, указывает, что вся жизнь Академии во всех ее направлениях должна подвергнуться космозации; так среди текучего состава слушателей постепенно образуется ядро родных ей по духу и творчески участвующих в ее работах людей.

Иванов-Разумник, возвращаясь к поднятому Кушнером вопросу о составе лекторов, подтверждает, что вольность в пределах общего устремления Академии дает место для сотрудничества людям противоположных мировоззрений. Мы уже сейчас имеем такой пример, когда на темы о религии и социализме желаем слушать и Луначарского, и Мейера.

Кушнер опасается, как бы в таком случае разумность Совета не <была> принесена в жертву его терпимости. Чтобы избежать этого, он предлагает организовать Совет на фракционных началах, с тем, чтобы каждая фракция в отдельности компетентна была выносить решения о приглашении лекторов.

Иванов-Разумник указывает, что в таком случае, когда произойдут выборы Совета, какая-нибудь фракция вытеснит все остальные. Фактически нас объединяет то, что из пятнадцати случаев в четырнадцати мы все сойдемся на единогласном решении. А помимо этого, если бы мы попытались разбиться на фракции, то оказалось бы, что фракций столько же, сколько людей.

Кушнер считает, что группировка возможна, несмотря на индивидуальные различия, тем более, что фактически фракции в совете уже и сейчас имеются: тут с одной стороны — максималисты, с другой — большевики, с одной стороны — скифство, с другой — футуризм.

Штейнберг, и Блок, и Эрберг высказываются также против фракционности, причем последний указывает, что точка зрения Кушнера субъективно идеологическая, а не объективно философская.

Петров-Водкин указывает на то, что фракционность, правильнее секционность, будет с самого начала, только не в том смысле, как это полагает Кушнер, а в том, что ближе друг к другу будут, естественно, стоять люди, живущие глазом или ухом или словом и мыслью.

Белый: фракционность в таком деле реакционна, фракция — это всегда проекция вовне, но прав был Гете, когда говорил, что лишь солнечное око видит солнце, — в противном случае, солнце оставалось бы лишь геометрической фигурой. Но Кушнер Совету необходим, чтобы он мог быть растворен в академическом организме. Пусть сначала сложится а к а д е м и ч е с к и й о р г а н и з м.

низм, тогда может появиться за ним и веер фракций как павлиний хвост.

Кушнер удовлетворяется ролью кости в живом организме.

Петров-Водкин предлагает обсудить его предложение.

Иванов-Разумник и Эрберг отмечают, что секции, конечно, есть и будут, но искусств и мировоззрений всегда больше, чем людей.

Иванов-Разумник сообщает, что сейчас к нему поступила телефонограмма вернувшегося из Москвы В. В. Бакрылова, командированного туда по делам Академии, о том, что Коллегия Наркомпроса признала организацию В.Ф.Академии несвоевременной и предлагает инициаторам создать Вольное философское общество, которое могло бы рассчитывать на получение государственной субсидии.

Эрберг предлагает немедленно приступить к реорганизации Академии.

Кушнер предлагает учредить философские мастерские.

Штейнберг — философское содружество.

Блок — товарищество.

Эрберг — Вольную философскую ассоциацию.

Предложение Эрберга принимается.

Мейерхольд предлагает написать Народному комиссару Луначарскому письмо, с просьбой совместно обсудить создавшееся положение.

Штейнберг читает проект письма, который принимается.

Белый считает важным представить Луначарскому и протокол первого заседания Совета.

Белому, Иванову-Разумнику и Штейнбергу поручается проредактировать протокол, приготовить его к 28 января и к тому же числу поручается Штейнбергу и Эрбергу выработать проект устава Вольной философской Ассоциации. По предложению Белого намечаются следующие темы докладов, которые могли бы быть заслушанными в ближайшее время, а впоследствии могли бы быть развиты в целые циклы: Блок. Катилина. Эпизод из мировой революции; Белый. Культура мысли; Луначарский. Религия и социализм; Иванов-Разумник. Три искушения (Христианство и социализм); Штейнберг. О революционном значении и последовательности; Эрберг. Философия творчества; Кушнер. Диктатура и коллектив; Петров-Водкин. О науке видеть. (Зрение и мировоззрение).

Машинопись с правкой и подчеркиваниями неизвестного лица — музей А. А. Блока в С.-Петербурге (передана Д. Е. Максимовым); ГАРФ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 4—8.

1-е заседание, 7 ноября 1919 года

Присутствовали: Р. В. Иванов, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, Эрберг. Секретарь Вл. Бакрылов.

1. Считать ВФА существующей с 1 ноября 1919 года <...>.

3. Иметь для ВФА два помещения: зал в квартире книгоиздательства «Колос» (пр. Володарского, 21) и квартиру в доме Мурузи (пр. Володарского, 24), где помещалась студия «Всемирной литературы».

4. Установить размер членского взноса для действительных членов в 25 руб.

5. Назначить 16 ноября открытое заседание, где А. А. Блок прочтет доклад на тему «Гибель гуманизма». Выработать к назначенному заседанию программу открыт<ия> ВФА и список лиц, которым надлежит разослать приглашения. <...>

7. Предложить докладчикам и лекторам, выступающим от ВФА предварительно делать Совету сообщение о характере предполагаемых докладов и лекций. <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 1.

9 ноября. Заседание Совета ВФА

Присутствовали: Р. В. Иванов-Разумник, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Постановили: <...> 2. Докладу Блока «Крушение гуманизма» предпослать вступительное слово: 1) Р. В. Иванова-Разумника об общих задачах ВФА; 2) К. А. Эрберга о начале вольности в Ассоциации; 3) А. З. Штейнберга о сопоставлении «Философия и социализм» в п. 6 положения об Ассоциации.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 2.

12 ноября. Заседание Совета ВФА

<Посвящено обсуждению списка лиц, приглашенных на открытие ВФА>

Присутствовали: Р. В. Иванов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг, секретарь Вл. Бакрылов.

В список включено 37 человек, в том числе: Ф. Сологуб, Д. Меержковский, З. Гиппиус, Вл. Гиппиус, А. Г. Горнфельд, А. Вольнский, М. Горький.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 3.

16 ноября. 1-е заседание ВФА

Сообщения о задачах Ассоциации.

Доклад Александра Блока «Крушение гуманизма».

Прения по докладу.

На ближайшие заседания назначены доклады:

2. Иванов-Разумник. Эллин и скиф.

3. А. З. Штейнберг. Развитие и разложение.

4. Б. А. Кушнер. Культура эпохи социалистической революции.

5. Памяти декабристов.

6. Александр Блок. Романтизм.

7. К. А. Эрберг. Религия и мистика.

8. Андрей Белый. Глоссолалия.

Запись в члены-соревнователи Вольной философской ассоциации <...> пр. Володарского (б.Литейный пр.), 21, кв.14.

Повестка — собрание М. С. Лесмана; ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр.8. Л. 1.

23 ноября. 2-е заседание

1. Доклад Иванова-Разумника «Эллин и скиф».

2. Прения по докладу.

<Далее перечень всех последующих докладов, обозначенных в повестке первого заседания>.

Повестка — собрание М. С. Лесмана; ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 2.

1 декабря. 3-е заседание

Повестка дня:

1. Доклад А. З. Штейнберга «Развитие и разложение»¹.

2. Прения по докладу. <...>

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 3.

7 декабря. 4-е заседание

1. Доклад Б. А. Кушнера «Культура в эпоху социалистической революции».

2. Прения по докладу². <...>

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 4.

14 декабря. 5-е заседание

Памяти декабристов.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 5.

21 декабря. 6-е заседание

1. Чтение доклада Андрея Белого «Кризис культуры».
2. Прения по докладу <...>

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 6 и 7.

28 декабря. 7-е заседание

К. Эрберг. Религия и мистика*.

1920

4 января. 8-е открытое заседание

Повестка дня:

1. Доклад А. З. Штейнберга «Время и пространство в философии истории»³.

2. Прения по докладу <...>

До открытого заседания в час дня состоится общее собрание чл<енов>-сор<евнователей> для обсуждения текущих дел.

Доводится до сведения членов-соревнователей, что на общем собрании чл<енов>-сор<евнователей>, состоявшемся в четверг, 25.XII. 1919 г., были произведены выборы Совета чл<енов>-сор<евнователей> в составе 3-х человек: П. П. Лошкарева, Э. З. Гурлянд-Эльяшевой, А. Е. Кроль <...>

Кроме еженедельных воскресных собраний в ассоциации ведутся групповые занятия в следующие дни: по вторникам от 4 до 6 ч. Кружок А. З. Штейнберга «Основные вопросы философии»: четв. с 5 до 7. По средам от 6 до 8 кружок Конст. Эрберга «Философия творчества». По четвергам от 5 до 7 ч. кружок Иванова-Разумника «Вопросы философии культуры». По пятницам от 5 до 7 кружок А. А. Мейера «Философия религии». <...>

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 8.

11 января. 9-е заседание

1. Доклад К. С. Петрова-Водкина «О науке видеть».
2. Прения по докладу. <...>

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 9.

---

* Повестка не найдена; информационная заметка о заседании — Книга и революция. 1920. № 2. С. 92.

18 января. 10-е заседание

Памяти А. И. Герцена. По случаю пятидесятилетия со дня смерти. Речи и доклады: Александра Блока, С. А. Венгерова, А. А. Гизетти, Н. Н. Глебова-Путиловского, Иванова-Разумника, М. К. Лемке, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина, А. З. Штейнберга. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 2.

22 января. Заседание Совета ВФА

Присутствовали: Р. В. Иванов, А. Е. Кроль, К. Алек. Эрберг, А. З. Штейнберг и секретарь В. В. Бакрылов.

<Организационные вопросы>.

Предложены доклады: Я. С. Гуревича, Викт. Шкловского «Искусство и жизнь», А. Л. Вольнского, Э. Л. Радлова, В. В. Гиппиуса «О Достоевском», Ф. К. Сологуба, А. Лурье, Б. А. Кушнера, А. А. Мейера, А. Н. Римского-Корсакова, Б. М. Эйхенбаума. Одно из воскресений посвятить памяти Л. Андреева. Предлагают прочесть доклады Браудо и Каган. <...>

IV. <Выборы действительных членов и председателя ВФА>.

Вопрос может быть разрешен, когда выяснится, — приедет ли в Пб. Андрей Белый или нет. В случае <отъезда> Андрея Белого за границу <председателем ВФА намечается Александр Блок>.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 5.

25 января. 11-е заседание

1. Доклад Андрея Белого.

В случае неприезда Андрея Белого из Москвы вместо открытого заседания состоится общее собрание членов-соревнователей ВФА по организационным вопросам.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 67.

1 февраля. 12-е заседание

1. Доклад Иванова-Разумника «Три искушения» (Христианство и социализм) <...>

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 10.

8 февраля. 13 заседание

Памяти П. Л. Лаврова. По случаю двадцатилетия со дня смерти. Речи и доклады: А. В. Васильева, С. А. Венгерова, П. Витязева, А. А. Гизетти, Иванова-Разумника, Э. Л. Радлова, П. А. Сорокина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга⁴. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 3.

15 февраля. 14-е заседание

Доклад Б. Е. Райкова. Русские эволюционисты до Дарвина⁵. <...>
Открыта запись на два курса Андрея Белого: 1. Философия
духовной культуры; 2. Культура духа. <...>
Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 24.

22-е февраля. 15-е заседание

Доклад А. А. Мейера «Гуманизм или христианство?»⁶. <...>
Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 4.

29 февраля. 16-е заседание

Доклад Иванова-Разумника «Скиф в Европе»⁷. <...>
Производится запись на два курса Андрея Белого: 1. Фило-
софия духовной культуры; 2. Культура духа <...>
Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 11.

<Февраль 1920>

Отчет о деятельности Вольной Философской Ассоциации в 1919—1920 г.

Вольная Философская Ассоциация возникла в Петербурге в начале прошлого года по почину 9 членов-учредителей. Новое философское общество в силу целого ряда внешних обстоятельств смогло приступить к расширению своей деятельности за пределы тесного кружка его учредителей лишь с минувшей осени. За время с ноября 1919-го года, когда Философская Ассоциация впервые выступила перед широкой публикой, по февраль 1920-го года состоялось 16 открытых заседаний, на которых с полной ясностью обнаружались цели и стремления молодого учредения.

От обычного типа философских обществ, какие существуют за границей и существовали до недавнего времени у нас, Вольная Философская Ассоциация отличается прежде всего тем, что философию она не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общественности и общечеловеческую эту мыслит не иначе, как в свете всепроникающего творческого начала беспредельной вольности. В этом именно смысле Устав Ассоциации говорит об осуществлении ее задач в духе «философии и социализма», которые понимаются во всем многообразии их возможных углублений, и в самом ее названии неразрывно соединены начала свободного стремления к истинности.

Философия не есть специальная наука, одна из многих, хотя бы и первая среди равных — такова отрицательная сторона положительных определений Вольной Философской Ассоциации. Но это вовсе не означает провозглашения неведения стихией мудрости и не есть отождествление глубины мысли с ее легкостью. Напротив того, *ignavis ratio** должна быть изгнана из последних закоулков человеческой жизни, и в первую очередь сама философия должна быть освобождена из того плена, в котором она пребывает по меньшей мере уже целое столетие. В новой культуре, которая должна народиться после великих потрясений современности, не должно быть места ни для поверхностной жизни, ни для кабинетной философии.

Таким образом, новая ассоциация ставит себе задачи неизмеримой важности и столь же неизмеримой широты: реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии и реформирование философии путем включения в систему ее насущных проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, то есть напряженно стремительна и жизненно действенна. История философии легко откроет в таких формулировках древнейшие и освященные традиции всех философствовавших не только умом и по букве, но и всем своим сердцем и душою.

Отсюда стремление Вольной Философской Ассоциации объединить не столько знатоков и ценителей философской словесности и буквенности, сколько людей живых и широких интересов, стремящихся к единству и цельности своего и исторического, космического и запредельного бытия, все равно, теоретики они или практики, ученые или художники, ученики или учителя. Отсюда же стремление Ассоциации к наибольшей свободе от всяких обычных и высших форм проявления корпоративного уклада: Философская Ассоциация не была бы Вольной, если бы не смотрела на все внешние организационные формы, как на неизбежное зло.

Первые месяцы более широкой деятельности Ассоциации убеждают в нужности и в полной своевременности нового начинания: открытые заседания ее привлекают сотни людей самого различного духовного и материального прошлого; в обсуждении докладов принимают горячее участие и профессиональные ученые, и люди труда, не прошедшие никакой школы; выступают и резкие критики основных задач Ассоциации, тем самым содей-

* Отсутствие смысла (*lat.*).

ствующие более ясному и отчетливому определению своих задач; наконец, вокруг Ассоциации уже создалось небольшое ядро членов-соревнователей (число их достигает 70-ти), избравших и свой Совет, работающий совместно с Советом Ассоциации, во главе которого стоит Андрей Белый.

Основной темой большинства открытых заседаний, соответственно общему духу Ассоциации, является проблема переживаемого кризиса культуры. Этой именно теме был посвящен доклад Александра Блока «Крушение гуманизма» на первом же открытом заседании Ассоциации, резко противопоставивший гуманистическую цивилизацию подлинной, проникнутой духом музыки, стихийной культуре. Положения первого доклада развивались на дальнейших заседаниях с самых различных, часто далеко расходившихся точек зрения. Той же самой теме были посвящены три доклада Иванова-Разумника: «Элин и скиф», «Скиф в Европе» и «Три искушения» (о христианстве и социализме), осветившие вопрос в разрезе культурно-историческом, а также доклад А. А. Мейера «Гуманизм или христианство», указавший на религиозный выход из культурного тупика современности, и доклад К. С. Петрова-Водкина «О науке видеть», пытавшийся очертить путь целостного мировоззрения через перевоспитание зрительного ощущения и восприятия. Доклад А. З. Штейнберга «Развитие и разложение в современном искусстве» и углублявший его доклад «О времени и пространстве в философии истории» представляли попытку свести ту же проблему к ее онтологическим основам. Кроме того, в отсутствие автора была прочитана рукопись Андрея Белого «Кризис культуры», где сквозь призму внутренней судьбы преломлялись пересекающиеся лучи закатившихся и восходящих светил мировых эпох и культур, от античности и до периода войны и революции.

Вместе с тем Ассоциация пользовалась юбилейными днями и памяtnыми годовщинами, чтоб связать свою работу с сохранившим свою ценность наследием былого. Таково собрание 14-го декабря, посвященное памяти декабристов, основной темой которого являлась проблема «ненужного подвига», и два больших собрания памяти Герцена и Лаврова с участием А. В. Васильева, С. А. Венгерова, А. А. Гизетти, П. А. Сорокина, а также членов Совета Ассоциации.

Наряду с этим были заслушаны и более специальные доклады, как, например, доклад Б. Е. Райкова «Русские эволюционисты до Дарвина» и доклад К. А. Эрберга «Религия и мистика», в котором проводилось разграничение этих понятий с точки зрения их конкретного душевного содержания.

Наконец, два заседания были посвящены выяснению задач самой Ассоциации.

Помимо открытых заседаний, при Ассоциации работают отдельные, более тесные кружки, из которых до сих пор сорганизовались только два: по основным проблемам метафизики и по философии творчества. Организуются занятия по философии культуры, по философии религии и по философии математики. Из действительных членов Ассоциации в кружках этих принимают непосредственное участие: Андрей Белый, А. В. Васильев, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг.

Все доклады, а также другие работы членов Ассоциации, подготавливаются к печати и будут появляться первое время в виде неперIODических сборников, предтечами которых в известном смысле являются вышедшие в 1917 и 1918 годах сборники «Скифы».

Ассоциация приступит к изданию своего постоянного органа.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 9.

7 марта 1920 года.

Соединенное заседание Совета ВФА и Совета членов-соревнователей

Присутствовали: Андрей Белый, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Иванов-Разумник, А. Е. Кроль, П. П. Лошкарев, К. С. Петров-Водкин, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

1. Выборы действительных членов. <Изибираются>: А. В. Васильев, А. Л. Вольнский, П. П. Гайдебуров, В. В. Гиппиус, А. С. Лурье, М. В. Матюшин, А. А. Мейер, Павлов, Н. Н. Пунин, Э. Л. Радлов. <...>

3. План дальнейших работ Ассоциации. <...> На воскресенье 21 марта 19-е открытое заседание, посвященное беседе о пролетарской культуре. К участию в беседе решено привлечь: Андрея Белого, Александра Блока, П. П. Гайдебурова, Максима Горького, Иванова-Разумника, Артура Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга и всех желающих. <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр.13. Л. 7-7 об.

7 марта. 17-е заседание

Андрей Белый. Философия культуры.

Открыта запись на курс лекций Андрея Белого «Культура мысли». Лекции по вторникам, четвергам и субботам. Первая лекция — 9 марта.

Афиша — собрание М. С. Лесмана.

14 марта. 18-е заседание

Андрей Белый. Лев Толстой и культура. <...>

Продолжается запись на курс лекций Андрея Белого «Культура мысли». Лекции по вторникам, четвергам и субботам от 5 до 7 часов вечера в помещении ВФА.

Афиша — ИРАИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 5; собрание М. С. Лесмана.

21 марта. 19-е заседание

Беседа о пролетарской культуре⁸.

Адрес — Николаевский зал бывш. Зимнего Дворца.

Инф. заметка: Книга и революция. 1920. № 2. С. 92.

28 марта. 20-е заседание

Н. О. Лосский. Бог в системе органического миропонимания.

Афиша — ИРАИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 6.

13 апреля. 21-е заседание

А. А. Гизетти. Общество и космос.

Инф. заметка: Книга и революция. 1920. № 2. С. 92.

18 апреля. 22-е заседание

С. А. Венгеров. Евгений Онегин — декабрист.

Афиша — собрание М. С. Лесмана.

25 апреля. 23-е заседание

А. А. Мейер. Философия труда.

Н. С. Лавров. Философия труда в производственном процессе. <...>

Афиша — ИРАИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 8; собрание М. С. Лесмана.

2 мая. 24-е заседание

Солнечный град. (Беседа об Интернационале). При участии: Андрея Белого⁹, С. А. Венгерова, Льва Дейча, Иванова-Разумника, В. Л. Кибальчича, А. А. Мейера, М. В. Орехова, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, П. А. Сорокина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга*. <...>

Адрес — Николаевский зал Дворца Искусств (б.Зимний дворец).

Афиша — ИРАИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 9.

---

* Сохранившаяся часть стенограммы заседания (ИРАИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед.

хр. 71) публикуется ниже, с. 66—70.

9 мая. 25-е заседание

А. А. Мейер. Философия труда. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 10.

16 мая. 26-е заседание

Вольфила (Задачи Вольной философской Ассоциации). Речи и прения.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 11.

23 мая. 27-е заседание

А. З. Штейнберг. Иудаизм и христианство.

А. А. Мейер. Язычество. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 12; собрание М. С. Лесмана.

30 мая. 28-е заседание

Андрей Белый. Ветхий и Новый завет¹⁰.

Июнь 1920.

Заседание Совета ВФА

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь В. Бакрылов.

<...> 3. Кружки. С 10-го июня начать занятия кружка «Русская литература XX века». Руководитель Р. В. Иванов-Разумник. С 7-го июня начать занятия кружка по философии анархизма. Руководитель Б. С. Стоянов. Сделать предложение Оранскому и Федорову¹¹ руководить кружками по философии марксизма и коммунизма; А. А. Гизетти — кружком по философии народничества. <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 9.

6 июня. 29-е заседание

Конст. Эрберг. Искусство — бунт.

Открыта запись на кружок Иванова-Разумника «Русская литература XX века».

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 13; схема для доклада — Ф. 474. Ед. хр. 15. Л. 17, 18.

13 июня. 30-е заседание

А. А. Гизетти. Общество и космос.

План заседаний в протоколе заседания Совета ВФА — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 9.

20 июня. Заседание Совета ВФА

Присутствовали: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

<Организационные вопросы>.

3. Назначить на воскресенье 4-го июля XXXIII откр<ытое> засед<ание>: доклад Андрея Белого «Кризис культуры». Поставить на очередь доклады Александра Блока «Молнии искусства», Н. О. Лосского «О преодолении материи духом», И. И. Лапшина «Вечный мир».

4. О кружках. Постановили: Отпочковавшийся от кружка «Антропософия как путь самопознания» кружок тов. Навашина не считать самостоятельным кружком.

5. Издательство «Сборники». Постановили: Уполномочить Р. В. Иванова-Разумника и Андрея Белого и представителя изд<ательства> «Алконост» С. М. Алянского переговорить с М. П. Кристи о возможности выпустить ряд сборников Вольфи-лы. <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 10 об.

4 июля. 33-е заседание

Андрей Белый. Кризис культуры. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 15; собрание М. С. Лесмана.

В помещении Вольной Философской Ассоциации (Чернышева пл., 2) в среду, 7 июля 1920 года состоится вечер Андрея Белого по следующей программе: Р. В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово, Андрей Белый прочтет 1) «В лопнувшем Лондоне», отрывки из Записок чудака, 2) отрывки из «Котика Летаева» и 3) стихи <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 16.

11 июля. 34-е заседание

Н. Н. Розенталь. Драма религиозной личности («Юлиан Отступник»).

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 15; собрание М. С. Лесмана.

Ю. Н. Данзас. Философия, религия и наука¹².

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 17.

В помещении Вольной Философской Ассоциации (Чернышева пл., д.2) в четверг, 15-го июля 1920 года состоится вечер Алексея Ремизова по следующей программе: 1) Вступительное слово

Р. В. Иванова-Разумника; 2) Три главы из повести «Ров львиный» прочтет автор; 3) Посолонный круг: при участии заслуженного арт<иста> Акад<емического> Госуд<арственного> т<еатра> Ивана Васильевича Ершова, композитора Анатолия Канкаровича и автора <...> 4) Сказки прочтет автор <...>.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 18.

18 июля. 35-е заседание

Л. Л. Мищенко. Философия материальной культуры¹³.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 19.

29 июля

В четверг, 29 июля 1920 года состоится вечер Александра Блока по следующей программе: Р. В. Иванов-Разумник скажет вступит<ельное> слово. Александр Блок прочтет: 1) Поэму «Возмездие» и 2) Стихи. <Адрес: Чернышева пл., 2>.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 20.

8 августа, 37-е заседание

И. А. Боричевский. Две интеллигенции¹⁴. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 21.

15 августа. 38-е заседание

Памяти В. С. Соловьева. Речи и доклады: Александра Блока, В. В. Гиппиуса, А. А. Гизетти, Иванова-Разумника, С. М. Лукьянова, А. А. Мейера, Э. Л. Радлова, Георгия Чулкова, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга.

Афиша — собрание М. С. Лесмана; стенограмма заседания — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 26. Выступления С. М. Лукьянова, К. Эрберга и Г. Чулкова отсутствуют. Выступление А. Блока см.: Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 154—159.

29 августа. 40-е заседание

А. З. Штейнберг. Веселая наука.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 22.

5 сентября. 41-е заседание

Иванов-Разумник. Социализм в учении Вл. Соловьева¹⁵. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 23. Запись выступления там же. Оп. 1. Ед. хр. 159.

12 сентября. 42-е заседание

А. А. Мейер и Иванов-Разумник. Проблемы личности.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 24; план заседания и тезисы выступления А. Мейера — ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 15. Л. 1.

19 сентября. 43-е заседание

Гарт. О смысле жизни¹⁶. <...>

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 25.

26 сентября. 44-е заседание

В. М. Бехтерев. О непосредственном восприятии (На основании данных эксперимента)¹⁷.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 26.

3 октября. 45-е заседание

Борис Демчинский. Возмездие за культуру¹⁸.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 27.

10 октября. 46-е заседание

Ф. Ф. Зелинский. Творческая эйфория¹⁹.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 28.

24 октября. 48-е заседание

С. А. Аскольдов. Свобода воли²⁰.

В том же помещении состоится первый литературный вечер Вольн. Филос. Ассоциации.

Вечер поэзии Николая Клюева²¹.

Начало в 7 1/2 час. вечера.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 29.

31 октября. 49-е заседание

А. З. Штейнберг. Веселая наука (памяти Ницше).

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 29.

7 ноября. 50-е заседание

Платон. Речи и доклады: С. А. Аскольдов, А. В. Васильев, Ф. Ф. Зелинский, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг²².

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 30; собрание М. С. Лесмана.

21 ноября. Заседание Совета ВФА

Присутствовали: Иванов-Разумник, Эрберг, Штейнберг, Чебышев-Дмитриев, Векслер, Коялович, Меринг, Змеев.

<...> 3. Открытие клуба. Намечается литературный вечер Ремизова и Блока. Переговорить с А. А. Блоком до четверга 25 и 25 открыть клуб <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 12.

28 ноября. 52-е заседание

А. А. Чебышев-Дмитриев. Время и бессмертие.

План заседания — в протоколе заседаний Совета ВФА: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 12.

5 декабря. 54-е заседание

А. А. Мейер. Творчество символа.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 25.

26 декабря. 57-е заседание

О. Д. Форш. Творчество слова.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 13.

1921

2 января. 58-е заседание

Ф. Я. Парчевский. Мессианизм и славянство. <...>

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 27.

9 января. 59-е заседание

К. С. Петров-Водкин. Красота спасет мир.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 27.

16 января. 60-е заседание

Конст. Эрберг. О догмах и ересьях в искусстве²³.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 19 и 27;
афиша — собрание М. С. Лесмана.

23 января. 61-е заседание

<...> Н. С. Лавров. Будущее России и социализм.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 28; повестка — Л. 29, 30 и 19; афиша — собрание М. С. Лесмана.

30 января. 62-е заседание

Е. М. Браудо. Романтическая психология в музыке²⁴.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 19; афиша — собрание М. С. Лесмана.

6 февраля. 63-е заседание

Ф. Я. Парчевский. Очередные задачи знания.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 19; афиша — собрание М. С. Лесмана.

13 февраля. 64-е заседание

Л. В. Пумпянский. Философия трагедии²⁵.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 22; афиша — собрание М. С. Лесмана, ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 31; тезисы выступления — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 18.

17 февраля 1921 года

Протокол первого собрания организационного Бюро по созыву первого всероссийского философского съезда

Присутствовали: Предс. К. А. Эрберг, Р. В. Иванов-Разумник, Я. М. Магазинер, П. А. Сорокин, А. З. Штейнберг.

1. Вопрос о постройке Организационного Бюро. Постановили: Созвать сначала пленарное заседание, цель которого выработать общий план работы и приступить к работе по секциям. <...>

в) Какие наметить секции? г) Каких лиц пригласить для участия в Орган. Бюро?

Постановили: <Секция I> Общая философия: метафизика, гносеология, история философии. Представители: Андрей Белый, проф. С. А. Аскольдов, проф. А. И. Введенский, проф. Н. О. Лосский, проф. И. И. Лапшин, проф. Л. П. Карсавин, акад. Э. Л. Радлов, С. И. Поварнин, А. А. Мейер, А. З. Штейнберг, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Иов²⁶.

<Секция II> Психология — психопатология, экспериментальная психология, педагогическая психология, рефлексология. Представи-

тели: акад. В. М. Бехтерев, проф. Павлов, С. И. Поварнин, В. Н. Нарбут, А. А. Крогиус, Серебрянников, П. О. Эфрусс.

〈Секция III〉 Философия точных наук — математика, физика, химия, астрономия. Представители: проф. А. В. Васильев, проф. Чугаев, проф. Хвольсон, проф. Фредерикс, проф. Крутиков.

〈Секция IV〉 Философия органической природы — биология, ботаника. Представители: акад. В. М. Бехтерев, академик Бородин, проф. Павлов, проф. Филиппченко, проф. Немиллов, проф. Шмидт.

〈Секция V〉 Философия общественных наук — социология, философия культуры, философия истории, философия права, этика. Представители: проф. Магазинер, проф. П. А. Сорокин, А. А. Гизетти, проф. Лазаревский, проф. Кареев, проф. Пергамент, Рожков, Тахтаров, Оранский, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг.

〈Секция VI〉 Философия искусства — эстетика, философия словесного искусства, философия музыки, философия изобразительного искусства, философия театра. Представители: Андрей Белый, Александр Блок, В. В. Гишпиус, Александр Бенуа, проф. В. М. Жирмунский, К. С. Петров-Водкин, Н. Н. Пунин, И. С. Гинзбург, Л. В. Пумпянский, Каратыгина, Римский-Корсаков, Иванов-Разумник, проф. Б. М. Эйхенбаум, Виктор Шкловский, С. Радлов, Н. Радлов, проф. Головани, Евреинов.

2. Объяснительную записку А. З. Штейнберга к проекту съезда.

Постановили: поручить А. З. Штейнбергу переработать Записку в виде воззвания к участникам съезда. <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 13. Л. 13—13 об.

20 февраля. 65-е заседание

1. А. А. Гизетти. Трагедия культуры («Прометей» Вяч.Иванова).
Объявление: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 22; афиша — там же. Ед. хр. 1. Л. 31 и собрание М. С. Лесмана; тезисы выступления — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 18.

27 февраля. 66-е заседание

Ник.Пэрна. О периодичности творчества²⁷.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 22, афиша — там же. Ед. хр. 1. Л. 31, собрание М. С. Лесмана; тезисы доклада — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 138.

6 марта. 67-е заседание

В. В. Гишпиус²⁸. Оргиазм.

Объявление: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 22; афиша — собрание М. С. Лесмана; тезисы выступления — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 18.

10 апреля. 68-е заседание

Памяти П. А. Кропоткина²⁹. Речи и доклады гг. А. Bergmann, Emma Goldmann³⁰, Кибальчич³¹, Новомирский, А. Мейер, Шенберг, Андрей Белый, Штейнберг, П. Витязев³².

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 32.

15 мая. 71-е заседание

А. В. Васильев. Принцип относительности и современные философские течения³³.

Информация — Вестник литературы. 1921. № 9(33). С. 13.

22 мая. 72-е заседание

Наполеон. Речи и доклады: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, Л. В. Пумпянский, О. Д. Форш, А. З. Штейнберг и др.³⁴.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 33.

19 июня. 75-е заседание

Беседа о марксизме.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 35; афиша — собрание М. С. Лесмана.

26 июня. 76-е заседание

Н. Н. Розенталь. Савонарола.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 36 и собрание М. С. Лесмана.

3 июля. 76-е заседание

Беседа об антропософии. Доклад Л. В. Пумпянского.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 74.

10 июля. 77-е заседание

М. Г. Собецкий. Государственность и новая общественность³⁵.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 73.

17 июля. 78-е заседание

Н. С. Лавров. Основы новой организацион<ной> науки.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 73.

24 июля. 79-е заседание

Андрей Белый прочтет свою новую поэму «Первое свидание». Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 34, 35 и 36.

7 августа. 80-е заседание

Беседа о Гете. Докладчики Д. Михайлов и Л. Пумпянский³⁶.
Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 37.

14 августа. 81-е заседание³⁷

Беседа о материалистическом понимании истории. Докладчики: от научного Общества Маркса* и от Вольн. филос. Ассоциации — А. З. Штейнберг.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 38; афиша — там же. Ед. хр. 1. Л. 37, 38.

21 августа. 82-е заседание

А. А. Чебышев-Дмитриев. Не герои. (О русском народе)

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 38; афиша — там же. Ед. хр. 1. Л. 37 и 38.

28 августа

Заседание, посвященное памяти Александра Блока. Выступающие: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг³⁸.

Воскресные открытые заседания памяти Достоевского

2 октября. 86-е заседание

Л. В. Пумпянский. Достоевский и античность³⁹.

9 октября. 87-е заседание

Андрей Белый. Достоевский и Толстой⁴⁰.

16 октября. 88-е заседание

А. З. Штейнберг. Достоевский как философ⁴¹.

Неполный текст стенограммы — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 167, 168.

*

Фамилия автора отсутствует.

23 октября. 89-е заседание

Иванов-Разумник. Достоевский и Константин Леонтьев.
Неполный текст стенограммы — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед.
хр. 151.

30 октября. 90-е заседание

А. А. Мейер. Князь Мышкин и наше будущее.
Расписание — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 40.

Открытые заседания по четвергам

3 ноября (четверг). 98-е заседание. Вл. Пяст. О Блоке. I. Воспоминания (1905—1917). II. Стихи. III. О стихах.

10 ноября. 99-е заседание. Ник. Никитин. Кол. Повесть.

17 ноября. 100-е заседание. О. Д. Форш. Равви. Драма.

24 ноября. 101-е заседание. Вл. Гиппиус. Сон в пустыне. Драматическая поэма.

Субботние открытые заседания памяти Данте

5 ноября. 102-е заседание. Ф. Ф. Зелинский. Гомер, Вергилий, Данте.

12 ноября. 103-е заседание. И. М. Гревс. Значение Данте⁴².

19 ноября. 104-е заседание. Ю. Н. Данзас. Данте и схоластика.

26 ноября. 105-е заседание. Л. В. Пумпянский. Чистилище и Рай.

Воскресные заседания

6 ноября. 106-е заседание. А. В. Васильев. Накануне нового Канта.

13 ноября. 107-е заседание. Иванов-Разумник. Достоевский, Леонтьев и идея мировой революции.

20 ноября. 108-е заседание. П. К. Губер. К. Н. Леонтьев⁴³.

27 ноября. 109-е заседание. Артур Лурье. Русская культура и русская музыка⁴⁴.

Вечерние открытые заседания

5 октября. С. А. Аскольдов. Религиозно-этические взгляды Достоевского.

10 октября. Виктор Шкловский. Герои Достоевского⁴⁵.

13 октября. П. А. Сорокин. Достоевский как социолог⁴⁶.

17 октября. С. А. Адрианов. Карамазовщина.

19 октября. А. Л. Вольтинский. Верования Достоевского⁴⁷.

- 20 октября. Б. М. Эйхенбаум. Достоевский и Лесков.
24 октября. О. Д. Форш. Данте, Достоевский и Блок⁴⁸.
26 октября. А. А. Чебышев-Дмитриев. Самоистребители и Достоевский.
27 октября. А. Л. Векслер. Композиция «Бесов» (К проблеме истории у Достоевского).
29 октября. Иванов-Разумник. Достоевский и революция.
31 октября. Д. И. Абрамович. Достоевский в критике.
Расписание — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 40; собрание М. С. Лесмана.

1922

8 января. 111-е заседание

Н. Н. Пунин. Наше средневековье.

Расписание — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 42.

15 января. 112-е заседание

В. Г. Тан-Богораз. Этно-географические основания мирового кризиса.

Расписание — там же.

22 января. 113-е заседание

Иванов-Разумник. Россия и Европа. К 100-летию со дня рождения Н. Данилевского.

Расписание — там же.

29 ноября. 114-е заседание

А. З. Штейнберг. О пределах воображения. К 100-летию со дня смерти Э. -Т. -А. Гофмана.

Расписание — там же.

5 февраля. 115-е заседание

Артур Лурье. Голос поэта.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 43; собрание М. С. Лесмана.

12 февраля. 116-е заседание

А. А. Мейер. «Мудрость Пушкина» (По поводу книги М. Гершензона).

Афиша — там же.

19 февраля. 117-е заседание

«Евгений Онегин». Выступают Ю. Н. Тынянов, Виктор Шкловский, Б. М. Эйхенбаум.

Афиша — там же.

29 февраля. 118-е заседание

А. З. Штейнберг. Пушкин и Достоевский.

Афиша — там же.

Отчет о деятельности ВФА за 1920—1921 гг.

Целью ВФА является разработка проблем культуры в свете систематической философии и распространение в широких массах философских знаний. К выполнению этого было предпринято следующее:

В 1920—1921 году деятельность ВФА, не изменяя своих основных принципов, развернулась значительно шире. Основной темой воскресных открытых заседаний по-прежнему является проблема философии культуры и разрабатывается в четырех направлениях:

1) Кризис современной культуры: этой теме были посвящены доклады А. Белого «Кризис культуры», А. Белого «Что такое максимализм?», А. З. Штейнберга «Веселая наука» (целью этого доклада было осветить проблему образования, наметить основные принципы реформы образования), Ф. Я. Парчевского «Основные задачи знания», А. А. Гизетти «Трагедия культуры», Б. Демчинского «Возмездие за культуру». Под знаком этой же проблемы стоит «Переписка из двух углов» Вяч. Иванова и Гершензона, прочтенная в рукописи на одном из открытых заседаний.

2) Проблема религии: эту тему затронули следующие доклады: А. Белого «Ветхий и Новый завет», А. З. Штейнберга «Иудаизм и Христианство», А. А. Мейера «Язычество» и «Творчество и символ», Н. Н. Розенталя «Драма религиозной личности», Ю. Н. Данзас «Философия, религия и наука», Конст. Эрберга «Религия и мистика».

3) Проблема общественности: ее касались доклады: А. А. Гизетти «Общество и космос», Р. В. Иванова-Разумника «Проблема личности», Собецкого «Государственность и новая общественность», Н. С. Лаврова «Основы новой организационной науки».

* В повестке заседания 6 февраля 1921 г. доклад называется «Очередные задачи знания».

Н. С. Лаврова «Будущее России и социализм», И. А. Боричевского «Две интеллигенции».

4) Проблема творчества: этой темы касаются доклады: Конст. Эрберга «Искусство — бунт», Ф. Ф. Зелинского «Творческая эйфория», Ю. Н. Данзас «Задачи творчества», И. И. Лапшина «Интуиция и научно-философское творчество», Н. Пэрна «Периодичность творчества», О. Д. Форш «Творчество слова», Е. М. Браудо «Романтическая психология в музыке», С. Радлова «Романтизм и классицизм на сцене», Конст. Эрберга «О догмах и ересь в искусстве», Л. Л. Мищенко «Философия материальной культуры». Кроме того, на воскресных заседаниях рассматривались общие вопросы теоретической философии; их затронули доклады С. А. Аскольдова «Свобода воли», А. А. Чебышева-Дмитриева «Время и бессмертие», С. Гарта «О смысле жизни», Л. В. Пумпянского «О героической морали»

<5> Вопросы философии и истории: сюда относятся доклады Ф. Я. Парчевского «Мессианизм и славянство», А. А. Чебышева-Дмитриева «Не герои» (о национальном характере русского народа).

<6> Вопросы эстетики: доклады Л. В. Пумпянского «Философия трагедии», К. С. Петрова-Водкина «Красота спасет мир».

<7> Вопросы психологии — доклады В. М. Бехтерева «Непосредственное восприятие», Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Творческое подражание».

Кроме того, проф. А. В. Васильев прочел доклад на тему: «Общая теория относительности в связи с современным положением философских школ», проф. Ф. Ф. Зелинский прочел доклад «Трагедия интеллектуализма у Платона».

Вместе с тем ВФА устроила ряд публичных заседаний, посвященных памятным годовщинам; так, состоялось заседание, посвященное памяти Владимира Соловьева, в котором приняли участие А. А. Блок, А. А. Гизетти, А. А. Мейер, Э. Л. Радлов, А. З. Штейнберг, Чешихин и др., заседание памяти Л. Толстого, в котором выступили: Р. В. Иванов-Разумник, Питирим Сорокин; заседание памяти Ницше, оно касалось проблемы кризиса культуры, докладчиками выступили: Иванов-Разумник и проф. Васильев; заседание памяти Наполеона, в котором приняли участие Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг, Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. А. Мейер (задачей этого заседания являлось — осветить проблему личности в истории); заседание памяти Платона, совпавшее с празднованием годовщины со дня основания ВФА, в этом заседании приняли участие С. А. Аскольдов, А. В. Васильев, Л. П. Карсавин, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг, кроме того, выступили от членов-соперников и от публики: в своих

речах, указывавших на значение ВФА и выражавшие ей благодарность, от имени Наркомпроса сказал несколько слов М. П. Кристи.

Празднование годовщины ВФА было не случайно приурочено к празднованию памяти Платона, этим ВФА создала свою деятельность как явление в сфере систематической философии во всех проявлениях культуры и свою связь с традициями флорентийской академии.

Заседание памяти Александра Блока при участии Андрея Белого, А. З. Штейнберга, Иванова-Разумника. Заседание памяти Кропоткина — при участии А. Белого, А. З. Штейнберга, Иванова-Разумника, А. А. Мейера, Кибальчича, Витязева и др. Кроме того, воскресные заседания наметили новую форму работы: диспуты, беседы, где докладчики выступают представител^{ями} противоположных точек зрения: такая форма дает возможность путем столкновений противоположных мнений обострить и углубить постановку проблемы. Так состоялась беседа о марксизме, где со стороны ВФА выступили Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг, А. А. Мейер, оппонентами явились члены научного общества марксистов, беседа об антропософии (докладчик Пумпянский), беседа о Гете (докладчики Л. В. Пумпянский и Д. Д. Михайлов), беседа о материалистическом понимании истории, докладчик со стороны ВФА — А. З. Штейнберг, докладчик со стороны научного общества марксистов — И. А. Боричевский.

Помимо открытых заседаний работа ВФА продолжалась и в кружках. В 1920—1921 г. функционировали следующие кружки: 1) «Антропософия как путь самосознания» под рук. А. Белого; 2) А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики»; 3) Иванова-Разумника «Философия культуры»; 4) Иванова-Разумника «Русская литература XX века»; 5) Конст. Эрберга «Философия творчества»; 6) О. Д. Форш «Творчество слова»; 7) Л. В. Пумпянского «Опыт системы нравственной философии»; 8) проф. Васильева «Философия математики»; 9) Н. М. Кояловича «Пограничные вопросы теории познания, математики, теоретической физики»; 10) А. А. Мейера «Философия религии»; 11) Стоянова «Философия анархизма»; 12) Боричевского «Философия коммунизма». Ввиду того, что работа в кружках требует от участников значительной подготовки, так как предполагает некоторую самостоятельность и потому потребовала организации курсов учебного характера по некоторым вопросам, были прочтены некоторые курсы для того, чтобы повысить <уровень> неподготовленной части членов кружков и удовлетворить тех, кто пришел в ВФА пополнить свое философское образование. А. А. Мейер прочел «Историю древней философии», Э. З. Гурлянд-Эльшеева «Введение в философию», Н. М. Коялович «Логические учения», А. А. Чебы-

шев-Дмитриев «Введение в философию математики». При ВФА функционирует клуб действительных членов и чл.-соревнователей: раз в неделю устраиваются вечера художественной прозы, поэзии, музыки и пластики. Так, состоялись вечера А. Ремизова, Замятина, А. Терек, Мариэтты Шагинян, Владимира Пяста; Ф. Ф. Зелинский читал повесть «Царица вьюг», вечер пластики Н. Халатьян и т.д. Вместе с тем устраивались диспуты на тему об искусстве. Так, Л. Бруни читал доклад «О монументе Татлина», оппонентом выступил Петров-Водкин, А. Л. Векслер читала доклад на тему «Лозунг искусства будущего», оппонентом выступил Виктор Шкловский и т.д. Кроме того, в клубе раз в неделю читались доклады на тему философии культуры; прочел доклад Ф. Ф. Зелинский «Эллинизм и христианство», Б. Демчинский «Пути Христа», П. П. Лошкарев «Андрей Белый и Николай Бердяев», кроме того, состоялось заседание памяти Л. Толстого, где докладчиками выступили И. З. Гинзбург «Л. Толстой и искусство», Н. Е. Фельтен «Л. Толстой и революция».

Весной 1921 года внутренняя работа ВФА была реформирована; кружки объединились согласно темам в Отделы. Отделы устраивали закрытые заседания, в которых велась научная работа и публичные заседания, на которых публике предлагался систематический цикл тем, явившихся результатом внутренней работы Отделов. Организованы следующие отделы:

1) Отдел Истории философии А. А. Мейера, этот отдел устроил следующие публичные заседания: «Итоги античной философии» А. А. Мейера, «Неоплатонизм» Гиринского, «Леруа и его философская политика»⁴⁹.

2) Отдел философии культуры — председатель Иванов-Разумник устроил следующие публичные доклады: Иванова-Разумника «Первохристианский социализм», О. Д. Форш «Христиане и Христос», Ю. Н. Данзас «Гнозис первых веков», Л. В. Пумпянского «Размышления о блаженном Августине».

3) Отдел чистой философии, председ. А. З. Штейнберг, были прочитаны следующие доклады: А. З. Штейнбергом «Трансцендентальный метод и метафизика», Э. З. Гулянд-Эльяшевой «Трансцендентализм и психологизм», Чебышевым-Дмитриевым «Кант и неэвклидова геометрия».

4) Отдел философии точных наук, председ. А. В. Васильев, были прочитаны следующие доклады: Н. М. Кояловичем «Дедукция понятия числа» и «Принципы <мыслимости> и континуум», А. А. Чебышевым-Дмитриевым «Больцано и парадоксы бесконечности», «Об одном опыте, иллюстрирующем теорию подбора».

5) Отдел философии символизма под председательством А. Белого. А. Белым были прочитаны следующие доклады: «Проблемы символизма», «Символ и индивидуум», «Символизм и куль-

тура», «Символизм и антропософия», М. В. Сабашниковой «Сказка Гете о зеленой змее и лилии».

6) Отдел философии творчества, председ. Конст. Эрберг, на открытых заседаниях были прочитаны следующие доклады: Матюшин <ым> «Художественный опыт нового пространства». Анатолием Канкаровичем «Музыка — сущность театра», Л. В. Пумпянским «Размышление о Ревизоре», Львом Бруни «Ребро на времени» (против искусства), Виктором Шкловским «Искусство как прием», С. Радловым «Бес <предметное> творчество», Л. В. Пумпянским «Размышления об архитектуре».

7) Отдел литературы под председательством Иванова-Разумника. Устроены следующие открытые заседания, где в качестве иллюстраций к теоретической работе были прочитаны следующие доклады: А. Л. Векслер на тему «„Петербург“ Андрея Белого», А. Белым «Чтение отрывков из „Эпопеи“», О. Д. Форш «От „Петербурга“ к „Котику Летаеву“» Кибальчич «О новейшей французской поэзии»; вечер стихов Клюева, кроме того, был устроен открытый вечер поэзии А. Белого, на котором он прочел свою новую поэму «Первое свидание».

Два открытых заседания ВФА были посвящены «Воспоминаниям об Александре Блоке», прочитанным А. Белым.

ВФА проводит в октябре цикл публичных докладов, посвященных творчеству Достоевского; прочтены следующие доклады: 1) Воскресные открытые заседания: Л. В. Пумпянский «Достоевский и античность», А. З. Штейнберг «Достоевский как философ», Иванов-Разумник «Достоевский и К. Леонтьев», А. А. Мейер «Князь Мышкин и наше будущее»; 2) Вечерние открытые заседания: С. А. Аскольдов «Религиозно-этические взгляды Достоевского», Виктор Шкловский «Герои Достоевского», П. А. Сорокин «Достоевский как социолог», С. А. Адрианов «Карамазовщина», А. Л. Вольнский «Верования Достоевского», Б. М. Эйхенбаум «Достоевский и Лесков», О. Д. Форш «Данте, Достоевский и Блок», А. А. Чебышев-Дмитриев «Самоистребители и Достоевский», А. Л. Векслер «Композиция „Бесов“» (к проблеме истории у Достоевского), Иванов-Разумник «Достоевский и революция», Д. И. Абрамович «Достоевский в критике».

Машинопись с правкой — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 10 (без окончания), копия — ГАРФ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 921. Л. 34—36 об.

2 апреля. 123-е заседание

Л. В. Пумпянский. Об умственном и нравственном состоянии России⁵⁰

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34-а.

30 апреля. 124-е заседание

Я. И. Гордин. Максимализм и идея конца.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34-а.

7 мая. 125-е заседание

К. С. Петров-Водкин. Проблема движения.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34-а.

14 мая. 126-е заседание

Артур Лурье. Голос поэта⁵¹.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34-а.

21 мая. 127-е заседание

В. Денисов. Основные начала новой художествен. школы.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34.

28 мая. 128-е заседание

В. Т. Каратыгин. Искусство слушать музыку.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34.

11 июня. 129-е заседание

Красота и Свобода. вступительное слово К. Эрберга.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 34.

18 июня. 131-е заседание

Беседа: «Будущее в настоящем». Вступительное слово А. З. Штейнберга.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 39.

25 июня. 132-е заседание

Беседа: «Душа XIX века». Вступительное слово А. А. Гизетти.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 39.

2 июля. 133-е заседание

А. Гизетти. Певец преображенной земли — Шелли (К 100-летию со дня смерти).

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 40.

9 июля. 134-е заседание

А. Мейер. Исав и Иаков (О первенстве европейской культуры).

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 40.

**Воскресные открытые заседания памяти
Александра Александровича Блока**

6 августа. 135-е заседание

М. А. Бекетова. Детство, отрочество и юность Блока (1880—1902).

13 августа. 136-е заседание

Письма Блока к Андрею Белому (1903—1905).

20 августа. 137-е заседание

Е. П. Иванов. Воспоминания о Блоке (1902—1913).

27 августа. 138-е заседание

О Блоке (1913—1921) — Вл. Гиппиус, Иванов-Разумник, Н. Клюев, В. Княжнин и чтение отрывков из дневника Андрея Белого⁵².

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 46, 47, объявление — Ед. хр. 8. Л. 41, информация о предстоящих заседаниях: Литературные записки. Пб., 1922. № 3. С. 23.

Понедельники Памяти Александра Блока.

**Чтение напечатанных и ненапечатанных его произведений
1903—1919 годов**

7 августа

Статьи и заметки 1903—1908.— О симфонии Андрея Белого (1903).— Об «Urbi et Orbi» Валерия Брюсова (1904).— О Леониде Андрееве (1905).— О Жуковском (1905).— О «Литургии красоты» К. Бальмонта (1905) — «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906) — О лирике (1907) — О драме (1907) — «Три вопроса» (1908) — «Генрих Ибсен» (1908, по рукописи).

14 августа

Статьи 1909 г. «Молнии искусства» 1909, по рукописи.

21 августа

Статьи 1910—1912 гг. Памяти Врубеля (1910) — «Рыцарь-монах» (1910) — «От Ибсена к Стриндбергу» (1912) — «Памяти Августа Стриндберга» (1912) — «Человеческое горе» (1912, по рукописи)⁵³.

28 августа

Статьи 1918—1919 гг. — «Сограждане» (1918) — «Крушение гуманизма» (1919).

Второй вариант повестки:

Четвертый вечер произведений А. А. Блока.

1. Сограждане (1918) 2. Крушение гуманизма (1919). 3. Гейне: романтизм и иудаизм (1919—1921).

4 сентября

Как я пришел к Блоку. Сообщение А. А. Гизетти.

Начало в 8 ч. вечера, Фонтанка, д. 50, кв. 25.

Рукописная афиша — собрание М. С. Лесмана, повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 42.

10 сентября. 139-е заседание

Н. Пунин. Хлебников и «Государство Времени».

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 43.

17 сентября. 140-е заседание

А. А. Гизетти. Кризис Запада по книгам Ратенау.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 46; собрание М. С. Лесмана.

24 сентября. 141-е заседание

Исповедь Ставрогина. Беседа. Вступит. слово А. З. Штейнберга.

Участвуют: А. Векслер, Я. Гордин, А. Чебышев-Дмитриев, К. Эрберг.

Повестка — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 44.

15 октября. 142-е заседание

Творческое в истории. Беседа. Вступит. слово А. А. Мейер.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 47.

22 октября. 143-е заседание

Л. В. Щерба. О судьбах русского языка.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 47 и 48.

29 октября. 144-е заседание

М. Тубянский. «Душа Азии» Рабиндраната Тагора.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 47 и 48.

12 ноября. 145-е заседание

Три года. (Идея и опыт Вольфилы). Доклады и речи: А. В. Васильев, А. Л. Векслер, А. А. Гизетти, Я. И. Гордин, Евг. Иванов, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, К. С. Петров-Водкин, Д. М. Пинес, Н. Н. Пунин, О. Д. Форш, А. А. Чебышев-Дмитриев, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 45.

19 ноября. 146-е заседание

Что есть современность? Беседа Я. Гордина.

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 44.

26 ноября. 147-е заседание

«Путешествие к себе» (О Кайзерлинге. Доклад А. З. Штейнберга)

Афиша — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 44; собр. М. С. Лесмана.

3 декабря. 148-е заседание

Людвиг Фейербах (К 50-летию со дня смерти). Доклады: А. Гизетти, Я. Гордина, Иванова-Разумника, А. Мейера.

Расписание — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 48.

10 декабря. 149-е заседание

О формальном методе. Доклады: Б. Томашевский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, Л. Якубинский.

Расписание — там же.

Открытые заседания, посвященные творчеству Андрея Белого

17 декабря. 150-е заседание

«Серебряный голубь» (А. Векслер) — «Петербург» (Иванов-Разумник).

Расписание — там же.

24 декабря. 151-е заседание

«Котик Летаев» (О. Форш) — «Записки чудака» (Е. Виссель) — «Эпопея» (А. Векслер).

Расписание — там же.

31 декабря. 152-е заседание

«Жезл Аарона» (Б. Эйхенбаум) — «Поэзия слова» (А. Гизетти) — «Глоссолалия» (Е. Иванов).

Расписание — там же.

Понедельник 18 и 25 декабря

Переписка Андрея Белого с Александром Блоком.

Объявление — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 45 (об.).

<1923*>

19 мая, понедельник, 222-е заседание

Из дневника Ал. Блока за 1919 год (по поводу «Крушения гуманизма»).

Афиша рукой Иванова-Разумника — ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 568. Л. 1.

Отчет о деятельности ВФА

с 1 января 1923 года по 10 июля с.г.

Деятельность ВФА в текущем году выразилась в следующих научных докладах и беседах:

1. Проблема человечества. Беседа при участии Я. Гордина, А. Гизетти, А. Мейера.
2. Средневековое мировоззрение и кризис современной культуры. Доклад А. Гизетти.
3. Вечер неизданных произведений Иннок. Анненского.
4. Индивидуальность в истории. Доклад М. Кагана.
5. «Мнимости в геометрии». Доклад Е. Виссель.
6. О Пушкине (к 86 годовщине со дня смерти). Доклад Е. Иванова.
7. О В. В. Розанове — доклады Е. Иванова и В. Ховина.
8. Два устремления в искусстве. Доклад М. Кагана.
9. Форма и содержание. Беседа.
10. Рихард Вагнер (к 40-летию со дня смерти). Неизданная статья А. Блока «Искусство и революция». А. Горнфельд, Вагнер и Достоевский.

---

* Значительная часть документальных свидетельств о деятельности Вольфила в 1923—1924 гг. не обнаружена.>

11. Проблема индивидуальности. Беседа. (Я. Гордин, А. Гизетти и др.).
12. Беседа о сущности ВФА.
13. Неизданное произведение Елены Гуро «Бедный рыцарь».
14. О романе Мейринка «Голем». Доклад А. Гизетти.
15. Иудаизм и христианство в историко-философском освещении. Доклад Е. Иванова.
16. Религиозное и иррелигиозное миропонимание в психиатрическом разрезе. Доклад В. Видлевского.
17. К проблеме формы в искусстве. Доклад Б. Перетятковича.
18. О романе Чернышевского «Что делать?». Доклад А. А. Гизетти.
19. Скитальцы и почвенники (о типах русской интеллигенции). Доклад А. А. Гизетти.
20. Утилитаризм и самоцель в искусстве. Доклад И. Груздева.
21. Вечер поэтов (Антокольский, Аренс, Вагинов, Данько, Тихонов, Полонская и др.).
22. Беседа о мудрости. При участии Я. Гордина и Е. Иванова.
23. Вечер неизданных произведений Елены Гуро.
24. О Белинском. Доклад Иванова-Разумника и статья т. Райкова «К психологии личности и творчества Белинского».
25. Любовь у Белинского и Станкевича. Доклад Я. Гордина.
26. О «прекраснодушии» и «действительности» по Гегелю (в связи с 75-летием со дня смерти Белинского) — Г. Г. Шпета.
27. Философское мировоззрение Белинского, статья Шпета.
28. Об «Истории русской философии» Шпета — доклад А. А. Гизетти.
29. Белинский как литературный критик и историк литературы. Доклад Иванова-Разумника.

Кроме того, велись занятия в кружках по изучению творчества Ал. Блока и Андрея Белого. Секретарь Д. Пинес.

Отчет — ГАРФ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 921. Л. 19-19 об.

Июнь

Новая поэзия (имажинисты).

Памяти Лаврова. Гизетти и Гордин.

Кроме того, проходили занятия в кружках по изучению творчества Блока и Белого. 9 июля намечен доклад Иванова-Разумника о «Петербурге» Андрея Белого.

Отчет — ГАРФ. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 921. Л. 21.

Август

6 августа. Е. Иванов. Воспоминания о Блоке.

- 10 августа. Е. Замятин. Чтение романа «МЫ».
13 августа. Письма Ал. Блока к С. М. Соловьеву.
17 августа. Беседа о литературе и философии.
20 августа. Неизданные произведения А. Блока.
27 августа. М. Бекетова. Мать поэта Блока.

Отчет — Там же. Л. 37.

Сентябрь—ноябрь

- М. Бекетова. Отроческие годы А. Блока.
Александр Блок и его эпоха в воспоминаниях А. Белого.
А. Гизетти. Проблема женской гордости в романах Достоевского.
Е. Иванов. О «Вершинах» Иванова-Разумника.
Беседа о философии, истории и религии.
Д. Чертков. Социализм и христианство.
Е. Замятин. О современной русской литературе.
Е. Замятин. Новая русская проза.
Н. Кузьмин. Толстой и революция.
Памяти А. Блока. а) Доклад Е. Книпович.
б) Дневники Блока за 1918 год.

Декабрь

- 3 декабря. А. Чебышев-Дмитриев. Карамазов и чистилище.
6 декабря. Литературный вечер. а) Стихи В. Рождественского.
б) Повесть Доливо-Добровольского «Как прекрасна — жизнь?»
10 декабря. А. М. Редько. Литература, художество и истина.
13 декабря. Акмеизм и творчество Гумилева. Доклад А. Рашковской. Неизданная статья А. Блока.
17 декабря. А. Гизетти. О «Воспоминаниях» Рабиндраната Тагора.

Отчет — Там же. Л. 39.

1924

Январь

- Воспоминания П. А. Андреева о Леониде Андрееве.
Е. П. Иванов. Кукольный дом и литература.
Беседа «Бальмонт, Брюсов, Сологуб» при участии Иванова-Разумника, Гизетти и др.
Чтение рассказа О. Форш «Одеты камнем» (на тему фильма «Дворец и крепость»).

Отчет — Там же. Л. 40.

Февраль

Евг. Лундберг. Из «Записок писателя» («Вера, крестьянство и революция»).

А. Скалдин. Две поэмы.

Мать Блока. Памяти А. Кублицкой-Пиоттух.

а) М. Бекетова. Из биографии матери Блока.

б) Е. Иванов. Письма А. Кублицкой-Пиоттух.

в) Н. Павлович. Воспоминания.

Отчет — Там же. Л. 41.

Март

Михайловский и современная культура (к 20-летию со дня смерти). Доклад А. Гизетти.

Современная русская литература. Доклад А. Рашковской.

Границы искусства и науки. Доклад Н. Пунина.

Вечер сказок Серовой.

Рождение и творчество. Беседа при участии Е. Иванова, В. Лебедева, Б. Западелова.

Литературный вечер. Беседа о книге Шестова «Potestas slavium». О книге Бореля «Случай» (теория вероятности).

Отчет — Там же. Л. 42.

Апрель

О числе. Евг. Иванов.

О творчестве. Я. Рабинович.

Гносеологический роман. Н. Русов.

Чтение статьи Андрея Белого «Дневник писателя».

О формальном методе.

Вечер поэтов (Вс. Рождественский, М. Левберг, Н. Браун, Ю. Полетика и др.).

Стихи М. Волошина. Пулями Каина.

Отчет — Там же. Л. 52.

¹ См.: Штейнберг А. З. Развитие и разложение в современном искусстве//Искусство старое и новое. Сб./Под ред. Конст. Эрберга. Пб., 1921. Вып. 1. С. 19—33.

² В публикуемом ниже Отчете о работе Ассоциации за 1919—1920 гг. сказано, что доклад по болезни автора не состоялся.

³ Конспект выступления А. З. Штейнберга — ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 15. Л. 16 об. (Запись К. Сюннерберга. Тезисы — там же. Ед. хр. 456).

⁴ Часть выступлений была опубликована в книге: П. Л. Лавров: Сборник статей. Пб.: Колос. 1922, куда вошли статьи Э. Л. Радлова «Лавров в русской философии» (с. 1—28), А. В. Васильева «Лавров — историк и философ математики» (с. 372—384), П. А. Сорокина «Основные проблемы социологии П. Л. Лаврова» (с. 291—297), А. З. Штейнберга «Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова» (с. 355—372) и две статьи А. А. Гизетти: «Лавров как историк мысли» (с. 292—354) и «П. Л. Лавров и Вл. Соловьев» (с. 385—403). П. Витязев (о нем см. в сноске 35) был автором брошюры: Ссылка П. Лаврова в Вологодскую губернию и его занятия антропологией. Вологда, 1915. Кроме того, в письме к К. Сюннербергу в ноябре 1919 года он упоминал о замысле сборника статей памяти Лаврова, куда предполагалось включать статьи Радлова, Шпета, Кареева, Гизетти, Эрберга и др. Себя в этом письме он называл «лавристом» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 239).

⁵ Текст доклада историка естествознания Б. Е. Райкова см. в его фонде (Архив РАН (Петербург). Ф. 893. Оп. 1. Ед. хр. 159).

⁶ Мейер Александр Александрович (1874—1939) — русский религиозный философ и публицист, активный участник петербургского религиозно-философского общества. См. о нем в кн.: Мейер А. А. Философские сочинения. Париж, 1982. Об участии Мейера в работе Вольфилы см. в примечаниях К. Сюннерберга к своей переписке (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 53. Л. 78—79).

⁷ Заглавие выступления повторяет название статьи Иванова-Разумника о Герцене, опубликованной в журнале «Заветы» в 1912 году. Текст выступления — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 123. А. Белый в «Ракурсе к дневнику» отметил свое председательствование на этом заседании. Здесь упомянуто, что вечером этого дня состоялось заседание Совета ВФА. Упомянул Белый и курс лекций «Культура мысли», прочитанный в марте (Л. 102 об.).

⁸ Стенограмма заседания опубликована нами. См.: Иванова Е. В. Беседа о протестарской культуре в Вольфиле//De visu. 1993. № 7—8. С. 5—27.

⁹ В «Ракурсе к дневнику» А. Белого отмечено его председательствование на заседании (Л. 103 об.).

¹⁰ Сведения об этом заседании см.: Белый А. Ракурс к дневнику. Л. 104.

¹¹ Оранский С. А. и Федоров <О. Ф.> — деятели Научного общества марксистов (НОМ), о котором см.: Клушин В. Н. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 95—130.

¹² В архиве Вольфилы на 34-е заседание обнаружены две повестки с разными темами; в Отчете о деятельности ВФА за 1920—1921 гг. оба доклада упоминаются как состоявшиеся (см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 1). Данзас Юлия Николаевна (1879—1942) — журналистка. До революции под псевдонимом Ю. Николаев опубликовала книгу «В поисках божества» (1913). В 20-е годы заведовала Петроградским Домом ученых. В 1920 году приняла католичество и «решительно порвала с теософией и масонством, с которыми была связана много лет» (Агурский М. М. Горький и Ю. Н. Данзас//Минувшее: Исторический альманах. Вып. 5. Париж. 1988. С. 362).

- 13 Письмо с просьбой принять его в члены Вольфилы и предложение возможных тем для выступлений см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 154.
- 14 Боричевский И. А. (1886—1941) — член РСДРП, после революции отошел от политики и активно сотрудничал в Научном обществе марксистов. См. о нем: *Клушин В. Н.* Первые ученые-марксисты Петрограда (по именованному указателю).
- 15 На заседании присутствовал А. Блок, упомянувший об этом: *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 500. Книга Иванова-Разумника «Вл. Соловьев и социализм» была объявлена в издательстве «Колос» (Мысль. 1922. № 1. С. 328).
- 16 С. Гарт (настоящее имя — Зусман Самуил Соломонович (1880—?) — философ, сотрудник Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- 17 Бехтерев Владимир Михайлович (1857—1927) — ученый-нейрофизиолог, психолог, невропатолог и психиатр.
- 18 Демчинский Борис Николаевич — автор книги: Христос в революции. Пг., 1917.
- 19 Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) — филолог-классик, историк культуры.
- 20 С. А. Аскольдов (настоящее имя — Алексеев Сергей Алексеевич, 1871—1945) — сын философа-кантианца А. А. Козлова — философ, литератор и критик.
- 21 Всего в Вольфиле состоялось 2 вечера Н. Клюева, о чем свидетельствует гонорарная ведомость (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 4). О вечере упоминается в Дневнике Блока (см: *Блок А.* Собр. соч. в 8 т. М., 1963. Т. 7. С. 372).
- 22 О приглашении Блока на этот вечер см.: *Блок А.* Собр. соч. Т. 7. С. 372.
- 23 Статью К. Эрберга с таким названием см.: Искусство старое и новое. Под ред. Конст. Эрберга. Пб., 1921. Вып. 1. С. 1—18.
- 24 Записи, сделанные К. Сюннербергом во время выступления Евгения Максимилиановича Браудо см.: ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 15. Л. 5 и 7.
- 25 Пумпянский Лев Васильевич (1894—1940) — литературовед, историк русской и западной литературы. См. о нем: *Николаев Н. И.* О теоретическом наследии Л. В. Пумпянского//Контекст — 82. М., 1982. С. 289—303.
- 26 Возможно, имеется в виду В. С. Иоф, профессор Педагогического ин-та, член научного об-ва марксистов и, в то же время, сотрудник журнала «Мысль». О нем см.: *Клушин В. Н.* Первые ученые-марксисты Ленинграда. С. 119.
- 27 Пэрна Николай Яковлевич (1878—1923) — психолог. На основании лекции была подготовлена книга: Пэрна Ник. Ритм, жизнь и творчество. Л.; М., 1925. Ч. 2 — «Психологические периоды». Во время работы над книгой автор пользовался советами К. А. Сюннерберга, о чем свидетельствует письмо от 2 августа 1922 г. (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 226).
- 28 Гиппиус Владимир Васильевич (1876—1941) — поэт и критик, до революции — директор Тенишевского училища.
- 29 Первоначально заседание планировалось провести 6 марта, о чем свидетельствует текст, подготовленный для объявления в газете — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 5. Л. 23.

30 Гольдман Эмма — американская анархистка, происходившая из России, в 1920 году приезжала в Москву. См. ее кн.: *Goldman E. Living my life.* New York. 1931. Vol. 1—2.

31 Кибальчич Виктор Львович (псевдоним — Виктор Серж) (1890—1947) — прозаик, переводчик, публицист. Французский анархист русского происхождения. Приехал в Россию в 1917 году, примкнул к большевикам, затем к троцкистам. Был арестован и отбывал заключение в лагерях. В письме к Ромену Роллану от 12 ноября 1935 года М. Горький обещал, что он будет освобожден. См.: Вопросы литературы. 1957. № 1. С. 188.

32 Витязев П. (настоящее имя — Седелко Ферापонт Иванович) (1886—1938) — публицист, библиограф, руководитель издательства «Колос».

33 Васильев Александр Васильевич (1853—1929) — русский математик, последователь Лобачевского, редактировал сборник «Новые идеи в математике» (1912—1915). В информационной заметке о заседании сказано, что докладчик сделал «вполне современное, отчетливое, ясное и очень простое изложение «большой теории относительности», со включением наиболее спорного вопроса о взаимоотношении нового принципа и принципа эфира» (Мищенко Л. Библиографическая справка//Вестник литературы. Пг., 1921. № 9 (33). С. 13).

34 Об этом заседании и о возникшем на нем споре между Андреем Белым и Л. Пумпянским вспоминает Д. Е. Максимов: О том, как я видел и слышал Андрея Белого//Максимов Д. Е. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 356.

35 Собецкий Михаил Георгиевич — член-соревнователь Вольфила. Его письма с предложениями тем для своих выступлений см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 154 и Оп. 4. Ед. хр. 147. Здесь же тезисы возможных выступлений.

36 Первоначально предполагалось провести беседу 24 июля — см. объявление: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 37.

37 В списке заседаний (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 14. Л. 22) против заседания 14 августа приписано «не состоялось».

38 Стенограмма заседания опубликована: Памяти Александра Блока. Вольная Философская Ассоциация. Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Пб., 1922. Информацию о заседании см.: Д. П. Вольфила — Блоку//Летопись Дома литераторов. 1922. № 1—2 (5—6) С. 23, а также в газ.: Руль. Берлин. 1921. 10 сентября; Голос России. 1921. № 736. 20 сентября.

39 Сведения приводятся на основании издания: *Пумпянский Л. В. Достоевский и античность: Доклад в ВФА от 2 октября 1921 года.* Пг.: Замыслы, 1922.

40 В архиве Белого в РГАЛИ сохранился текст «Достоевский и кризис культуры» — начало доклада на открытии Вольфила 15 октября 1921 года. Сведениями о выступлении Белого в указанный день мы не располагаем.

41 В предисловии к книге А. З. Штейнберга «Система свободы Достоевского» сказано, что в ее основу легли выступления 16 и 23 октября в Вольфиле. (*Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского.* Берлин. Скифы. 1923. С. 7).

42 Гревс Иван Михайлович (1860—1941) — историк-медиевист, профессор петроградского университета.

43 О своем интересе к К. Леонтьеву П. К. Губер писал в предисловии к кн.: Страницы воспоминаний Константина Леонтьева/Редакция и предисловие П. К. Губера. Спб., 1922. См. также: *Губер П. Константин Леон-*

тьев (к 40-летию со дня смерти)//Летопись Дома литераторов. 1921. № 2. 15 ноября. С. 5.

44 Возможно, выступление связано со статьей: Лурье А. На распустье. Культура и музыка//Стрелец. Сборник 3-й и последний. Пг., 1922.

45 Текст выступления: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 164.

46 Сорокин Питирим (1889—1968) — известный русский социолог, слава которого связана с его деятельностью в Америке, где он жил в эмиграции. О его деятельности в России см. в кн.: Социологическая мысль в России: Очерк немарксистской социологии. Л.; Наука. 1976. В примечаниях к своей переписке К. А. Сюннерберг писал, что Питирим Сорокин «выступал в Вольфиле, однако здесь уж совсем не пришелся он к месту» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 53. Л. 105).

47 В «Летописи Дома литераторов» 17 октября указан доклад С. А. Адрианова «Карамазовщина», а 19 октября выступление А. Л. Волынского «Верования Достоевского». Сохранившаяся стенограмма выступления Волынского (собрание М. С. Лесмана), датирована 19 октября.

48 См.: Неизвестный доклад О. Форш/Публ. Е. В. Ивановой//Дантовские чтения 1990. [Вып. 9] М., 1993. С. 155—174.

49 Автор доклада не установлен. Леруа Э. (1870—1954) — французский философ.

50 План курса см.:ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 470. Возможно, к этому выступлению относятся разрозненные листы машинописи: там же. Ф. 79. Оп. 4. Ед. хр. 116.

51 Опубликовано в кн.: Орфей: Книга о музыке. Пб., 1922. Кн. 1.

52 Возможно, об этом заседании Иванов-Разумник писал в письме к Эрбергу: «Вчера заседание Вольфилы началось в 3 1/2, кончилось в 8 1/2 ч. Было очень хорошо. Публики полный большой зал — и все сидели, не шелохнувшись, до самого конца» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 145. Л. 14).

53 Вероятно, имеется в виду «Дневник женщины, которую никто не любил». К этому же дню относится рукописное объявление: «В понедельник 21 августа по окончании 3-го вечера произведений А. Блока в 10 ч. вечера Николай Клюев прочтет новую поэму „Мать Суббота“. Вход свободный.» (ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 568. Л. 2).

Андрей Белый

Солнечный град
Беседа об Интернационале
2 мая 1920 г.¹

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (Андрей Белый). Объявляю заседание открытым. Прежде чем приступить к теме сегодняшней беседы, я позволю себе сказать несколько слов к порядку дня. Устраивая эту беседу, мы рассчитывали на участие в ней всех присутствующих; желающие высказаться пусть запишутся на этом листе; ораторов буду я вызывать в порядке записи. Во-вторых, позвольте остановиться на следующем. Кто присутствовал на наших собраниях, тот уже знает: наш интерес сосредоточивается на свободном углублении культурно-философских тем. Присутствие членов Интернационала было для нас желательно в связи с сегодняшней темой; мы пригласили тов. Зиновьева; вследствие болезни он у нас не может быть; все наши усилия пригласить других представителей Интернационала технически не увенчались успехом; в нашей программе не достает ряда имен, которых мы желали бы видеть сегодня среди нас. Открывая беседу,— позволю себе напомнить: нас интересует культурно-философская постановка вопроса; не интересует ни критика существующего Интернационала, ни панегирик ему. В случае отклонения беседы от наших заданий, я, в качестве председателя, буду напоминать присутствующим о том, чтобы беседа вернулась в ей свойственные берега. Вот те несколько слов, которыми я бы хотел предварить беседу. В порядке записи я встаю первым; беру себе слово.

Солнечный Град! Почему мы так именно озаглавили нашу беседу? Не все присутствующие знают, что в этом году исполняется 300 лет со дня появления в печати сочинения монаха Фомы Кампанеллы, которая вышла в свет в 1620 году. В это время имя Кампанеллы гремело в Европе; его утопия вызывала толки; сам он находился в темнице, где он провел около 27-ми лет. В его сочинении, как и в утопии Томаса Мора (как и у Платона), встречаются впервые нас коммунистические идеи. Приурочивая беседу к празднованию Интернационала, следует пожелать, чтобы

мученик-революционер Кампанелла был достойно почтен современниками. Мы видим памятники деятелям социализма; но забываются первые имена социалистов. Утопия Кампанеллы не может служить руководством в наших представлениях о социализме; однако, как устремление к будущему она интересна; было бы желательно видеть в России памятник Кампанелле, который так мужественно впервые поставил проблемы теперешних дней и который всю жизнь испытывал на себе в ряде пыток власть деспотов; он выступал от теократического интернационала; он был монах-доминиканец. В теократии видел он подлинный Интернационал; но вся постановка вопросов, связанных с Интернационалом, у него новая. Интересна эпоха, в которой он действовал. До нее видим мы все усиливающуюся борьбу между двумя устремлениями человечества в области государственного строительства; видим растущее национальное самосознание государства; и — Интернационал того времени: мировую, христианскую церковь. Борьба националистов с интернационалистами в раннем периоде европейской истории известна как борьба императоров с папами; те и другие — тираны; борьба — борьба личности пап с личностью императоров. Вдруг мы вступаем в период истории, когда рядом с личностью одного или личностью немногих подымается вообще право личности (всякой), вне класса и сословия; человек в своем достоинстве вырастает неимоверно; крупные индивидуальности появляются всюду: в науке, в искусстве; фактом существования своего и влияния на окружающих ниспровергают власть одного, выдвигают власть каждого; освобождается личность; и гуманизм расцветает; в очень скором времени он заменяется классовым либерализмом. В XVI-м, XVII-м веках мы видим крепнущую буржуазию; и — видим зерно анархизма, созревшее в восстании личности; правда, оно не прозябло в последующих столетиях; приблизительно в эту же эпоху намечился и иной идеал: человечество в его целом встает, как единство; мы видим — как на противоположном полюсе человеческого устремления вспыхивает заря будущего социализма; тут мы видим фигуры, подобные Кампанелле и Савонаролле; первый становится душой заговора против власти Италии; его схватывают и сажают в темницу; вот что он говорит о себе: «Я прошел заключение в пятидесяти различных камерах и семь раз подвергался самой ужасной пытке...» (Цитата). В тюрьме пишет он свое знаменитое сочинение о Солнечном Государстве, описывая архитектонику быта и нравов «Города Солнца».

Идеалы анархии и утопического социализма одновременно слагаются; но первая округляется либерализмом; а социализм заостряется после в научную догму. Мы видим подход к крепну-

щему марксизму, который ныне считается научной идеологией. Так связуется Кампанелла со своей линией истории социализма.

Мы живем в мировой революции; Интернационал поднимает свой голос; острее и острее мы ставим вопрос: что он есть? И — как понимать его? Каковыми войдут в него наши мысли, чувства и воления? Каковы будут в нем проблемы практической жизни? Подходя к этим конкретным вопросам, мы видим, что раскрыть понятие Интернационала во всей его наглядности все еще нам заповедно; в размышлениях о нем мы расходимся по разным путям, по разному раскрываем лозунги, звучащие в нашу эпоху. Один из первых вопросов, который стоит перед нами: что есть Интернационал? Переводя это слово на русский, я должен сказать, что оно означает международность (интер — между, национал — народный): международное общение людей, международная форма культуры загадана нам в Интернационале; и возникает проблема, которая подлежит углублению: что же значит «между»? Спаивает ли это «между» различные части разъединенного человечества? Разъединяет ли? Ведь когда говорю «между народами», то подчеркиваю подчас и нечто иное, а именно: есть нечто, являющееся между народами, как трение, как препятствие к свободному соединению отдельных человеческих групп. Интернационал имеет и ту, и другую стороны; известные формы интернационала существовали доселе в человечестве; например, в стремлении людей к международному языку; международный язык — эсперанто... удобны<й> для понимания, стира<ет>, однако, все красочности, богатства и непередаваемые красоты многовековых языковых творчеств: интернациональны почтово-телеграфные сообщения, сети железных дорог: интернациональны удобства цивилизации, производящие революцию в экономической жизни. Обратные стороны интернациональности знаем мы: где установлены всеобщие нивелирующие формы, там стираются красоты народной культуры; например, в Тунисии имеется прекрасная архитектура; появляются иностранцы и вносят свои интернациональные формы, пригодные для Европы, но непригодные для африканского климата и национального быта, который стирается в них, уступая место нивелирующим машинам цивилизации; в заданиях интернационала есть огромные преимущества, но и опасности. Первый вопрос, занимающий нас — вот какой: не является ли идеал Интернационала ошибочным, не следует ли, углубляя лозунг Интернационала, превратить «интернационал» (международную спайку) в согрупповую спайку, в сонародное объединение? Не конкретизируется ли «интернационал» в слове «сонационал», являющим знак органического соединения индивидуальных форм жизни в свободной коммуне коммун, ор-

ганизация которой противоположна механизму? Растущая специализация труда в эпоху власти капитала создает техническое разделение людей, отражающееся на их мирозерцании, в самом взгляде на вещи и на природу вещей. Тема Интернационала нам ставит вопрос о специализации, формах труда и отражении его на человеческой психике, стирающем индивидуальные особенности человека и размножающем стереотипы (тип текстильщика, отпечатанный в многих тысячах экземпляров, тип металлиста). В предыдущей нашей беседе о профессиональном труде профессор Лавров выдвинул вопросы, связанные с организацией труда, упраздняющей трудовые спецификации человека (человека текстильщика, металлиста). Вопросы организации могут выявить перед нами представление об Интернационале, не имеющем отношения к механическим представлениям о механически сложном Интернационале; может возникнуть иной идеал Интернационала, где люди соединяются по глубочайшим своим устремлениям, философским, культурным и эстетическим; в этих «второго порядка» коммунах близкое слово «товарищ» заменится еще более близкими: «брат» и «сестра»; может быть, сможем тогда говорить о заданиях Интернационала, как о свободном объединении, где все человечество, взявшись за руки «братски», организует всемирное братство любви; в Интернационале, который есть не только нечто междулежащее, но и нечто соединяющее, окончательно организующее, будет осуществляться интернационал искусств, интернационал наук, интернационал языков и других проявлений культуры. Вот все эти проблемы было бы желательно затронуть в предстоящей беседе. Я в вводительном слове лишь намечаю берега, а не даю какого-либо своего взгляда на «Интернационал».

Но все то уже намечается в утопии Кампанеллы; не будем брать его с точки зрения научной значимости; научная значимость его невелика; просто дороги первые образы, строящие социалистический идеал коммунизма и интернационализма; приблизим те образы: мы увидим — на всей конструкции Кампанеллова Града лежит печать глубокого органицизма. Солнечный Град тщательно нарисован монахом-философом; явлено расположение улиц и самая форма огромного храма, который стоит посредине: тот храм состоит из семи кругов; каждый круг освещается отдельной планетой; подробно описано внутреннее расположение храма. Религия Града глубоко космична; человек здесь сливается с космосом; сообразно с слиянием этим весь быт... внятно подслушан у самой природы; государственное устройство слиянно с природою нашей; во времена Кампанеллы ученые и философы думали, что свойства людей и их органы связаны каждый с

соответственным органом вселенной; и думали, что человек — малый мир в большом мире, что он микрокосм в макрокосме; согласно такому учению, Солнечный Град Кампанеллы есть микрокосм в большом мире; конституция здесь Платонова: во главе стоит тот, кто прошел все науки, которые в виде образов начертаны на стенах (обучаются в созерцании этих картин); тот, кто все образы знания в себе сочетал, кто прочел книгу мудрости (Солнечный Град обладает одною религиозно-философскою книгою, сочетающей все узнания солнчан о науках, культурах, религиях, бытах; книга эта читается вслух; мудрость начертана в образах), кто сочетал в себе книгу, того выбирают руководителем государства и он получает название Солнца; он так же, как солнце, стоящее посредине вселенной, стоит по середине вселенского града, сосредотачивая в себе солнечные идеалы; он — Герофант. Окружен он коллегией; члены коллегии носят названия, соответствующие философским заданиям времени, когда человек рассматривался соответствующим вселенной; центр жизни есть сердце; вокруг — треугольник способностей человека: ум, чувство и воля — Юпитер, Венера и Марс. Согласно с астрологическим строением психики человека с природою мира, коллегия солнечного представителя состояла из трех главных членов, которые назывались: Мудрость, Любовь и Могущество, т.е. Юпитер, Венера и Марс (ум, чувство, воля). В коллегию выбрали лица, которые с детства воспитывались своеобразно способностям; штат чиновников, их окружавших, носил название добродетелей; государственное устройство было организовано по одному моральному плану, соответствовавшему природе вещей. В Солнечном Граде заложены идеалы органического коллективизма; человечество и вселенная связаны в нем; этот Град вырастает цветком из недр мира; он светит; и оттого он — Град Солнца. В своей ранней утопии Кампанелла еще не коснулся экономической жизни; важно, что в чаяниях своих он узрел органический коммунизм, чуждый всякой механике. Выдвигая проблему о понимании будущего Интернационала, мы видим два образа: образ машинного строя, стирающего индивидуальности психики, языка и культуры; и образ, слагающий языки, души, стили в венец человеческих душ; и язык языков, вырастающий из братского соплетенья наречий, мы видим в грядущем. И на вопрос — интернационал или сонационал, отвечает монах Кампанелла: «Сонационал!»

Вот — вводительные слова, которыми я хотел бы открыть наши прения. За собой сохраняю я право еще выступить со словами. <...>

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 71.

Председатель К. А. Эрберг. Участники беседы: Аскольдов, проф. Васильев, Карсавин, Иванов-Разумник, Векслер, Чебышев-Дмитриев, Штейнберг, Кристи.

Открывает заседание Эрберг вступительным словом о том, почему тема Платона дорога Вольфиле. Платон, по слов<ам> К А., есть та единица, к которой приставляются различные нули. Он художник, религиозный мыслитель и гносеолог. Кроме того, у Платона есть попытка разрешить социалистич<еские> проблемы. «Но нам важен Платон п<отому>, что в его разнообразной деятельности мы всегда можем найти то револ<юционное> творческое начало, кот<орое> так дорого Вольфиле. Поэтому и возможно сегодня совпадение двух тем — темы Вольфилы и темы Платона».

Затем К. А. Эрберг перечисляет лиц, кот<орые> выступят и предоставляет слово Аскольдову.

Аскольдов говорит о гносеологии Платона. «Платон из тех философов, которые особенно нуждаются в истолковании. С одной стороны, это крупный мыслитель, которого нельзя оценивать в рамках истории, с другой стороны, следует рассмотреть те условия, которые повлияли на платоновскую гносеологию. Одной из задач Платона было поставить гносеологию на рационалист<ическом> основании, главное его дело было установить то, что существует знание и сущ<ествуем> истина. Тем резче приходилось ему отстаивать свои взгляды, чем сильнее были течения сенсуалистич<еского> характера в те времена, когда он жил. Платоновская гносеология исходит из познания *сущего*, кот<орое> заключено в *понятии*. Понятие имеет все признаки сущего бытия — общность, неизменность и вечность. На определении этих признаков понятия и базируется платоновская гносеология и на этом гносеологич<еском> подходе основана его «метафизика идей».

Далее докладчик набрасывает общую картину платоновск<ого> мира идей, как некот<орых> отвлеченных схем, но говорит, что таким пониманием *идей*, как высшей отвлеченности, удовлетвориться нельзя. Стоит только вдуматься, и мы увидим, что Идея Платона есть живое начало. Идеи не отвлеч<енные> причины, а живые факторы, созидающие изменчивую жизнь этого мира. Идеи живут в гармонич<еском> единстве. Как солнцем в мире планет пронизаны они идеей *блага*. И человек познает постольку, поскольку он сам причастен к идее блага.

Но одновременно с идеей Блага Платон говорит о Боге. Он говорит о нем, воспроизводя различные мифы. Платон-религиозный мыслитель и Платон-философ сталкиваются. Что такое *μῦθος** для Платона? Считается иногда, что Платон приводит мифы для приспособления к человеческ<ому> пониманию. Достаточно вчитаться, чтобы увидеть неправильность такого взгляда. В мифе для Платона заключ<ена> истина в грубой оболочке. Языч<еское> мирозерцание не чуждо Платону. Идея Первопричины как всезаключающего в себе сущего бытия и идея Зевса как Демиурга не находятся в противоречии.

Платоновское мирозерцание легко подвести к христианскому. Идея Блага как, духовного разумного начала, имеющего индивидуальное сознание, совпадает с идеей христ<ианского> Бога. Но роковая антиномия в философии Платона — это существ<ование> множества идей. Идеи дискредитированы Богом и Бог дискредитирован идеями.

Но дело в том, что философия Платона *in statu nascendi*** , и мы вправе назвать его *precursor in rebus divini**** , и так бы, вероятно, назвала его средневековая философия, если бы узнала его раньше Аристотеля (*precursor in rebus naturales*)****

Проф. Васильев читает о Платоне-математике по писанному и быстро (он должен был дать доклад и обещал доставить).

Карсавин говорит о том, что Платон есть тот вечный первоисточник, к которому возвращается всякая научная мысль, всякое знание. Мы сами не знаем, насколько мы впитали мысли Платона, но тем не менее, мы имеем о Платоне совершенно превратное представление. Мы не представляем себе истинного значения Платона для средневековья, о котором тоже имеем очень слабое представление.

Средневековье, конечно, не есть та эпоха, когда мысль погибала в тисках темных предрассудков, когда занимались всякими ненужными вопросами, вроде того, «сколько ангелов помещается на кончике иглы». Разве не средневековье дало человечеству Раймунда Луллия (которого недаром читал в молодости Лейбниц), Якова Беме, Эригену Я<н> Скотта, Бл.Августина и Боэция, не из средневековья ли вырос Плотин и новоплатоники. Средневековье есть та эпоха, когда были разработаны все положения,

* миф (греч.).

** в состоянии зарождения, в момент образования (лат.).

*** молящийся в божественных делах (лат.).

**** молящийся в делах природы (лат.).

которые *implicite* даны в метафизике Платона. Все основы христианской догматики разработаны в средневековье и главный свой философск<ий> источник имели в Платоне, а не в Аристотеле, как принято думать.

Флорентийская Академия целиком выросла из средневековья. Это есть момент расцвета синтеза живой мысли, не следующей за мертвой буквой учителя. Здесь сходились философы и не философы, мистики и рационалисты, поэты, художники и просто любители свободных искусств. Если хочет ВФА, это было своего рода ВФА XV века.

Там и расцвела та платоновская метафизика, которая проникнула всю позднейшую философию, но, кроме того, это был подъем любви к истине, знанию и жизни — то, за чем позднейшее европейское сознание не сумело пойти. На метафизике Платона основана мысль об Абсолюте, об Единстве Сущего, проникающего Вселенную, о сияющем мире царства идей, которого мы только слабый отблеск. И если мы вспоминаем Платона и Флорен<тийскую> Академию, кот<орая> сумела живо его претворить в ту эпоху, когда мы особенно погрязли в материи, то это недаром, п<отому> что давно нам пора вернуться от тени к свету, вернуться к сияющему царству идей.

Карсавин прибавляет, что мог бы еще говорить об очень многом, в частности, о тонкостях платоновск<ой> метафизики (например, о брачном числе, о котором упоминал А. В. Васильев), он мог бы сказать очень много, но, к сожалению, это бы заняло слишком много места.

Иванов-Разумник. Говорит о Вольфиле. Вольфила начала когда-то небольшим докладом о кризисе гуманизма. Это близко связано с сегодняшней темой, потому что мы связаны с Платоном, с платоновской «Вольной Академией». Только тогда был расцвет гуманизма, теперь крушение его, последняя точка, последняя волна на гребне всей христианской культуры. Сейчас идет новая культура. Несомненно, она несет в себе много соков старой — это то, что вечно. Нашу эпоху нельзя не назвать великой эпохой, во всяком случае эпохой великих начинаний. Как бы нам <ни> казались трудны будни, мы из-за будней не можем забыть «Дней революции прекрасное начало...» и в нашу эпоху «на поприще ума нельзя нам отступать», нужен живой обмен мнений и как раз того же характера, который был нужен в эпоху расцвета гуманизма. Должна быть такая же Вольная Философская Академия, как Академия XV века, куда по праву включены и поэт, и художник. Основным базисом для такого содружества и является сейчас Вольфила. Очень часто мы неудовлетворены, недовольны

собой, но мы живем и дышим революционным духом времени, тем только духом, в котором есть животворящее начало.

После Раз<умника> Вас<ильевича> говорит А. Л. Векслер о Вольфиле. «Меня никто не уполномочивал, но думаю, что, говоря о Вольфиле, я выражу мнение многих.

Вольфила возникла в вихре революции. Многое было сдвинуто с места, многое рушилось, но не все было разрушено: старый гнилой фундамент был не пересмотрен, поэтому так убога была жизнь. Очень часто в лике новой жизни мы видели только гримасы. Вольфила обострила углы революции, взорвала наше сознание и заостренные ценности нашей культуры. Уже в этой способности выявить в Вольфиле оказался элемент созидания. Разрушение и созидание составляют 2 стадии творчества новых форм. Разрушение для разрушения — смерть. Выдернутые из целого первым элементом — мы шли к гибели, шли к разложению, на нас веяло ужасом смерти, на нас смотрела тоска небытия. Вольфила, соединившая начало разрушения и созидания, повела нас к творчеству жизни, душа Вольфилы творческая, и поэтому мы пошли к возрождению. Вольфила создала радостную, напряженную атмосферу, в которой выковывается цельное сознание. Вольфила — наше будущее*.

В заключение я хочу очень глубоко поблагодарить основателей Вольфилы и сказать, что мы, пришедшие к Вам, всегда высоко будем держать знамя Вольфилы.

Чехов-Дмитриев выступает с тем, что он еще меньше уполномочен говорить, чем т. Векслер, зато он говорит от всей массы посетителей Вольфилы и душа его так переполнена, что ему трудно что-нибудь сказать. Ему хочется сказать: «Господа, товарищи, братья, когда я недавно пришел в Вольфилу, я сразу уже не смог более оторваться от этого пламени, от этого приюта свободной мысли, от этого оазиса, где мысль не бьется в тисках Матерьяльного». Человек слаб, но в свободной мысли он безграничен, еще Паскаль говорил, «ainsi toute notre dignité existe dans le pensée»**. А в чеховском «Доме с мезонином» в ответ на вопрос: «А не страшно ли что-то непонятное» говорится: «Нет, потому что к идеям, которых я не понимаю, я подхожу бодро и смело и не подчиняюсь». Всем присутствующим здесь я должен

* На полях приписано: «А при чем тут Платон?»

** Таким образом, все ваше достоинство уже существует в мысли (франц.).

сказать, заканчивает Чебышев-Дмитриев, что только в Вольфиле нам дана возможность героизма и творческого духа.

Штейнберг говорит, что не случайно мы так переходим от Платона к злободневности. Платон тот философ, для которого нет противоположения между жизнью и философией. Платон иногда кажется отвлеченным, между тем, есть момент в Платоне, который всегда мало учитывается, который приближает Платона к злободневности — это начало Гераклитизма, которое Платон вносит в самую тему Логоса. Гегель говорит, что в платоновской живой диалектике тот огненный Логос, который позвал уразуметь мир, как пламенную метаморфозу. Весь мир — воплощенный Логос во всех его проявлениях, во множестве мыслей, не мертвых мыслей, но живых, животворящих, связанных единым целым, но проявляющихся в взаимных столкновениях и взаимных перерождениях и поэтому совмещающихся в своих противоречиях и противоположностях, пот<ому> что они живые включены в Единый Живой Логос.

И Парменид и Софист и Филей зовут понять мир, как противоречие, которого требует сама логика, мир, как метаморфозу, которую создает огонь слова. Слово может спасти не существующее (*μηδὲν*)* потому, что в слове восстает единый дух живой, проникающий все.

В Пармениде (диалог долго считался подложным, потому что не могли уразуметь его смысл) мы видим, что обо всем существующем мы можем сказать, что оно есть и что его нет, и чтобы спасти мир не существующий, мир феноменов, нужно его постигнуть как целое единое логической связи. Поэтому Платон так легко переходит от философии к жизни и обратно, что он не чувствует этой противоположности, для него в переменчивом заключ<ена> возможность вечного сущего, в смертном — возможность бессмертия.— Платон говорит *'αδανατοι—θνητοι* и *θνητοι—'αδ'ανατοι*** . И сегодня, переходя к злободневности, хочется сказать, что сумерки будней можно озарить философск<им> огнем. Не страшно разрушение, не страшна гибель старых культур, в новом пламени восстанут новые, в смене есть закономерность искания, изменчивый дух жизни есть дух борьбы Логоса и в живой борьбе залог будущих рождений.

Вольфила поддерживает дух животворящего Логоса, надо уметь говорить, надо учиться говорить, надо учиться спорить,

* Мзон — не-сущее (греч.).

** Бессмертные смертны и смертны бессмертны (греч.).

потому что в диалектике рождается Логос, в диалектике Логоса — новая жизнь. Мир должен быть претворен в духе вольности и философии. Возможность претворения в превращении живой силы сущего — *ουσι'α** — в самой себе, мир должен претвориться в сущий, в *'οντος'ον***, актуальной живой силой слова мир перерождается в единый пламень Логоса.

И если задача Вольфила в том, чтобы поколебать предрассудок о пропасти между жизнью и философией, если дело философии Вольфила есть дело жизни и дело жизни есть дело философии — тогда можно сказать, что Вольфила делает единственное реальное подлинное дело.

После А. З. Штейнберга говорит М. П. Кристи.

Он выступает с приветом от Наркомпроса и говорит, что несмотря на то, что существующая власть часто слышит прямые или косвенные упреки от Вольфила, тем не менее она относится к ней терпимо и субсидирует ее, ибо власть не боится свободной мысли. Недодуманно смешивать некоторые суровые меры власти, проявляемые в гражданской войне, с какой бы то ни было возможностью посягновения на свободную мысль. Самый факт существования Вольфила показывает, насколько существующая власть терпима и насколько широки ее задания.

Заключительное слово говорит К. А. Эрберг.

Сегодня соединились две темы, тема Платона и тема Вольфила. Они соединились в том месте, где есть общие черты между Флорентийской Академией и Вольной Академией — Вольфилой. Но в чем разница отношения к Платону Флорентийской академии и Вольфила? М. Пичино возжигал лампы перед Платоном. Вольфила может идти под знаком Платона в том смысле, о котором говорил А. З. Штейнберг. Но возжигать лампы Вольфила ни перед кем не будет — никогда. Художник Гоген сказал, что в искусстве либо плагиаторы, либо революционеры. Плагиаторы те, которые хотят новое вино вливать в мехи старые. Это можно взять шире и тогда это будет точка зрения Вольфила. Нам не нужны старых условий, даже если мы вкладываем в них новое содержание, нам никаких условий не нужно, нам важно быть в революционном творчестве.

Мне хочется сказать в дополнение к тому, что сказал Арон Захарович, что Вольфила ценит в Платоне именно творческое

* Бытие, сущность (греч.).

** Сущее (греч.).

революционное начало. Но это же начало мы будем ценить и во всех других философах и не только философах, но и в мудрости мужика, в мудрости поэта.

Вольфила будет находить революционное творческое начало всегда и везде. Иначе она не будет Вольфилой.

ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 11.

¹ Публикуется только сохранившаяся часть выступления Андрея Белого. На Л. 1 пояснительная запись Иванова-Разумника: «Копия правленной А. Белым стенограммы его речей (стр. 1—7, 26, 40—41); подлинник в V папке рукописей А. Белого». Подлинник выступления Андрея Белого утрачен, из всей стенограммы его выступления до нас дошли только стр. 1—6 по нумерации Иванова-Разумника.

Т. И. Орнатская

Материалы А. А. Ахматовой в архиве К. А. Шимкевича

При издании и комментировании произведений Ахматовой текстолог неизбежно сталкивается с рядом специфических сложностей, а подчас и трудноразрешимых проблем, что объясняется, прежде всего, глубоко личностным характером большинства ахматовских произведений¹, зыбкостью такого понятия как «последняя авторская воля», частыми изменениями, вносимыми Ахматовой в посвящения и авторские даты под стихотворениями (в последнем случае речь идет не о большей или меньшей полноте подписей под автографами стихотворений, но о замене ранних дат более поздними, часто фиктивными и т.д.).

В связи с этим значительный интерес представляют поступившие в 1990 году в Рукописный отдел Пушкинского Дома экземпляры книги «Белая стая» (Стихотворения. Книга вторая. Издание четвертое, дополненное. Петербург, 1923) с дарительной надписью и рядом авторских вставок, исправлений и помет, а также автографы нескольких стихотворений, вписанных Ахматовой в старинный фамильный альбом, ей не принадлежавший.

И книга, и альбом поступили в Пушкинский Дом от ныне покойной А. К. Шимкевич, дочери известного литературоведа,

¹ Что, на наш взгляд, совсем не противоречит утверждению об «общеакмеистской», «особой профильтрованности» ее стихов (Лидия Гинзбург. Ахматова (Несколько страниц воспоминаний)//Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 132. В дальнейшем: Воспоминания).

профессора Института истории искусств Константина Антоновича Шимкевича (1887—1953). В 1920-х годах Шимкевич заведовал Кабинетом современной литературы названного Института, и при кабинете существовал и продолжал пополняться архив современной поэзии. Архив этот был также в ведении Шимкевича, что делало еще более тесными его и без того обширные служебные и дружеские связи со многими из петроградских поэтов, литераторов и ученых-филологов².

В старом частном доме на Охте, где до конца дней жил Шимкевич, у него была великолепная, в значительной мере наследственная библиотека, состоявшая из древнейших рукописных книг³, изданий XVIII—XIX веков⁴ и большого количества поэтических сборников 1910—1930-х годов.

Богатейшее рукописное собрание К. А. Шимкевича состояло как из архива его родственников (по матери он приходился племянником академику А. О. Ковалевскому; благодаря второй жене, дочери ректора петербургского университета в 1819—1821 годах М. А. Балутьянского М. М. Медем, он получил архив баронов Медем), так и его собственного, в основном относящегося к 1920—1950 годам.

В составе последнего и находятся ахматовские автографы.

Книга «Белая стая» открывается посвящением (на обложке, в левом углу), вызывающим целый ряд вопросов.

Вот полный текст посвящения:

V

Мужу и другу
Анна

5 сентября 1922

5 сентября 1927

Прежде всего, что может означать эта цифра V?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы, наверное, сопоставить все возможные ахматовские инскрипты — нет ли

---

² Многочисленные свидетельства этому находятся в его архиве, также поступившем в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

³ Дипломная работа Шимкевича была связана с древнерусской литературой и историей. Сохранившаяся часть рукописных книг ныне входит в состав Древлехранялица Пушкинского Дома.

⁴ Многие из них дополнили библиотеку Пушкинского Дома.

среди них чего-либо подобного⁵? Можно также предположить какую-то связь между цифрой V и хронологическими рамками посвящения. Ведь речь идет именно о пятилетиях 1922⁶—1927 годов.

И наконец, главный вопрос: к кому было обращено посвящение? И почему, очевидно, спустя какое-то время сами эти слова — «Мужу и другу» пытались стереть⁷? Попытка не удалась — вся запись была сделана химическим карандашом.

Наибольшую трудность представляет собою первая дата: 1922. Брак с В. К. Шилейко, официально расторгнутый в 1926 году, на самом деле распался в 1921-м — с утвердившимся в это время в жизни Ахматовой Артуром Сергеевичем Лурье (1891⁸—1966), знакомство с которым состоялось не позднее 1913 года⁹. В петербургских музыкальных и литературных кругах его считали «восходящей музыкальной звездой»¹⁰, в 1919 году Лурье опубликовал музыку на ахматовские стихи¹¹. В 1921 году Ахматова и Лурье поселились на Фонтанке, 18, в квартире О. А. Глебовой-Судейкиной. Н. А. Ольшевская-Ардова приводит слова, сказанные ей Ахматовой об этом периоде ее совместной жизни с Лурье и Глебовой-Судейкиной: «Мы обе были влюблены в одного человека». Мемуаристка прибавляет: «...но имени Артура Лурье не называла»¹².

В августе 1922 года Лурье уехал в заграничную командировку и не возвратился. Но Ахматова не забыла о нем. Свидетельства этому находим в дневниковых записях К. Чуковского¹³.

О «друге» Лурье Ахматова упоминает в единственном посвященном ему («А. Л.») стихотворении из рассматриваемого нами

⁵ В Мемориальном музее А. А. Ахматовой (С.-Петербург) среди многочисленных ее инскриптов подобных нет.

⁶ Дата «1922» на книге, вышедшей в 1923 году, объясняется просто: тираж ее был отпечатан в Берлине в 1922 году.

⁷ Вряд ли это делал кто-нибудь кроме самой Ахматовой — по свидетельству Л. В. Горнунга, поэтесса часто прибежала к резинке, стирая старый текст и вписывая новый (См.: Воспоминания. С. 180).

⁸ Точная дата рождения композитора (вместо прежней: 1893) введена в научный обиход в кн.: Кралин М. Артур и Анна: Роман в письмах. Л., 1990. С. 5. В дальнейшем: Кралин.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Воспоминания. С. 67.

¹¹ Четки. Десять песен из Анны Ахматовой. Пг., М., 1919.

¹² Воспоминания. С. 264.

¹³ Там же. С. 58, 61.

сборника: «И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий». Правда, именно в рассматриваемом нами экземпляре сборника Ахматова вычеркивает посвящение... Но в каком году она это сделала? В 1922 или 1927?

В кругу Ахматовой многие считали Лурье мужем поэтессы («...композитор Артур Лурье <...> женился на Анне Ахматовой и "переметнулся" к бывшим акмеистам») ¹⁴.

В этом же 1922 году в жизни Ахматовой начинается новый период.

Подруга Лурье И. Грэм пишет: «Уезжая в Европу, А<ртур> С<ергеевич> поручил Ахматову заботам своего друга Пунина» ¹⁵. Вскоре, в этом же 1922 году, поэтесса начинает появляться с Н. Н. Пуниным в обществе, а в декабре этого года их имена уже прочно связывают вместе ¹⁶.

Последняя дата на книге — 5 сентября 1927 года.

Логично было бы предположить, что эта последняя дата и есть дата надписи, то есть день предполагаемого вручения книги.

В этом случае книга могла быть подарена только Н. Н. Пунину.

Но и здесь есть основания для сомнений: обе даты могли появиться позднее, чем надпись «Мужу и другу» — они и сделаны другими чернилами и, возможно, после того, как надпись не удалось стереть.

И еще один момент: под словом «Мужу» просматривается почти совсем стертая дата «1922»; а под словом «другу» можно только угадать: «1927». Если Ахматова могла считать 1922 год началом ее отношений с Пуниным, то что же, в таком случае, означает год 1927? Ведь связь с Пуниным продолжалась значительно дольше — до конца 30-х годов. В таком случае, не исключено, что книга могла быть подарена Н. Н. Пунину и позднее, а смысл выделенного Ахматовой пятилетия мог быть ясен лишь им самим.

На все эти вопросы, возможно, ответ найдут биографы Ахматовой ¹⁷. Ценность же рассматриваемого экземпляра для нас

¹⁴ Юткевич С. Маяковский редактирует. Из «ненаписанных мемуаров» // Советская культура. 16 июля, 1983. С. 7. Подробнее см.: Кралин. С. 102.

¹⁵ Там же. С. 27—28.

¹⁶ Воспоминания. С. 60.

¹⁷ Для них покажутся любопытными и еще две записи с датами. Одна из них сделана Ахматовой во время пребывания в Святых Горах: в конце книги, между последней страницей и обложкой, был, вероятно, вложен цветок (или листок) и сделана помета: «С могилы Пушкина. 1924». В правом углу этой же страницы рукой неизвестного помечено: «10/ХІІ 1923. ЛЦ». Кто посторонний мог сделать в 1923 году запись в книге, еще никому не отданной и не подаренной?

заключается в другом. В том, что он использовался Ахматовой для последующей работы над составом и текстом «Белой стаи».

К какому времени относится эта работа? Предполагала ли Ахматова возможность переиздания книги? (Ведь со времени ее выхода и до появления следующей пройдет 18 лет!). На эти вопросы также еще предстоит искать ответ. Можно констатировать только одно: работа велась в два приема (в книге разновременная правка — чернилами и карандашом), и только над I—IV разделами «Белой стаи» (раздел V — «У самого моря» — содержит единственную авторскую поправку: типографская дата «1914» значительно расширена: «Нач<ата?> июль (Слепнево) кон<чена?> окт. (Ц<арское> С<ело>»)). И указано, что первая публикация появилась в издательстве «Аполлон».

На свободных страницах экземпляра вписаны карандашом три стихотворения, которыми расширялся состав «Белой стаи». Так, во II-й раздел должно было войти вписанное в самом конце книги, после содержания, стихотворение «И в Киевском храме Премудрости Бога...», помеченное датой «1915» и пометой, означающей, что стихотворение следует печатать «после стр. 35», то есть следом за стихотворением «Древний город словно вымер...». Во вписанном стихотворении предпоследняя строчка: «И в грохоте грозном Софийского звона...». В последующих изданиях слово «грохот» было заменено на «голос». Этот же II-й раздел книги Ахматова включает вписанным в конце его стихотворением «Черная вилась дорога...», но в автографе оно имеет заглавие: «Песенка». В 13-м стихе стихотворения в автографе вариант: «черные ворота» вместо «древние ворота»; в 16-м стихе вариант: «Прошептал: Прости!» вместо: «Мне сказал: "Прости..."»; в 17-м стихе вариант: «Черный крестик...» вместо «Медный крестик».

IV-й раздел открывается автографом стихотворения, не вошедшего в такие известные издания Ахматовой, как сборник Библиотеки поэта (1976) и в двухтомники ее «Сочинений» (1988 и 1990). Речь идет о стихотворении, начинающемся словами «Справа Днепр, а слева клены...».

По всему тексту книги уточнены датировки многих стихотворений, расширен круг посвящений и иногда сокращенно указывается, где стихотворение было напечатано. В большинстве своем вписанные даты впоследствии не были использованы Ахматовой. Приводим их в последовательности страниц книги:

- С. 9. «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» — 1915*¹⁸. Май. Спб.
- С. 10. «Твой белый дом и тихий сад оставляю...» — 1913*. Ц[арское] С[ело].
- С. 11. Уединение — 1914*¹⁹. Слепнево*. Лето*. 6 июня.
- С. 12. Песня о песне. 1916*. Лето. Слепнево.
- С. 13. «Слаб голос мой, но воля не слабеет...» Здесь в 4-м стихе 2-й строфы вариант: слово «иглой» исправлено на «стрелой»²⁰, а 5-й стих начинается со слов: «Так прошлое над сердцем власть теряет» (вместо: «Как прошлое...»). — 1913*. Царское. Весна²¹.
- С. 14. «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» — 1914*. Осень («Невский альманах»).
- С. 17. «Вместо мудрости — опытность, пресное...» — 1914*²² («Русская мысль»).
- С. 18. «А! это снова ты...» — 1916*. Слепнево*. Июль. Лето* («Русское слово»).
- С. 19. «Муза ушла по дороге...» — 1915*. Царское Село*. Осень.
- С. 20. «Я улыбаться перестала...» — 1915*. Царское Село*. Весна*. Апрель.
- С. 22. «О, это был прохладный день» — 1913*. Зима.
- С. 26. «Нам свежесть слов и чувства простоту...» — 1915*. Май. 23 июня. Петербург. Слепнево.
- С. 31. 9 декабря 1913.— 1913²³.
- С. 33. «Под крышею промерзшей пустого жилья» — 1915*. Зима.
- С. 34. «Целый год ты со мной неразлучен...» — 1915²⁴. Весна.
- С. 35. «Древний город словно вымер...» — 1914*. Лето. Киев.
- С. 36. «И мнится — голос человека...» — 1917*. Лето.
- С. 37. Разлука — 1914*. Весна. Петербург.
- С. 38. «Чернеет дорога приморского сада...» — 1914*. Март.
- С. 39. «Не в лесу мы, довольно аукать...» — 1914*. Весна.
- С. 40. «Господь немилостив к жнецам и садоводам...» — 1915*. Лето. Ц.С.
- С. 41. «Все обещало мне его...» — 1916*. Весна. Ц.С.
- С. 43. «Божий Ангел, зимним утром...» — 1914*. Зима.

18 Здесь и далее звездочкой (*) отмечается типографская дата или текст. Остальное — рукописные вставки. По мнению И. Г. Кравцовой, в некоторых датах присутствует еще чья-то рука: возможно, поправки были сделаны со слов поэтессы. (такое случалось в ее практике). Это относится к отмеченным ниже записям на страницах 11 («дата»), 14 («Осень»), 18 («июль»), 19 («осень»), 62 («зима»), 64 («зима»), 70 («Севастополь»), 76 («Слепнево»), 97 («Петербург»), 110 («Петербург»).

19 Исправлено из «1913».

20 Правка чернилами.

21 Весна — вписано и зачеркнуто.

22 Исправлено из «1913».

23 В изд. Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976 (Библиотека поэта. Большая сер.; ниже сокращенно: БП).— 1915.

24 Исправлено из «1914».

- С. 44. «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» — 1915. 23 июня. Слепнево.
- С. 45. «Как площади эти обширны...» — 1917*. 10 марта. Петерб.
- С. 46—47. Побег — 1914*. Лето*. Июнь.
- С. 51. «Вновь подарен мне дремотой...» — Вписано посвящение: «Н. В. Н.»²⁵.
- С. 52. «Всё мне видится Павловск холмистый...» — 1915*. Царское Село.
- С. 53. «Бессмертник сух и розов. Облака...» — 1916*. Слепнево.
- С. 57. Майский снег — 1916*. Слепнево. Май. («Русская мысль». 1917. Кн. 1).
- С. 58. «Зачем притворяешься ты...» — 1915*. Слепнево.
- С. 59. «Пустых небес прозрачное стекло...» — 1914*. Сентябрь. Ц.С.²⁶
- С. 60. Июль 1914 — 20 июля 1914. Слепнево.
- С. 61. «Можжевелиника запах сладкий...» — («Аполлон»).
- С. 62. «Тот голос, с тишиной великой споря...» — 1917*²⁷. Зима. Январь.
- С. 64. Утешение — 1914*. Царское Село*. Зима²⁸.
- С. 65. «Для того ль тебя носила...» — 1918*. Петербург*. Весна.
- С. 66. Молитва — 1915*. Духов День. Петербург.
- С. 67. «Где, высокая, твой цыганенок...» — 1914*. 11 апреля. Петербург.
- С. 69. «Ни в лодке, ни в телеге...» — 1916*. Осень. Севастополь²⁹.
- С. 70. «Вижу, вижу лунный лук...» — 1916*³⁰. Севастополь.
- С. 73. «Подошла я к сосновому лесу...» — 1914. Дарница. Лето*. Июль.
- С. 74. «Так раненого журавля...» — 1915*. Весна. Ц.С.
- С. 78. «Стал мне реже снится, слава Богу...» — 1912. В 3-м стихе 2-й строфы вариант: «Здесь всего слышнее от Ионы» вместо «Здесь всего сильнее от Ионы».
- С. 79. «Будем вместе, милый, вместе...» — 1915*. Весна. Петербург.
- С. 80. Памяти 19 июля 1914 — 1916*. Лето. Слепнево.
- С. 83. «Перед весной бывают дни такие...» — 1915*. Весна.
- С. 84. «То пятое время года...» — 1915*?
- С. 88—89. Белый дом — 1914*. Слепнево.
- С. 90. «Долго шел через поля и села...» — 1915*. Весна*. Царское. Вписано посвящение: Б. А.³¹

²⁵ Николай Владимирович Недоброво (1882—1919) — критик, поэт, знаток классической поэзии, друг Ахматовой.

²⁶ В БП — Новгород.

²⁷ Исправлено из: 1914.

²⁸ В БП дата другая: «Сентябрь 1914. Царское село».

²⁹ В БП — «Слепнево».

³⁰ Исправлено из «1915»; в БП — 1914.

³¹ Борис Васильевич Анреп (1883—1969), художник и художественный критик, друг Н. В. Недоброво и близкий друг Ахматовой. Это ему посвящены 17 стихотворений из «Белой стаи». После 1917 года Анреп жил в Англии.

С. 94. «Из памяти твоей я выну этот день...» — 1915*. Весна. Ц.С. («Альманах Муз»).

С. 95. «Не хулил меня, не славил...» — 1914*. Лето. Слепнево.

С. 96. «Там тень моя осталась и тоскует...» — 1917*. Январь. Слепнево.

С. 97. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» — 1917*. Петербург.

С. 98. «Небо мелкий дождик сеет...» — 1916*. Весна*. Май. Слепнево*. 1-й стих 3-й строфы исправлен: «На одну из этих башен...» вместо: «Вот на крайнюю из башен...».

С. 100. «Да, я любила их, те сборища ночные...» — Снято посвящение «А. Л.»³²

С. 101. «Не тайны и не печали...» — 1914.

С. 102. Милому — 1915*. Февраль*. Царское Село*. 27 февраля.

С. 104. «Как белый камень в глубине колодца...» — («Русская мысль». 1917. № 1).

С. 105. «Первый луч — благословенье Бога...» — 1916*. Слепнево. Лето.

С. 107. «Родилась я ни поздно, ни рано...» — 1913.

С. 108. «Лучше б мне частушки задорно выкликать...» — 1914 — 5.

С. 109. «Мне не надо счастья малого» — 1914*. Лето. Май. Петербург.

С. 110. «Еще весна таинственная млела...» — 1917*. Весна*. Петербург.

* * *

Старинный альбом, в который Ахматова записала 13 стихотворений, возможно, был частью архива Медемов — Балугьянских и от них перешел к К. А. Шимкевичу. Не исключено, конечно, что Шимкевич приобрел его для пополнения своей коллекции автографов и рисунков. Но вероятнее все же первое, так как ученый не был простым коллекционером автографов, тем более, что альбом вполне традиционен, правда, украшен очень неплохими рисунками.

Дарительная надпись в правом верхнем углу альбома гласит: «Donné par grande maman³³. 1838». Внизу этой же страницы владельческая запись карандашом: «Княжны Долгоруковой».

Представляется вероятным, что, страстный собиратель автографов современных поэтов, К. А. Шимкевич предоставил в распоряжение Ахматовой, с которой мог быть знаком хотя бы по

³² А. С. Лурье.

³³ Подарено бабушкой (франц.).

Институту истории искусств, где она бывала, этот альбом и попросил ее вписать в него несколько автографов.

На первой странице альбома поэтесса ставит свое имя в характерном написании — «А. Ахматова» — и тем же карандашом вписывает два первых стихотворения. Но карандаш был скверно отточен и поэтому заменен на чернильное перо, которым и записаны остальные 12 стихотворений.

Наше предположение, что стихотворения записывались экспромтом, на память, подтверждается, во-первых, тем, что одно из них оборвано на третьей строке («Здесь Пушкина изгнание началось...»); в другом («Одни глядятся в ласковые взоры...») оказался пропуск слова в строке и последнее слово вписано явно «наобум», под рифму, то есть строка была полностью забыта (№ 11); в-третьих, во многих стихотворениях иная, по сравнению с печатной, разбивка на строфы; к тому же пунктуация в стихах зачастую явно более «авторская», с характерными многоточиями, и, в-четвертых, с некоторыми вариантами, возникшими, возможно, по той же причине, то есть по характеру записи по памяти.

Автографы представляют значительный интерес, поскольку содержат несколько иных, по сравнению с известными, посвящений, а также ряд уточнений и исправлений в датах и пометах под стихотворениями.

Возможно также, что Ахматова еще раз возвращалась к записанным автографам, так как в уже сделанные пометы ею были внесены некоторые поправки — другими чернилами.

Обратимся к автографам в последовательности их записи, давая стихотворения в порядке их следования в альбоме, но под номером, которое данное стихотворение имеет в издании БП³⁴.

I. 320. Данте.

В эпитафии вместо: «Il mio bel San Giovanni. Dante»³⁵ в автографе: «...mio bel San Giovanni. Inferno»³⁶

В автографе стихотворение делится на 3 строфы (по 4 стиха) и помечено датой: Разлив. 17 августа (в БП: 17 августа 1936).

II. 310. «От тебя я сердце скрыла...»

После первых 4-х строк — строка-многоточие; заканчивается стихотворение строкой точек. Помечено датой: 30 окт. 1936. Ночь (в БП: 1936; в т. 1, с. 416, дата Черной тетради: 1936. 30 октября. Ночь).

³⁴ Для сравнения используются примечания из издания: Анна Ахматова. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1986.

³⁵ Мой прекрасный Сан-Джованни. Данте (итал.).

³⁶ ...мой прекрасный Сан-Джованни. Ад (итал.).

III. 304. «Если плещется лунная жуть...». Посвящение: «Памяти М. Ц.»³⁷. Есть также вариант в 7-ом стихе: вместо «белоснежных нарциссов» (БП) здесь: «царскосельских нарциссов». Помета: 1928. 1 октября (в БП: «1 октября 1928»).

IV. 329. Последний тост.

Посвящение: Н. Н. П.³⁸ (ни в БП, ни в т.1 2-х томн. изд. посвящения нет). Дата: 1934³⁹.

V. «Ты прости мне, что я плохо правлю...».

Дата: 1927. Стихотворение не вошло ни в БП, ни в т. 1 2-х томн. изд.⁴⁰ Вот его текст:

Ты прости мне, что я плохо правлю,
Плохо правлю, да светло живу,
Память в песнях по себе оставлю
И тебе приснилась наяву.
Ты прости (еще меня не зная),
Что навеки с именем моим,
Как с огнем веселым едкий дым,
Сочеталась клевета глухая.

В парижском издании содержатся два незначительных варианта: в 3-ем стихе вместо: «по себе оставлю» напечатано: «о себе оставлю»; в 5-ом стихе вместо: «еще меня не зная» напечатано: «меня еще не зная».

VI. 303. «Здесь Пушкина изгнание началось».

Не закончено: В автографе лишь 3 первых строчки.

VII. Воронеж.

В автографе заглавие: «13 строк». Посвящение: Н. Х. -ву⁴¹ (в БП и т. 1 2-х томн. изд. посвящено О. М.— О. Э. Мандельштаму).

³⁷ Это же посвящение к данному стихотворению содержится в корректуре сборника «Из шести книг. Стихотворения». Л., 1940. См. в кн.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 32. О М. М. Циммермане, служившем в это время заведующим афишно-программной частью ГАТОБА (гос. академического театра оперы и балета) см. в кн.: Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. Л., 1988. Посвящение Циммерману содержится также в дарительной надписи на книге «У самого моря» (Алконост, 1921 г.), принадлежавшей М. С. Лесману. Оно гласит: «Михаилу Михайловичу Циммерману с просьбой не замечать моего дурного характера. Ахматова. 1922» (см. в названном выше каталоге М. С. Лесмана).

³⁸ Н. Н. Пунину.

³⁹ Исправлено из: 1935 (это год ареста Пунина). В БП: 27 июня 1934. В Черной тетради — 1940.

⁴⁰ Оно напечатано в изд.: Ахматова А. Сочинения. Т. III (Дополнительный). Париж, 1983. С. 45.

⁴¹ Николаю Ивановичу Харджиеву.

После 9-го стиха: «Могучей, победительной земли» — строка-многоточие. Последних 4-х строк — нет⁴².

VIII. 186. Двустипшие.

В автографе заглавия нет. Дата: 1930 (в БП: 1931).

IX. 308. «Не прислал ли лебедя за мною...».

Дата: Москва. 1936. Февраль (в БП: февраль 1936. Москва).

X. 265. «Хорошо здесь: и шелест и хруст...».

Некоторые несовпадения в пунктуации.

XI. 309. «Одни глядятся в ласковые взоры...».

Посвящение: Н. В. Н.⁴³ (в БП и т. 1 2-х томн. изд. 1986 г. посвящения нет). Дата: 1936 (в БП: 3 ноября 1935. Фонтанный дом). Стихотворение не разбито на строфы. Содержит ряд разночтений: в 4-ом стихе вместо «совестью своей» (БП) — «совестью моей»; в 13-ом стихе вместо: «А надо мной спокойный и двурогий» (БП) оставлен пропуск: «А на-до мной... и жестокий»⁴⁴.

XII. 322. «А я росла в узорной тишине...».

Дата: 1940. 18 января (в БП: 18 января 1940). Разночтение в 6-м стихе: вместо «серебряную иву» (БП) — «одну густую иву».

XIII. 326. «Когда человек умирает».

Дата: 1940. Январь (в БП: 21 мая 1940). Содержит ряд разночтений. В 4-м стихе вместо: «другой улыбкой» (БП) — «другую улыбкой»; в 5-м стихе вместо: «Я заметила это, вернувшись» (БП) — «Я подумала это, вернувшись»; в 7-м стихе: «И с тех пор проверяла часто» (БП) — «И с тех пор замечала часто».

---

⁴² Отсутствие строк, связанных с Мандельштамом, вероятно и позволило Ахматовой посвятить стихотворение Н. И. Харджиеву. А может быть, строки эти появились при «перепосвящении»? Любопытно отметить, что в Черной тетради посвящение «О. М.» появилось взамен зачеркнутого: «Н. Х.» (см.: Т. 1. С. 416).

⁴³ Н. В. Недоброво.

⁴⁴ Этот пример подтверждает нашу гипотезу о том, что стихотворения вписывались в альбом по памяти.

Н. А. Хохлова

**Коллекция газетных вырезок
Н. М. и М. П. Николаевых-Бергиных**

Имена библиографов-коллекционеров Николая Мартыновича и Марии Павловны Николаевых-Бергиных сегодня мало известны даже специалистам¹. Между тем, в истории советской библиографии они должны занять почетное место. Самоотверженным трудом этих ученых-энтузиастов была создана уникальная Коллекция газетных вырезок, насчитывающая около 500 тыс. библиографических единиц.

Николай Мартынович Бергин (27 ноября 1892 — 6 ноября 1955) родился в Смоленске, в семье латышского крестьянина, ставшего впоследствии дьяконом деревенской церкви. Лишившись в младенчестве матери, он до девяти лет воспитывался у родственников в Латвии (родным языком для него был латышский), а в 1900 году был отправлен к отцу в Смоленскую губернию. Первоначальное образование получил в Бельском духовном училище, которое оставил в 1906 году, перейдя в 5-й

¹ Сведения о них в научной литературе отсутствуют. Предлагаемый ниже биографический очерк основан на материалах личного архива Николаевых-Бергиных (Ф. 772), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома: *Николаев-Бергин Н. М.* Автобиография. 1951. *Николаева-Бергина М. П.* 1) Биографические данные. 1958. 2) Коллекция газетных вырезок Ник. Март. и Мар. Павл. Николаевых-Бергиных (1926—1953). Исторический очерк за пятьдесят лет. 1973. (Фонд не разобран, поэтому мы указываем лишь названия работ).

класс Рижской Александровской гимназии. По окончании курса, в 1910 году, поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но в 1911 году перешел в университет Шанявского, который и окончил по тому же факультету.

Затем, в 1915—1918 годах, служил вольноопределяющимся в царской армии, а после демобилизации, в 1918—1919 годах, был статистиком по продовольствию в Нарвском районе Петрограда. Тогда же началась и его литературная деятельность (в петроградские газеты и журналы он писал статьи о литературе и театре), однако в октябре 1919 года она была прервана мобилизацией теперь уже в Красную Армию, где он заведовал Отделом статистики и учета войск 7-й Армии. В это же время он был разъездным корреспондентом «Красной газеты» (совместно с К. Фединым).

После демобилизации, в 1920—1925 годах Бергин — преподаватель истории и литературы различных учебных заведений Петрограда: военных училищ, Гос. института экранного искусства, Петроградского балетного училища².

В 1925 году он оставил лекторскую и преподавательскую работу и профессионально занялся литературной деятельностью, сотрудничая в журналах «Былое», «Звезда», «Красный Балтиец», «Книга и пролетарская революция», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Сибирские огни». Здесь он выступал с литературно-критическими статьями и обзорами, театральными рецензиями, репортажами. Примерно в это же время был избран членом Ленинградского горкома писателей.

Война застала Николая Мартыновича в Ленинграде. Здесь вместе с женой они пережили самый трудный период блокады, и в июне 1942 года Союзом писателей были эвакуированы в Казахстан.

Тяжелые воспоминания о блокаде, а также давнее стремление вернуться на родину, в Латвию, привели к тому, что в ноябре 1944 года он переехал в Ригу (сразу же после ее освобождения). Здесь, уже в латвийских периодических изданиях, он продолжил свою работу в качестве литературного и театрального критика. Николаевым-Бергиным было написано около 300 рецензий и статей, посвященных постановкам латышских и русских театров Латвии. Впоследствии он был избран членом Латвийского театрального общества. Николаев-Бергин систематически давал отзывы на издания русских писателей в латышских переводах. Ряд его

² В 1922 году был опубликован курс лекций, прочитанный им в Военно-морской Академии им. Ворошилова: «Борьба за свободу в России за 60 лет (1861—1921)».

статей посвящен юбилейным датам: Пушкина, Радищева, Н. Островского, Горького, Маяковского. Ему принадлежит и серия очерков по истории советской литературы, которой он очень интересовался; как литературный критик он возглавил кружок начинающих писателей.

В работах Николаева-Бергина, многие из которых остались неопубликованными³, проявилась незаурядность автора — большая эрудиция, энциклопедическая осведомленность в самых разных областях знаний. Свой опыт и знания он передавал жене, Марии Павловне, которая была его активным помощником и сотрудником в собирании коллекции.

Мария Павловна Николаева (1902—1975) родилась в Петербурге. По окончании гимназии поступила на Высшие курсы библиотекведения при Публичной библиотеке, а затем в Ленинградский медицинский институт. Тридцать восемь лет проработала в библиотеках; известна как библиограф-методист. Начала с работы в детском доме и школе, затем служила в Государственном издательстве (Дом Книги), во Всесоюзной транспортной академии, где организовала библиотеку и заведовала ею семь лет. С мая 1937 года по сентябрь 1941 года — работала в Библиотеке Академии Наук. Свободно владея основными европейскими языками, она составила предметный и систематический каталоги для справочно-библиографического отдела. Это послужило базой для написания статьи «Типология и терминология библиографии» (осталась неопубликованной). С переездом в Ригу она была назначена заведующей кабинетом библиотекведения Гос. библиотеки Латвийской ССР, для которой составила «Проект организации фондов, каталогов и обслуживания». Затем перешла в библиотеку Авиационного института заведующей библиографическим отделом.

Николаева-Бергина активно участвовала в Ассоциации научных библиотек, была членом общества библиотекарей. Ей принадлежат 14 печатных работ, посвященных преимущественно библиотекведческим и методическим проблемам⁴.

Однако «задушевым трудом» Николаевых-Бергиных, их детищем стала, несомненно, Коллекция газетных вырезок.

По воспоминаниям Марии Павловны, страсть к собиранию вырезок у Николая Мартыновича проявилась очень рано — еще в детстве, причем «...профиль коллекционирования с детских лет

³ Среди сохранившихся в рукописи работ следует отметить его капитальный труд «От самодержавия к диктатуре пролетариата (Очерк революционного движения в России)» (1925).

⁴ Некоторые из них, а также общий список трудов сохранились в личном архиве.

оставался неизменным, то есть персоналии...»⁵ Сама же Мария Павловна интерес к коллекционированию «...унаследовала от отца — незабвенного собирателя антикварных произведений искусства <...>. На основе коллекционерских интересов, — продолжает она, — мы с Николаем Мартыновичем подружились и поженились в 1926 году» (Н.-Б. Коллекция. С. 28).

Хотя замысел Коллекции созрел у Николая Мартыновича чуть раньше (в 1924 году), и работа уже велась, но именно с 1926 года началось ее планомерное комплектование, продолжавшееся до 1953 года.

Источники Коллекции, как свидетельствуют составители, — газета и тонкий журнал, т.е. «такой тип журнала, который приближается к газете и который живет недолго, исчезает и не всегда учитывается библиографами»⁶. Формирование круга источников было неслучайным, оно основывалось на строго выработанной методике. «Не имея возможности, — писали Николаевы-Бергины, — исчерпать всю периодику, мы считаем своим долгом полностью исчерпать избранные источники» (Сов.библ. С. 85). «Тот дилетантский взгляд, что нужно объять все и как можно больше, нами отвергается принципиально» (там же. С. 89).

Заранее ими был определен не только круг источников, но и круг тем (отделов). Задача заключалась в том, чтобы с максимальной полнотой извлечь из этих источников материал по соответствующим темам. Что касается выбора первых, то авторы считали, что необходимо брать центральные газеты, которые, по их мнению, «...дают вполне достаточный материал для освещения всех явлений политической и культурной жизни» (Сов. библ. С. 88). Однако можно усомниться в искренности этих слов: политическая обстановка в стране вносила свои коррективы в работу⁷. Постоянный круг источников (а объем его, естественно,

⁵ Николаева-Бергина М. П. Коллекция газетных вырезок Ник. Март. и Мар. Павл. Николаевых-Бергиных. С. 27. В дальнейшем ссылки на этот архивный источник приводятся сокращенно в тексте: Н.-Б. Коллекция, с указанием страницы.

⁶ Николаевы-Бергины Н. М и М. П. Газетные и журнальные вырезки как научный источник//Сов. библиография. 1936. № 2. С. 89. В дальнейшем ссылки также приводятся сокращенно в тексте: Сов. библ. с указанием страницы.

⁷ Вот что писала Мария Павловна: «Началась волна репрессий. Имена и имена становились одиозными. Мы оба, не будучи партийными, ничего конкретного не знали, но грозная атмосфера <...> ощущалась нами <...>. Наконец, мы написали запрос в ЦК ВКП(б) <...>. Нам моментально ответили: продолжайте работу над Коллекцией как желаете, так как к ней нет доступа публики. Ответ не оставлял желать лучшего, но мы все-таки пересмотрели в 1935 г. подход к именам: от всеобъемлющего охвата мы перешли к небольшому списку избранных имен в исторической части К. <...>» (Н.-Б. Коллекция. С. 3).

определялся силами двух лиц) достаточно широк — 36 наименований, в том числе газеты на французском, немецком, английском языках, а также прибалтийские издания, появившиеся в Коллекции с переездом Николаевых-Бергиных в Ригу⁸. Были в ней и «случайные» материалы, значительно расширяющие хронологические рамки. Это комплект газет за 1899 год, «Известия книжных магазинов М. О. Вольфа» за 1907, 1909, 1910, 1913, 1914 годы, «Голос минувшего» за 1917 год, «Жизнь искусства» за 1919—1923 годы.

Коллекция, охватывая почти всю гуманитарную сферу знаний, имеет отделы: всемирная история, всемирная литература, театр (театр, музыка, балет), изобразительные искусства (живопись, скульптура, архитектура), печать. Эта рубрикация претерпела некоторые изменения: с одной стороны, необъятное количество материалов, а с другой — желание выделить самое существенное, неизбежно приводили к ее корректировке. Так, в 1936 году коллекционеры вынуждены были закрыть отдел «Музыканты». Но, с другой стороны, Николай Мартынович «тайно» от жены, «грозившей разводом», открыл отдел печати.

Внутри каждого отдела материал в зависимости от его характера оформлялся в виде персоналии или тематической подборки. Круг имен таким образом формировался «объективно»: он диктовался самим материалом; коллекционеры же определяли лишь круг тем (отделов). Большую часть собрания составляют персоналии, но есть и тематические подборки, посвященные театру, кино, самодеятельности, городам и республикам СССР, странам мира и мн.др. Количество вырезок в персоналии (по терминологии Николаевых-Бергиных — «досье») колеблется от одной до нескольких тысяч⁹, причем включается, как свидетельствуют авторы, «...абсолютно все: статья, корреспонденция, даже хроникерская заметка в одну строчку, набранная петитом, некрологи, издательские объявления о предполагаемых и вышедших изданиях и пр.» (Н.-Б. Коллекция. С. 5.). На каждой вырезке указывался источник и дата. Все они складывались в хронологическом

⁸ Здесь у Николаевых-Бергиных появились помощники: латвийская писательница Ольга Лисовска и библиотекарь Фундаментальной 6-ки АН Латвийской ССР Эльфрида Боже.

⁹ Так, например, досье «Сталин», — считали коллекционеры, — надо бы именовать «История СССР за 1926—1953 гг.», так как чисто биографические материалы можно сосчитать по пальцам, а других материалов сотни и сотни тысяч. Достаточно сказать, что в это досье изо дня в день откладывались передовицы «Правды» и «Известий» (Н.-Б. Коллекция. С. 3).

порядке в отдельную папку — так формировалось «досье»¹⁰. По материалам такого «досье» можно не только восстановить биографию, но и познакомиться с текстами данного автора. Ценность отдела литературы состоит, по мнению Николаевых-Бергиных, «...прежде всего в том, что он богат первопечатными текстами, которые при отсутствии библиографической регистрации оставались невключенными в отдельные издания и собрания сочинений» (Н.-Б. Коллекция. С. 5). Богато представлен иконографический материал: портреты, шаржи, карикатуры, пародии, иллюстрации к произведениям, фоторепортажи.

Никакой избирательности в подходе к литературным именам нет: «...мы ценим не только то, что относится к корифеям литературы, но и к малоизвестным и совсем неизвестным, т.е. мы собираем полностью весь материал, относящийся к литературной жизни», — писали авторы (Н.-Б. Коллекция. С. 5). Они оценивали свою работу так: «Самый характер нашего собрания, широта и глубина охвата биографических материалов такова, что использование его возможно в самых различных направлениях. Собрание являет собою незаменимый и к тому же легко обозримый источник для научно-исследовательских работ историка и литературоведа не только при изучении деятельности и творчества отдельных лиц, но и при разработке общих вопросов. На основании собрания могут быть составлены библиографические обзоры, тематические альбомы портретов, шаржей и карикатур, словники для энциклопедий и словарей, а также соответствующие отделы энциклопедий» (Н.-Б. Коллекция. С. 33).

Действительно, в 1936 году редакция «Большой советской энциклопедии» обратилась к коллекционерам с просьбой проверить по их указателю свои словники. Однако это была, пожалуй, единственная просьба подобного рода, и возникла она потому, что лишь в 1936 году впервые научная общественность узнала о существовании Коллекции: в январе этого года в Ассоциации научных библиотек Ленинграда Николаевыми-Бергиными был сделан доклад о Коллекции и представлена выставка её материалов.

¹⁰ Необходимо сказать и о технической стороне дела. Коллекция создавалась с огромной любовью: вручную клеились папки из оберточной бумаги, была разработана особая технология, позволяющая надолго сохранить газету. Газетные вырезки специальным клеем наклеивались на листы бумаги и утюжились. Папки складывались в определенном порядке, чтобы вырезки не помялись. Словом, Коллекция требовала больших физических и материальных затрат. «Чего стоила,— вспоминала Мария Павловна, — мука для клейстера в период карточного снабжения, ведь приходилось покупать из-под полы по баснословным ценам» (Н.-Б. Коллекция. С. 22).

Доклад произвел огромное впечатление, стал событием¹¹. Вероятно, главным поводом для него послужило появление в 1936 году «Летописи газетных и журнальных статей», что заставило авторов заново осмыслить значение своей Коллекции. «Предметом <...> труда, — писали Николаевы-Бергины, сравнивая ее с Летописью, — является собирание источников в виде вырезок. Этим он отличается от библиографической работы, которая только описывает материал и, даже давая аннотацию, не может все же дать полного о нем представления. Планового и подробного библиографирования газет и тонких журналов до сих пор почти не велось. В 1936 г. мы являемся свидетелями нового крупнейшего достижения советской библиографии — появления «Газетной летописи», и все же наша работа сохраняет все свое значение, так как она ведется в другом плане» (Сов.библ. С. 84).

О коллекции заговорили. С ней познакомились С. Д. Балухатый, К. Д. Муратова, Б. В. Томашевский, А. Л. Дымшиц. В 1945 году была составлена экспертная комиссия для определения стоимости Коллекции: она была оценена в полтора миллиона рублей.

С течением времени все масштабней становились планы коллекционеров. Они мечтали о создании Центра газетной документации в СССР по образцу английского Международного бюро газетных вырезок. В статье под таким названием (1945 г., не опубликована), они предлагали создать Центр газетной документации при Всесоюзной книжной палате, «которая в порядке углубления своей работы производила бы не только роспись статей, но <...> и их вырезку. Этот Центр был бы и библиотекой газетных вырезок. Чтобы создать этому Центру базу, мы могли бы ему подарить нашу Коллекцию...» (Н. -Б. Коллекция. С. 12).

Однако судьба распорядилась иначе. В 1953 году в связи с тяжелой болезнью Николая Мартыновича прекратилось и комплектование Коллекции, в 1955 году он скончался, и она осталась на руках одинокой больной женщины. К сожалению, не удалось сохранить её целостности. Коллекция была передана по частям в различные музеи, библиотеки, научные учреждения страны в соответствии с их профилем: в Музей им. Райниса, в Музей латышского и русского искусства, в Библиотеку АН Латвийской ССР, в Ленинградскую филармонию.

В 1958 году самая большая, литературная, часть, состоящая преимущественно из персоналий, была передана в дар Рукописному отделу Пушкинского Дома. Ее приобретением мы прежде

¹¹ Сокращенная и переработанная стенограмма этого доклада сразу же была опубликована в сборнике «Советская библиография» (на нее мы уже неоднократно ссылались).

всего обязаны К. Д. Муратовой, которая была хорошо знакома с М. П. Николаевой-Бергиной. Коллекция передавалась с условием: использовать ее по прошествии длительного периода времени. Приравнявая ее материалы к архивным, М. П. Николаева-Бергина писала в 1973 году: «С 1953 г., когда прекратилось пополнение коллекции, <...> истекает двадцатилетний срок, но и думать нечего о пуске ее в оборот. Слишком страсти еще горячи. Это может отразиться на ее <...> сохранности». (Н.-Б. Коллекция. С. 24).

В наши дни Коллекция уже может войти в широкий научный оборот. Этому способствует и ее техническая подготовленность: материалы систематизированы, на них составлена картотека¹². В дальнейшем возможно создание на ее основе разнообразных указателей, что послужит дополнением к «Летописи газетных статей» и, кроме того, расширит ее хронологические рамки на целых 10 лет (1926—1936 годы).

В богатейшем био-библиографическом собрании Рукописного отдела Коллекция занимает свое особое место, существенно раздвигая его хронологические рамки. Она уникальна как по своему материалу, так по объему и методу. Действительно, цель любой картотеки — собрать максимум сведений о каком-либо лице (персональный тип) или предмете (тематический тип). При этом в определении круга источников, как правило, нет строгой системы (пример тому — картотеки С. А. Венгерова), что приводит к некоей бесконечности, рождает момент непредсказуемости. Чтобы избежать этого, авторы четко регламентировали свою работу: в основе их метода лежит идея максимально полного учета и регистрации материалов, предоставляемых заранее избранным кругом источников по заранее избранным темам (отделам). Строгое следование этому методу позволило М. П. Николаевой-Бергиной утверждать, что «...газетная летопись является, вне всякого сомнения, ключом к нашей Коллекции. Но надо всегда помнить, — добавляла она, — что содержание летописей не покрывало ее содержание, т.к. никакая библиография не регистрировала однострочный репортаж» (Н.-Б. Коллекция. С. 10).

Итак, по форме Коллекция сопоставима с традиционной коллекцией газетных вырезок, а по методу — с «Летописью газетных статей».

---

¹² Рукописный отдел выражает глубокую благодарность студентам-практикантам Филологического факультета ЛГУ: А. Румянцеву, О. Косенко, С. Фролёнку, силами которых в основном и была осуществлена эта работа.

Источники Коллекции*

- Бирюч. 1919.
 Голос минувшего. 1917.
 Жизнь искусства. 1923—1929.
 За рубежом. С 1.01.1934 до закрытия (март 1938).
 Известия книжных магазинов Вольф. 1907, 1909, 1910, 1913, 1914.
 Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1926 — 1.09.1941;
 окт. 1945—1953.
 Комсомольская правда 1.01.1937 — сентябрь 1941; 1.01.1945—1953.
 Кино (газета). 1932.
 Красная газета (утр.) кон. 1928 — 1.03.1936.
 Красная газета (веч.) кон. 1929 — 1.03.1936.
 Красная нива (журнал) 1926—1931.
 Красная звезда (газета) 1928.
 Красная панорама 1926—1929.
 Ленинград 1.09.1939 — 1.09.1941.
 Ленинградская правда 1.01.1929 — 1.09.1941.
 Литературная газета 1.01.1929 — 1.09.1941 (перерыв: май—июль
 1935); 1.01.1945 — 1953.
 Литературный Ленинград 1933 — март 1936.
 Огонек 1926 — 1.09.1941.
 Правда 1.01.1928 — 1953.
 Прожектор 1929—1934.
 Рабочий и театр (журнал) с 1.01.1929 до закрытия (1.01.1936).
 Резец 1926 — 1.09.1939.
 Саркандская правда октябрь 1942 — октябрь 1944.
 Смена (журнал) 1937—1938.
 Советское искусство 1.01.1929 — 1.09.1941 (перерыв: май — июль 1935);
 1.01.1945 — 1953.
 Стройка 1930—1931.
 Юный пролетарий (журнал) с 1.01.1929 до закрытия (ноябрь 1937).
 Arbeiter illustrierte Zeitung с 1.01.1929 до закрытия (июнь 1936).
 Cina октябрь 1944—1953.
 Deutsche illustrierte Zeitung с 1.01.1929 до закрытия (июнь 1936).
 Deutsche Zentral — Zeitung (даты не указаны).
 L'Humanité 1.01.1929 — 1.03.1931; с июня 1934 — 1.12.1937.
 Le Journal de Moskou 1.07.1933 — 1.01.1937.
 Kölner illustrierte Zeitung (даты не указаны).
 Literatūra un Māksla 1944—1953.
 Moscow Daily News 1.07.1931 — 1.01.1937.
 Rote Zeitung 24.02.1932 — 1.01.1934.
 Die Volks illustrierte Zeitung с июля 1936 — 1.09.1937.

* Этот перечень составлен на основе документа, приложенного к Коллекции: на отдельном листе воспроизведены отиски всех штампов с названиями периодических изданий, которыми отмечались вырезки. Каждый отиск сопровождался записью, указывающей крайние даты использования этого периодического издания при комплектации Коллекции.

«ВРЕМЯ ИДЕТ ИНТЕРЕСНЕЙШЕЕ...» (Письма Л. Л. Толстого к Николаю II)

Публикация В. Н. Абросимовой и С. Р. Зориной

В книге воспоминаний «Опыт моей жизни» Лев Львович Толстой (1869—1945) писал:

«Пятилетие с 1904-го года и до 1909-го было для меня самым удачным периодом жизни, в том смысле, что в нашей семье не было ни одного горя, даже ни одной неприятности, что материальные дела мои шли успешно и что в общественной и литературной средах на меня стали обращать внимание. <...>

Странное настроение переживала тогда Россия в период войны с Японией и так называемой первой русской революции 1905-го года.

Я был, как говорил мне отец, в „самом пекле“ этого общественного, но не народного движения и видел его близко.

Не могу сказать, чтобы оно оставило во мне светлые воспоминания, и, увы, не могу вспомнить ни одной встречи с человеком, который в то время мог бы вывести Россию на светлый путь порядка и обновления.

Все, что делалось тогда, с одной стороны, либералами и революционерами, а с другой — правительством, служило все большему недовольству общества и народа, и, казалось, ничего не могло спасти Россию от роковой катастрофы, к которой она стремительно подвигалась.

Я много писал тогда в газетах и особенно в тогдашнем полуофициозе — „Новом Времени“, так как все правящее петербургское общество во главе с Царем читали его.

„Новое Время“ стало самым влиятельным русским журналом, благодаря уму старика А. С. Суворина, которого я хорошо знал. Но, к сожалению, Алексей Сергеевич не был достаточно культурным и развитым человеком, чтобы понять требования своего времени. Он был консерватором и реакционером, простым дельцом и разбогатевшим, хитрым русским мужиком и не больше других знал, в чем нуждалась Россия. Его газета шла руку с правительством и потому, естественно, приносила больше вреда,

чем пользы. Но Суворин все же был в сто раз более прав, чем либеральные еврейские и еврействующие газеты его времени.

В России шла тогда сложная борьба политических и религиозных идеологий, борьба придворная, борьба крестьян с помещиками, борьба рабочих с капиталистами, сектантов с православием, евреев с их гонителями, — и среди этого напряженного настроения внутри страны вдруг разразилась японская непопулярная война, вызванная близорукой и слабой властью¹.

Весной 1905-го года русская армада была потоплена под Цусимой², и негодование общества стало всеобщим. Либералы требовали немедленного прекращения войны во что бы то ни стало³. Консерваторы без твердой воли и линии должны были идти вместе с ними⁴.

Я не был ни консерватором, ни либералом и судил события свободно, такими, какими они мне представлялись. Я услышал тогда из компетентных источников, что в Японии не было больше ни амуниции, ни продовольствия и что, если бы Россия продолжила войну, японцы были бы побеждены.

Тогда я напечатал статью в „Новом Времени“, в которой писал, что необходимо продолжать войну до победы⁵.

Сотни враждебных голосов поднялись против меня за такое мое „реакционное“ мнение⁶, и в их числе и был мой собственный отец, сказавший

---

¹ В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года вместо объявления войны японская эскадра напала на русский флот. См. также коммент. 32—33.

² Цусима — группа островов в Корейском проливе, где в сражении с японским флотом 14—15 (27—28) мая 1905 года русская эскадра потерпела сокрушительное поражение: свыше 5 тысяч человек погибли, 27 кораблей было потоплено.

³ Убеденным противником войны был председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте (1849—1915). 28 февраля 1905 года он подал царю письмо, в котором настаивал на окончании войны (см.: *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 291, 573—574.

⁴ Открыто выступил за окончание войны задолго до полного разгрома русской армии и флота князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914). В дневнике, печатавшемся из номера в номер в его газете, он писал: «<...> я бесстрашно говорю, что сознать долг кончить войну и заключить мир требует более героизма, более любви к отечеству, чем заключать его после победы. <...> мир нужнее победы <...>» (Гражданин: Газета-журнал полит. и лит. СПб., 1905. 3 марта, № 18. С. 21.

⁵ Речь идет о двух статьях из цикла «Мысли и жизнь», напечатанных в «Новом времени» 3 и 10 марта 1905 года. См. об этом ниже, с. 123.

⁶ Возражение вызвала позиция Л. А. Толстого в критический для России момент. В частности, М. Энгельгардт в статье «Христианская философия на белой подкладке», посвященной главным образом высказываниям Л. Н. Толстого о непротивлении, заметил: «<...> Лев Львович нововременский унаследовал от отца только манеру и тон — и потому оказывается лишь смешным» (Новости и биржевая газета. СПб., 1905. 6 марта. № 57. С. 2. См. также статью А. Яблоновского «Толстой большой и Толстой маленький», в которой говорилось: «<...> На задворках петербургской журналистики уже много лет подвизается граф Лев Львович Толстой <...>» (Сын отечества. СПб., 1905. 9 марта, № 15. С. 2).

мне с негодованием, что „можно писать, что угодно, только не за войну“⁷, хотя сам он в то же время каждый раз огорчался, что приходили известия о наших поражениях, восклицал в ужасе: „Отдали только 8 пушек! нет, в наше время дрались иначе“⁸.

И вот Витте заключил постыдный „портсмутский мир“⁹, последствия которого будут чувствоваться русским народом очень, очень долго.

С самого начала царствования Императора Николая II, после „Ходынки“¹⁰ и „бессмысленных мечтаний“¹¹, Россия почувство-вала, что пришел конец царскому абсолютизму и что-то новое должно было наступить. Японская война окончательно укрепила это мнение и, естественно, поощрила революционное движение. В одно прекрасное утро попу Гапону¹² удалось поднять петербургскую толпу и двинуть ее походом на Зимний Дворец.

Я видел это зрелище собственными глазами, видел черноокого и быстрого Гапона, подстрекавшего толпу на Невском проспекте, и чуть не попал под выстрелы с двумя моими мальчиками¹³, которых в этот день возил кататься по набережной и Миллионной на нашей двухколесной „тиге“. На Миллионной улице кто-то из толпы крикнул мне, чтобы я не выезжал на Зимнюю площадь, где стреляли, и я повернул лошадь обратно¹⁴.

Все эти события убедили меня в том, что Царь не мог больше править Россией, что ему нужно было созвать Земский Собор¹⁵ для решения народных нужд, что надо было действовать быстро в этом духе, и я написал ему письмо, в котором кратко излагал эти мысли.

⁷ Д. П. Маковицкий записал 9 апреля 1905 года: «<...> Со Львом Львовичем Л. Н. долго разговаривал потом в своем кабинете» (*Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904—1910. Яснополянские записки//Лит. наследств. Т. 90: В 4 кн. М.: Наука, 1978. Кн. 1 С. 241.*

⁸ Ср. реплику Л. Н. Толстого в беседе с Т. А. Кузминской 4 февраля 1905 года о сдаче Порт-Артура: «В наше время этого не было бы. Умереть всем, но не сдать» (там же. С. 163).

⁹ Мирный договор между Россией и Японией был заключен 23 августа (5 сентября) 1905 года в г. Портсмуте (США, штат Нью-Хэмпшир). По условиям договора Россия передала Японии права на аренду Порт-Артура и Дальнего на Квантунском полуострове и южную часть Сахалина.

¹⁰ Во время массового гуляния в Москве на Ходынском поле по случаю коронации Николая II (1868—1918) 18 мая 1896 года произошла гибель около 2-х тысяч человек, несколько десятков тысяч людей было изувечено.

¹¹ Так называли период пребывания в должности министра внутренних дел князя Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (1857—1914), назначенного в конце августа 1904 года.

¹² Гапон Георгий Аполлонович (1870—1906) — священник, агент царской охраны.

¹³ Речь идет о двух старших сыновьях Л. Л. Толстого: Павле (1900—1992) и Никите (1902—1992).

¹⁴ См. об этом подробнее в письме Л. Л. Толстого к С. А. Толстой от 9 января 1905 года, с. 115—116.

¹⁵ Земские Соборы — собрания представителей разных сословий в Русском государстве XVI—XVII веков, созывавшиеся царем для рассмотрения государственных дел. Впервые Земский Собор был созван в 1549 году. Последний Земский Собор был в 1684 году.

Мой отец, которому я показал мое письмо царю, одобрил его и, по-видимому, был доволен моими действиями¹⁶.

Знакомый нашей семьи, граф Адам Васильевич Олсуфьев¹⁷, в то же время свитский генерал, близкий ко Двору, передал мое письмо Царю и сам также настолько оценил его, что заказал переписать его в сотнях экземпляров, чтобы раздать его придворным и членам правительства.

Царь прочел мое письмо, и несколько дней позднее мне было прислано приглашение приехать в Царское Село на аудиенцию, которая продолжалась два часа¹⁸.

Вкратце я говорил Царю следующее. Численность в 2000 человек Земский Собор будет лучше Думы¹⁹; составленный из различных классов населения, он, как древнее русское учреждение, точно представит русские нужды. Необходимо реформировать русскую общину и создать мелкого землевладельца-собственника. Следует реформировать православную церковь в рациональном смысле. Следует дать России известные социальные свободы, которые только укрепят, а не ослабят монархию.

Царь внимательно слушал меня и сказал, что он хочет создать парламент „в русском духе“ и что для Него было важнее всего благо русского крестьянина и все, что до него касается. При прощании со мной он просил меня писать ему.

Но стоило ли говорить Ему и мог ли Он внять разумным советам? Не прошло, может быть, месяца после моей аудиенции, как он подписал проект

---

¹⁶ Л. Л. Толстой, действительно, сразу же отправил копию своего письма к отцу в Ясную Поляну (см. об этом ниже). 20 января 1905 года Л. Н. Толстой писал ему:

«Милый Лева, Мама в Москве, и я получил твое письмо к государю. Письмо хорошо. Только папа благоразумнее и учтивее нас: он прежде спросил: желает ли царь выслушать его совет? Разумеется, созвать собор было бы самое благоприятное, но едва ли возможно ожидать от них благоразумия. <...> Очень понимаю твое волнение, переносясь в твои годы и в твое положение в самой середине движения. Но все-таки не следует отдаваться вполне этим внешним делам; есть более важные — в нашей внутренней жизни. <...> Целую тебя, Дору, детей. Л. Толстой. <...>» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1928—1958. Т. 75. С. 206—207; далее сокращенно: ПСС).

¹⁷ Л. Л. Толстой ошибся: А. В. Олсуфьев (1833—1901), помещик, владелец имения Никольское-Горушки, друг Л. Н. Толстого, умер на несколько лет раньше. Л. Л. Толстой имел в виду его брата, генерала, флигель-адъютанта, знакомого Толстого по Крымской войне Алексея Васильевича Олсуфьева (1831—1915). Из сохранившегося письма Л. Л. Толстого к министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому от 15 января 1905 года следует, что письмо Л. Л. Толстого к царю попало иным способом (см. об этом ниже, с. 117).

¹⁸ См. в Приложении очерк Л. Л. Толстого «Беседа с бывшим царем Николаем II-м».

¹⁹ До Первой Государственной Думы 1906 года в истории России были известны Боярские думы, просуществовавшие с 1547 года по 1711 год, и Городские думы, учрежденные в 1785 году и реорганизованные в 1870 году.

„Думы“, созданный министром Булыгиным²⁰, той самой Думы, которая похоронила в России не только идею монархии, но погубила самого Императора Николая II и Его семью. Но она погубила также — идеи свободы и морали и вконец ослабила, разорила и одурачила русский народ.

До моего свидания с Царем я послал Ему мою книгу „Современная Швеция“, которую он прочел и из которой почти целиком взял для своего Манифеста 17-го октября список пяти гражданских шведских свобод: свободу личности, слова, собраний, веры и печати²¹. Но Царь Николай II мало знал и понимал Россию своей эпохи. Он не понял, прежде всего, что не манифестом одним надо было удовлетвориться, а надо было начать на деле перестраивать старые, отжившие русские формы.

В одном из моих писем к Нему я советовал, между прочим, реформировать православную церковь²². Этот совет показался Царю чудовищным.

Я просил Его позднее навсегда удалить Распутина²³. Он временно послушался, и Распутин был сослан в Сибирь, но через две недели снова возвращен в Царское, по просьбе Императрицы²⁴. <...>

Когда я оглядываюсь назад на эпоху „первой русской революции“, меня поражает прежде всего факт, что во всей тогдашней Царской России не нашлось и горсти политически зрелых людей, бывших в состоянии помочь ей. <...>

Управлять Россией могут только гиганты.

Управлять людьми вообще могут только гиганты духа и разума. Но за последние две-три тысячи лет эта истина забыта народом, и гиганты духа и ума не допускаются больше к браздам управления народами и заменены жалкими посредственностями. Слишком много надо было бы сказать, чтобы объяснить это явление²⁵.

Относил ли себя Л. А. Толстой к «гигантам духа и разума»? Вероятно, да. В его архиве сохранились письма к царю, а также многие другие документы, проливающие свет на этот нелегкий вопрос. Чем же было вызвано обращение к Николаю II?

---

²⁰ Булыгин Александр Григорьевич (1851—1919), министр внутренних дел, в августе 1905 года представивший проект Положения о совещательной думе. Выборы и созыва этой думы не было из-за начавшейся революции.

²¹ См.: Толстой Л. А. Современная Швеция в письмах-очерках и иллюстрациях. М., 1900.

²² Письмо 1911 года не сохранилось. См. упоминание о нем ниже, в письме Л. А. Толстого к царю от 14 сентября 1912 года.

²³ Распутин Григорий Ефимович (наст.фам. Новых; 1872—1916) — фаворит царской семьи. Просьба Л. А. Толстого удалить Распутина неизвестна.

²⁴ Близость Распутина к царскому дому вызывала негодование у многих. Распутина неоднократно пытались удалить из Петербурга, но он вскоре возвращался вновь. В последний раз, после оргии в Москве, Распутин уехал в родное село Покровское, возле Тюмени в Тобольской губернии, в конце июля 1915 года, но уже в середине августа 1915 года у него были продолжительные беседы с царицей (см.: Палеолог М. Распутин: Воспоминания. М., 1928. С. 41, 45).

²⁵ Толстой Л. А. Опыт моей жизни: В 3 кн. Кн. 2. Гл. 8 (машинопись с авторской правкой, ГМТ).

Сын великого русского писателя, сам уже довольно известный беллетрист, Л. А. Толстой давно искал поле деятельности, которое дало бы ему возможность в полной мере проявить свои силы и способности. Кампании в помощь голодающим (в 1891—1892 и 1898—1899 годах) — при всей их несомненной важности в жизни Л. А. Толстого²⁶ — носили все-таки эпизодический характер. А Льву Толстому-младшему всегда хотелось иметь свое постоянное ДЕЛО. Случай такой не заставил себя долго ждать. Русско-японская война застала Л. А. Толстого с семьей в Египте, где лечилась жарким климатом его жена²⁷. Возвращение в Россию затягивалось, и планы Л. А. Толстого менялись чаще, чем письма его с очередными проектами успевали дойти до Ясной Поляны.

Свойство беспокойной природы своих детей С. А. Толстая в письме к сыну Леве от 24 января 1900 года определила так: «<...> вы, Толстые, главное, все ищите чего-нибудь в жизни или необычайное или подвергаете мелкому анализу и осуждению»²⁸. К адресату письма, во всяком случае, эти слова относятся в полной мере.

С началом русско-японской войны в сознании Л. А. Толстого постепенно вызревала мысль о том, что ему суждено стать одним из возможных спасителей Отечества и важно донести свою точку зрения на развитие событий до русского народа и его царя. В этом убеждает нас переписка Л. А. Толстого с С. А. Толстой и Л. Н. Толстым, в которой отражены и перепады настроения, вызванные неудачами в войне, и усиливающиеся шовинистические настроения, порожденные ложно понятым патриотизмом. Здесь, как нам кажется, истоки того миссионерского начала, которое так ярко проявилось в письмах Л. А. Толстого к царю и в серии статей, опубликованных в 1904—1905 годах на страницах «Нового времени».

14 февраля (нов. ст.) 1904 года Л. А. Толстой писал С. А. Толстой из Асуана: «<...> я сидел все утро и читал газеты всех наций и освещение войны. Беду мы заварим на земном шаре и нелегко ее расхлебываем. Я почти уверен, что весной будет европейская <война> и мы подойдем из Черного моря к Константинополю. Французы не на шутку готовятся за нас заступаться, а если это случится, то „пошла писать губерния“.

Все это ужасно. Сначала меня это огорчило до боли, а потом так завлекло, что теперь я невольно жду и желаю наших побед, симпатизирую французам и не люблю англичан, с которыми тем не менее все-таки продолжаю постоянно дружить.

Страшно для нас то, что японцы — большие ловкачи и хитрецы и могут завести нас в такую ловушку, из которой мы не выскочим. Отрезать армию от сообщений и потом разбить, обмануть, обойти — все это они могут. Впрочем, это война. Не знаю, кому желать успеха, если спрашивать чувство, а не разум. Если бы нас хорошенько наказали, мы бы стали умнее. Во всяком случае, эта война нас разбудит. Пульс уже теперь бьется, вероятно, быстрее по всей России. Мне жаль, что я не дома. Вот судьба меня как швыряет по свету. Теперь весной очень вероятно, что мы не проберемся через Босфор и придется ехать домой через Италию. Здесь интересна, кроме народа и природы, старина, которой особенно много я видел в старых Фивах (Луксоре). Удивительны эти храмы и гробницы 5—6 тысяч лет, с

²⁶ См.: Толстой Л. А. В голодные года: (Записки и статьи.) М., 1900.

²⁷ Толстая Дора Федоровна (урожд. Вестерлуна; 1878—1933).

²⁸ ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 679. Л. 5 об.

разными божествами, с мумиями и громадным, когда-то затраченным человеческим трудом.

Когда смотришь на все это под этим тропическим солнцем, не верится, что все это сделано людьми. На днях в Луксоре, когда я, вернувшись из Фив, читал телеграммы о войне, мне опять не верилось, что все это там происходит, — похоже на какую-то дикую сказку. Вообще здесь живешь в каком-то тумане, сердце бьется 100 ударов в минуту, и мысли бегут с такой же быстротой.

Путешествую я с одним шведом и вчера познакомился здесь еще с одной шведской семьей. Встречаешь людей всех национальностей, и французов, и румын, и американцев, и, благодаря моему имени, со мной все знакомятся. На пароходе из Луксора сюда узнал положительно всех. Надо сказать, что имя Толстого все-таки больше любимо французами, горячее и искреннее других, — во всяком случае, это мое впечатление.

Англичане знают, да не все понимают. Немцы знают, но не вполне доверяют. <...>²⁹.

На следующий день, 15 февраля (нов. ст.) 1904 года Л. Л. Толстой продолжил разговор, но с несколько другой точки зрения:

«Милая мама, вчера написал Вам письмо отсюда и жаль, что глупо о японцах. Мне их больше жаль, чем наших, несмотря на глупое патриотическое чувство, проснувшееся после наших неудач. Что они там делают? Что это за господин Алексеев?³⁰ Морда у него самая неприличная, точно с перепоя.

Наезжать на собственные мины в Порт-Артуре, оставлять в Чемульпо два одиноких крейсера³¹, не быть готовым к неожиданному нападению³², — все это производит грустное впечатление. Эта неумытая, грубая баба, Россия, пока проснется и расправит члены, и сама себе пальцы ушибет, и других расстрожит. Смотрите, что теперь делается по свету? Что только пишут газеты! Одна мусульманская возбуждает против нас весь Восток. Англичане читали с удовольствием о наших неудачах и, как мухи, облепляли вывешиваемые здесь в гостиницах и клубах телеграммы³³. <...>

²⁹ ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14290. Л. 1—3.

³⁰ Алексеев Евгений Иванович (1843—1909) — адмирал, с 1903 года — наместник царя на Дальнем Востоке, с 1904 года — главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке. О его карьере см.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 292—293.

³¹ В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года японская эскадра напала на два русских корабля у порта Чемульпо (Инчхон) на побережье Желтого моря. Моряки приняли неравный бой и, не желая сдаваться, потопили крейсер «Варяг» и взорвали канонерскую лодку «Кореец».

³² Лишь на следующий день после вероломного нападения, 28 января (10 февраля) 1904 года Япония объявила войну России. Однако царское правительство должно было предвидеть такой поворот событий, так как 24 января (6 февраля) 1904 года Япония порвала дипломатические отношения с Россией.

³³ Ранее, 10 (23) января 1904 года Л. Л. Толстой жаловался С. А. Толстой на засилье англичан в Египте: «Англичане мне надоели. Только golf да другие игры, материальные интересы и эгоизм. Очень желают, чтобы мы подрались с японцами. Впрочем, не все такие, но большинство <...>» (ГМТ. Архив С. А. Толстой. № 14289. Л. 2 об.).

Что слышно об Ольгином брате³⁴ в Порт-Артуре? Участвовал ли он в битве?³⁵ Увеличились ли заказы на тульском заводе?³⁶ Что говорят о Черноморской эскадре?³⁷ Что за демонстрации были в Петербурге?³⁸ Что говорит о войне папа?»³⁹

Вскоре, узнав о намерении младшего брата Андрея отправиться на войну⁴⁰, А. Л. Толстой 22 марта (нов. ст.) 1904 года отправил в Ясную Поляну письмо с изложением своей точки зрения на развитие событий в ближайшем и отдаленном будущем. Письмо, не совсем обычное для родственного. Скорее, в нем угадывается будущий собеседник Николая II. Вчитаемся вни-

---

34 Иосиф Константинович Дитерихс (1868—1931), брат Ольги Константиновны Толстой (урожд. Дитерихс; 1872—1951), первой жены А. Л. Толстого. См. о нем коммент. 41.

35 Сведений об участии И. К. Дитерихса в русско-японской войне нет.

36 Сведения об этом в тульских газетах за январь—февраль 1904 года отсутствуют.

37 Черноморская эскадра не могла выйти в проливы Босфор и Дарданеллы без разрешения Турции и Англии после русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

38 4 февраля 1904 года М. Горький писал Е. П. Пешковой: «Студенты, участвовавшие в манифестации перед Зимним дворцом, — члены „Русского собрания“ и общества „Денница“, состоящего под покровительством принца Ольденбургского. Общество это преследует цели нравственного самоусовершенствования. <...> Здесь манифестации — промысел, недурно оплачиваемый заинтересованными людьми» (Переписка М. Горького. В 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1 С. 245—246). Об этом же позднее писал Витте: «Администрацией был устроен ряд уличных манифестаций, но они не встретили никакого сочувствия. Было сразу видно, что война эта крайне непопулярна, что народ ее не желает, а большинство проклинает. Уже по одному этому ожидать хороших результатов от войны было невозможно» (Витте С.Ю. Воспоминания Т. 2. С. 291). Русская пресса весьма скупо писала об этих демонстрациях, хотя, разумеется, проправительственные газеты иначе освещали события. Так, по словам корреспондента «Нового времени», 31 января днем на Невском проспекте «огромная толпа петербургских гимназистов и реалистов с национальными флагами в руках передних рядов стройно двигалась от Адмиралтейства к Аничковскому дворцу. Все время молодые груди пели с энтузиазмом гимн и кричали „ура!“» (Новое время. СПб., 1904. 1(14) февр. № 10026. С. 45; см. также: Русь. СПб., 1904. 2(15) февр. № 52. С. 2—4).

39 В феврале 1904 года А. Н. Толстой работал над статьей «Одумайтесь!» (см.: ПСС. Т. 55. С. 12—13). Кроме того, 9 февраля 1904 года на телеграфный запрос филаделфийской газеты «North-American Newsrare», за кого он: за Россию или за Японию, Толстой ответил так: «Я ни за Россию, ни за Японию, а за рабочий класс обеих стран, обманутый правительствами и вынужденный воевать противно собственному благосостоянию, своей совести и религии» (там же. С. 400).

40 Толстой Андрей Львович (1877—1916). 24 января (ст. ст.) 1904 года С. А. Толстая писала А. Л. Толстому о нем: «Он собирается на японскую войну, которая теперь поглощает внимание всех <...>» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 683. Л. 6).

мательно в эти строки: «У меня родился новый план — ехать в мае, июне на войну корреспондентом. Хотелось бы осуществить. Боюсь только оставлять семью. Но если бы Сухотины приехали в Крым⁴¹, было бы легко сделать это. Если не увидишь сам того, что теперь делается там, на Востоке, никогда не поймешь, как следует, значения этого. А значение большое, громадное для России. Поразительна эта горячка жертвований на флот и общее сознание необходимости этого⁴².

Мне ясно отсюда, что это действительно необходимо, и только, когда именно мы, Россия будет настолько сильна на морях, ее окружающих, что никакая другая держава не будет в состоянии с ней бороться и она будет держать в повиновении мир, могут прекратиться войны. На то, чтобы Россия покрыла собой всю землю, нужно еще тысяч семь, восемь лет⁴³, если мы будем продолжать так быстро расти, как росли с начала Новгорода или даже Московского княжества. Еще тысячу лет для покорения всего азиатского материка, еще тысячу пять лет на покорение и слияние с народами остальных материков Америки, Африки и Австралии. И вот одно человечество готово. Это внешний путь под гегемонией России. Россия же даст другой путь, к тому же — духовный, необходимый одновременно с внешним, — постановка идеала. Папа с этим не согласится. МАЛЕШ! (Значит по-арабски — „ничего“, „пуст“). Если с этим не соглашаться, надо думать, что весь мир идет не туда, куда следует, не тем путем и он должен повернуть обратно. Но он не делает этого и не сделает, пройдя уже половину дороги. Он может только сознательнее относиться к тому, что он делает, видеть ближе осуществление стремлений, но не может достигать их раньше срока, пока общее сознание людей не выше современного. Замечательно, что оно и растет-то вместе с распространением внешней культуры силой. Прежде надо покорить страну и народ, потом административно устроить, потом научить грамоте, потом нравственности и духовному сознанию. Здесь дикари, арабы или суданцы, или наш мужик в глуши Самарской губернии никогда не поймут зла войны, пока его не научат грамоте.

Египту я благодарен за то, что он открыл мне на многое глаза, а главное, уяснил ход всемирной истории. Я верю, что Россия призвана объединить человечество, и вижу, что она делает это постоянно, и всячески очень жаль японцев, и вместе с тем они вызывают к себе гадливое чувство, как комары, напившиеся кровью, которых приходится раздавить.

---

41 В письме к сестре, Татьяне Львовне Сухотиной (1864—1950), от 20 февраля (13 марта) 1904 года из Хелуана Л. А. Толстой усиленно звал ее с мужем в Крым, куда он сам с семьей планировал приехать в конце апреля 1904 года (см.: ГМТ. Архив Т. А. Сухотиной-Толстой. Ед. хр. 26468. Л. 1—2 об.).

42 Газеты начали писать о приеме жертвований на нужды армии и флота с первых дней войны (см., напр.: Новое время. СПб., 1904. 1(14) февр. № 10026. С. 3).

43 В ответ вечером 23 марта (ст. ст.) 1904 года С. А. Толстая писала сыну: «Милый Лева, папа даже огорчился, прочитав твое длинное письмо о том, как через несколько тысяч лет Россия овладеет всем миром. „Что это, точно он с ума сошел, — говорил папа. — Как же можно думать о том, что будет через семь, восемь тысяч лет!“ Видно, у тебя воображение очень разрослось от болезни и жаркого климата» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 683. Л. 16).

Желтые люди, Китай, Япония и Корея, — это только желтый фон, основа, на которой призваны работать белые люди во главе с Россией, как Россия покрыла собой татар и других инородцев. Замечательно, что мы всех покрываем и никто не покрывает нас. Ни один народ никогда в истории не показал этой расовой мощи. Европейцы никто не сделает этого. Напротив, мы опять же покрываем и растворяем в себе всех европейцев: и немцев, и поляков, ближних соседей, и начали то же с более отдаленными — англичанами, французами, итальянцами. Все они только наши слуги, наши приказчики, наши школьные учителя, которых всех заменят в будущем их ученики. Вот какие мысли возникли в моей голове по поводу этой войны. Мне кажется, они справедливы, несмотря на их нескромность. Россия по географическому положению занимает площадь, равную чуть ли не 1/4 мира, и потому, естественно, она призвана в нем господствовать. <...> Как бы я поговорил теперь с папá обо всем, что здесь набросал»⁴⁴.

6 апреля (нов. ст.) 1904 года Л. Л. Толстой адресовал свое письмо в Ясную Поляну непосредственно Л. Н. Толстому: «Милый папá, я очень рад, что ты счел мое письмо к мамá о будущем России сумасшедшим»⁴⁵. Это совершенно справедливо и мне совестно за него и за то дурное настроение, в котором я жил в последнее время. Чрезмерное умственное и физическое возбуждение от здешней весны породило это состояние духа. Слава Богу, кажется, я снова оправился и овладел собой. <...>

Надеюсь, что этот дурной период был полезен и поучителен. Трудно без уроков держаться правды.

<...> О войне еще не решил. Хочется ехать, но, во-1-х, жаль оставлять семью и не должно делать этого; во-2-х, сам теперь физически очень непрочен. Целую тебя, и мамá, и Санечку⁴⁶, и кланяюсь Жюли⁴⁷ и Никитину⁴⁸. Неужели я живой попаду к вам опять<?> Очень мечтаю перетянуть Д<ору> жить в Ясную Поляну.

Твой Лев»⁴⁹.

Незадолго до отъезда из Хелуана, 23 апреля (нов. ст.) 1904 года Л. Л. Толстой, не уверенный, что его предыдущее письмо дошло до Ясной Поляны, обратился к посредничеству С. А. Толстой, настолько важным представлялось ему в тот момент мнение отца: «Я писал папá о моих сомнениях, ехать или не ехать на Восток. Прошу его написать мне сейчас же, — вот так строго, — в Ялту, что он об этом думает. Я писал ему, почему мне не хочется ехать, — а за поездку — громадный интерес ее. Против, кроме семейн. обязанностей, непременно нарушение внутреннего спокойствия при

44 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед.хр. 14295. Л. 2—4 об.

45 См. коммент. 44.

46 Толстая Александра Львовна (1884—1979), младшая сестра Л. Л. Толстого.

47 Игумнова Юлия Ивановна (1871—1940), художница; в Ясной Поляне жила в качестве помощницы и секретаря Л. Н. Толстого.

48 Никитин Дмитрий Васильевич (1874—1960), домашний врач Толстых в эти годы.

49 ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12, № 71. Л. 1—2.

виде всей этой людской грязи. Очень жду на это письма от папа: Ялта, до востребования⁵⁰.

Удивительные законы судьбы управляют нами. Гибель Макарова⁵¹, Верещагина⁵², отставка Алексеева⁵³ — все это неизбежные следствия известных событий, характеров и условий, которые делают историю и готовят ее будущее. Жаль людей, но не жаль Алексеевых и Макаровых, не годных для такой важной войны, как японская⁵⁴. Тут выдвигнутся люди осторожные и умные, энергичные и серьезные, и не годятся фанфароны и чиновники⁵⁵.

Ответ отца и возвращение в Россию 22 апреля (ст. ст.) 1904 года умиротворяюще подействовали на Л. Л. Толстого. в первом же письме из Ялты 26 апреля 1904 года он поспешил успокоить Л. Н. Толстого⁵⁶: "Милый

---

50 Л. Н. Толстой сразу же откликнулся на просьбу сына: «Получил, милый Лева, твое письмо и как всегда собирался ответить, когда придет срок отвечать на многие письма, но нынче получила твое письмо мама и спешу ответить на твой вопрос:

«...» прямой мой ответ на твой вопрос тот, что главное можно уехать только тогда, когда жена искренно согласна на это и не будет страдать, или будет больше страдать, если ты не уедешь, чем если уедешь. Другое то, что нежелательно связываться с „Нов. Вр.“. Очень уже оно, т.е. направление его, нехорошо. А что интересно тебе и манит в твои молодые года и в состоянии полной силы, я очень понимаю.

Для меня безумие, преступность войны, особенно в последнее время, когда я писал и потому и много думал о войне, так ясны, что кроме этого безумия и преступности ничего не могу в ней видеть, и мне кажется, что по отношению к войне всякий нравственный человек должен только стараться устраниться от нее, не участвовать в ней, чтобы не забрызгаться ее мерзостью.

«...» Очень радуюсь увидеть тебя. Надеюсь, что ты приедешь к нам по-прежнему добрым и хорошим...» (ПСС. Т. 75. С. 74—75). В ПСС письмо условно датировано 15(?) апреля (ст.ст.) 1904 года. В копии, сохранившейся в архиве Л. Л. Толстого, другая дата: 19 апреля 1904 года (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 702. Л. 48).

51 Макаров Степан Осипович (1848—1904) — вице-адмирал, командующий Тихоокеанским военным флотом, погиб 31 марта (13 апреля) 1904 года на броненосце «Петропавловск», подорвавшимся на mine.

52 Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — художник, погиб в тот же день при взрыве броненосца «Петропавловск».

53 Адмирал Алексеев до октября 1904 года оставался главнокомандующим вооруженными силами России на Дальнем Востоке.

54 Л. Л. Толстой ошибочно объединил ученого, океанографа, изобретателя, полярного исследователя и флотоводца вице-адмирала Макарова с адмиралом Алексеевым, чьи действия в качестве наместника царя на Дальнем Востоке ускорили начало русско-японской войны.

55 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14300. Л. 1—2 об.

56 Позиция сына всерьез тревожила Л. Н. Толстого. Под впечатлением писем Л. Л. Толстого из Египта, он 24 апреля 1904 года пометил в записной книжке: «Тяжелый спор слевой» (ПСС. Т. 55. С. 190).

папа, спасибо за доброе письмо. На войну я не поеду, хотя мне это очень и очень жаль. Не поеду потому прежде всего, что это неразумно и не обязательно. Кроме того, лучше оставаться с семьей и скромно делать дома и в тишине, что можно. <...> Весна здесь, вся в цветах и аромате, после Сахары для нас всех, как рай. Грустно только война и гнет от нее над всеми.

<...> Внутренняя жизнь моя шла вяло в суете движения. Никак не удерживаюсь на высоте сознания и все время поступаешь против.

<...> Я испортился в Египте, огрубел духовно, ослаб и физически, и умственно. Надо начинать многое сначала. Главное, спугало меня то, что я многое новое увидел и узнал, отвлекшее меня от моей личной жизни и взглядов на мир. Надо снова находить и устанавливать их 300 лет.

Постараемся скорее привести себя в порядок, и, Бог даст, это удастся. Ну, до свидания. Целую вас всех.

Лев»⁵⁷.

Но уже 16 июня 1904 года из Алушки Л. Л. Толстой отправил в Ясную Поляну подробный анализ текущих событий со своей точки зрения, претерпевшей за несколько месяцев серьезные изменения. «Милый папа, так как я не раз обращался к твоим и моим с просьбой выслать мне твою статью о войне и они ничего мне не посылают, очень прошу тебя „приказать“ им поскорее мне сделать это. Интересуюсь этим не попусту. Если бы написал мне, очень бы обрадовал»⁵⁸. Соскучился по тебе и всех вас, но не еду потому, что еще не пришло время. <...> Огорчает меня и война, не выходящая из головы ни днем, ни ночью. Чувствую себя виноватым в том, что, не скажу, не участвую в ней, а мало за нее и от нее страдаю. Хотя, вероятно, это страдание и выражается тем, что она все мерещится и не дает покоя. Тебе, еще яснее видящему все ее безумие как следствие заблуждения человечества, конечно, все это понятно.

И хуже всего ведь то, что народы, глядя на японскую войну, не возмущаются ею, — исключая единичных людей, — не спешат скорее прекратить эти ужасы, снять тяжесть милитаризма, разоружиться, а напротив, лихорадочно строят еще новые броненосцы, ассигнуют еще миллиарды на военные издержки, вытягивая их из земли и народам бедствие. Если такое озверение и тьма в людях будут продолжаться и развиваться, то что же будет?

Всякая нравственность, все доброе может исчезнуть с лица земли, и духовный прогресс может не только задержаться, но совершенно прекратиться. В такой резне не может быть сильнейшего раз и навсегда. Сегодня побеждают японцы; завтра — русские; послезавтра — буры, потом англичане, американцы, немцы, потом опять сначала и так без конца, пока люди не опомнятся.

Ты думаешь, что религия спасет от всего этого, и ты, конечно, прав. Но разве нет ближайших средств, в существующих формах жизни, для того же? Мне кажется, что, если бы политика народов стала нравственной,

---

⁵⁷ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 72. Л. 1—3.

⁵⁸ 1 июля 1904 года Л. Н. Толстой писал сыну: «Милый Лева, пожалуйста, не осуди меня за то, что долго не отвечал на твое письмо и теперь отвечаю только несколько слов. Твое письмо хорошее, умное, и мне приятно было читать его. Не писал я и теперь пишу мало только п. ч. всё это летнее время чувствую себя особенно умственно неподвижным и для малейшей умствен. деятельности нужно усилие. <...> Прощай, голубчик. Всегда с любовью вспоминаю тебя. Л. Т.» (ПСС. Т. 75. С. 133—134).

если бы дипломаты не были бы дипломатами в слепом смысле этого слова, а стали бы христианами, и с ними вместе — правительства, то очень легко мы могли бы избежать войны. Уступить японцам, что они просят. Убраться из Порт-Артура. Очистить Маньчжурию. Если бы правительство поняло, что такие внешние захваты никогда не бывают прочны, что только мирным путем, трудом и торговлей можно прочно победить страну, оно бы непременно сделало это. Но оно рассуждает иначе и от этого войны, смерти, разорение, страдания и всякое зло.

Ты скажешь, что правительство, по своему существу, не может быть нравственным. Ни дипломатия, ни какая другая власть. Почему? Например, директор какой-нибудь школы, управляющий дороги, — ведь могут же они поступать совершенно нравственно, управляя своими подчиненными.

Но для этого нужно разумное правительство, сознательно разумное и потому нравственное. Я уверен, что мирным путем было бы очень легко разрешить русско-японское столкновение, если бы во главе правительства стояли более разумные и нравственные люди. Ты скажешь, что такие и не пойдут в них. Но ведь были же в Риме „адетивные“, нравственные императоры, лучшие люди страны, и даже тогда они делали очень много своим добрым, разумным отношением к жизни.

Неужели нельзя сговориться с людьми? С китайцами и японцами, бурами и арабами, так же, как мы сговариваемся все пока с немцами, с французами. Положим, французы еще недавно были нашими врагами, но я думаю, что они никогда больше не будут ими.

Мне кажется, что так как нельзя представить себе жизни сейчас, завтра без власти, в форме анархии, то и нельзя себе представить всечеловеческий мир без нравственной власти. Только она может дать его. Только не надо бояться, что японцы придут в Корею и в Маньчжурию, китайцы — в Сибирь, шведы — в Финляндию. Милости просим. Очень рады, благодарны. Если мы не будем трогать их, и они не тронут нас. Но этого же никто понять не хочет. Правительства всего мира не понимают этого, кроме разве Китая, который потому и победит мир, если он не опомнится.

Как видишь, у меня, слава Богу, немного уложился ход мыслей с переездом сюда из шального Египта. Хотя на войну я никогда не смотрел иначе, даже в минуту глупого патриотического увлечения. Если я писал, что Россия победит мир, а не Китай, то <имел в виду> разумную победу не оружием, а разумным сознанием, мудростью. Если же мы будем продолжать делать такие жестокие глупости, как теперь, мы можем ослабить себя непоправимо. Я уверен, что с окончанием этой войны с особенной силой проснется отвращение к ней и будет сделан если не окончательный, то близкий шаг к полному прекращению этого безумства. С такой точки зрения, конечно, Россия кругом виновата в этой войне тем, что она уже совершенно пренебрегла нравственной стороной дела по отношению к более слабому народу. Но какое нужно было бы мужество правителя уступить тут до конца. А что было необходимо, и было бы вполне разумно и нравственно, а потому и полезно всем людям. Вот какие мысли меня занимают эти дни. Пришли, пожалуйста, статью⁵⁹ и прости, что длинно.

Любящий тебя очень
Лева»⁶⁰.

---

⁵⁹ Речь идет о статье Л. Н. Толстого «Одумайтесь!», напечатанной в Англии 13—14 июля 1904 года в журнале «Свободное слово» (№ 91. Стлб. 7).

⁶⁰ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 73. Л. 1—4 об.

Однако, когда 4 июля 1904 года Л. Л. Толстой приехал в Ясную Поляну⁶¹, сразу же выяснилось, что точек соприкосновения отца с сыном стало намного меньше, чем казалось на расстоянии. Радости этот месяц в родном доме не принес ни Л. Н. Толстому, ни Льву Львовичу. В своем дневнике он записал 15 июля 1904 года: «Тяжелая, трудная здесь жизнь для человека, который ищет правды»⁶².

Проводив младшего брата Андрея в армию⁶³, Л. Л. Толстой в августе 1904 года уехал в Петербург и активно включился в литературную и общественно-политическую жизнь России. Как журналист, он давно тяготел к кругу одного из наиболее влиятельных русских издателей — А. С. Суворина⁶⁴. Вот и теперь, не получив необходимой поддержки своих взглядов на продолжающуюся русско-японскую войну и будущее России у своих родных и прежде всего — у Л. Н. Толстого, Лев Львович вновь начал подумывать об отъезде на театр сражений. Однако Суворин отверг эту идею. 12 августа 1904 года он записал в дневнике: «Отклонил предложение Л. Л. Толстого ехать корреспондентом нашим. Когда-то там что будет. Пока скверно»⁶⁵. Но деятельная натура Л. Л. Толстого тут же нашла другой способ участия в политической жизни России⁶⁶.

* * *

Л. Л. Толстой и раньше выступал в печати не только как беллетрист и драматург, но и как публицист. Теперь же именно эта сторона его дарования пришлась как нельзя более кстати. В частности, в цикле статей, объединенных под названием «Мысли и жизнь», Л. Л. Толстой писал: «Тяжелое переживаем время. Но я убежден, что оно минует и после него наступит светлое, бесконечно радостное время, — время обновления России.

Много слышится голосов, глубоко пессимистических и безнадежных, а то и просто усталых и вялых, отзывающихся на современные события. Но как жалки, недостойны эти голоса рядом со стойким, спокойным и мудрым отношением русского народа к настоящей войне, как ко всякой войне.

61 См. запись в дневнике Л. Л. Толстого (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 2. Л. 27).

62 Там же. Л. 27 об.—28.

63 ПСС. Т. 55. С. 72. См. также: *Толстая С. А. Дневники*: В 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 2. С. 103—106.

64 В архиве А. С. Суворина сохранились письма Л. Л. Толстого 1894—1910 годов, которые еще ждут своей публикации. В одном из недатированных писем Л. Л. Толстой признался Суворину: «Я иногда чувствую к Вам больше близости, чем к родному отцу, в вопросах принципиальных» (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4247. Л. 15 об.—16).

65 *Суворин А. С. Дневник*. М.; Пг., 1923. С. 37.

66 Кроме того, именно осенью 1904 года Л. Л. Толстой приступил к организации книготорговой фирмы, получившей название «Доброе дело». 18 сентября 1904 года он писал С. А. Толстой: «Главная цель моя — это „Посредник“ в Петербурге, народная книга и сношение с деревней, земствами и другими. Будем продавать и нравственность, и гигиену, и трезвость, и вегетарианство. <...> Я очень занят всем этим и так как хочется и хотелось движения, то не жалею пока» (ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14311. Л. 1—2). По замыслу Л. Л. Толстого, «Доброе дело» должно было способствовать внедрению культуры в самые широкие слои русского общества.

<...> какое глубокое, мудрое, праведное, именно праведное, то есть мудро справедливое и правильное отношение у этого народа к тому, что называется и есть война, т. е. борьба не на живот, а на смерть за свою народность и свою страну.

<...> Настоящая война на Дальнем Востоке — война великая, какой не видела Россия с Петра. Она идет за обладание восточным берегом великого европейско-азиатского материка, как во времена Петра шли войны за обладание западным.

Как в борьбе со шведами, у нас была сперва Нарва⁶⁷, а потом явилась Полтава, под которой швед погиб⁶⁸, так и в борьбе с японцами, азиатскими шведами, живущими на островах и по географическому положению своему на конце материка схожими со Скандинавией, у нас сперва будут с ними и уже были неудачи, но потом неизбежно должна явиться „Полтава“, под которой погибнет японец!

Надо быть необыкновенно малодушным и необыкновенно близоруким, чтобы не видеть конечного результата войны. Стоит только для этого взглянуть на карту. Стоит взглянуть на Россию, на ее пространства, села, поля, леса, озера, горы, на ее народ, чтобы убедиться в этом. Россия непобедима, Россия — страна, единственная в мире по своему народу, географии, климату, мощи духовной и умственной, темпераменту, миролюбию, способностям, призванию. России принадлежит будущее земли, несмотря ни на какие современные беды.

Прошлой зимой в Египте я говорил моим друзьям-англичанам: „Будьте уверены, не вы, а мы осуществим вашу мечту всемирного владычества. И мы сделаем это естественно, силой вещей и судьб. Народ, занимающий северную полосу земного шара от афинских скал до отважной Японии, сильнее всех народов земного шара, и если он еще не дорос до того, чтобы явно показать это свое превосходство, он имеет все данные, чтобы сделать это. Он покрывает все соседние народы и всех впитывает в себя. Он покорил Крым, Кавказ, Восточную Россию, Сибирь, западные окраины, и теперь везде там Россия и никогда не будет ничто другое. Татары уже между собой стали говорить по-русски; то же самое будет везде. Мы и вас, англичан, вытесним и отсюда, из Египта, и из Индии. В этом я никогда не сомневался“.

Мои друзья-англичане громко и самодовольно смеялись на мои легкомысленные речи. Но я верю в них и буду верить до могилы. Россия — непобедима»⁶⁹.

Так идеи, еще совсем недавно признанные самим автором как сумасшедшие⁷⁰, стали теперь достоянием русской общественности и вызвали определенный резонанс в обеих столицах⁷¹ и в провинции.

---

67 В начале Северной войны 19 ноября 1700 года русские войска потерпели поражение от шведской армии под Нарвой. Лишь 9 августа 1704 года шведы были изгнаны из Нарвы.

68 27 июня (8 июля) 1709 года русские войска под командованием Петра I нанесли решительное поражение шведской армии в районе Полтавы.

69 Новое время. СПб., 1904. 15(28) сент. № 10252. С. 4.

70 См. выше письмо Л. Л. Толстого к отцу от 6 апреля (нов. ст.) 1904 года.

71 Статьи Л. Л. Толстого одновременно печатались и в Москве (см.: Телефон «Нового Времени». М., 1904. 15(28) сент. Вечернее (2-е) издание. № 56. С. 3.

Даже «Новое время», на страницах которого появилась статья Л. Л. Толстого, вскоре после этого предоставило слово своему постоянному автору М. О. Меньшикову⁷². В статье «Победима ли Россия» он писал: «„Россия непобедима!“ — восклицает граф Л. Л. Толстой...

Не правда ли, эти слова удивительны в дни теперешних страшных, переживаемых нами испытаний. <...>

Вот политическое кредо, которое за границей произведет, может быть, не меньший шум, чем известное письмо о нынешней войне старого графа Льва Толстого⁷³. Иностранцев прежде всего поразит, что из одной и той же русской семьи, из-под одних и тех же старых лип Ясной Поляны идут полярно противоположные убеждения, оба — крайние до последней степени. Отец отрицает всякую войну, всякую национальность, всякую государственность, всякую воинственность в народе русском. Сын же убежден в победах русского народа и не только над теперешним случайным врагом, но и над всеми дружественными народами, с которыми даже нет войны. Отец считает тяжким грехом даже оборону жизни, сын провозглашает наступление и в будущем всесветное наше владычество. <...>

<...> Вопреки гр. Л. Л. Толстому, я с глубокой скорбью думаю, что Россия не только побеждена, но может быть, в настоящих условиях она есть *самая победимая* из стран. <...> Только *организованные* народы непобедимы. Пока Россия боится себя самой, пока силы народные круто связаны, пока нация не признана в правах участия в своей жизни, — можно ли говорить о непобедимости и всесветном господстве?⁷⁴

Более резкую отповедь Л. Л. Толстому дал неизвестный читатель из швейцарского города Монтрё. 3 октября (нов. ст.) 1904 года он отправил в редакцию «Нового времени» письмо на имя Л. Л. Толстого.

«Милостивый Государь,

Ваша заметка в Новом Врем. „Мысли и Жизнь“ глубоко оскорбляет истинно русского человека своею *нетактичностью* по отношению к англичанам и другим нациям.

Что за цель, взявшись в боки, похваляться перед миром своими „легкомысленными речами“ и „глубоким убеждением самозванца-патриота“?

Неужели допустимо *теперь* восстанавливать такими нагло кичливыми фейерверками вслед за Японией и англичан, и *другие народы*!..

Только враг России может, взявшись в боки в такое тяжелое смертоносное время, — толкать в бока соседей и врагов нашей многострадальной, залитой кровью родины! Зачем эти гнусные: „Ан я вас всех схпаю, ан мы вас всех с салом слопаем!“ К чему это?

Гнусно, стыдно — подобным предательским способом зарабатывать свой гонорар!.. — Гнусно, озверевши, подобно японцам, прозрачно высказывать свою радость на возможность унаследовать имение „брата войны“, ибо его легко может убить вражеская пуля, а вы — его наследник!.. Гнусно с презрением обзывать „слабонервными“ людей, жаждущих конца этой звериной бойни. К ужасу людей, не озверевших от жадности „схпаты и слопать“ за счет чужих страданий — вы носите одинаковое имя и даже фамилию с великим „человеком“ нашей *Родины*. Его сын так *гнусно предавать свою родину врагам* не мог бы — а однофамилец — это самозванец, — жаждущий

---

⁷² Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) был в то время сотрудником «Нового времени». Его точка зрения была ближе к позиции издателя газеты, чем мнение Л. Л. Толстого.

⁷³ См. коммент. 59.

⁷⁴ Новое время. СПб. 1904. 19 сент. (2 окт.). № 10256. С. 4.

наживы и известности, как жаждал безумец Герострат, — но сжигающий свою совесть!

Поклонник Мамоны — уйдите прочь!»⁷⁵.

Как видим, накал страстей в полемике был весьма ощутим. И даже Суворин, к мнению которого Л. Л. Толстой, бесспорно, прислушивался, не мог сдержать миссионерского порыва своего нового автора. 24 сентября 1904 года он писал Л. Л. Толстому: «Лев Львович, дорогой <...> У Вас совершенно отцовская охота читать наставления. Может быть, это и хорошо, но я никогда не читал их и у Вашего отца, и мне кажется, что газета не есть нравоучительно-педагогическое чтение»⁷⁶. Но переубедить Л. Л. Толстого было невозможно. Он все больше входил во вкус общественно-политической жизни, с тем чтобы использовать свой шанс стать спасителем России...

* * *

А ситуация в стране действительно принимала необратимый характер. 1 декабря 1904 года Л. Л. Толстой писал С. А. Толстой из Петербурга: «В городе и обществе оживленно. Были безобразные наши русские беспорядки студентов и полиции, причем последняя, кажется, делала их гораздо больше первых. Был суд над „убийцами-героями“⁷⁷, запрещают новые либеральные газеты»⁷⁸.

<...> Статьи Кладо здесь наделали большого шума и доказывают, как гнило у нас сверху, во всех решительно сферах»⁷⁹.

Думаю, что весной здесь будут порядочные бесчинства и, кто знает, может быть, станет что-нибудь яснее определяться. Конечно, бесчинства ничему не помогают. Но они служат выражением того, что дальше изве-

⁷⁵ ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 847. Л. 1—2 об. Документ датируется условно по почтовому штемпелю отправителя на конверте (там же. Л. 3—3 об.).

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 640. Л. 14.

⁷⁷ 19 ноября 1904 года убийцы супруги генерал-лейтенанта Екатерины Константиновны Штрандтман и ее слуги, рядового Палаймо, предстали перед судом присяжных. Трое молодых людей были приговорены к каторжным работам: запасной горнист унтер-офицерского звания лейб-гвардии Преображенского полка Кадысев — бессрочно, а двое того же полка, запасной Клуев и рядовой Алексеев, получили по 20 лет каторги (см.: Новое время. СПб., 1904. 20 ноября (3 декабря). № 10318. С. 13; 21 ноября (4 декабря). № 10319. С. 6.

⁷⁸ Два предостережения, одно за другим, было объявлено юридической газете «Право» в ноябре—декабре 1904 года за статьи против продолжения русско-японской войны (см.: Право. № 49. Стлб. 3369).

⁷⁹ Военно-морской капитан, участник похода 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток, Николай Лаврентьевич Кладо (1862—1919) с 11(24) ноября 1904 года по 19 ноября (2 декабря) 1904 года опубликовал под псевдонимом Прибой серию из 9 статей под названием «После ухода 2-й эскадры Тихого океана», из которых следовало, что корабли не подготовлены к такому длительному переходу и было нецелесообразно отправлять их в поход (см.: Новое время. СПб., 1904. №№ 10309—10317. После нападок морских чиновников автор опубликовал под своим именем статью: «Большой ответ на маленький вопрос г-на капитана 2 ранга Х» (там же. 1904. 21 ноября (4 декабря). № 10319. С. 4).

стный порядок держаться не может. Дай Бог, чтобы новое на его место пришло возможно приличным и мирным путем. Но, кажется, для коренного нового еще недостаточно сделано»⁸⁰.

В этом же письме есть глухое упоминание о новом сочинении, над которым Л. А. Толстой в то время работал: «Теперь занялся новой пьесой, которая начинает увлекать меня»⁸¹.

В переписке с родными об этом произведении Л. А. Толстой почти не упоминал, хотя в скором времени о ней стало известно в высочайших правительственных учреждениях, а также в русской и европейской печати. Речь идет о драме «За кулисами войны», имеющей к нашему сюжету самое непосредственное отношение. Именно она послужила причиной для первого обращения Л. А. Толстого к Николаю II 3 января 1905 года. Одновременно пьеса поступила в Комитет по драматической цензуре, и уже 7 января 1905 года цензор И. Литвинов дал свое заключение:

«„ЗА КУЛИСАМИ ВОЙНЫ“

Драма в 4-х действиях гр. Л. А. Толстого

С открытия военных действий многие драматурги стали писать патристические пьесы, в которых выводили русских героев, их проводы, бивачные сцены, возвращение раненых и т. п. Все подобные пьесы разрешались только при том условии, когда они проникнуты патристическим духом и способны подействовать на зрителя в ободряющем духе. Драма Л. А. Толстого принадлежит к категории резонерских и наводящих уныние произведений.

Полковник отправляется на войну и говорит: „Поздравьте меня“, жена раздражается монологом против войны, истерически смеется и, рыдая, говорит: „поздравьте его“.

Другой герой оставляет молодую жену и раненый возвращается, жена ему изменила и во всем признается, это дает повод полковнице произнести заключительный монолог об ужасах войны. Полковник, муж ее, убит. Остальные подробности очень мало отвлекают от основного мотива, наводящего тоску и уныние; я нахожу постановку подобной пьесы не своевременной и полагал бы ее не разрешать.

Д<ействительный> с<татский> с<оветник>

И. Литвинов.

7 января 1905 года».

К мнению цензора прислушались в Главном управлении по делам печати, и на докладе появилась лаконичная резолюция: «Согласен. 7/1. Запр<етить>»⁸².

А через день события так резко изменили ситуацию, что у Л. А. Толстого даже не было времени огорчиться запрету пьесы. 9 января 1905 года он отправил в Ясную Поляну письмо с подробным изложением кровавых событий: «Сегодня у нас здесь настоящая революция. Мы были на Невском и сами видели раненых и слышали зловецкие залпы в толпу. Говорят, убитых и раненых сотни, Трубецкой⁸³ с женой проезжали около Мойки,

80 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14318. Л. 2—2 об. Письмо адресовано также и Л. Н. Толстому: «Буду рад хоть несколькими строками от папа, и это письмо обращаю к нему одинаково, как и к Вам» (там же. Л. 1; приписано сбоку).

81 Там же. Л. 2.

82 РГИА. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 24. Л. 3—3 об.

83 Л. А. Толстой был дружен со скульптором Паоло (Павлом Петровичем) Трубецким (1866—1938).

и подле них дали залп, от чего все обратились в бегство, кто на лошадях — карьером. Громадная толпа рабочих за Нарвской заставой шла с портретом царя и с иконами и в нее палили, убив многих. В город вызваны войска из Пскова, Ревеля и Нарвы. По Невскому несли третий день с пением „вечная память“. Стачка всеобщая. Газет не читаем уже третий день. Завтра ожидают стачки булочников и извозчиков. Все заказы на войну стали на судостроительных и других заводах. Я видел нескольких раненых с перерубленными лицами, хромых, на вид ужасных, по выражению и ужаса, и одичания. Петиция, которую хотели поднести царю рабочие в числе 40 000, касается политических вопросов. Говорят, что удовлетворить ее невозможно.

Был в „Новом Времени“ позднее. Там сбор всех издателей и, главное, типографских рабочих. Требования их также превышают то, что можно им дать, так что беспорядки не только скоро не утихнут, а, вероятно, увеличатся. В редакции меня окружили и ждали как будто, что я им решу все вопросы. Старик Суворин, Нотович⁸⁴, Ухтомский⁸⁵, Столыпин⁸⁶ и т. д. Никто ничего не знает и не понимает, чем это *безначалие* может кончиться. Я указывал, главное, на него. Ни земцы, ни рабочие, ни военные, ни полиция, ни правительство — никто ничего не могут сделать, каждый считает себя начальником, а настоящего нет, и потому все начинают бить друг друга. Убили бедную девушку-курсистку в числе других на Петербургской стороне. Брат нашего заведующего складом сам видел ее окровавленную на снегу. Стреляли дробью из ружей и из орудий. Завтра ожидают еще худшего. Все стоит и ничего нельзя сделать. Думал уехать, но и этого нельзя сделать, пока тут так неспокойно. Надо быть при семье. Того и гляди останемся без воды и света. Не пишу о множестве интересных вещей и в нашей личной и общественной жизни»⁸⁷.

12 января 1905 года редакторы петербургских газет были у министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского и вручили ему адрес совещания редакторов ежедневных изданий с требованием «предоставить печати полную свободу сообщения фактов и событий общественной жизни и обсуж-

---

84 Л. Л. Толстой был знаком с издателем-редактором «Новостей и биржевой газеты» Осипом (Иосифом) Константиновичем Нотовичем. 12 января 1903 года он отправил Нотовичу несколько своих статей («Реформа жизни. (Несколько мыслей вслух)», «Гигиена в школе», «Недостаток любви») и рассказ «Кто хочет этого» с просьбой поместить их в газете за подписью «Л. Толстой-сын» (см.: РГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 1). Нотович выполнил все просьбы молодого литератора и в течение первых трех месяцев 1903 года напечатал все рукописи Л. Л. Толстого. 13 августа 1903 года, посылая из Ясной Поляны Нотовичу открытое письмо для публикации его в газете, Л. Л. Толстой подчеркнул: «Вашу газету мы продолжаем читать здесь с интересом» (ИРЛИ. Ф. 207. Ед. хр. 199. Л. 1).

85 Ухтомский Эспер Эсперович (1861—1921) — поэт, журналист, редактор-арендатор газеты «Санкт-Петербургские ведомости», в которой в 1899—1900 годах Л. Л. Толстой опубликовал свои письма из Швеции, а также статью «Хлебные запасы» (1899. № 293).

86 Столыпин Александр Аркадьевич (род. 1863) — журналист, сотрудник газеты «Новое время».

87 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14319. Л. 1—1 об.

дения их», а также созвать Земский Собор «для устройства государственного порядка в России»⁸⁸.

Через день, 14 января 1905 года на приеме у Святополк-Мирского появился Л. Л. Толстой, не знавший, что через несколько дней министр уйдет в отставку⁸⁹. Из дневника жены министра, княгини Е. А. Святополк-Мирской (урожд. гр. Бобринской), узнаем о некоторых деталях беседы: «<...> к сожалению, кто теперь любит государя? Замечательно, какая еди-нодушная ненависть. Сегодня был у П<епки>⁹⁰ Л. Л. Толстой, и он П<епке> говорил тоже об ужасном положении. Он говорит, что такое негодование на государя, что в обществе даже говорят, что, пока государь жив, ничего хорошего не будет»⁹¹.

На следующий день Л. Л. Толстой направил Святополк-Мирскому коротенькое послание, которое для нашего сюжета имеет большое значение и позволяет уточнить, как именно второе письмо Л. Л. Толстого попало к Николаю II:

«Многоуважаемый
Князь Петр Дмитриевич,

Сегодня я отправил заказным в Царское Село письмо Его Величеству, копию с которого прилагаю Вам с покорнейшей просьбой передать ее Государю, если письмо мое не дойдет до Него⁹². Решаюсь беспокоить Вас после свидания с Вами, которое останется для меня светлым воспоминанием.

Искренно уважающий Вас и преданный
Граф Лев Львович
Толстой.

15 января 05 г.
С. Петербург»⁹³.

А 16 января 1905 года Л. Л. Толстой направил в Ясную Поляну письмо-отчет о ситуации в Петербурге и о своем втором послании Николаю II: «Милая мама, Посылаю мое письмо к царю тем, кому оно интересно⁹⁴. Я передал его через кн. Святополка-Мирского, с которым виделся и который очень лю-

---

88 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 336. См. также: Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904—1905 гг.//Исторические записки. М.: Наука, 1965. Т. 77. С. 280.

89 Отставка Святополк-Мирского была официально принята 18 января 1905 года (см.: там же. С. 279).

90 Так домашние называли Петра Дмитриевича Святополк-Мирского.

91 Исторические записки. Т. 77. С. 276—277.

92 Вероятно, Святополк-Мирский выполнил просьбу Л. Л. Толстого (см. об этом ниже в письме Л. Л. Толстого к С. А. Толстой от 16 января 1905 года; копии его письма к Николаю II в конверте нет).

93 ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 2. Ед. хр. 428. Л. 1.

94 Экземпляры, вложенные в конверт вместе с письмом к С. А. Толстой, не сохранились. Вероятно, как и хотел Л. Л. Толстой, они сразу же нашли заинтересованных читателей.

безно ко мне отнесся. Сегодня получил даже его карточку⁹⁵. Был у него по поводу моей драмы, которая запрещена. Обидно, но надо будет подождать с ней до будущей осени⁹⁶. Один экземпляр послал в Мюнхен для представления на немецкой сцене⁹⁷. Пьеса называется „За кулисами войны“.

<...> Я был очень занят и взволнован все это время. <...>

Здесь внутри очень и очень беспокойно. Очень недалеко большие и, вероятно, ужасные события. <...> Убьют царя и будет настоящее смутное время, вторая пугачевщина. И это не преувеличенное воображение, а двигающаяся действительность. Целую всех вас и завидую вашей тишине деревни. Но уехать отсюда, окунуться в снега — страшно, слишком большое отрезвление, которого не хочу потому, что время пришло далеко не трезвое, пьяное время, и хочется жить, жить со всеми. Все пьют, нет больше трезвых, да и нельзя им быть⁹⁸.

* * *

И возникает естественный вопрос: почему Л. Л. Толстой обратился с новым посланием к царю? На что рассчитывал он, отправляясь на аудиенцию к Николаю II? Может быть, ему хотелось, пользуясь тем, что он сын знаменитого Льва Толстого, попытаться изменить ход событий? Возможно, Л. Л. Толстому была известна точка зрения Суворина, 29 мая 1901 года записавшего в дневнике: «Два царя у нас: Николай второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии»⁹⁹.

И, может быть, в вечном споре, соперничестве с отцом Л. Л. Толстому в январе 1905 года показалось, что именно он, Лев Толстой-младший, сумеет не пошатнуть и без того качающийся трон, а, напротив, укрепит его? Не исключено, что Л. Л. Толстой просто решил посмотреть в глаза своему венценосному сверстнику. Ведь их сознательная жизнь началась с участия в организации помощи голодающим в 1891—1893 годах. Хотя, конечно, приобщение цесаревича к государственным делам¹⁰⁰ состоялось лишь формально.

95 В архиве Л. Л. Толстого ответ и карточка Святополк-Мирского не сохранились.

96 Премьера пьесы Л. Л. Толстого «За кулисами войны» состоялась 22 февраля 1906 года в театре Неметти (см. рецензию на постановку в газете «Слово». СПб., 1906. 24 февр. (9 марта), № 393. С. 7).

97 Об этом писало и «Новое время» 1905. (29 января (11 февраля), № 10381. С. 13; см. также: Театральная Россия. СПб., 1905. 5 февр., № 6. С. 86).

98 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14320. Л. 1—2 об.

99 Суворин А. С. Дневник. С. 263.

100 В письме к сыну 5 марта 1893 года император Александр III подчеркнул, что он сознательно назначил великого князя председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем, с целью приобщить его «<...> к заботам управления в годину трудного испытания, ниспосланного Божиим промыслом» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 812. Л. 5—5 об.).

По словам Святополк-Мирского, Николай II обладал способностью ускользать от всего неприятного¹⁰¹. Близким ко двору людям он казался похожим на совершенного сфинкса. «Те, которые его лучше всех знают, сознаются, что его понять невозможно, умный ли он или глупый, добрый или злой»¹⁰². В то же время управляющий кабинетом царя, князь Н. Д. Оболенский не устал убеждать собеседников в том, что на российский самодержца можно и нужно влиять, проявляя настойчивость, преодолевая природную подозрительность Николая II и опираясь прежде всего на веру царя в то, что власть монарха — от Бога¹⁰³.

27 января 1905 года Л. А. Толстой получил свой шанс повлиять на ход истории¹⁰⁴. Вернувшись из Царского Села, он нашел записку Суворина: «Дорогой Лев Львович, не приедите ли Вы ко мне сейчас. Оболенский Д. Д.¹⁰⁵ говорил, что Вы были у Царя. У меня Немирович¹⁰⁶. Не порадуете ли Вы нас, а?»

Ваш А. Суворин»¹⁰⁷.

В тот же день Суворин поделился новостью с одним из постоянных авторов «Нового времени», писателем В. В. Розановым¹⁰⁸: «Сегодня у Государя 1 1/2 часа сидел Л. А. Толстой и говорил с ним о Земском Соборе»¹⁰⁹.

Вероятно, в первые дни после аудиенции у царя Л. А. Толстому не раз приходилось воссоздавать хотя бы в общих чертах беседу с Николаем II. Только 6 февраля 1905 года он поделился с С. А. Толстой своими переживаниями и размышлениями: «Милая мама, давно не писал, потому что меня терзали. Теперь немного тише и выбираю воскресный вечер, чтобы поговорить. <...> чувствую себя не в праве уехать после того, что писал царю в новом письме»¹¹⁰. Если меня оставят в покое, приеду к Вам в начале

---

101 Исторические записки. Т. 77. С. 251.

102 Там же. С. 271.

103 Там же. С. 250.

104 В этот день Николай II записал в дневнике: «Погоулял до завтрака. В 2 1/2 принял гр. Льва Толстого-сына» (Дневники императора Николая II. М., 1992. С. 248).

105 Дмитрий Дмитриевич (Миташа) Оболенский (род. 1844) — давний друг семьи Толстых.

106 Василий Иванович Немирович-Данченко (1845—1936) незадолго до этого вернулся «с Дальнего Востока после одиннадцатимесячного пребывания на военных позициях» (Петербургская газета. 1905. 21 янв. № 13. С. 2.

107 РНБ. Ф. 115. Ед. хр. 66. Л. 21.

108 Розанов Василий Васильевич (1856—1919), философ, публицист, литературный критик, оставил ценные воспоминания о Суворине. По его словам, «Суворин <...> был Ломоносовым русской ежедневной прессы <...>» (Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913. С. 40).

109 Там же. С. 157.

110 См. письмо от 30 января 1905 года, с. 140—141.

марта, когда у меня будет окончено много дела здесь и найдется дело в Москве. <...>

Я иногда тягочусь городской жизнью и делами, но пока чувствую себя еще недостойным жить тихой деревенской жизнью, такой, какой иногда хочется зажить в лучшие минуты с покоем душевным и умственным, чистым трудом. Это пока мечта. <...>

<...> Получаю письма по поводу статей в "Нов. Времени". Есть довольно неприятные¹¹¹. Есть сочувственные¹¹². После поездки в Царское одолели корреспонденты, которых теперь прямо не принимаю¹¹³. Вообще стали одолевать люди, не меньше, чем в Хамовниках, и я чувствую, что, проживи я еще 10 лет тут, совсем будет суетно. Но это ничего пока, хорошо и нужно и я охотно выдаю людей самых разнообразных. <...>

Время идет интереснейшее, но что оно принесет, Бог знает. Главная беда, что мало делают, мало напряжения и ясного сознания того, что только в живом, самоотверженном, сумасшедшем труде теперь все спасение. Я надеюсь, что Собор соберется и многое уяснит. Целую всех.

Лев¹¹⁴.

---

111 Откликов на первые статьи Л. Л. Толстого в «Новом времени» в его архиве не сохранилось. Но представление о характере подобных писем можно получить, изучая мартовскую почту Л. Л. Толстого. В частности, 22 марта 1905 года читатель «„Телефона“ Нового времени» предложил Л. Л. Толстому самому пойти на войну, а не призывать к этому других и в заключение добавил: «Так вот, при чтении Ваших статей и не выходит из головы мысль: а ведь это у него родовое, наследственное; фразы и фразы, одни, увы, фразы!

А за них, кроме того, еще и платят!
Сторонник мира»

(ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 837. Л. 1—2; письмо датируется условно по почтовому штемпелю на конверте — там же. Л. 3; см. также: Ед. хр. 178, 848 и др.).

112 Сочувственные отклики на ранние статьи Л. Л. Толстого о русско-японской войне были и в печати. В частности, редактор «Нивы» Ростислав Иванович Сементковский (1846—1914) в цикле очерков «Что нового в литературе?» в октябре 1904 года остановился подробно на полемике Л. Л. Толстого с Меньшиковым и в этом споре принял сторону Л. Л. Толстого (см.: Нива: Ежемес. лит. и попул.-науч. прил. СПб., 1904. Кн. 10. Стлб. 333—336; см. также: ИРЛИ. Ф. 303, №№ 306, 336, 353, 614 и др.).

113 Репортажей о посещении Л. Л. Толстым Царского Села в столичной печати не было. Глухое упоминание встретилось на страницах ежедневной газеты, выходявшей без предварительной цензуры, «Наши дни». 4 февраля 1905 года в разделе «Вечерние новости», среди других сообщений было и такое: «Граф Л. Л. Толстой на днях выезжал в Царское Село» (№ 38. С. 4). Более информированными оказались зарубежные журналисты. Так, в среду, 11 февраля нов. ст., т. е. 29 января 1905 года парижская газета «Le Matin» поместила, со ссылкой на лондонскую газету «Daily Chronicle» от 10 февраля 1905 года подробное сообщение и о продолжительности аудиенции, и о главном предложении Л. Л. Толстого царю — созвать Земский Собор (№ 7657. Р. 3).

114 ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14321. Л. 1—2 об.

Поездка в Ясную Поляну, запланированная на 3 марта 1905 года¹¹⁵, была отложена. Одной из причин была занятость и нежелание бросать Петербург в момент, когда казалось, что «<...> наступает разъяснение ты- сячи запутанных вопросов»¹¹⁶.

Еще до поездки в Царское Село Л. А. Толстой познакомил русского читателя с основными положениями книги известного датского общественного и государственного деятеля Н. Герцберга «Рабочий вопрос и социализм». При этом он выделил один аспект — христианское смирение и терпение. «Только одно христианство излечивает все человеческие раны и страдания как в частной жизни, так и в общественной. Решение социалистического вопроса — это применение христианской любви, не той, которая составляет только отражение ее или образ, а той, которая сама представляет собою ее пламя. Эта любовь все переносит терпеливо, все решает единственным верным способом. Одна лишь эта любовь имеет силу и возможность не- смотря ни на что исполнять великую заповедь: „Люби ближнего, как самого себя“. „Эти слова,— заключает свое сочинение Герцберг,— имеют больше силы облегчать человеческие страдания, чем все теории социализма, взятые вместе, и эту силу они сохраняют навеки“.

Жизни сразу не переделаешь. Можно только терпеливо работать для ее улучшения, прощая и смиряясь, и пользуясь из нее тем, что она может тебе дать»¹¹⁷.

Весь 1905 год в сознании Л. А. Толстого прошел под знаком личного общения с российским императором. У него не было возможности да и желания проверить, насколько искренним был при встрече с ним Николай II. Он не знал, что при первом знакомстве царь «<...> оставял глубоко обаятельное впечатление. <...> Николай II во время разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверенным, что он сдержит свое слово. <...> Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни. Поэтому очень трудно было у него что-то провести»¹¹⁸.

Порывистый и импульсивный, Л. А. Толстой принял за чистую монету слова Николая II о его готовности к реформам. Поэтому неудивительно, что Л. А. Толстой так живо откликнулся на Высочайший Манифест от 18 февраля 1905 года с призывом ко всем русским людям объединиться. Статью из цикла «Мысли и жизнь» он сразу же отправил Суворину и

115 Там же. Ед. хр. 14322. Л. 1 об.

116 Там же. Ед. хр. 14325. Л. 1.

117 Новое время. СПб., 1905. 21 янв. (3 февр.). № 10373. С. 3. По сообщению корреспондента газеты «Наши дни», в тот же день всем рабочим фабрики Шредера на Выборгской стороне раздавались экземпляры этого номера «Нового времени» со статьей Л. А. Толстого, «ярко отмеченной цвет- ным карандашом. Говорят, что и на других фабриках старались просветить рабочих путем бесплатной выдачи экземпляров указанного № „Нового Вре- мени“» (Наши дни. СПб., 1905. 25 янв. № 28. С. 2; см. также: Наша жизнь. СПб., 1905. 26 янв. (8 февр.). № 71. С. 3). Позднее Л. А. Толстой убедил А. С. Суворина издать книгу датского публициста (см.: Герцберг Н. Рабочий вопрос и социализм/Пер. со шведского под ред. Л. А. Толстого. СПб., 1905).

118 Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина//Святой черт. С. 93.

19 февраля 1905 года получил ответ: «Дорогой Лев Львович, я прочел Вашу статью. Она мне нравится по своей мягкости и убежденности, спокойной и твердой. Она очень велика. Попробуйте ее сократить. Я бы пометил ее сегодня»¹¹⁹.

Вероятно, Л. Л. Толстой внес необходимые изменения, и в тот же день «Новое время» напечатало его оценку Высочайшей инициативы: «Весна, весна близко. Весна в природе и в русской жизни, с солнцем, светом и теплом.

Слишком поздно, чтобы еще писать сегодня. Пишу поздно ночью только для того, чтобы помочь, как умею, разъяснению великого события, какое переживаем, чтобы рассеять недоверие, чтобы сплотить всех в песнях, в криках радости и восторга, вместо плача и печали. Мы накануне величайшего обновления, будем радоваться ему, чтобы оно действительно настало, чтобы оно явилось чистым и глубоким»¹²⁰.

Характерно, что в своем ликовании по поводу грядущих перемен Л. Л. Толстой абсолютно не заметил иронического выпада Суворина, касавшегося Высочайшего рескрипта на имя министра внутренних дел учредить Особое совещание для выбора лучших людей России с целью начать законодательные работы над реформой: «Английские газеты с насмешкой говорят о Рескрипте. „Times“, например: Если Государю угодно выслушать доверенных от народа людей, то пусть Он обратится к тюрьмам — они там сидят»¹²¹.

Но Л. Л. Толстому было не до шуток. Поистине с толстовской убежденностью в своей правоте Лев Львович бомбардировал Суворина статьями и предложениями. В одном из недатированных писем, относящихся к этому периоду, он просил издателя «Нового времени» регулярно предоставлять ему трибуну для выступлений, так много у него накопилось того, что необходимо сказать публике: «Не можете ли Вы назначить мне определенный день или два в неделю для моих статей? Если раз, то буду писать статьи приблизительно размера моих „Мысли и жизнь“. Если два, то короче. Лучше бы один раз, но определенно тогда-то»¹²².

Ответ Суворина не сохранился, но, судя по статьям Л. Л. Толстого в «Новом времени», Суворин не стал связывать себя обещаниями и приравнивать Л. Л. Толстого к постоянным авторам газеты, например Меншикову или Розанову. Тем не менее с полным правом можно сказать о том, что в начале 1905 года Л. Л. Толстой стал одной из заметных фигур в отечественной публицистике. Произошло это прежде всего потому, что он открыто полемизировал с той точкой зрения на развитие событий, которую неоднократно высказывал его отец.

В Ясной Поляне с нарастающей тревогой следили за выступлениями Л. Л. Толстого в прессе, особенно по вопросу русско-японской войны. Он был искренне уверен в том, что ее необходимо продолжать, несмотря на колоссальные потери. В недатированном письме Суворину он восклицал: «Что они хотят делать с нами? Неужели мир? Позор, позор! И ведь это для того, чтобы через 10—20 лет повторить то же самое. Впрочем! Пусть! Русский Бог какой-то особенный»¹²³.

119 РНБ. Ф. 115. Ед. хр. 66. Л. 22.

120 Новое время. СПб., 1905. 19 февр. (4 марта). № 10402. С. 4.

121 РНБ. Ф. 115. Ед. хр. 66. Л. 22.

122 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4247. Л. 29.

123 Там же. Л. 23.

3 марта 1905 года очередную статью из цикла «Мысли и жизнь» Л. А. Толстой начал с ошеломляющего утверждения: «Сохрани нас Боже от заключения мира.

«...» Храбро и до конца используем наши силы, а там видно будет, что из этого выйдет. Пока же эти силы не использованы, кто, кроме трусов или совсем немощных, бросает оружие и опускает руки? Разве это неправда? Скажут, что нам здесь легко говорить такие вещи и посылать на Восток „пушечное мясо“. Народ сам мудрее этого смотрит на войну. Он говорит: „Что ж, на войну, так на войну. Умирать, так умирать. Смерть одна. Одному коротко жить, другому подольше. Небольшая в этих сроках разница. Кому какой круг на роду написан“. Смотрю на это дело и на жизнь так же и я и потому смею писать, что пишу»¹²⁴.

10 марта 1905 года Л. А. Толстой продолжил свою мысль: ««...» Россия настолько сильна, что она вновь двинется к океану и вновь прогонит с его берегов ослабленного войной с ней врага. Так будет дело в два, пять, десять, двадцать лет. Надо ясно сознать это и ясно, открыто сказать это всему народу»¹²⁵.

Одержимый своими идеями, Л. А. Толстой не мог не сознавать, что после этих статей ему будет очень трудно рассчитывать на понимание со стороны обитателей Ясной Поляны. Тем не менее он попытался начать диалог, и очередное письмо родителям, отправленное с оказией, не случайно было адресовано Л. Н. Толстому.

«Дорогой папа, я не еду к вам не потому, что не люблю тебя и не хочу тебя видеть. Я бы страшно хотел повидаться с тобой¹²⁶, хотя ты, м. б., не очень хочешь этого, да и мои разные с тобой взгляды на вещи, разницу, особенно резко определившуюся теперь; но я не считаю себя вправе уехать, когда каждый день ко мне многие обращаются и лично, и письменно. Надо многое разъяснить, на многое отвечать, многое начинать. Теперь вопрос о народной газете сильно занимает меня»¹²⁷.

124 Новое время. СПб., 1905. 3(16) марта. № 10414. С.— 3. Л. А. Толстой получил много откликов на эту статью, причем были письма и в поддержку его позиции (см.: ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 847. Л. 12, 16—18, 30—31 об.). Сохранились в архиве Л. А. Толстого и резко критические оценки его выступлений, предложения самому отправиться на войну, а не призывать к этому других (см.: там же. Ед. хр. 823. Л. 1—3; ед. хр. 837. Л. 1—2).

125 Новое время. СПб., 1905. 10(23) марта. № 10421. С. 3.

126 Возможно, Л. А. Толстой вспомнил строки из письма С. А. Толстой к нему от 7 января 1905 года — в ответ на несохранившееся письмо Л. А. Толстого из Петербурга: «Ты спрашиваешь, хотим ли мы тебя видеть? Вот вопрос! Я как раз на днях о тебе думала и так соскучилась по тебе. А папа сегодня, прочитав твое письмо, даже на стуле как-то подпрыгнул и сказал: „А я все хочу ему написать, непременно напишу и очень рад бы был его видеть“» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 1—1 об.).

127 25 февраля 1905 года Л. А. Толстой разослал «Письмо в газету» с предложением от «кружка лиц, горячо заинтересованных положением русских рабочих, их жаждой улучшить свою жизнь и выйти <...> на прочный и ясный путь спокойного культурного развития. Кружок <...> находит, что в настоящее время издание хорошей, честной, проникнутой христианскими, а не революционными и другими идеалами общедоступной газеты для рабочего класса, как городского, так и сельского, было бы только желательным, но составляет насущную потребность» (Новое время. СПб., 1905. 26 февраля (11 марта), № 10409. С. 4). Хотя Л. А. Толстой получил немало, по его словам, сочувственных откликов, некоторые сохранились в его архиве (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 825. Л. 1; ед. хр. 847. Л. 19), но собранных денег оказалось недостаточно, и издание не состоялось.

Хотя я и разных с тобой взглядов как будто, я чувствую, что мы в корне очень похожи и что, если бы ты был теперь на моем месте и не был бы тем, кто ты теперь, ты стал бы так же, как я, бороться со всей этой пуганницей современной, либеральной тупостью, революционным злом и т. п., стоя на точке зрения честности, разума и добра. Я не могу стать на точку зрения христианства потому, что чувствую, что я для этого слишком слаб.

Целую тебя и остальных.
Твой Лева.

11 марта 05 г.»¹²⁸.

Но диалог с Л. Н. Толстым после серии откровенных призывов к продолжению войны, естественно, не мог состояться. Даже С. А. Толстая, очень любившая Льва Львовича и многое ему прощавшая, не выдержала и 18 марта 1905 года отправила Черткову для публикации письмо с изложением своей точки зрения на русско-японскую войну. Имя Л. Л. Толстого не называлось, но пафос письма не давал оснований для разночтений¹²⁹. 20 марта 1905 года в письме к сестре, Т. А. Кузминской, Софья Андреевна делилась переживаниями последнего времени: «Очень меня огорчают статьи Левы по поводу войны. Разве можно желать ее продолжения и писать нелепые слова: „Сохрани нас Бог от мира“. Ведь это грех большой на душу брать. А я послала за границу письмо с воззванием к миру и с сильным, негодующим протестом против войны»¹³⁰.

23 марта 1905 года С. А. Толстая отправила сыну большое письмо, надеясь воздействовать на его разум: «Милый Лева, сейчас прочла твою статью в Новом Времени, и мне стало даже смешно, так она противоположна тому письму, которое я на днях послала Черткову напечатать, написанное, главное, по поводу твоей статьи, начинающейся словами: „Сохрани нас Бог от мира“. Мне и папа, разумеется, очень грустно, что наш сын до такой степени противоположен в своих воззрениях на войну, как ты. Но, кроме того, что это грустно, до меня со всех сторон доходят слухи, что это мать внушила Льву Львовичу подобные взгляды, и мать, не согласная с Львом Николаевичем, — проповедует войну. Так как это несправедливо, то я хотела восстановить истину и опубликовать на весь мир свой взгляд на войну.

¹²⁸ GMT. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 74. Л. 1—1 об.).

¹²⁹ С. А. Толстая писала: «<...> я просто не могу понять людей, дерзающих продолжать проповедь войны!

Неужели не хватает у людей самой простой, непосредственной любви к человечеству, понимания добра, — да просто воображения, чтоб переживать с невинными жертвами войны и оставленными ими семьями те отчаянные муки, от которых теперь стонет вся Россия?

Некоторые воображают, что народ якобы мудро и спокойно смотрит на войну и смерть. Это несправедливо. Я живу в деревне, я сама провожала сына на войну, я видела эти проводы и пережила их с болью сердца, но нигде ничего другого не видала, как плач, горе и отрицание того дела, на которое посылали людей, за редкими исключениями интеллигентной молодежи, но не народа.

Мир не может быть позором, как этого многие боятся. Проигранная война — не позор, а несчастье. <...>

И если цари и генералы боятся позора мира и прекращения войны, то пусть матери всех положений восстанут против тех побоищ, которые так истерзали сердца нас, — матерей!» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 9 об.—11).

¹³⁰ GMT. Архив С. А. Толстой.

Ты пишешь, что матери желают мира, а не желают продолжения войны и того, чтоб калечили их детей. Это все равно, что если бы ты написал, что матери желают кормить грудью, когда кричат их младенцы, а не желают морить их голодом. Ты восстаешь против естественного материнского чувства. Если бы, как в <18>12-м году, враг пришел в Россию, в Москву, то поневоле проснулся бы патриотизм. В <18>12-м году бабы воевали с вилами в руках. Тогда мотивом войны была самозащита, и это законно. А теперь? спроси народ — все в недоумении, зачем воюют, для чего столько жертв? И какие бы разговоры на конках ты ни описывал, мы ближе к народу и лучше знаем его отношение к войне. <...>

<...> Ты не бойся, мы спорить не будем, наши отношения с тобой на другой почве, а взгляды политические, религиозные и нравственные уже не на почве отношений матери и сына»¹³¹.

Но одних родственных отношений оказалось недостаточно. Во всяком случае, когда Л. Л. Толстой в апреле 1905 года ненадолго вырвался из Петербурга, он вынужден был признать, что в Ясной Поляне он только теряет время¹³². Разговор с отцом не клеился. Слишком разными были у двух Львов Толстых собственные впечатления от минувших событий; следовательно, разным было их видение выхода из того критического положения, в котором оказалась Россия¹³³.

Позднее, 15 мая 1905 года Л. Л. Толстой признался матери: «Папа я люблю очень, когда не думаю, что он меня не любит. Но когда вижу и чувствую, что я ему не нужен, и он мне становится чужд»¹³⁴. И может быть, публицистическая деятельность Л. Л. Толстого в 1904—1905 годах в какой-то степени была формой протеста против явного отчуждения отца, своеобразным способом привлечь, хотя бы через столичную прессу, внимание яснополянского гения к своим взглядам на развитие событий.

Не случайно, когда Л. Л. Толстой в июне 1905 года оказался в Ясной Поляне, он задал отцу вопрос, на который не было ответа: «Почему же ты не терпишь мою точку зрения, почему же ты мне не позволяешь свободно выразить ее?»¹³⁵. Так получилось, что в 1905 году притяжение—отталкивание отца и сына стали обычным явлением, с той лишь разницей, что эти непростые отношения развивались теперь на глазах читателей не только России, но и всего мира.

131 ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 12—13 об.

132 Л. Л. Толстой находился в Ясной Поляне 9—12 апреля 1905 года (см.: *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 1. С. 240—243).

133 В день отъезда Л. Л. Толстого из Ясной Поляны, 12 апреля 1905 года Маковицкий записал в дневнике: «Сегодня Лев Львович уехал в Петербург, удрученный. В Петербурге политические события ему кажутся особенно важными; здесь видел, что им той важности не приписывают; что в деревне дворяне, крестьяне живут другими и более важными заботами; тут не нашел, кто бы с его взглядами согласился» (там же. С. 243.).

134 ГМГ. Архив С. А. Толстой.

135 Л. Л. Толстой приехал в Ясную Поляну 21 июня 1905 года и пробыл там до 12 июля 1905 года (см.: *Маковицкий Д. П.* У Толстого. Кн. 1. С. 320—343, 519). В день ссоры, 22 июня 1905 года, Маковицкий записал в дневнике: «<...> на прогулке Лев Львович мне сказал, что отец сердится на него, что он никогда не приезжал бы в Ясную, если бы здесь не было матери и Ясной Поляны» (там же. С. 321).

На каком-то этапе отстаивание своих взглядов превратилось у Л. Л. Толстого в самоцель. И в частной переписке с родными и близкими анализ общественно-политической ситуации занимает большое место. Примером тому может послужить письмо Л. Л. Толстого к сестре, Т. Л. Сухотиной из Швеции, куда он на лето повез семью¹³⁶, от 9 июня (ст. ст.) 1905 года: «<...> война, конечно, и здесь главный интерес.

Что-то будет в России? Какое горячее и, в сущности, хорошее время, кабы не столько горя. Но без этого горя мы вряд ли проснулись.

<...> Бедные все наши знакомые и родственные моряки. Я писал Государю, незадолго до Алексеева¹³⁷, о том, что невозможно давать им в руки судьбы России¹³⁸. Слава Богу, представительство не за горами. Будет лучше, но нужно еще много борьбы, чтобы власть распределилась среди людей, ее достойных. Ужасен вид пустынного Кронштадта, через который теперь кому угодно путь открыт на Таврическую¹³⁹. Только, презирая нас, никто, к сожалению, и отсюда нас не поучит. Все-таки японцев мы победим в конце концов, через 10—50 лет, все равно»¹⁴⁰.

Узнав о начале переговоров в Портсмуте¹⁴¹, Л. Л. Толстой 20 августа (ст. ст.) 1905 года часть письма к С. А. Толстой посвятил крестинам сына Петра¹⁴², а затем сосредоточил все внимание на текущем моменте: «Поздравляю с миром. Я его не желал, но ему рад. <...>

¹³⁶ Л. Л. Толстой выехал из Петербурга 25 мая 1905 года (см.: ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14329. Л. 1 об.).

¹³⁷ После Цусимского сражения и разгрома русского флота в мае 1905 года был упразднен Особый комитет Дальнего Востока, и адмирал Алексеев 8 июня 1905 года был уволен от должности наместника. По приезде в Петербург он был «за особые заслуги», вероятно в уничтожении русской эскадры в русско-японской войне, награжден орденом Святого Георгия (см.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 389).

¹³⁸ Письмо это неизвестно.

¹³⁹ Л. Л. Толстой имеет в виду, что в феврале 1905 года из Балтики на Дальний Восток была отправлена 3-я Тихоокеанская эскадра, в составе которой находились 4 броненосца и крейсер. В Цусимском сражении корабли были уничтожены как боевая сила.

¹⁴⁰ ГМТ. Архив Т. Л. Сухотиной-Толстой.

¹⁴¹ После гибели Балтийской эскадры в волнах Корейского пролива президент США Теодор Рузвельт (Roosevelt; 1858—1919) 28 мая 1905 года обратился с нотой к воюющим сторонам с предложением посредничества для мирных переговоров, которые начались в американском городе Портсмуте 27 июля (9 августа) 1905 года и завершились 23 августа (5 сентября) 1905 года подписанием мирного договора.

¹⁴² Петр Львович Толстой (1905—1970). В день его рождения, 8/21 августа 1905 года Л. Л. Толстой писал матери: «Пережил счастливые минуты, которые, жаль, коротки. Следовало бы вечно радоваться жизни, а мы вечно горюем в большинстве случаев. Трудно радоваться в тех безобразных условиях людской жизни, которые нас постоянно окружают. А как их переменить? Какая громадная, бесконечная работа человечеству, которую оно как будто и не начинало.

А начать одному? Ломать? Даже такие сильные люди, как Ваш супруг и мой отец, на это не решаются. Это ошибка их, слабость, конечно. Но она доказывает, как все мы слабы и как далеки от счастья» (ГМТ. Архив С. А. Толстой. Ед. хр. 14335. Л. 1—2).

Еще о мире. Боюсь, что он ненадолго. Боюсь, что он разучит нас снова видеть всю нашу гадость. Но сама война — такое зло, что, конечно, за окончание ее можно отдать многое, но не главное — начало новой жизни для России, в которой я верю все равно, будет ли мир или война»¹⁴³.

Между тем действительно события приобретали необратимый характер. 16 октября 1905 года Л. Л. Толстой из Петербурга,¹⁴⁴ отправил в Ясную Поляну отчет о возникшей ситуации: «Милая мама, пишу Вам в разгар нашей „революции“, как многие называют переживаемое время. „Революция“ ли? Не думаю. Просто остановка, обрыв жизни вследствие прекращения войны, что я считаю большой политической ошибкой. Вы на это возмутитесь, но вдумайтесь глубже, представьте себе: продолжение войны и наконец наша победа. Тогда ничего подобного бы не было. Был бы подъем жизни вместо падения ее. У нас все стоит. Ни газет, ни электричества, ни поездов, ни конок, ни торговли, ни молока детям, ни писем ниоткуда. На улицах мрак, ходят толпы оборванцев, много пьяных, развезают войска, тоже неряшливого, распущенного вида.

Сегодня воскресенье и теперь вечером жутко выйти на улицу. Ходят казаки по нашему тротуару, проходят пьяные, грубые шутки и распущенность всеобщая. Чем все это кончится, трудно сказать. Я надеюсь, что на этих днях все восстановится. От Вас мы отрезаны, и Бог знает, что у Вас. Если бы наша современная жизнь была устроена иначе, если бы не было ни войска, ни собственности, ни городов, ни правительства, — конечно, тогда зачем же война. Но когда наша жизнь — борьба, а ее прекращают, как с этой войной, тогда начинается и разгорается борьба в другом мире, — внутренняя война. Она была и началась у нас и во время войны, и до нее, но теперь, конечно, примет гораздо более грозные формы потому, что раньше во время войны боролась государственная единица с другой такой же. Теперь, когда наша государственная единица признала свою слабость, началась борьба внутри ее для ее усиления и перестройки. Это бы пришло само собой и сделалось бы легче, естественнее и скорее с продолжением войны, чем теперь, когда война прекращена. И, кто знает, м. б., наша государственная машина не обнаружила бы столько слабости, если бы в нее верили и продолжали войну дальше. Я уверен в этом.

Все это очень тяжело. Живут все, как угорелые, бегут, сами не знают, куда, и все кончается обжорством, или пьянством, или чем-ниб. в этом роде. Митинги и речи на них — тоже пьянство, не говоря уже о дурацких разговорах в салонах. Надо ждать терпеливо, что будет. <...> Все в угаре от солнечных пятен, вероятно. Когда-то Бог поможет их загасить»¹⁴⁵.

А 21 октября 1905 года Л. Л. Толстой признался: «Столько пережили за это время, что все рассказать невозможно до Вашего приезда»¹⁴⁶. Однако С. А. Толстая не рискнула поехать в Петербург, и 25 октября 1905 года Л. Л. Толстой поспешил ее утешить: «У нас жизнь успокаивается. Все берется за запущенные дела. В правительств. сферах кипит работа. Очень надеюсь, что дело не дойдет до настоящей резни и революции. <...> Видаю многих и последнее время все в каком-то шальном возбуждении»¹⁴⁷.

143 Там же. Ед. хр. 14334. Л. 1—2.

144 Л. Л. Толстой вернулся из Швеции в Петербург 27 августа 1905 года (см.: там же. Ед. хр. 14336. Л. 1).

145 Там же. Ед. хр. 14345. Л. 1—2 об.

146 Там же. Ед. хр. 14346. Л. 1 об.

147 Там же. Ед. хр. 14347. Л. 1 об.

Он и сам был в таком же состоянии. Начались выборы представителей в Государственную Думу, и в переписке с С. А. Толстой сын всерьез обсуждал вопрос, выдвигать ли ему свою кандидатуру, и если выдвигать, то где: в Петербурге или в Крапивенском уезде Тульской губернии¹⁴⁸.

Как и многие проекты Л. А. Толстого, и этот кончился безрезультатно. 8 ноября 1905 года, поздравляя сестру Татьяну с рождением дочери¹⁴⁹, Л. А. Толстой размышлял: «Настроение трудное. Стою от всего в стороне. Стал на более отвлеченную и единственно правильную точку зрения, чтобы найти успокоение. Теперь ничего невозможно. Склад¹⁵⁰ идет плохо. Никто ничего не читает, кроме газет. Вообще же — хорошо. Хорошо то, что становишься умнее и старше. Хорошо, что Россия просыпается, что люди почувствовали, одни — свою вину, другие — свои права. <...> Кто возьмет, однако, неизвестно: Витге¹⁵¹ или Горький¹⁵² с Минским¹⁵³ и рабочими. Борьба серьезная.

Хуже всего, что гвардия заражена революцией и развращена до мозга костей. А на гвардии теперь держится здесь всё. Страшно подумать, что мы живы Сашкой Берсом¹⁵⁴, то есть чем-то совершенно внешним, словами команды и офиц. мундиром, на ком бы он ни был. Но даже это ослабело.

---

148 Там же. См. также письмо С. А. Толстой к сыну от 8 октября 1905 года (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 684. Л. 28—28 об.).

149 Альбертини Татьяна Михайловна (урожд. Сухотина) родилась 6 ноября 1905 года.

150 Имеется в виду книжный магазин и склад «Доброе дело» Л. А. Толстого.

151 В конце октября 1905 года в Кронштадте произошло восстание отдельных частей солдат и матросов на почве неудовлетворения их материальных нужд. Правительство подавило восстание и предало зачинщиков военно-полевному суду. 2 ноября 1905 года началась всеобщая забастовка в Петербурге с целью не допустить расстрела моряков. 3 ноября 1905 года Витге послал рабочим телеграмму с просьбой начать работу. «Дайте время — все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, расположенного и желающего вам добра». Рабочие предприятий, еще не начавших забастовку, ответили: «Прочитали и — забастовали» (см.: Первая русская революция 1905 г.: Хрестоматия/Сост. С. П. Белоусов. 2-е изд., перераб. и испр. М.; Л.: ГИЗ, 1926. С. 109—112).

152 Еще в феврале в Петербурге упорно циркулировал слух о том, что «на случай смены правительства был составлен список новых министров: Горький — просвещения» (*Маковицкий Д. П. У Толстого. Кн. 1. С. 178*).

153 Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин; 1855—1937), поэт, переводчик, критик, официальный редактор-издатель газеты «Новая жизнь». К его помощи большевики вынужденно обратились потому, что у него было разрешение на издание газеты. В начале ноября 1905 года, после приезда Ленина, он был практически отстранен от участия в газете.

154 Берс Александр Александрович (1883—1907), кузен Л. А. Толстого, поручик Преображенского полка, друг детей Л. Н. Толстого.

Дисциплина пала во всем заметно. Царь прячется и надеется, конечно, только на гвардию, среди которой перестали работать революционеры. Я сам вижу часто группы студентов и других людей по ночам, стоящих подле дерущихся солдат, окружающих Таврический сад, полков, очевидно, возбуждающих их к революции. Если правительство не окрепнет и если снова не будут сделаны массовые аресты и высылки¹⁵⁵, то мы доживем до плохого. А сделать этого как будто не хотят и невозможно. Дума сама может послужить, при теперешней анархии, поводом к наступающему перевороту. Все-таки надеюсь на успокоение, хотя не вижу еще возможности его. Только реакция может дать его и потому, ужасно сказать, — можно желать теперь именно одной только реакции, конечно, не в смысле возвращения к старому, а в смысле очистки России от революционных элементов или, по крайней мере, победы над ними. Но кто решится на это? Никто. И потому впереди новая резня и новые ужасы. Революция хочет республики и будет ее всячески добиваться. Уже дорожку проторили туда и, чтобы она заглохла, нужно немало времени, если это возможно.

Народ ничего этого не желает, а желает земли и школы. Народ поэтому революцию ведет с одной стороны, а революционеры — с другой, противоположной. Обе эти стороны друг друга ослабляют, но обе ослабляют в то же время Россию. Надо одно дать народу, а другое сделать с революционерами. Трудно предсказать, чем всё это кончится. Положение полно трагизма, несомненно. Трагично то, что нет мирного выхода, что этот выход найти не в силах одному человеку, а что он будет дан самой жизнью, совокупностью множества усилий и жизней людских. Надо утешаться мыслью, что народ русский хранит в себе довольно духовных сил и добра, христианских заветов, чтобы не довести дела до пугачевщины, что это уже отжило. Теперь только жгут города и усадьбы, но уже не режут господ. Дай Бог, чтобы этим ограничилось.

Прощай, милый друг. Прости, что длинно написал»¹⁵⁶.

И в письме Л. А. Толстого к отцу от 28 ноября 1905 года доминирует ощущение трагической безысходности исторического момента.

«Милый и дорогой папа,

Пишу тебе, чтобы поговорить с тобой и отвести душу. Что у нас делается? Ты не можешь себе представить, до какой степени сильно, стихийно и непоборимо то движение, что захватило теперь Россию. Впрочем, ты можешь себе представить его, но ты его не видишь так близко и ярко, как делаю это я, живя здесь. На улицах и в писчебумажных магазинах, по случаю свободы печати¹⁵⁷, продаются открыто порнографические картины и силуэты, которые раскупают гимназисты в свободные от „революционной деятельности“ часы. В театрах представляются народные грубые, безобразные

---

155 Разгул реакции начался позднее, после подавления вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 года (см.: *Летопись жизни и творчества А. М. Горького*: В 4 вып. М., 1958. Вып. 1. С. 573).

156 ГМТ. Архив Т. А. Сухотиной-Толстой.

157 18 февраля в Манифесте подчеркивалось особо: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности; свободы совести, слова, собраний и союзов <...>».

бунты, глядя на которые, хочется бежать. («Дети Солнца»¹⁵⁸, «Евреи»¹⁵⁹, «Дачники»¹⁶⁰ и т. д.)

Учебные заведения закрыты или в них собираются митинги и переписываются десятилетними девочками русские „Марсельезы“ со словами:

„Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Бей их, злодеев проклятых“ и т. д.¹⁶¹

В городских аудиториях собрания и митинги союзов и обществ, на которых требуется демокр. республика.

Сейчас идут страшные интересные собрания рабочих-железнодорожников и переплетчиков в Соляном городке, на которые я зашел. В буржуазных домах — страх и пустые разговоры, но карты по-прежнему. В войсках брожение и глупое недовольство. Наверху философское и беспомощное бездействие, сравнительно с быстрой движением жизни. Трудно жить. Бога нигде не видно, не только Бога, но даже попыток искать и найти Его.

Какое-то повальное озверение и распушенность. Ничто не свято — ни семья, ни нравственность, ни честь, ни труд, ни даже разум. Трудно не только жить по-настоящему, но выждать и не делать глупостей и гадостей. Сейчас, глядя на толпы в несколько тысяч рабочих и пропуская мимо себя бесконечный поток входивших в Соляной городок грубых, возбужденных, сильных рабочих людей, слушая властные их голоса: „Билеты, товарищи! Товарищи, за дело!“ — я понял, какая это стихийная сила, с которой никому не справиться. Это тот самый демос, который и создает республику, несмотря на то, что народ, крестьяне ее, м. б., и не желают. Что можно говорить им? Они ничего не послушают. Им только одно нужно, — это получить их право считаться и быть людьми. И они добьются этого. Добьются несомненно, как добились теперешнего права собираться на свои собрания. Все бы это было прекрасно, если бы не принцип насилия, доведший уже их до открытого провозглашения и воззвания к всеобщему вооруженному восстанию, до того, что здесь нет рабочего теперь, у которого бы не было оружия, ножа или револьвера. Как ты относишься ко всему этому и что ты пишешь и думаешь? Хотелось бы повидать вас, но как уехать теперь от семьи?

Может быть, ты напишешь мне два слова в утешение и в совет¹⁶². Чувствую себя совершенно беспомощным перед надвигающейся грозой.

158 Премьера пьесы Горького состоялась на сцене Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской 12 октября 1905 года (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1. С. 554).

159 Пьеса Евгения Николаевича Чирикова (1864—1932) была поставлена в «Новом театре» в Петербурге 23 ноября 1905 года (см.: Театр и искусство. СПб., 1905, № 48. С. 740. Подробный анализ драмы см.: там же. 1906, № 3. С. 43—45).

160 Премьера пьесы состоялась на сцене Драматического театра В. Ф. Комиссаржевской 10 ноября 1904 года. Подробный анализ драмы дан в статье М. Неведомского «„Дачники“ Максима Горького» (см.: Наша жизнь. СПб., 1904. 12, 14, 20 ноября. №№ 7, 9, 15. С. 3).

161 В течение ноября 1905 года в учебных заведениях Петербурга неоднократно проходили митинги и собрания (см.: Наша жизнь. СПб., 1905. 10 ноября. № 9. С. 5).

162 Письмо А. Л. Толстого было получено в Ясной Поляне только 27 декабря 1905 года. В тот же день Л. Н. Толстой откликнулся на просьбу сына обстоятельным изложением своего понимания событий и первостепенной необходимости для человека «установить в себе религиозное отношение к жизни и на основании его относиться ко всем явлениям жизни. Необходимость этого особенно чувствуется в такое время, как наше» (ПСС. Т. 76. С. 70—71).

Иногда кажется, что она минует. Но этому не бывать, как не бывать уже многому старому. И то старое, что еще держится, не отпадет без крови и страданий. Целую вас. Благодарю Таню и маму за письма, кот. только что получили сегодня¹⁶³. Благодарю также Ханса¹⁶⁴ за ответ. Дора и дети здоровы.

Твой Лев»¹⁶⁵.

Пока Л. Л. Толстой напряженно ждал ответа из Ясной Поляны, он в начале декабря 1905 года вновь обратился с посланием к Николаю II. Оно не сохранилось, но некоторое представление о нем дает письмо Л. Л. Толстого к Суворину от 10 декабря 1905 года:

«Дорогой Алексей Сергеевич, во-1-х, насчёт статьи „Материализм и законопорядок“. Прошу ее прочесть и напечатать¹⁶⁶; если нет, верните, пожалуйста. Напечатаю в „Слове“¹⁶⁷. Надо показать и указать глупому русскому человечеству, что же, наконец, нужно нам, на что можно и должно стать, упереться, с чего можно двинуться дальше. Я на днях возил лично письмо царю в Царское; в письме говорю о том же и что нельзя давать свободу революции, пока нет законопорядка и сильной власти. Я настаивал на том, что безнравственно быть слишком добрым, когда это в ущерб общему благу. Впрочем, это между прочим»¹⁶⁸.

Еще более определенно Л. Л. Толстой высказался 11 декабря 1905 года в письме к С. А. Толстой.

«Дорогая мамаша, пишу Вам в свободный воскресный час. Давно от Вас нет писем, о каждом из вас хочется знать и скучно. У нас все хорошо. Я стал принимать участие в разных собраниях и это интересно. Состою членом партий 17-го октября и правового порядка и езжу на заседания¹⁶⁹. Много слова, мало дела, хотя кое-что и делается. Главный интерес, конечно, — подготовка Государств. Думы, знакомство с могущими попасть в нее

---

163 Т. Л. Сухотина 15 ноября 1905 года начала свое письмо к брату так: «Милый Лева, спасибо за твое письмо, которое мне было приятно и интересно и с которым я к своему удовольствию могу почти всецело согласиться. Несмотря на такое для меня новое, неожиданное и радостное состояние материнства, я не могу постоянно не думать о том, что делается и не стараться вырабатывать своего отношения к этому. Конечно, другого не может быть, как при пожаре: стараться заливать, тушить, спасать, — а не грабить, поджигать и толкать народ в пламя» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 696. Л. 45—45 об.). В тот же день Л. Л. Толстой получил и письмо С. А. Толстой от 18 ноября 1905 года (см. почтовый штампель на конверте: «27. XI. 1905» (там же. Ед. хр. 684. Л. 31—33 об.).

164 Ханс — садовник в Ясной Поляне. Ответ его неизвестен.

165 ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 75. Л. 1—3.

166 Статья не была напечатана в «Новом времени». В архиве Л. Л. Толстого черновой автограф не сохранился.

167 «Слово» — ежедневная газета, выходившая без предварительной цензуры в Петербурге. Статья Л. Л. Толстого и там не была напечатана в декабре 1905 года.

168 РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4247. Л. 13.

169 В архиве Л. Л. Толстого сохранились документы «Союза 17-го октября», «Партии правового порядка» и «Прогрессивной экономической партии», членом которых Л. Л. Толстой был с 1905 года (см.: ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 908. Л. 27, 31—32, 78—80 об.).

членами, подготовка программы ее деятельности. Я лично, конечно, имею мало шансов попасть в нее, хотя в выборники, м. б., и попаду, не стремясь особенно к этому. На заседаниях иногда говорю и особенно, когда дело касается близко и давно интересующих меня вопросов. Намечено для Думы много. Что она сделает, увидим.

Последние события Москвы, да и другие, по всей России, кажется, окончательно повернули правительство на путь репрессий¹⁷⁰. Да и пора. Нельзя давать свободу безумию и пороку. В этом смысле недавно тоже высказывался, где следует. Всему есть предел. Бедного Юрия Шидловского¹⁷¹ разгромили до гла, все вещи изрубили в его комфортабельном богатом доме, а все остальное увезли и угнали. Когда он просил казаков, ему их не дали. Вообще творится что-то стихийное и, кто знает, к чему оно нас ведет. Продолжаю надеяться на ту же стихию, стихию зимы, природы, которая одна может на время хоть потушить пожар. А там и Дума соберется и непременно успокоит или усмирит.

Много, столько интересного слышишь и видишь, что, конечно, нельзя выносить теперь, а приходится только жить, слышать и видеть. <...> Вообще много, очень много готовится везде, и я крепко верю, что мы накануне нашего расцвета»¹⁷².

А. Л. Толстому очень хотелось верить в то, что расцвет России начнется и благодаря его личному участию в событиях, т. е. благодаря его статьям, выступлениям на партийных собраниях и, конечно, благодаря его обращениям к Николаю II с конкретными предложениями по улучшению российской государственности. В частности, 13 декабря 1905 года А. Л. Толстой — вероятно, в догонку к несохранившемуся посланию царю — отправил в Царское Село еще несколько очень важных для него и, как ему казалось, для судьбы России слов о роли Витте в разжигании революционной ситуации¹⁷³.

Лишь иногда он позволял себе остановиться и оглянуться назад, как правило, под влиянием только что полученного письма А. Н. Толстого. Так было и 31 декабря 1905 года, когда А. Л. Толстой начал свой разговор на расстоянии с отцом.

«Милый и дорогой папа, получил только что твое прекрасное письмо¹⁷⁴, за которое большое спасибо. Конечно, все это — чистая правда, но (неизбежное но), сознать-то эту правду до конца, так, чтобы она стала твоей

---

170 2 декабря 1905 года были арестованы номера газет «Свободное слово» и «Русская газета». Через день, 4 декабря 1905 года Совет министров приостановил деятельность газет «Сын Отечества», «Новая жизнь», «Наша жизнь», «Свободный народ», «Начало» и «Русь» в связи с опубликованием ими «Манифеста Совета рабочих депутатов». О многочисленных арестах в разных слоях русского общества см. письмо Горького Е. П. Пешковой от 24 октября 1905 года (Переписка М. Горького. Т. 1. С. 290—292). В приказе от петербургской полиции от 30 ноября 1905 года был приведен громадный список лиц, подлежащих высылке из Петербурга на трехлетний срок. Всего подлежало высылке более 300 человек (см.: Жизнь: Ежеднев. полит., общ. и лит. газета. М., 1905. 3 декабря. № 7. С. 1).

171 Шидловский Юрий Вячеславович (ум. 1933) — двоюродный брат С. А. Толстой.

172 ГМТ. Архив С. А. Толстой.

173 См. Приложение.

174 Письмо А. Н. Толстого от 27 декабря 1905 года (см.: примеч. 163).

кровью и плотью, так трудно в условиях нашей жизни. Я, например, чувствую теперь, чуть не каждый день то, что ты пишешь, чувствую, что вся эта общественная деятельность мелка и сомнительна, что она даже вредна иногда, хотел бы все это бросить, но думаешь при этом, что ведь, если я ее брошу, другие, может быть, хуже и глупее меня, все-таки будут ее вести и, может быть, наделают еще худшего вреда. Надо тогда совершенно уверенно сознать, что мое неучастие в общественной деятельности, во всяком случае, будет ценнее и дороже участия, даже если я не сделаю того, что мог бы, и оставлю делать другим, что они хотят. Это очень трудно, но я думаю, что к этому я все-таки иду. Вместе с тем, каждый день требует той самой деятельности, какая тяготит и в которой сомневаешься и редко выносишь удовлетворение. Мой личный взгляд на мою общественную деятельность в настоящую минуту такой, что я уже не могу больше ничего сделать особенно нужного и важного. Что многое уже вполне выяснилось и теперь само собой пойдет. Я не хочу этим сказать, что я все это выяснил, но что вообще выяснилось у русского общества, хотя слабо, и у правительства. Потом я лучшего мнения о людях, чем ты. Я думаю все-таки, что многие занимаются общественной деятельностью, искренно желая послужить людям, а не только для того, чтобы продолжать делать свои „глупости и гадости“¹⁷⁵. Они, м. б., заблуждаются и ничего не могут сделать хорошего, оставаясь в условиях несправедливой жизни, но они все-таки искренно желают служить благу и иногда этого достигают. Я согласен, что человечество скорее бы пришло к счастью, если бы каждый человек отдельно стал бы прежде всего думать об улучшении своей личности. Я сам это думаю и говорю. Но есть условия, общие всем людям, которые тоже надо изменить для того, чтобы легче стало улучшаться каждому отдельному человеку. Их и хотят улучшить. Это может идти, я думаю, рядом с улучшением личности, самовоспитанием и самоусовершенствованием: грамотность, поднятие материального благосостояния народа, равноправие и т. д. Все это важно потому, что без всего этого, что люди называют культурой, человечество не развивается. Нельзя же забывать всей этой внешней стороны жизни. Мы ведь ею живы настолько же, насколько живы духовной стороной. Без светлой, просторной избы и куска хлеба не жива крестьянская семья. Без грамоты мужик не прочтет твоих писаний и т. д. Все это не делается само собой, а делается долгим трудом людей, черным и мелким, думами и парламентами. И я не думаю, чтобы этот черный труд всегда понижал нравственность людей. Он часто ее поднимает, если он сознателен. Я убежден в том, что современные члены германского рейхстага, напр., не чуть не безнравственнее каких-нибудь средневековых немецких князей, а наоборот. Так что духовная работа над собой у человека пусть будет сама собой и прежде всего, а рядом пусть будет работа черная, общественная, внешняя, на пользу других. Обе эти работы только могут и должны пополнять и усиливать друг друга. В этом идеал. И как ни ничтожна, например, теперешняя подготовка Думы в России, — работа эта очень важная и есть основа для многого хорошего в будущем. Я близко стою к ней и вижу, что люди искренно хотят поработать для страны, т. е. для других. Вот что я хотел сказать. <...>

Для того, чтобы нагреть всю воду в котле, нужно, чтобы каждая ее капля нагревалась. Но ты ничего не говоришь ни об огне, нагревающем

175 Л. Н. Толстой писал: «<...> всякий <...> продолжает говорить и делать свои глупости и гадости, не понимая того, что вся эта общественная деятельность не только никогда не содействует улучшению состояния людей, но самым решительным и верным способом ухудшает ее. <...>» (ПСС. Т. 76. С. 70—71).

котел, дровах для этого огня, ни о самом котле. Самое трудное — именно котел этот сковать и дрова и огонь зажечь»¹⁷⁶.

* * *

1905 год — особенный в жизни Л. Л. Толстого. Он действительно прошел для него под знаком беседы с Николаем II и страстного желания служить царю и Отечеству для того, чтобы Россия стала на путь реформы и свободы. Л. Л. Толстой позднее неоднократно писал царю. Вопросы государственной важности сменялись личными просьбами, так что сами обращения к Первому лицу России едва ли уже могли играть для Л. Л. Толстого такую же роль, как в год первой русской революции. Только летом 1916 года, когда до отречения Николая II оставались считанные месяцы, из Ясной Поляны до Ставки донеслись слова, продиктованные любовью, жалостью к венценосному сверстнику и страстным желанием в эту минуту подставить свое плечо. Как и зимой 1905 года, Л. Л. Толстой очертя голову бросался спасать Россию и ее монарха от неумолимого хода Истории. Едва ли кто-нибудь еще в эти последние дни писал Николаю II так отчаянно и бескорыстно.

Письма Л. Л. Толстого к Николаю II публикуются по автографам, хранящимся в ГАРФ, и черновым автографам, сохранившимся в личном архиве писателя (ИРЛИ).

---

¹⁷⁶ ГМТ. Архив Л. Н. Толстого. П. 108/12. Ед. хр. 76. Л. 1—6.

ПИСЬМА А. А. ТОЛСТОГО НИКОЛАЮ II

1

3 января 190<5> г.¹
<Петербург>

Ваше Императорское Величество,

Русские государи всегда были просвещенными помощниками наших писателей и поэтов. Принадлежа к числу пишущих, обращаюсь к Вашему Величеству за покровительством. Я написал драму под названием «За кулисами войны», в которой постарался показать всю ту скорбь, какую производит война в частной жизни. Мне кажется, что постановка моей пьесы была бы желательна в настоящую минуту и могла бы лишний раз показать, что Россия и ее Глава, несмотря на твердое решение вести войну до последней крайности, — не изменили своего отрицательного отношения к войне вообще и более, чем когда-либо, понимают ее ужасы и скорбят за их последствия.

Ваше Величество, я был бы счастлив лично прочесть Вам мою драму. Если это не удобно, прикажите прислать Вам рукопись драмы через Министерство Двора и, если она понравится Вашему Величеству, прикажите Императорскому Петербургскому Театру поставить пьесу².

Я давал ее на прочтение артистке С.-Пет. Императорской Сцены Марии Гавриловне Савиной, которая нашла желательной постановку драмы на Александринском театре и выразила при этом мнение, что постановка должна быть произведена в скорейшем времени. Г-жа Савина согласилась участвовать в пьесе³.

Простите, Государь, что беспокою Вас. Дерзаю делать, зная Ваше доброе и отзывчивое сердце и желая идти наипрямым путем.

Вашего Величества покорнейший слуга
и искренний доброжелатель

Граф Лев Львович
Толстой.

РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Ед. хр. 8-а. Л. 116—117. Автограф. В деле сохранилась также машинописная копия, снятая в канцелярии Министерства Императорского Двора для работы с документом (там же. Л. 115—115 об.).

Уже 5 января 1905 года начальник канцелярии Министерства Императорского Двора генерал-майор А. А. Мосолов подготовил официальный запрос в Дирекцию Императорских театров о пьесе Л. Л. Толстого. В бумагах канцелярии МИД сохранился черновик этого письма за № 118 с пометой: «Срочное» (там же. Л. 118). Ответ не сохранился, однако известно, что он был для Л. Л. Толстого неутешительным.

1 В оригинале ошибочно: «04 г.».

2 В ГТБ сохранился машинописный экземпляр, поступивший в контору Императорских театров из драматической цензуры с пометой: «К представлению признано неудобным. СПб. 8 января 1904 года. За цензора драматических сочинений Д. С. С. И. Литв[инов]». Ниже на титульном листе, под заглавием и именем автора, другая помета: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 22 сентября 1905 г. Цензор драматических сочинений О. Ламков».

3 В архиве Л. Л. Толстого сохранилось недатированное письмо ведущей актрисы Императорского Александринского театра Марии Гавриловны Савиной (1854—1915), которое подтверждает слова Л. Л. Толстого:

«Многоуважаемый граф Лев Львович,

По „общему положению“, цензура разрешает патриотические пьесы, „бодрящие дух“, а отнюдь не удручающие настроения. К сожалению, Ваша принадлежит к последним и потому одобрена быть не может. Сейчас мне передал об этом И. М. Литвинов. Конечно, вы можете это обжаловать в высших инстанциях, т. к. переделка, которую предлагает Ив. Мих., немыслима: надо написать новую пьесу, „бодрящую дух“, и, стало быть, исказить Вашу идею. Экземпляр (два) Вы можете получить из Гл. Управления по делам печати, один у директора, а четвертый, с прошением в Комитет, посылаю при этом.

Директор и Гнедич вчера спрашивали у меня пьесу. Жму Вашу руку и весьма сожалею, что мое ходатайство не принесло Вам пользы.

М. Савина».

(ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 577. Л. 6—7). Условно по содержанию письмо можно датировать первыми числами января 1905 года. Экземпляр пьесы в архиве Л. Л. Толстого не сохранился. Директором Императорских театров был в это время Владимир Аркадьевич Теляковский (1861—1924). Управляющий русской драматической труппой Императорских С.-Петербургских театров Петр Петрович Гнедич (1855—1925) был знаком с Л. Л. Толстым с конца 1901 года. Сохранились четыре его письма к Л. Л. Толстому 1902 года (там же. Ед. хр. 258. Л. 1—9).

14 января 1905 г.
Петербург

Ваше Величество,

Считаю нравственным долгом довести до сведения Вашего Величества, что Вашей жизни и спокойствию России грозит великая опасность. После кровавых событий этих дней я виделся и говорил с сотнями различных людей и вынес безнадежное, удручающее впечатление от настроения, царящего в обществе и всем народе. Среди общего волнения, недовольства и скорби, я много раз слышал от образованных, интеллигентных людей нелепое, непонятное и преступное убеждение, что только продолжение системы террора, начавшегося с убийством Плеве¹, может помочь положению вещей в России и что после событий 9-го января террор непременно будет усилен. На возражение, что никакое насилие никогда не приносило благих результатов, сторонники террора говорят, что это неправда и что, если бы даже это было правдой, у них не остается других средств для борьбы с существующим злом. Эти извращенные, страшные убеждения и речи известного слоя общества, в последнее время значительно увеличившегося, глубоко взволновали меня и привели к следующим мыслям.

Положение, переживаемое Россией, одно из самых тяжелых и сложных, не только в нашей, но и всемирной истории. Труднейшая, по своим условиям, внешняя война совпала с сильным брожением внутри страны, вызванным ростом народного сознания и тысячами неудовлетворенных потребностей народной жизни. Два крупнейших дела поэтому одновременно пали на плечи русского правительства, — два неотложных, насущных дела, — борьба с Японией за преобладание на Дальнем Востоке и необходимость внутренних реформ.

Мне казалось, Государь, как и многим русским людям, желающим России возможно благополучнее пройти через переживаемое время, — мне казалось, не далее как десять дней тому назад, когда я написал статью для газеты «Новое время», под названием «Мужики — работники „и лихие люди“», которую решаюсь приложить к этому письму и которую даже «Новое время» не решилось напечатать², — мне казалось, что несмотря на несомненную необходимость некоторых изменений внутри страны, можно и должно было подождать с ними, пока не окон-

чена война. События и настроения последних дней ярко показали мне мое заблуждение.

Ждать стало совершенно невозможно потому, что появились страшные, зловещие признаки все ухудшающегося положения вещей. Оказалось, что Русская Земля заражена тяжелой болезнью и, если не принять быстрых и решительных мер к ее излечению, она будет ухудшаться очень быстро и Бог знает, к чему нас приведет.

Переживаемые нами рабочие и социальные беспорядки, как нарыв на теле, показали нам его болезненное состояние. Нарыв этот прорвался, с кровью и страданиями, но всюду кругом зревают новые, худшие нарывы, которые излечить будет нельзя, если допустить их образование. Тогда еще труднее будет помочь больному телу.

Единственным целебным и действительным средством, Государь, помочь России и оживить ее в настоящую минуту, по моему мнению, является созыв Земского или Русского Собора, — собрания благоразумных русских людей со всех концов страны, которые бы обсудили положение вещей и изыскали меры, необходимые для удовлетворения и умиротворения русской жизни. Надо сейчас же, *не теряя ни минуты*, объявить во всеулышанье всем русским людям, что Вы хотите, Государь, созвать их и посоветоваться с ними, а затем в действительности, возможно скорее, созвать «Русский Собор». Уже этой весной он должен быть созван. Выборные от земств, от городов, от различных сословий и обществ съехались бы в Петербург и это сразу оживило бы не только мертвенный, в последнее время, застой столичной жизни, в которой зреют преступные, тайные замыслы, но оживило бы всю внутреннюю жизнь России, воскресило надежды, подавило смуту и благотворно, бодряще подействовало бы и на русскую армию, там, на Дальнем Востоке, которая, отвечая общему подъему народа, скорее бы дала ему желанную победу над врагом.

Ничто, кроме такой трезвой, назревшей, чисто практической и *государственной меры*, не поможет теперь России. Никакая новая свобода, никакие обещания, никакие репрессии³. Только дело, немедленно начатое и осуществленное, может успокоить и умиротворить взволнованную страну.

Настало время, Государь, когда Россия уже не может быть управляема так, как прежде. Царю необходимы помощники, помощники истинные, понимающие и чувствующие насущные нужды народа, — настало время, когда царю нужен посредник между ним и его подданными. При усложнившейся и расширившейся русской жизни, русскому правительству, какое оно сейчас, не-

возможно уследить за ее ходом и требованиями. Это стало совершенно ясным, определившимся фактом, с которым нельзя не считаться. Благоразумным людям нельзя закрывать на него глаза.

Поэтому, умоляю Вас, ради блага России, ради Вашего блага, — кликните клич, Государь, горячий и громкий, клич, полный доверия к Вашему народу, и он с восторгом отзовется на него и сейчас же выйдет к Вам своих лучших людей. Эти люди пусть станут для Вас навсегда Вашими верными помощниками в делах правления, пусть облегчат Вам Вашу личную жизнь и защитят Ее от злых людей. Они только усилят собой Вашу власть тем, что она через них станет скорее и вернее доходить до истинных нужд народных. Тогда и народ благословит Вас и охотно забудет все свое прошлое горе.

Написал Вам, сочтя своим долгом сделать это после всего, что я слышал и переживал за последнее время. Видел сцены, наводившие холодный ужас и панику. Видел толпы растерявшегося и обезумевшего темного народа, не знавшего, в ком и где искать спасения.

Бог свидетель, Государь, что только желание добра России и Вам и сознание того, что я владею крупницей правды, продиктовали мне это письмо. Время ужасное. Оно может привести нас к неслыханным событиям и кровопролитию. Решительные, крупные меры неизбежны. Простите еще раз и внимайте искреннему слову правды, отбросив все ради него.

Вашего Величества покорнейший слуга

Лев Льв. Т.

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 102. Л. 1—3. Черновой автограф. Фрагменты опубликованы: Наше наследие. М., 1991. № 5. С. 84—85 (включительно — от начала письма до слов *необходимость внутренних реформ*; от *Надо сейчас до закрывать на него глаза*; от *Написал Вам* до конца).

¹ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), министр внутренних дел с 1902 года, 15 июля 1904 года был убит эсером Е. Сазоновым. Крах методов Плеве, поощрявшего еврейские погромы и репрессии, пытавшегося изнутри разложить рабочее движение, надеявшегося вывести Россию из революционной ситуации путем «маленькой победоносной войны», вынудил власти перейти к «эпохе доверия» Святополк-Мирского.

² В архиве Л. Л. Толстого экземпляр статьи не сохранился.

³ Л. Л. Толстой не знал, что 11 декабря 1904 года в беседе с Витте Николай II сказал: «<...> я никогда, ни в коем случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа <...>» (*Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 335*).

30 января 1905 г.
 <С.-Петербург>

Ваше Императорское Величество,

Когда я оставлял Вас, Вы сказали мне, чтобы я писал Вам. Я не хотел делать этого до того, как это покажется мне необходимым. Сложность и важность настоящей минуты заставляют меня снова беспокоить Вас раньше, нежели я предполагал.

Мое свидание с Вами оставило во мне одно главное, глубоко запавшее мне в сердце впечатление, — у Вас нет помощников, Государь, Вы одиноки в делах царства. Вокруг Вас нет того живого ядра живых, бодрых, самоотверженных людей, без которых немислимо ни одно большое государственное дело. Это впечатление навело меня на мысль предложить Вам собрать вокруг себя нескольких молодых, образованных русских людей для обсуждения неотложного вопроса о созыве Земского Собора и о скорейшем даровании России для необходимого ее обновления представительного образа правления в национальном духе, как это было при Александре I и Александре II. Эти люди могли бы сгруппироваться вокруг Вас и основательно разобрать вопрос о созыве Собора и вполне подготовить для него почву. В состав Собрания этих людей или Комитета могли бы войти такие люди, как например, Шипов¹, Васильчиков², князь Павел Долгоруков³, князь Михаил Владимирович Голицын⁴, князь Сергей Ник<олаевич> Трубецкой⁵, Юрий Александрович Новосильцев⁶, Николай Николаевич Львов⁷, князь Э. Э. Ухтомский⁸, Николай Васильевич Давыдов⁹. Московский проф. Ключевский мог бы быть приглашен также, который при творческой работе молодого Комитета был бы полезен, как знаток русской истории и человек, могущий указать преемственные основы ее¹⁰. Шипов и Давыдов дали бы Комитету известный вес и характер своим положением и возрастом.

Мне кажется, Государь, что Вам нужны люди энергичные и молодые, если не телом, то духом, для разрешения настоящих великих задач, и только такие люди, окружив Вас и любя Вас, действительно помогут Вам.

Я представляю себе, что, собравшись в тихом Царском теперь же, по 1-му Вашему немедленному вызову, эти люди могли бы вполне ясно выработать проект созыва Земского Собора, такого, который потом не обратился бы в торжество меньшинства и не

стал бы победой олигархии, — что нежелательно во всех отношениях, — а был бы действительно выразителем нужд и потребностей большинства русского народа.

Собор нужен не такой, какой, я слышал, предполагает возможным одно правительственное лицо, Собор, состоящий из 400—500 членов¹¹. Нет, нужен всероссийский, Земский Собор, со всей русской земли, в который вошли бы представители всех сословий, числом до 2—3 тысяч людей, — могущие стать истинными, горячими выразителями нужд народных.

Конечно, было бы желательно, чтобы Собор был созван возможно скорее. Если успеется и будет возможно, он мог бы быть временно, до Святой Недели¹², созван и в этом году, для предварительных совещаний. Если же это представится невозможным ввиду приближающейся весны, придется теперь только объявить о нем, а созыв отложить до будущего января. Это время от января до Пасхи — самое удобное для заседаний и разбирательств, а осенью проведены бы были выборы.

Ваше Величество, после свидания с Вами я думал: «Если бы я мог быть полезным, если бы Государь позвал меня, я бы все бросил, — все мои дела, интересы, семью и пошел бы служить Ему для Его блага, связанного нераздельно с благом России. Только так можно принести пользу. Жертвуя жизнью, силами, всем, что имеешь».

Я предлагаю Вам, Государь, всю мою жизнь, все мои силы, как я уверен, сделают и все те, кого Вы позовете. Если бы Вы сейчас решили позвать к себе тех людей, на которых я указал, и тех, кого знаете и кому верите Вы Сами, я убежден, что они бы помогли Вам. Неделя, две, три занятий вместе, под Вашим руководством, Государь, уяснили бы множество вопросов и дали бы возможность открыто обещать России близкое светлое будущее. Нужны *решимость* и *творчество*, и только люди молодые способны на это.

Позовите помощников, Государь. Они вместе с Вами будут молиться, чтобы Бог дал им сил на дело добра, и вместе сделают, что можно, для блага России. Я¹³

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 102. Л. 4—5 об. Черновой автограф.

¹ Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920) — председатель московской губернской земской управы, один из организаторов «Союза 17 октября», председатель его ЦК.

² Васильчиков Борис Александрович (1863—1931) — князь, крупный землевладелец, активный сторонник аграрной политики Столыпина.

³ Долгоруков Павел Дмитриевич (1866—1927) — князь, крупный помещик, рузский уездный предводитель дворянства, один из основателей

«Союза освобождения», один из участников создания партии конституционных демократов.

⁴ Голицын Михаил Владимирович (род. 1873) — князь, сын московского головы.

⁵ Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905) — философ, профессор Московского университета, первый выбранный ректор, либеральный деятель; был во главе депутации земских и городских деятелей, которую 6 июня 1905 года принял Николай II.

⁶ Новосильцев Юрий Александрович — земский деятель в Тамбовской губернии, темниковский уездный предводитель дворянства; был в составе депутации от земств и городов к царю.

⁷ Львов Николай Николаевич (1867—1944) — крупный землевладелец, один из основателей «Союза освобождения», член ЦК «Партии народной свободы».

⁸ Ухтомский Эспер Эсперович, князь (1861—1921), был другом юности Николая II. См. о нем также примеч. 88 в предисловии к публикации.

⁹ Давыдов Николай Васильевич (1848—1920) — юрист, писатель, приват-доцент Московского университета, близкий знакомый А. Н. Толстого.

¹⁰ Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк, академик.

¹¹ Речь идет о проекте, разрабатываемом новым министром внутренних дел А. Г. Булыгиным, принятом в июле 1905 года и опубликованном 6(19) августа 1905 года вместе с Манифестом Николая II.

¹² Пасхальная неделя в 1905 году пришлось на 17—23 апреля.

¹³ На этом рукопись обрывается.

4

13 декабря 1905 г.
<С.-Петербург>

Ваше Величество,

Только два слова правды, ради общего блага.

Витте — враг России. Витте — великое, величайшее зло нашего времени. Так думаю я и так думают десятки тысяч русских людей. Витте сполн и развратил народ винной монополией, он разорил его дешевым тарифом, унесшим из России миллионы сырья. Он убил промышленность. Наконец, он заключил позорный мир, накануне наших побед, и создал этим и другими условиями русскую революцию.

Было бы несправедливо утверждать, что Витте один всему виной. Но справедливо то, что он — враг, поневоле, может быть, но враг наш¹. Прежде всего надо, чтобы он удался и не мешал другим. Его близкая связь с евреями², его близорукость и незнание общества, его политика, его странное, ничем не объяснимое поведение во время последних событий, — все это всем

обществом русским жестоко осуждается. Мой отец сказал недавно: «Все это наделали евреи». Я прибавил к этому: «С позволения Витте, женатого на еврейке». Чего хочет он? Если дальше идти по пути распущенности и анархии, мы погибнем, как я писал в прошлом письме³. Как мог граф Витте допустить печать до пропаганды революции и для каких целей он это делал? Нигде никогда люди порядка и правды не поступали так. А граф Витте поступал, как сторонник именно беспорядка и революции. Такой человек не может быть терпим во главе правительства. Многие умные люди, бывшие у него недавно, говорили мне в один голос, что они не понимают Витте и его действий, что он-то и есть самое великое наше зло. Я разделяю это мнение и довожу до сведения Вашего Величества те основания, на которых такое мнение поставлено.

Народ говорит про Витте то же самое, обвиняя его во многих своих бедах. Прежде всего, Ваше Величество, нам нужно установить в России *порядок*. Этот *порядок* может быть достигнут только двумя средствами. 1-ое — это сильная военная власть и 2-ое — это сильное, строгое законодательство. И того, и другого у нас сейчас нет, а если есть, то и то, и другое у нас ослабленно, несовершенно. Как же можно усилить эти две основы государственности, когда их само же правительство еще и еще расшатывает? Как будет солдат хорошим солдатом, когда он читает газету «Набат»⁴ или «Молву»⁵, зовущие к резне и восстанию? Как будет крестьянин уважать чужую собственность, когда ему говорят, что позволено ее грабить? И так далее. А правительство Витте все это допустило, допустило кровопролитие и разращение массы, которую надо воспитывать осторожно.

Мне кажется, Ваше Величество, что и другие помощники Ваши не все понимают того, что нужно теперь России. Министр народного просвещения играет в руку того же беспорядка, разрешая школам *автономию*⁶, тогда как именно этой *автономии* нашей школы, низшей, средней и высшей, нельзя давать теперь, при том *безумии*, — я называю настроение совершенно верно, — при том нелепом *безумии*, какое охватило общество и среди него также учительский персонал. Учителями праят гимназисты потому, что и учителя хотят анархии и беззакония.

Нет, Ваше Величество, — не *автономия* нужна теперь школе, автономия слишком большая, перешедшая в распущенность и безобразие, именно и была и есть причина бедственного положения русской школы. Для поднятия ее нужен новый строгий законный порядок, нужно учреждение *единой государственной* низшей, средней и высшей школы, в которой ни ученик, ни учитель не смели бы ни на шаг отступать от школьной программы, правил

и законов, как это везде. Тогда только бедная русская школа воскреснет. Надо, чтобы Дума выработала законы, не только для школы, но и для всех отраслей русской жизни, и только, *соблюдая* эти законы, все без исключения, под строжайшей судебной ответственностью, мы, наконец, установим у себя лучший порядок.

А при чем же тут автономия? Нам нужен *порядок*, Ваше Величество,— прежде всего. Он будет достигнут только после долгого, кропотливого труда, черного и часто скучного. Но без него ничего не будет. Я верю, что Дума возьмется за него и будет действительно началом новой русской жизни. А пока? Пока надо очистить несчастную Россию от всего вредного, злого, опасного для нее. Надо запрещать всякое проявление революционных стремлений, уничтожать их при возникновении, *вырывать с корнем* большую, сорную траву. Суд должен карать печать моментально, должен карать все, противное общественному благу, все злое, которое никогда не может стать законным, никогда не должно быть терпимым.

«Свобода,— говорит Сведенборг⁷,— делать злое кажется свободою, но на самом деле это рабство потому, что эта свобода происходит из любви к самому себе, а это любовь от ада. Свобода же делать доброе — настоящая свобода потому, что она проистекает из любви к Богу и она всегда терпима».

Правительство призвано карать свободу злую и вознаграждать свободу добрую. Пресекать первую и поощрять вторую.

Простите, Ваше Величество, что еще занял Ваше внимание. Делаю это по велению совести. Молю Бога, чтобы Он помог Вам и исстрадавшейся России. Вижу ее дальнейший путь, ее расцвет. Но надо сознать, что ей нужно. Все сначала ей, но на *строгом, новом законе*, который пусть выработает Дума и с которым согласитесь Вы, добрый Государь.

Вашего Величества верноподданный

Л. Л. Толстой.

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 102. Л. 6—9 об. Черновой автограф.

¹ После подписания Портсмутского мира нападки на Витте резко усилились в прессе. Надежда Витте на содействие всего русского общества, выраженная в беседе с английским журналистом, ученым, переводчиком Эмилием Диллоном в ноябре 1905 года, натолкнулась на резкое сопротивление кругов, близких к «Новому времени». С другой стороны, и левая печать отказала Витте в доверии. В статье «Витте большой и Витте маленький» С. Люб писал: «<...> Витте своей новенькой короной (Витте был удостоен графского титула после успешного окончания переговоров с Японией. — В. А., С. З.) не удастся затормозить колесо истории. <...> Такова судьба этого великого и гениального железнодорожного кассира, ставшего маленьким государственным человеком в великую историческую эпоху» (Жизнь. М., 1905. 4 дек., № 8. С. 2).

² Витте настаивал на том, чтобы «предоставить евреям равноправие с другими подданными государя» (*Витте* С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 210).

³ Письмо неизвестно.

⁴ Газета социал-демократов «Набат» вышла 6/19 декабря 1905 года вместо «Русской газеты». В статье «Час возмездия» газета писала: «Правительство развязало себе руки. <...> Мы заявляем, что, кто сеет бурю, тот пожнет ветер. Берегитесь. Час отмщения близок; наступит час грозного возмездия: он не ждет! Правительство умывает руки, как Пилат» (Набат. СПб., 1905. 7(20) дек., № 2. С. 1). На следующий день газета выступила с еще более резким заявлением: «Нужды народа могут вылиться только в Учредительном Собрании, созванном на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; самодержавие народа должно вопариться на русской земле. Еще один мощный натиск революции, один удар и гнусный режим погибнет» (№ 3. С. 1).

⁵ С первых же номеров газета «Молва» (ред. А. В. Зенгер) активно выступила против политики царского правительства и тех кругов, которые поддерживали ее. Всеобщую стачку газета сразу же назвала революцией (1905. 9(22) дек., № 5. С. 3). После подавления московского восстания 18(31) декабря 1905 года «Молва» в статье «Московская драма» писала: «Кто победил в Москве? Правительство или революция? <...> Сбитая с ног революция, выкупавшись в крови своей и забрызгав ею холодную, равнодушную массу, поднимется неизбежно вновь, как Антей с земли, с удесятенными силами. <...> Главный и вполне бесспорный его результат, что правительство помогло революции окончательно стать на ноги в самой России. Оно помогло ей доказать, что она может успешно и продолжительно бороться за свое существование открытым восстанием не на одних инородческих окраинах, но в сердце государства, на улицах столицы против войск во всеоружии современных средств истребления и уйти с поля битвы, накрывшись шапкой-невидимкой, чтобы завтра появиться в другом месте...» (№ 10. С. 3).

⁶ О некоторых дополнительных мерах по упорядочению системы образования до введения общей реформы законодательным путем министр образования граф И. И. Толстой уведомил попечителей учебных округов (см.: Новое время. СПб., 1905. 13(26) дек., № 10685. С. 3).

⁷ Сведенборг Эмануэль (Swedenborg; 1688—1772) — шведский ученый, теософ-мистик, последователи которого имеются в разных странах мира.

5

20 дек[абря] 1906 г.
С. Петербург

Ваше Величество,

Имею счастье при сем послать Вам «Памятку русского солдата», написанную мной для русских войск. Военное министерство нашло желательным распространение Памятки среди низших чинов. Одно слово одобрения Вашего Величества было бы для меня большой радостью и могло бы содействовать успеху «Памятки»

и ее воспитательному назначению. Некоторые войсковые части самостоятельно выписывают ее для солдат, но, конечно, без поощрения со стороны высших властей вряд ли можно рассчитывать на более крупные заказы и широкое распространение «Памятки» среди армии, гвардии и флота. Она была напечатана в журнале «Русское чтение» Полковника Дубенского¹, а теперь издана мной отдельно. Решаюсь беспокоить Ваше Величество по поводу этого дела только ради могущей быть от него общей пользы для России.

Вашего Величества верноподданный

Граф Л. Л. Толстой.

РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 35—36. Автограф.

К письму приложена брошюра: Толстой Л. Л. Памятка русского солдата. СПб., 1907 («Патриотическая библиотека», № 1).

По мысли автора, «Памятка» должна была ослабить и перебить то впечатление, которое производило одноименное сочинение Л. Н. Толстого. Изданная впервые «Свободным словом» в Англии в 1902 году, «Солдатская памятка» в 1906 году была выпущена издательством «Обновление», и, хотя издание было конфисковано, слово Л. Н. Толстого расходилось по рукам и будоражило мысль (ПСС. Т. 34. С. 583—584).

Поступок сына очень огорчил Л. Н. Толстого. Не помогло и письмо, которое Л. Л. Толстой вскоре отправил отцу:

«С. Петербург
30 января [19] 07 г.

Дорогой папа, ты и Чертков говорили мне, что не можете относиться не только с любовью, но даже терпимо к человеку, который с Вами не одних взглядов. Я этого не понимаю и продолжаю любить вас обоих.

Я люблю тебя горячо, как кровного отца,— не воспитателя,— люблю тебя, как человека и писателя, но считаю и буду считать нужным говорить правду о твоих взглядах потому, что они слишком значительны, чтобы о них молчать. Я знаю, что этим врежу прежде всего самому себе, в смысле популярности и любви нашего общества, я знаю, что меня кругом «ругают», по выражению брата Ильи, который здесь начал с того, что хотел меня «ругать», но потом отложил это дело до другого раза. Я знаю, что с точки зрения сыновней, мне не следовало бы говорить об отце, но ты мне не только отец, а еще человек и писатель, влиявший и влияющий на Россию, и, так как Россия мне дороже всего, я считаю нужным твое влияние, поскольку оно вредно, ослаблять. Может быть, я вовсе не достигаю этой цели,— это уже вопрос другой,— но я объясняю тебе мои побуждения. Мне дороже всего правда, от которой зависит наше счастье и счастье мира, и ради этой правды, я говорю против тебя открыто. Разумею, говоря все это, мою статью в «Голосе Москвы» «Отрицание или совершенствование», «Памятку русс. солдата», «Памятку русс. офицера» и др. статьи, хотя в последних о тебе упоминается мало или без названия имени.

Мне одинаково больно, как и тебе, что пришлось так поступать. Конечно, неприятно это и всем тем, кто нас знает. Но это нужно было сделать, на мой взгляд, и я даже не считаю себя в этом виноватым. Нужно было рассеять туман, вскрыть до конца нарыв. <...>

Любящий тебя горячо сын

Л. Л. Толстой.

Не знаю, как ты отнесешься к этому письму. Хотелось бы, чтобы ты отнесся так, чтобы стало легче. Конечно, ты сделаешь это».

(ГМТ. Архив Т. А. Сухотиной-Толстой. Ед. хр. 56268. Л. 1—3 об.) На конверте помета: «Б<ез> о<твета>» (там же. Л. 4). Свою позицию Л. Н. Толстой разъяснил 14 марта 1907 года в беседе с И. К. Дитерихсом о Л. А. Толстом: «<...> может писать, что угодно, только не под тем же названием, что отец. Из простого приличия» (*Маковицкий Д. П. У Толстого. Кн. 2. С. 395*).

Устремленные к своему пониманию правды, отец и сын уже давно не слышали друг друга. Выпуском «Памятки» Л. А. Толстой намеревался открыть в основном им магазине и книжном складе «Доброе дело» небольшое издательство по типу «Посредника», но с иным уклоном. Этому начинанию не суждено было осуществиться. В «Патриотической библиотеке» вышла еще лишь «Памятка русского офицера» (СПб., 1907. № 2).

Пока Л. А. Толстой ждал ответа, 2 января 1907 года из Царского Села начальник военной походной канцелярии Его Императорского Величества князь В. Н. Орлов отправил официальное письмо временно исполняющему обязанности начальника канцелярии Министерства Императорского Двора князю С. В. Гагарину:

«Милостивый Государь

Князь Сергей Владимирович.

При сем имею честь препроводить Вашему Сиятельству, для доклада Его Высокопревосходительству г. Министру ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, полученное мною от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА письмо Графа Л. А. Толстого, причем ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволил высказать, что желательно графу, по содержанию его памятки, выразить одобрение ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА. *Памятку же ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил оставить у себя.* (Курсив наш. — В. А., С. 3.)

Ввиду того, что от ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА не последовало В ы с о ч а й ш е г о указания, в какой форме выразить Графу Толстому, за его труд, Милостивое одобрение ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, благоволяете испросить у Его Высокопревосходительства, не будет ли признано нужным об изложенном внести во всеподданнейший доклад Министра И М П Е Р А Т О Р С К О Г О Двора.

Примите уверение в совершенном моем
уважении и преданности
Князь Орлов».

(РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 34. Машинопись с подписанием-автографом.)

Однако вскоре князю Гагарину был представлен еще один документ: вырезка из газеты «Биржевые ведомости» за 3(16) января 1907 года (№ 9676. С. 2). Канцелярия Министерства Императорского Двора четко отслеживала материалы, касающиеся лиц, находящихся в поле зрения Николая II. И в данном случае в заметке «Сын, восставший на отца» речь шла именно о «Памятке русского солдата» Л. А. Толстого. Автор ее, скрывшийся за псевдонимом «А-въ», писал: «У великого писателя земли русской Льва Толстого есть сын, тоже писатель, тоже Лев, но отнюдь не великий. Между Толстым-отцом и Толстым-сыном — дистанция огромного размера.

<...> И кровожадный сын великого писателя проповедует русскому солдату не слагать оружия до тех пор, пока он не покорит всего мира. <...>

Итак, „гром победы раздавайся“ и побоку все внутренние реформы, народное представительство, свободы! К черту их, когда пред нами другая задача: покорение мира!

И такие взгляды проповеваются после Ляояна, Мукдена и Цусимы, обнаруживших все наши внутренние язвы, всю призрачность шовинистических толков о нашей непобедимости и великой миссии — покорить весь мир!

Надо полагать, что Л. Л. Толстой не остановится на первом выпуске своей „патриотической библиотеки“ и в дальнейших выпусках займется опровержением других взглядов, распространявшихся по миру из Ясной Поляны, и окончательно равенчает яснополянского отшельника...»

Нет сомнений, что заметка была прочитана и князем Гагариным, и министром Императорского Двора бароном Фредериксом. Она сохранилась в делах Канцелярии (см.: там же. Л. 46). А главное, заметка послужила поводом для следующего распоряжения:

«Г. Министр приказал конфиденциально запросить мнение об этом издании Главного Штаба.

Кн. С. Гагарин.

9/1—907» (там же. Л. 48. Автограф).

На следующий день за подписью князя Гагарина был составлен черновой вариант письма № 287 в Канцелярию Комитета по образованию войск с пометой: «Конфиденциально» (там же. Л. 49. Автограф, вероятно, князя Гагарина).

Комитет по образованию войск собрался на заседание и вскоре Л. Л. Толстой получил официальный документ, подписанный делопроизводителем, подполковником Ю. С. Лазаревичем:

«Председатель
Комитета по образованию войск.
13 января 1907 г.
№ 28
С.-Петербург

Милостивый Государь
Граф Лев Львович

Комитет по образованию войск, рассмотрев выпущенную Вами в свет брошюру „Памятка Русского Солдата“, нашел изложенные в ней мысли совершенно правильными и вполне оценил стремление Ваше прийти на помощь Русской Армии в деле борьбы с тлетворным влиянием революционной пропаганды.

Тем не менее, Комитет по образованию войск с глубоким сожалением вынужден Вам сообщить, что, несмотря на все литературные и другие достоинства Вашей брошюры, он лишен возможности рекомендовать ее для обращения в войсках, так как, указывая солдату его долг, Вы упоминаете лишь об одном стимуле этого долга, а именно об обязанностях перед Родиной, совершенно упуская из вида другой — не менее важный — обязанность по отношению к Верховному Вождю армии и Русского Народа. Этот пробел Комитет не может не признать существенным, а потому будет считать себя в праве содействовать рассмотрению Вашей брошюры лишь в том случае, если таковой будет пополнен.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Ю. Лазаревич.

Его Сиятельству
Графу Льву Львовичу
Т О Л С Т О М У»

(ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 398. Л. 1—1 об. Машинопись с подписью-автографом).

16 января 1907 года официальный ответ был направлен и в Министрство Императорского двора. Недалекие военные чиновники пожелали быть правее самого Императора и министра его двора:

Брошюра графа Л. Л. Толстого „Памятка Русского Солдата“ была им представлена в Комитет по образованию войск на предмет распространения в войсках.

Не отрицая искренности стремления автора дать русскому солдату полезные советы относительно его назначения и обязанностей, Комитет нашел, что все рассуждения его проистекают из идей, во вполне отвечающих установленным в нашей армии взглядам.

Так, автор совершенно игнорирует важнейшие основания, на коих зиждется дисциплина и порядок службы войск в мирное и военное время, а именно: преданность Престолу и Монарху, Верховному Вождю Армии, святошь присяги, знамени и долга каждого воина пасть в защиту этих идей.

Автор в брошюре своей обращается к иным чувствам солдата-гражданина, чувствам высоким и заслуживающим полного уважения, но составляющим лишь одну сторону, и притом менее важную, в деле воспитания нашего солдата.

На основании изложенных соображений Комитет постановил отклонить ходатайство графа Л. Л. Толстого.

Что же касается указаний автора, что брошюра эта уже одобрена Военным Ведомством, то считаю своим долгом сообщить, что о таком одобрении Комитету ничего не известно.

Председатель Комитета,
Генерал от Инфантерии
Делопроизводитель,
Подполковник

/А. Скугаревский/

/Ю. Лазаревич/»

(РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. № 1. Л. 50—51. Машинопись с подписью-автографом).

В Министерстве Императорского Двора возникло замешательство. Оно еще более усилилось, когда 27 января 1907 года военная газета «Русский инвалид» в бесплатном литературном приложении поместила рецензию на «Памятку» Л. Л. Толстого, прямо противоположную по своей тональности приведенному выше отзыву. Критик, подписавшийся криптонимом «В. Ж.», писал: «Талантливый и высокообразованный писатель, Л. Л. Толстой посвящает свои силы служению военной идее. Для человека не военного это особенно симпатично, и мы не можем обойти молчанием его небольшой, но полезный труд, который искренно приветствуем» (№ 4. С. 26). В канцелярии министерства внимательно прочитали статью и доложили о ней барону Фредериксу (в деле сохранилась вырезка с многочисленными карандашными пометами — РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1 Л. 53).

29 января 1907 года В. Б. Фредерикс поинтересовался, объявил ли князь Орлов автору «Памятки» графу Толстому «о Высочайшем одобрении „Памятки русского солдата“ <...>» (там же. Л. 54 об.). Так как ответ, вероятно, был отрицательным, министр поручил заготовить письмо главе военного ведомства А. Ф. Редигеру. Через две недели документ был отправлен военному министру. Подробно изложив историю вопроса, В. Б. Фредерикс далее писал:

«<...> Комитет (по образованию войск.— В. А., С. З.) постановил отклонить ходатайство Графа Л. Л. Толстого.

По докладу об изложенном Государю Императору, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ не благоугодно было соизволить на выражение Высочайшего одобрения Л. Л. Толстому.

Ныне же, в № 4 Литературных приложений к официальному органу Военного Министерства „Русскому Инвалиду“ за текущий год помещена

об упомянутой брошюре Л. Л. Толстого рецензия, которая характеризует эту брошюру с самой хорошей стороны и обращает на нее внимание всех тех лиц, кто близок к солдату и заботится об его духовном и нравственном развитии.

Вследствие чего, предварительно исполнив Высоч. резолюцию, имею честь просить Ваше Превосходительство не отказать в сообщении, признаете ли Вы желательным, чтобы графу Л. Л. Толстому был оказан знак МОНАРШЕГО внимания, и в чем именно, по Вашему, Милостивый Государь, мнению, могло бы выразиться в этом отношении ВЫСОЧАЙШЕЕ одобрение.

Примите уверение в истинном почтении
и совершенной преданности.

Барон Фредерикс.

№ 1379

15 февраля 1907 г.» (там же. Л. 55—56). Машинопись с авторской правкой. Черновой экземпляр.

Пока в Военном министерстве готовили ответ, и Л. Л. Толстой не сидел сложа руки. Об этом свидетельствует письмо Н. Н. Лазарева, отправленное на официальном бланке одного из подразделений Военного министерства.

«Делопроизводитель
Комитета по образованию войск.
9. III. 1907 г.
С.-Петербург
Мойка, 67/69

Граф
Лев Львович.

Приложу все усилия, чтобы наверстать потерянное время и скорее объявить <1 неразб.> о Вашей брошюре.

Указание на брошюру отца Вашего пришлось сделать, основываясь на действительном случае, когда в одном магазине, вместо Вашей брошюры, навязали солдату *бесплатно* несколько брошюр Л. Н. Толстого.

Я полагаю, что по исправлении брошюры, которую, конечно, лучше назвать „Назначение русск. сол.“, никаких препятствий к распространению не будет.

Готовый к услугам

Н. Н. Лазарев.

Его С-ву

Графу Л. Л. Толстому» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 397. Л. 1. Автограф).

Из письма Лазарева не вполне ясно, по какому поводу ему пришлось сопоставлять сочинения отца и сына. В ответе военного министра барону Фредериксу находим необходимые сведения: речь идет о закрытом заседании, информация о котором Л. Л. Толстой получил гораздо раньше министра Императорского Двора:

«Милостивый Государь,
Барон Владимир Борисович.

Комитет по образованию войск, рассмотрев в заседании 20 февраля сего года брошюру Графа Л. Л. Толстого „Памятка русского солдата“, постановил объявить о выходе брошюры в свет при условии, что автор исправит ее согласно указаниям Комитета и изменит ее заглавие ввиду того, что под тем же названием распространяется брошюра Графа Л. Н. Толстого, крайне вредного направления.

Признавая написанную Графом Л. Л. Толстым брошюру заслуживающей внимания и желательной для распространения нижних чинов, я нахожу, что автор ее за свою патриотическую деятельность заслуживает выражения знаков Монаршего внимания, но лишь после того, как он исправит брошюру согласно указаниям Комитета по образованию войск и заменит ее заглавие. Я полагаю, что внимание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА к труду Графа Л. Л. Толстого могло бы быть выражено в форме объявления Графу Толстому ВЫСОЧАЙШЕГО благоволения, сообщенного в письме от Вашего Высокопревосходительства.

Сообщая о таком моем мнении вследствие письма от 15 февраля настоящего года за № 1379, прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в совершенном уважении и преданности.

А. Редигер.

19 апреля 1907 г.

№ 32702

Его Высокопревосходительству

Барону В. Б. Фредериксу

Министру Императорского Двора» (РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726).

Ед. хр. 1. Л. 57—57 об. Машинопись с подписью-автографом).

Через несколько дней из канцелярии Министерства Императорского Двора последовал запрос Л. Л. Толстому:

«Начальник
Канцелярии
Министерства
ИМПЕРАТОРСКОГО
Двора

Милостивый Государь
Граф Лев Львович,

По встретившейся надобности, по поручению Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, не отказать в сообщении, сделаны ли Вами, согласно указаний Комитета по образованию войск, исправления в написанной Вами "Памятке русского солдата" и, в утвердительном случае, взять на себя труд — доставить в Канцелярию Министерства ИМПЕРАТОРСКОГО Двора (Фонтанка, 20) экземпляр исправленной брошюры, если таковая уже перепечатана.

Примите, Милостивый Государь, уверение
в истинном почтении и совершенно преданности

А. Мосолов.

Его Сиятельству

Графу Л. Л.

ГОЛСТОМУ

№ 3848

28 апреля 1907 г.». (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 465. Л. 6—6 об. Машинопись с подписью-автографом).

Через день Л. Л. Толстой ответил А. А. Мосолову:

«30 апреля [19]07 г.

Милостивый Государь,

Имею честь уведомить Канцелярию Министерства Императорского Двора, что брошюра „Памятка русского солдата“ мной исправлена согласно указаниям Комитета по образованию войск и перепечатана в исправленной редакции, пока лишь в корректурном оттиске. Один экземпляр брошюры в исправленном виде имею честь, согласно Вашему желанию, при сем доставить.

С совершенным уважением

Гр. А. Л. Толстой.

Р. С. Брошюра в настоящем виде доставлена мной в Комитет для образования войск для утверждения ее одобрения и, вероятно, на днях будет мной получена для напечатания.

А. Л. Т.».

(РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1, л. 59—59 об. Автограф).

Сохранился и экземпляр брошюры с новым названием: «Назначение русского солдата». Исправления в тексте минимальные, как читатель может убедиться сам. Так, в уста солдата, отвечающего на нападки на армию, вложены следующие слова: «Я верю в Россию! Буду защищать мою родину, моего Царя, мой дом, мою семью, буду убивать врагов, если понадобится, и сам умру за родину и за Царя, которые для меня одно и то же, потому что больше, выше, сильнее всего люблю Россию и только в этой любви к ней нахожу счастье и смысл моей жизни и моих поступков!» (Толстой А. Л. Назначение русского солдата. 3-е изд. СПб., 1907. С. 8). Выделенные нами слова введены по настоянию Комитета по образованию войск (см.: РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 64 об.). Аналогичный характер носит правка и в других случаях. В новом варианте требования к солдату сформулированы так: «Солдат должен постоянно помнить и сознавать, какое огромное значение поэтому имеет его отдельная личность — одна из частей всего огромного тела русской армии, начинающая с главы армии и народа — русского Царя, — и постоянно работать над своим совершенствованием и воспитанием» (там же. Л. 65 об.). Выделенные нами слова отсутствовали в прежних изданиях (ср.: Толстой А. Л. Памятка русского солдата. С. 10; Толстой А. Л. Назначение русского солдата. С. 10).

В третий раз А. Л. Толстой вписал несколько слов в конце брошюры. Обращаясь к русскому солдату, он напоминал: «Ты должен охранять интересы величайшей, могущественной, прекраснейшей и богатейшей страны в мире — России, русского царства и русского народа, и через них служить благу всего человечества» (РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 65 об.; ср.: Толстой А. Л. Памятка русского солдата. С. 14; Толстой А. Л. Назначение русского солдата. С. 14. Разрядка наша. — В. А., С. 3.).

Конфликт с Комитетом по образованию войск был исчерпан, и барон Фредерикс, сочувственно относившийся к А. Л. Толстому, с легким сердцем мог изъять благодарность от имени Николая П. Черновой автограф посланного им А. Л. Толстому письма в деле сохранился.

«М<илостивый> Г<осударь>

Граф Лев Львович,

Государь Император, ознакомившись с изданной Вами брошюрой под заглавием „Назначение русского солдата“, входящей в состав Патриотической Библиотеки, Высочайше повелел объявить по этому поводу Вашему Сиятельству Высочайшее благоволение.

О таковой Монаршей воле считаю долгом поставить Вас, М<илостивый> Г<осударь>, в известность.

Примите уверение в истинном почтении и преданности.

Барон Фредерикс.

№ 4413

15 мая 1907.

Его Сия[тельство]ву

Графу А. Л.

Толстому.

Таврическая, 19» (РГИА. Ф. 472. Оп. 43 (499/2726). Ед. хр. 1. Л. 70).

23 мая 1907 года министр Императорского Двора сообщил об этом и военному министру (см.: там же. Л. 71. Черновой автограф).

¹ С Дмитрием Николаевичем Дубенским, редактором «Русского чтения» и «Художественной летописи событий», Л. Л. Толстой был знаком и ранее. В его архиве сохранились два письма Дубенского 1906—1909 годов (см.: ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 291. Л. 1—6). «Русское чтение» не случайно привлекло внимание Л. Л. Толстого. В рекламном объявлении на 1906 год говорилось: «„Русское чтение“, первая в России народная газета, за все время своего существования преследовала прежде всего задачи просвещения народа и служения его интересам в духе исконно русских начал. <...> „Русское чтение“ с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения выписывается на счет сумм Министерства Императорского Двора во все роты, эскадроны и батареи частей войск гвардии и армии, в коих ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволят состоять Шефом».

В обращении «К русским солдатам» Л. Л. Толстой писал: «Я хочу сказать вам несколько слов правды, русские солдаты. Надеюсь, что вы почувствуете и поймете, что мной руководит лишь желание быть полезным вам и России и что никаких других целей я не имею» (Русское чтение: Общедоступная газета с рисунками и картинами. СПб., 1905. 22 дек., № 151. С. 1—2).

6

22 апреля 1908 г.
С. Петербург

Ваше Императорское Величество,
Веря в доброе Ваше ко мне отношение, решаю обратиться к Вашему Величеству по личному делу.

Желая дать моим трем сыновьям хорошее воспитание, в смысле образования из них людей, могущих в будущем с пользой служить Вашему Императорскому Величеству, Сыну Вашему и России, и в то же время обладая ограниченными материальными средствами, обращаюсь к Вашему Величеству с покорнейшей просьбой сделать милостивое распоряжение о зачислении моих маленьких сыновей — Павла 7 л., Никиту 5 л. и Петра 3 л. — кандидатами в Императорское Училище Правоведения на стипендии Имени Вашего Величества, если возможно, с младших приготовительных классов и обеспечением их поступления в Училище, когда им исполнятся, через несколько лет, подходящие возрасты.

Надеясь, что просьба моя не будет неприятна Вашему Величеству, остаюсь

Вашего Величества

верноподданный

Граф Лев Львович

Толстой.

Адр. Таврическая, 19. С.-П.

РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 2—3. Автограф.

Письмо написано вскоре после возвращения Л. Л. Толстого из Ясной Поляны, где он находился с 4 по 13 апреля 1908 года (см.: ПСС. Т. 78. С. 123). Прежде чем отправить его, Л. Л. Толстой советовался с управляющим канцелярией Его Императорского Величества бароном Александром Андреевичем Будбергом. На это предположение наталкивает письмо, частично датированное и, в сопоставлении с другими документами, приводимыми ниже, свидетельствующее о несомненной поддержке Будбергом прошения Л. Л. Толстого.

В ответ на несохранившуюся записку Л. Л. Толстого с просьбой о встрече Будберг писал:

«Милостивый Государь

Лев Львович,

Вернувшись вчера, в субботу, и не будучи свободен сегодня и завтра, могу только просить Вас заехать ко мне, Коломенская, 15, во вторник в 10¹/₂ ч. утра.

С совершенным почтением

Будберг.

20 апр.» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 201. Л. 6). Вторник в 1908 году приходился на 22 апреля.

В тот день вместе с письмом к царю Л. Л. Толстой обратился и к Будбергу:

«22 апр. 08 г.

С. Петербург

Глубокоуважаемый Барон

Александр Андреевич,

Пользуясь добрым разрешением Вашим, прилагаю при сем письмо мое Его Величеству с изложенной в нем просьбой и еще раз искренно благодарю Вас за любезное содействие.

Искренно уважающий Вас

Л. Л. Толстой».

Внизу помета карандашом: «дол<ожить>, т. е. *ускорить*».

28/IV»

(РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 5. Автограф).

5 мая 1908 года А. А. Будберг приказал своим помощникам снести с Министерством юстиции и выяснить, можно ли удовлетворить просьбу Л. Л. Толстого (см.: там же. Л. 6).

В Министерстве юстиции с ответом не спешили, и Л. Л. Толстой повторно обратился к начальнику канцелярии:

«15 мая 08

С. Пет.

Глубокоуважаемый Барон Александр Андреевич,

23-его мая я должен уехать за границу и потому только решаюсь беспокоить Вас покорнейшей просьбой, если возможно, уведомить меня о судьбе дела, с которым я обратился к Государю Императору письменно через любезное содействие Вашего Высокопревосходительства.

С искренним уважением и преданностью

Граф Л. Л. Толстой.

Мой адрес в Швеции: Sverige. Enchepingen. Graf Leo Tolstoy (там же. Л. 5. Автограф).

Будберг откликнулся немедленно:

«Многоуважаемый
Граф Лев Львович,

Пока еще не имел случая доложить Ваше письмо Его ВЕЛИЧЕСТВУ. Ввиду возраста Ваших детей я полагаю, что время терпит.

Если бы ВЫСОЧАЙШАЯ резолюция последовала в Ваше отсутствие, я Вам сообщу по указанному Вами адресу.

Преданный Вам

Будберг.

16-го мая 1908» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 201. Л. 4. Автограф).

27 мая 1908 года он официально направил запрос на имя министра юстиции (см.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 7).

1 августа 1908 года управляющий Министерством юстиции, товарищ министра, сенатор М. Н. фон Люде ответил положительно: «<...> имею честь <...> уведомить Ваше превосходительство, что я, со своей стороны, по сношению с ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ Принцем АЛЕКСАНДРОМ ПЕТРОВИЧЕМ ОЛЬДЕНБУРГСКИМ, не встречаю препятствий к исходатайствованию ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения на зачисление сыновей графа Толстого, Павла, Никиты и Петра, кандидатами на могущие открыться в ИМПЕРАТОРСКОМ Училище Правоведения вакансии пансионеров ВЫСОЧАЙШЕГО имени. <...> (там же. Л. 8. Машинопись, подпись-автограф).

10 сентября 1908 года в канцелярии по принятию прошений был подготовлен проект «отказного письма» Л. А. Толстому. Согласно высочайшей воле, речь могла идти не о внеочередных, как просил Л. А. Толстой, а лишь о тех, которые откроются в порядке очереди (см.: там же. Л. 27).

Вероятно все же, что письмо было задержано, так как во время одной из аудиенций А. А. Будберг представил Николаю II «всеподданнейший доклад», в котором, в частности, говорилось: «<...> приемлю долг испрашивать В С Е М И Л О С Т И В Е Й Ш Е В Е ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволение на разрешение вышеизложенного ходатайства согласно отзыва Министерства Юстиции».

На сохранившемся проекте доклада помета: «На подлинном Г. Главного управляющего написано: „В Ы С О Ч А Й Ш Е разрешено зачислить очередными кандидатами.

Барон Будберг. Царское Село.

30-го октября 1908 года» (там же. Л. 10—10 об. Машинопись с авторской правкой и подписью-автографом).

В тот же день А. А. Будберг направил соответствующие письма о монаршей воле министру юстиции и просителю, графу Л. А. Толстому (см.: там же. Л. 11—12 об., черновые наброски).

О принятом решении Л. А. Толстой 2 ноября 1908 года писал С. А. Толстой из Петербурга: «Я просил Государя принять моих трех мальчиков на счет Государя в Правоведение. Вчера получил письмо, что Государь это сделал. Мне это было приятно по 2-м причинам. В<о>-1-х, что за сыновей ничего не нужно будет платить целых 10 лет, во-2-х, что Государь мне сделал, что я просил. Это все секрет. Их записали очередными кандидатами с приготов. классов. Я получил об этом официал. бумагу. Довольно было у нас Толстых негосударственников. Пора быть и министрами. Это шутка, а все же я рад» (ГМТ. Архив С. А. Толстой).

Действительно, «как закрытое учебное заведение, Училище Правоведения всегда ставило себе неперемной задачей не только давать образование подрастающему поколению, но и воспитывать его в духе веры Христовой, любви и преданности Царю и Отечеству, чести и долга, приучая его к порядку и систематическому труду. <...> воспитанники училища занимали выдающееся положение на самых разнообразных поприщах государственной и общественной деятельности <...>» (Императорское училище правоведения в 1885—1910 годах: Памятная записка, составленная и. д. инспектора классов В. И. Соболевским. СПб., 1910. С. 38, 51).

В собственные руки.

14 сентября 1912 г.
 <С.-Петербург>

Ваше Императорское Величество,

Сегодня считаю моим долгом перед Вашим Величеством и Россией писать Вам, дерзая высказаться по следующим вопросам:

1) В России становится все тяжелее и тяжелее жить вследствие все более и более усиливающейся потребности народа правильно работать и вследствие невозможности работать так из-за наших бесчисленных праздников¹. Вопрос старый, но он не подвинулся ни на шаг. Сегодня Воздвижение, недавно — Рождество Богородицы, 1-го октября, в понедельник — Покров и так далее, и так далее, и жизнь в праздники становится, люди в тоске пьют, играют в карты и на бегах, молодежь не учится, и целые недели пропадают даром, миллионы рублей и неисчислимое богатство сил народных разлетаются по ветру. Когда же, Ваше Величество, Вы один, имеющий возможность положить конец этому великому злу — праздности русского народа, — Вашим одним словом дадите России избавление от этой рабской зависимости народной, общественной и государственной жизни от авторитета Церкви, гнетом сковывающего Россию?! Все останавливается в праздники и в кануны праздников, не только правильный труд, но даже разумные и полезные развлечения. Публика должна ходить взад и вперед по Невскому, не имея даже возможности накануне праздника зайти посмотреть кинематограф, дети не учатся, приучаются к праздности. Проект уменьшения праздников и сведения их к минимуму был разработан, но он провалился, не найдя поддержки. Я имел счастье писать Вам, Ваше Величество, в прошлом году о желательности и необходимости реформы русской Церкви². Сегодняшний вопрос связан с тем <же>. Нам необходимо решительно изменить в этой области характер русской жизни. Что было при Владимире Святом, осталось и поныне. Выносить этого дольше невозможно.

2) Второй вопрос, о котором я хотел сказать, — это о Балканах и возможности для России быть втянутой в войну. Мой взгляд, Ваше Величество, такой, что нам следует сейчас же открыто заявить, смело, решительно и непоколебимо, — что Россия ни в какую войну вмешиваться не будет, что она предоставляет на этот раз Балканским государствам самим выходить из затруднения и что, даже если Австрия сделает движение к войне или даже расширению своих владений, мы вмешиваться все-таки не

будем и не хотим потому, что у нас нет для этого никаких оснований. Нет сомнения, что даже, если Австрия усилится на Юге, нам от этого никакого убытка не будет, мы еще слишком слабы, слишком малочисленны, чтобы претендовать на хозяйничание на Босфоре. Без всякой войны мы свое получим, то, что нам нужно будет, и в будущем для наших торговых интересов через Босфор, а другого мы пока и не добиваемся и нам не нужно. Сохрани Боже становиться на пошлую точку зрения в наше время,— защиту братушек. Они довольно окрепли, чтобы защищаться сами и постоять за себя. «Воюйте, если не можете удержаться, но на нас не надейтесь». Вот какова должна быть русская политика. Много, много хотелось бы сказать Вам, Ваше Величество, но боюсь утомить Вас. Одного прошу Вас всеми силами души,— *приказывайте, Ваше Величество, приказывайте строжайшим образом* тем, кому нужно, чтобы было сделано все, что должно быть сделано сейчас в России, и спешите! Время не ждет. Надо реформировать Церковь, уничтожить праздники, винную монополию, ввести всеобщее обучение при реформированной церкви, надо ввести новый стиль, уничтожить или изменить паспортную систему, надо воспитывать народ, юношество, армию и флот, надо изменить весь уклад, весь характер русской жизни. Чтобы дни текли правильно, чтобы праздники не мешали труду, чтобы народ и общество привыкли рано вставать и рано ложиться (офицерство в частности), чтобы были запрещены игры в клубах и на бегах и скачках, чтобы были наказуемы пьянство, брань, жестокое обращение с животными, надо поднять знамя этой новой культурной, разумной жизни в России, высоко поднять его, и страна сразу обновится. Иначе все будет по-прежнему, распущенно, дурно.

До сих пор больно, Ваше Величество, о смерти Столыпина, к которому я питал большое доверие. Трудно заменить его. Одно утешение, что Вы, Ваше Величество, не оставили намерение Ваше дать России многое, и сознание, что Вы дадите. Но надо требовать, строжайше приказывать, чтобы было. Все эти люди — чиновники, и сами мало способны видеть широкие горизонты. Ими надо владеть, как детьми. Они ничего не видят дальше минуты, минутных интересов. Какая рутина всюду, начиная с Церкви и кончая Императорскими театрами. Живых людей точно нет, ничего нового, свежего они не допускают. И вследствие этого, конечно, страдают народ и общество.

Нас очень огорчило, Ваше Величество, переходя к нашим семейным делам, что правительство после смерти Столыпина³ отказалось от приобретения Ясной Поляны⁴. Теперь имение еще не продано, но скоро, вероятно, будет продано сестре моей Александре, которая отдаст часть его крестьянам. Наше старое ро-

довое гнездо будет разорено, и это, не переставая, гнетет меня. Если бы имение оставалось в казне, все-таки было бы не так обидно. Правда, мы хотим оставить себе усадьбу, но вряд ли она удержится в семье в будущем⁵. Без земли кругом она уже не будет иметь для нас значения, как прежде. Мне лично, при-
выкшему к Ясной Поляне и вообще к земле, очень тяжело не чувствовать с ней связи.

Простите, что пишу это, Ваше Величество, пишу потому, что Вы всегда были добры ко мне.

Кроме отнятых у нас прав на сочинения отца, мы лишаемся и имения, и все это по злой воле Черткова, овладевшего старчески большой волей отца⁶. Кроме того, мать моя не может добиться своих рукописей в Историческом Музее в Москве и теперь подала об этом жалобу в Сенат⁷. Как все это сложно и грустно, ведает один только Бог.

Хоть бы скорее все это как-нибудь разрешилось. Но жизнь сложна и надо ей покоряться, когда нельзя помочь. Живу для своих 6 человек детей⁸ и жду, чтобы судьба мне улыбнулась. Делаю, что могу, и вот поэтому пишу Вам, Ваше Величество. Иногда маленькие люди, стоящие, волей судеб, вне Колеса, могут сделать больше, чем те, кто вертится в этом Колесе жизни и ничего не видят.

Перестройте Церковь, Ваше Величество, властной рукой! Позовите меня! Я помогу Вам! Об этом знать будет один Бог.

Вашего Величества верноподданный, любящий Вас сердечно
Граф Лев Львович Толстой.

Таврическая, 19.

С.-П.

ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр.102. Л. 10—13 об. Черновой автограф. На конверте: «Его Величеству Государю Императору» (там же. Л. 14). Письмо было адресовано барону В. Б. Фредериксу с указанием: «Его Величеству Государю Императору (в собственные руки). От графа Л. А. Толстого» (там же. Л. 15—16). Письмо опубликовано: Лица: Биогр. альманах. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. Кн. 4. С. 184—186.

¹ В 1912 году непроступленных дней оказалось 38, но в другие годы их было более 40.

² Письмо неизвестно.

³ Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911) был с апреля 1906 года председателем Совета министров и инициатором аграрной реформы в России. По его настоянию был издан 9 ноября 1906 года Указ, разрешавший выход крестьян из общины и закрепление наделной общинной земли в частную собственность. Был убит агентом охранного отделения Д. Г. Багровым в начале сентября 1911 года в Киеве. Л. А. Толстой с конца 90-х годов выступал за передачу земли в частную собственность (см.: Толстой Л. А. Против общины. М., 1900).

⁴ Л. А. Толстой, вероятно, не знал, что Николай II 20 декабря 1911 года отверг просьбу С. А. Толстой. «Нахожу покупку имения гр. Толстого правительством недопустимой. Совету министров обсудить только вопрос о

размере могущей быть назначенной вдове пенсии», — написал он свое мнение⁵ (цит. по кн.: Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 562).

Официальная продажа земли А. Л. Толстой состоялась 26 февраля 1913 года (см.: там же. С. 388, 570—571).

⁶ Под влиянием С. А. Толстой Лев Львович во всем считал повинным Владимира Григорьевича Черткова (1854—1936), ближайшего друга и единомышленника Л. Н. Толстого. По завещанию, подписанному Толстым 22 июля 1910 года, все его сочинения и рукописи переходили «в полную собственность А. Л. Толстой». В приложенной к завещанию «Объяснительной записке» Черткову предоставлялось право просмотра и пересмотра рукописей (см.: ПСС. Т. 82. С. 227—230). А. Л. Толстой в письмах к С. А. Толстой после смерти отца постоянно настаивал на том, чтобы завещание было оспорено в судебном порядке (см.: ГМТ. Архив С. А. Толстой).

⁷ 22 октября 1912 года С. А. Толстая обжаловала у министра юстиции И. Г. Щегловитова решение министра просвещения Л. А. Кассо отдать ей рукописи Л. Н. Толстого. Щегловитов принял сторону вдовы Толстого, и 18 октября 1914 года «Сенат определил предложить министру народного просвещения незамедлительно снять арест с рукописей и выдать их в распоряжение гр. С. А. Толстой» (Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 381, 416, 578, 580).

⁸ В 1912 году в семье Л. Л. Толстого было 6 человек детей: Павел, Никита, Петя, Нина (род. 22 октября 1906), Софья (род. 5 сентября 1908) и Федор (род. 2 июля 1912).

8

⟨ 4 апреля 1915 г.
Петроград ⟩

Ваше Императорское Величество,
Искренно любимый Государь,

Совестно мне в такие тяжкие дни беспокоить Ваше Величество частным делом. Решаюсь на это, зная доброту Вашу и надеясь, что просьба моя не прогневает Вас.

По милости Вашего Величества три сына моих записаны в Императорское Училище Правоведения на стипендии Высочайшего Имени. Но вот 8 лет прошло с их записи, а вакансий в Училище до сих пор нет.

Старший сын мой выдержал первым конкурсный экзамен на казенный счет и принят на таковой в прошлом году. Эту весну хотел я, чтобы и второй мой сын Никита также был бы допущен на конкурсный экзамен на казенный счет ввиду того, что свободных стипендий Высочайшего Имени нет. Но, по обычаю Училища Правоведения, в этом нам было отказано, так как двух мальчиков одной семьи на казенный счет никогда не принимают. Второй мой сын Никита также первый ученик в классе и держит

экзамен на круглые 12. Просьба моя, Ваше Величество, в том, чтобы Вы сделали распоряжение, если найдете это возможным, принять второго моего сына Никиту в Училище Правоведения вне очереди (конечно, не лишая других кандидатов их права иметь свое место по порядку записи), на стипендию Высочайшего Имени.

Этим Вы помогли бы мне, Ваше Величество, воспитать детей будущими слугами Вашими и России.

Бог благословил меня в смысле детей. Теперь у меня их семь человек, и трудно содержать семью, особенно вследствие воспитания моего и завещания отца, лишившего нас прав на его сочинения.

Простите меня за это письмо.

О себе лично дерзаю сказать, что война гнетет меня ужасно, что я страдаю, нравственно в этом году, как никогда¹. Но Бог милостив, Ваше Величество, настанут и лучшие дни и нельзя не верить в великую нашу родину и ее великое будущее. Народ русский вынесет всякое Божье испытанье и еще окрепнет и вырастет после него.

Воображаю, Ваше Величество, что должны испытывать Вы в отзывчивом сердце Вашем. Я много, много раз думал о Вас и страдал и страдаю вместе с Вами.

Господи, пошли нам спокойствия духа, утиши, укроти поднявшегося зверя... Страшен еще зверь с Востока — Китай, с которым не дай Бог столкнуться. Это еще бы усложнило положение. Надо бы влиять на Японию, чтобы она сейчас не начала войны. Чего ждет Италия? Да, мы, наш великий народ призван опять взять на себя львиную долю страшной борьбы...

Вашего Величества верноподданный

Граф Л. Л. Толстой.

14 апр. 1915 г.

Петроград.

РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Ед. хр. 2277. Л. 85—86 об. Автограф.

Письмо передано вместе с обращением Л. Л. Толстого к министру Императорского двора и уделов графу В. Б. Фредериксу:

«Ваше Сиятельство,

Глубокоуважаемый Граф Владимир Борисович,

Не откажите передать прилагаемое письмо Его Величеству Государю Императору.

С искренним уважением и глубокой преданностью к Вам

Гр. Л. Л. Толстой.» (там же. Л. 84).

Граф Фредерикс откликнулся на просьбу сразу же и передал Николаю II письмо Л. Л. Толстого со своей запиской:

«Литератор Граф Лев Львович Толстой, сын графа Льва Николаевича Толстого, просит меня представить адресованное на Имя ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА письмо.

28 апреля 1915 года» (там же. Л. 83. Машинопись. Вверху листа помета: «Собственною Его Величества рукою начертал знак: „%“ (Читал).

Генерал-адъютант Граф Фредерикс.

29 апреля 1915 г.» (там же. Автограф).

¹ О тяжелом материальном и моральном состоянии Л. Л. Толстого весной 1915 года см. в нашей публикации: Сын и отец // Лица. Кн. 4. С. 247—255.

9

<12 мая 1915

Петроград>

Ваше Императорское Величество,

Всемилоостивейший Государь,

Ходатайствует перед Вашим Величеством верноподданный Граф Лев Львович Толстой за сыновей своих Никиту и Петра.

Несколько лет назад, по милости Вашего Величества, три сына моих, Павел, Никита и Петр, были записаны в Императорское Училище Правоведения на стипендии Высочайшего Имени¹. Но стипендии эти все еще не освободились и, по наведенным справкам, могут освободиться лишь по прошествии 7 и более лет². Старший мой сын Павел, вследствие этого, поступил в Училище прошлой весной на казенный счет. Теперь мой второй сын Никита, первый ученик своего класса, мог бы также легко выдержать конкурсный экзамен, но по обычаю Училища Правоведения не принимать двух сыновей одной семьи на казенный счет, и сын мой Никита на таковой не принят.

Ввиду вышеизложенного, то есть фактической невозможности сыновьям моим воспользоваться Высокой Милостью Вашего Величества и попасть на стипендию Высочайшего Имени, а также ввиду стесненного моего материального положения, решаюсь ходатайствовать перед Вашим Величеством всемилоостивейше принять сыновей моих — Никиту, воспитанника VII класса, и сына Петра, поступающего этой осенью в младший пригготовительный класс Императорского Училища Правоведения, — до тех пор, пока не освободятся их очередные вакансии Высочайшего Имени, — на счет воспитательных сумм Канцелярии Вашего Величества по принятию прошений.

Граф Лев Львович Толстой.
Петроград, Таврическая, 29.

12 мая 1915 г.³

РГИА. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 14. Автограф.

¹ См. комментарий к письму Л. Л. Толстого от 15 мая 1908 года.

² В Канцелярии графа В. Б. Фредерикса был сделан запрос о стипендиях Училища правоведения. Среди именных стипендий восьми разрядов значились и «4 стип. Кабинета Его Величества» (там же. Ф. 474. Оп. 60. Ед. хр. 2277. Л. 88. Автограф). Получив 15 мая 1915 года эту справку, один из помощников министра заготовил на его имя следующий документ: «По наведенной в Училище Правоведения справке выяснилось, что два сына графа Л. Л. Толстого зачислены на стипендии Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, оплачиваемые из сумм Государственного Казначейства, и состоят 20-м и 21-м кандидатами. Вакансии на эти стипендии откроются не раньше, как через 7 или 8 лет.

Ввиду сего сыну Графа Л. Л. Толстого, Никите, поступающему ныне в училище, могла бы быть предоставлена стипендия лишь с особого ВЫСОЧАЙШЕГО повеления.

Вопрос о распределении стипендий в Училище Правоведения зависит от Попечителя Училища ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Принца АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА Ольденбургского.

Не приказано ли будет заготовить соответствующее письмо Принцу, с указанием, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО милостиво отнесся к ходатайству Гр. Толстого.

<...> ³ мая 1915 года» (там же. Л. 87. Машинопись с авторской правкой).

Просьба была удовлетворена лишь частично, несмотря на поддержку приближенных царя. 19 мая 1915 года граф В. Б. Фредерикс направил аргументированное послание принцу Ольденбургскому, в котором, в частности, говорилось: «<...> ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, всемилостиво отнесся к просьбе Графа Толстого, повелел мне соизволить выяснить вопрос о возможности удовлетворения означенного ходатайства.

Во исполнение таковой Высочайшей воли, имею честь о ходатайстве Графа Толстого довести до сведения ВАШЕГО ВЫСОЧЕСТВА, покорнейше прося не отказать о последующем поставить меня в известность для доклада ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ» (там же. Л. 89—89 об. Машинописная копия с авторской правкой и подписью-автографом).

Ответ принца Ольденбургского неизвестен. 20 мая 1915 года из канцелярии по принятию прошений ушел запрос на имя директора Училища правоведения с пометой «весьма нужное» (см.: там же. Ф. 1412. Оп. 80. Ед. хр. 136. Л. 15. Черновой автограф). 26 мая 1915 года директор и член попечительского совета отправили «отказное» письмо, ссылаясь на единое для всех правило (см.: там же. Л. 16. Машинопись с подписями-автографами). 29 мая 1915 года был подготовлен «Проект Всеподданнейшего доклада Главноуправляющего Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений» о принятии хотя бы одного сына, Никиты Толстого, в Училище правоведения на казенный счет. Согласие Николая II было получено, и на машинописной копии доклада появилась помета: «На подлинном Г. Главноуправляющим написано: „Высочайше повелено принять на счет сумм канцелярии уплату а воспитание сына просителя Никиты в Императорское училище Правоведения по 800 р. в год, впредь до представления ему стипендии Высочайшего Имени. В Мамантов. Царское Село. 4 июня 1915 г.» (там же. Л. 17—19). 5 июня 1915 года об этом было сообщено Л. Л. Толстому (см.: там же. Л. 20—20 об.). 8 июня 1915 года Канцелярия уведомила о решении Николая II и директора Училища правоведения (там же. Л. 21). В течение двух учебных лет — с октября 1915 года по апрель 1917 года — плата исправно вносилась из соответствующих сумм канцелярии (см.: там же. Л. 1).

〈Конец июля 1916 г.
Петроград〉

Ваше Императорское

Величество,

Неудержимо стремлюсь послужить Вам. Едва удерживаю себя, чтобы не поехать к Вам в Ставку, чтобы как-нибудь добраться до Вас, стать перед Вами на колена и молить Вас оставить меня при Вашем Величестве, в качестве хоть Вашего низшего слуги.

Если Вы найдете возможным дать мне какое-нибудь полезное для Вас и России дело и сейчас позовете меня на него, Вы осчастливите этим человека, и этот человек сделает все, от него зависящее, в исполнение возложенного на него.

Простите великодушно сердечно преданного, верноподданного Вашего

Графа Л. Л. Толстого.

С. Ясная Поляна.

Ст. Засака.

Верю: «Стучите и отворят Вам».

Не докучать Вам хочу, а отдать Вам мою жизнь наиплодотворнейшим образом.

Л. Т.

РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Ед. хр. 2277. Л. 91—92. Автограф. Датируется условно на основании письма министра В. Б. Фредерикса Николаю II:

«Приемлю долг представить при сем ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ доставленное мне письмо Графа Льва Львовича Толстого на Имя ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

27 июля 1916 г.».

На машинописном документе три пометы. Одна — Государя императора: синим карандашом сбоку сделан знак %, который министр Фредерикс выше прокомментировал так: «Собственно Его ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертал знак: % (Читал).

Генерал-адъютант Граф Фредерикс.

30 июля 1916 года.

Царская Ставка».

Через несколько дней под письмом В. Б. Фредерикса Николаю II внизу появилась запись карандашом: «Г. М<инист>р приказал уведомить Гр. Толстого, что письмо представлено Его И. Величеству.

Кн. С. Г<агарин>.

3/VIII—〈1〉916» (там же. Л. 90).

На следующий день временно исполняющий обязанности начальника канцелярии отправил Л. Л. Толстому письмо:

«Милостивый Государь
Граф Лев Львович,

По поручению Г. Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что присланное Вами Г. Министру письмо на Имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА представлено по Высокому назначению.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Кн. С. Гагарин.

№ 5891

4 августа 1916 г.

Его Сиятельству

Графу Л. Л. Толстому.

С. Ясная Поляна

ст. Засека» (там же. Л. 93. Машинописная копия с подписью-автографом).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БЕСЕДА С БЫВШИМ ЦАРЕМ НИКОЛАЕМ II-м (из моих воспоминаний)

В начале первой русской революции мне пришлось беседовать с бывш. царем Николаем 2-м в Царском Селе, и я привожу здесь эту беседу почти дословно. Она может быть интересна русским людям, и, если мысли мои, высказанные в беседе, до сих пор не потеряли своего значения, она, быть может, найдет сочувствие в моих соотечественниках.

В то время, когда началось брожение во всех слоях русского общества, как следствие неудачной японской войны, я жил в Петербурге и много писал в газетах. Думая, как многие другие, что царь уже не может больше один управлять Россией, и что ему необходимо на помощь народное представительство, я написал об этом письмо Николаю II, предлагая ему созвать «Земский Собор» для решения важных сторон русской жизни. Я написал, что Земский Собор есть лучшая форма для русского народного представительства, что он соответствует строю России, состоящей из различных классов, и что исторически он лучше всего может удовлетворить запросам момента. Мое письмо я давал на прочтение моему отцу, который одобрил его и сказал мне при этом, что, хотя он не занимается политикой сам, все же думает, что Земский Собор был бы нужен. В Петербурге мое письмо тоже было одобрено в высших кругах, и граф Адам Васильевич Олсуфьев¹, приказав переписать его в нескольких стах экземплярах, раздавал их представителям общества и правительства. Письмо это было передано лично государю, и вслед за этим я был официально приглашен лично через министра двора барона Фредерикса² явиться к царю на аудиенцию.

В назначенный день, нарядившись во фрак, я поехал поездом в Царское Село, где на вокзале меня ждала придворная карета.

Во дворце меня сначала пригласили в комнаты для приезжающих, где мне предложили чаю, потом в то скромное отделение маленького царскосельского дворца, где жил с семьей государь. Десяток швейцаров встретили меня в передней, в их числе — царский негр. В маленькой приемной я ждал не более десяти минут, и вот дежурный адъютант граф Граббе уже отворяет мне дверь в кабинет Николая II-го. Небольшая, скромно обставленная комната, стол с бумагами, полки, два, три кресла — вот вся обстановка.

Я напряженно думаю о тех важных вопросах, какие надо будет затронуть сейчас, и весь поглощен ими.

Тихо отворяется дверь напротив меня, и царь в белом кителе без всяких орденов входит и любезно здоровается со мной. Он садится к столу и просит меня сесть. Он — бледен. Вид у него усталый, скучный. Мне кажется, что его все же интересует мой приезд, и, чтобы начать разговор, он говорит мне:

«Вы мне писали...»

Тогда я начинаю говорить. Читатели простят, что мне придется приводить здесь мои собственные речи. Они далеки от того, что может быть, нужно было тогда сказать царю, но я, по тогдашнему разумению моему, старался искренно и горячо изложить перед государем все, что мне казалось важным и нужным для России.

«Я очень благодарен, начал я, что Вы разрешили мне лично говорить с Вами. Я видел Вас несколько раз в жизни, но в первый раз имею счастье беседовать с Вами. Моя мысль та, что Вам необходимо созвать русский исторический Земский Собор. Представителей всех русских классов: дворян, крестьян, купцов, мещан, рабочих и священников. Мне представляется, что такой Собор мог бы быть выбран по сословиям каждого класса и мог бы состоять из 2—3 тысяч человек, которые бы собирались ежегодно или каждые два-три года на несколько месяцев для совместной работы. Вы, ваше величество, могли бы всегда быть главой Собора, что объединяло бы все сословия. Мне кажется, что парламент, скопированный с западного образца, не подошел бы под русские права и из него ничего не выйдет. Нам нужна русская форма парламента, имеющая связь с историческим развитием и прошлым России».

«Да,— перебил меня государь,— и я хочу парламент, но именно в русском духе».

Он подчеркнул эти слова, хотя вся фраза была сказана таким тоном, как будто царь только уступал общественному мнению, но не видел сам необходимости этого. Не было серьезного отношения к той мере, какая сознавалась тогда всей страной.

Я сказал на это государю, что Земский Собор будет уже в чисто русском духе потому, что на нем голос крестьянства будет иметь преобладающее значение, если выбрать Собор пропорционально численности каждого класса.

«Я думаю прежде всего о крестьянах,— сказал государь серьезно,— для меня это главная забота. Я хочу, чтобы и в парламенте они были предоставлены вполне».

Чувствуя, что государь не принимает моей мысли о Земском Соборе, я с известным разочарованием перешел к другому воп-

росу, который тогда интересовал меня. Я заговорил о крестьянской общине и необходимости перехода от нее к крестьянскому частному, хуторному владению.

Царь слушал меня и неожиданно убежденно проговорил: «Это я имел в виду. Вы — правы. Да, это — крупная реформа». Потом подумав, он прибавил: «Крестьяне, это — главное, главное. Я только о них и забочусь». Государь вынул портсигар и закурил папиросу. «Вы курите?» — спросил он.

«Нет, ваше величество, я оставил. Я в настоящее время веду очень гигиенический образ жизни, сплю с открытым окном даже зимой, хожу на лыжах, беру холодные ванны. Без здоровья тела нет здорового духа, и тогда нет возможности работать»³.

«А мясо? — спросил государь. — Ваш отец — вегетарианец?»

«Отец — да, — ответил я, — а я пробовал четыре года и опять вернулся к мясоедению».

«Мне мясо необходимо, — сказал царь, — я без него слабею. Мне оно нужно для здоровья». Видимо, этот вопрос интересовал государя, как будто в правильном решении его он искал для себя физических сил.

Мой косвенный совет государю спать с открытым окном и брать холодные ванны, очевидно, совершенно не заинтересовал его.

«Вы — большой поклонник Швеции, — сказал государь после короткого молчания, — я читал Вашу книгу»⁴.

«Это — высшая культура в мире, ваше величество, — сказал я, продолжая тогда увлекаться Скандинавией, — и нам у варягов до сих пор есть чему поучиться».

Я стал расхваливать шведские учреждения, их школы, сельское хозяйство, технику и — весь строй их жизни.

Государь слушал без внимания и начинал утомляться. Я заговорил о шведском протестантизме как об основе шведских народных нравов, но в это время кто-то зашумел за дверью, ведущей в семейные комнаты царя, и он вдруг преобразился. Лицо его оживилось, и, главное, глаза заблестали, и он встал. Он ничего не сказал мне, но я понял, что это — наследник, прибегавший за отцом.

Аудиенция была окончена. Государь любезно протянул мне руку и проводил до двери.

«Пишите мне, — сказал он на прощанье, — пишите, когда Вам нужно сказать мне что-нибудь».

«Как прикажете передавать Вам мои письма?» — спросил я.

«Через министра двора Фредерикса», — ответил царь.

Я поклонился и вышел.

После этого я много раз писал государю о многих вопросах русской жизни. Некоторые мои советы принимались, и я видел их реальное осуществление, другие оставались без отклика.

Во-первых, идея Земского Собора, который, на мой взгляд, один мог дать тогда прочную основу для России, — государем не была принята, а была дана Дума.

Во-вторых, царь отрицательно отнесся к моему совету реформировать русскую церковь, что, на мой взгляд, было насущной мерой для России, мерой, вероятно, давшей бы русскому народу сильный толчок к его пробуждению и подъему.

Этих два моих основных совета царь не принял, очевидно, не сочувствуя им или их не понимая.

Во-первых, государь очень сочувственно отнесся к мысли о развитой крестьянской общине и переходе от нее к частному крестьянскому землевладению. Хутора и отруба. Эта мера, как известно, начатая Столыпиным, была остановлена войной.

Во-вторых, государь сейчас же принял мой совет энергичными мерами провести в Петербурге канализацию в год страшной холерной эпидемии (комиссия Шмидта)⁵. Благодаря этому эпидемия холеры в Петербурге почти совсем прекратилась.

Печатается по прижизненной публикации: Последние известия. Ревель. 1922. 18 февр. № 41. С. 2.

¹ Л. Л. Толстой ошибся. См. предисловие к публикации, примеч. 17

² В. Б. Фредерикс пользовался большим влиянием на Николая II и членов его семьи.

³ См. подробнее: Толстой Л. Л. Моя гигиена. СПб., 1903.

⁴ См. об этом выше примеч. 21 на с. 102. В архиве Л. Л. Толстого сохранилось письмо начальника канцелярии Министерства Императорского двора А. А. Мосолова от 5 февраля 1905 года, в котором он уведомлял Л. Л. Толстого, что доставленные им в канцелярию четыре книги «[...] представлены ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ» (ИРЛИ. Ф. 303. Ед. хр. 465. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом).

⁵ Л. Л. Толстой не вполне точен. Во второй половине 1904 года эпидемия холеры и брюшного тифа приняла угрожающие размеры (см.: Отчет С.-Петербургской городской санитарной комиссии за 1905 год. СПб., 1906. С. 55). На заседании Городской думы 2 июня 1904 года было принято решение переустроить систему водоснабжения Петербурга. Была создана комиссия под руководством заслуженного профессора гигиены Императорской Военно-медицинской академии, академика Сергея Владимировича Шидловского (1846—1912). В этой комиссии сначала принимал участие, а потом и возглавил ее доктор медицины Николай Яковлевич Шмидт (род. 1863). Проект Ладожского водопровода обсуждался еще несколько лет, прежде чем начались работы по его сооружению. На основании закона о сооружении канализации от 29 мая 1911 года параллельно велись работы и по очистке города от нечистот (см.: Ладожский водопровод. СПб., 1913. Т. 1. Ч. 3. С. 5—6, 31).

К. К. Вагинов

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО К. М. МАНЬКОВСКОМУ

Публикация С. А. Кибальника

Альбом миниатюрного формата (Р. 1. Оп. 4. Ед. хр.235, всего 132 листа) включает в себя автографы 94 неизвестных стихотворений К. К. Вагинова, относящихся к 1917 году. Это наиболее ранние из известных нам стихотворений поэта. На них лежит определенная печать ученичества. И в то же время очевидно, что стихи знаменуют начало большого, подлинно самобытного поэта. «Центральные темы вагиновского творчества, — справедливо пишет Т. Л. Никольская, — судьба культуры в современном мире, Петербург как хранитель европейской культуры, гибель античных богов — уже намечены в юношеских стихах»¹.

Альбом содержит беловые автографы стихотворений, а также целый ряд карандашных рисунков, выполненных самим Вагиновым. Титульный лист с надписью: «К. Вагинов 1917 г.» художественно оформлен самим поэтом. Позднее альбом был подарен брату по «Аббатству гаеров», молодому поэту Константину Максимовичу Маньковскому. Об этом свидетельствует другая надпись, также помещенная на титульном листе: «Дорогому Константину Максимовичу Маньковскому для будущих <1917> вечеров, когда захочется общих воспоминаний. 1/XI.21 г. Вагинов». В Пушкинский Дом альбом был передан вдовой К. М. Маньковского.

¹ *Никольская Т. Л.* К. К. Вагинов (Жанва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 68.

Лишь в некоторых стихотворениях имеется незначительная правка. Одна пьеса — «Меланхолия» — переписана дважды с некоторыми вариантами (во втором случае — без заглавия — л. 9 и 29). На л. 8, 21, 24, 30, 34, 37, 40 об., 41, 43, 47, 125 об.— 130 об. помещены рисунки простым и цветными карандашами. На л. 70 об., 130 об., 131 об. и 132 — пометы бытового характера (адрес, номер телефона и др.).

По всей видимости, стихотворения вписывались в хронологическом порядке. Если это действительно так, то происходило это скорее всего в период с весны 1917 по зиму 1917—1918 года: открывается альбом стихотворением «Весенняя элегия», а в одном из последних стихотворений («О, Петроград, ты бледен и задумчив, как Пьеро») «печально смотрят дворцы с разбитым стеклом /И дверями, что снегом заколотило». Таким образом, эти стихотворения представляют не только чисто художественный интерес, но и являются поэтическим документом отношения поэта к крупнейшим историческим поворотам 1917 года.

Художественный мир начинающего поэта включает в себя прежде всего образ города. Петербург ранних стихотворений Вагинова — это город-сон, город-мираж («На улицах столицы белесоватый туман...»). Больше того, этот город изображается поэтом как мертвый («Луна встает из-за крыш...»). Смерть города входит в картину смерти всего старого мира, быть может, уже исчерпавшего отпущенные ему годы («Кошмар №1»). Только под действием наркотиков в сознании героя возникает образ бывшего Петербурга, города-парадиза («Кокаинист»). Констатируя смерть Петербурга или предвещая ее, автор, тем не менее, верит в своего рода вечное возрождение города («И будет день, и Петроград погибнет...»). Здесь уже ощущается характерный вообще для раннего Вагинова взгляд на революцию как на явление, аналогичное крушению Римской империи, после которого снова начинается новая жизнь. Взгляд этот во многом шел от любимого вагиновского чтения — Э. Гиббона и предвосхищал отчасти первоначальное восприятие революции Блоком. Иронизируя впоследствии над своей былой убежденностью, Вагинов напишет в романе «Козлиная песнь» о «неизвестном поэте»: «Говорил о К. К. Леонтьеве и хихикал над своим собратом. Ведь для неизвестного поэта что гибель? — ровным счетом плюнуть, все снова повторится, круговорот-с». Надеждами на обновление мира, неприятием буржуазного мешанства объясняется некоторый эпатиж, присущий Вагинову в решении культурно-исторической темы и напоминающий некоторые декларации поэтов-символистов: «Нового! Ради Бога, нового! / Жгите старое, хотя бы и хорошее!». В то же время исторические потрясения 1917-го рассматриваются поэтом как трагический разрыв с западной цивилизацией: «О, Петроград, ты бледен и задумчив, как Пьеро—/ От тебя отвернулся Запад, твоя Коломбина...» — что предвосхищает позднейшую поэтическую декларацию Б. Лившица: «Окно в Европу! Проработав / Свой скудный век, ты заперто». Точное историческое соотнесение вышеприведенных художественных высказываний невозможно. Однако, если альбом и в самом деле заполнялся хронологически, то первое из них, расположенное в его середине (л. 75), возможно, сделано после февраля 1917-го, а второе, относящееся к концу (л. 105), — уже после октября.

По воспоминаниям Н. К. Чуковского и по собственным автобиографическим свидетельствам Вагинова в «Козлиной песни» мы можем судить о том, что многое в альбоме стихотворений, подаренном К. М. Маньковскому, автобиографично. После тихого, комнатного детства юность поэта неожиданно оказалась бурной и уличной: наркомания, роман с проституткой. Впрочем, в художественном контексте анализируемого сборника эти автобиографические мотивы приобретают особый характер. «Кокаинист» и «опиофаг», «эротоман», безнадежно влюбленный в «колотку» (заглавия различных стихотворений сборника) — все это воспринимается как чудесная

экзотика, своего рода противовес жупелу «нудного и серого существования», уделу «обыкновенного, серенького человечка» («Меланхолия»), как явление, близкое к футуристическому эпатажу. Именно такое толкование бегства юного Вагинова «в улицы» дает, кстати, в своих воспоминаниях и Н. К. Чуковский².

В этом отношении, влияние футуристов соединялось с воздействием Ш. Бодлера, чье творчество, как сам поэт признавался в «Автобиографии»³ 1923 года, и побудило его взяться за перо. Вслед за автором «Цветов зла» Вагинов культивирует антиэстетизм. Как и для «проклятых поэтов», для него это — средство борьбы с добропорядочностью и ханжеством буржуа: «О, Бодлер! мой царственный любовник, / Умирающее дитя многих веков, / Ты не променяешь скрежет зубовой / На обыкновенную сладкую любовь...». Подобно Бодлеру, Вагинов выпускает в «белые туманы» Петербурга «зловещих призраков из своей груди», но только эти «призраки» выпускаются им уже в футуристические городские пейзажи: «Злобно смеялись трубы большого города, / Тихо хихикала крыша, / Злорадно скрипели подьезды» («Луна»). Помимо уже отмечавшихся мотивов и образов⁴, с этими традициями связана вообще поза бродяги и хулигана, «петроградского апаша» («Вдохновение»). Сравните, например, сентенцию В. Шершеневича в его «компилятивной интродукции» 1913 года «Футуризм без маски»: «Подобно полисману в кинема, массовое понимание ловит ловкого апаша-поэта, а тот убегает». Влияние футуризма особенно отчетливо ощущается во второй половине сборника. Наиболее явно оно сказалось в стихотворениях «Город» и «Городское утро», причем не только на уровне образов («город, как огромная каракатица», «сдвигались и раздвигались стены домов», «солнце» — «странный багровый идиот»), но и на уровне содержания (оппозиция урбанистической цивилизации и природы: «Сдвигались и раздвигались стены домов / И ощупывали каждого прохожего — Не несет ли освобождения из оков / Томящимся по зеленому подножию» — возможно, результат ориентации на Хлебникова. Характерно, что и большая часть автоиллюстраций Вагинова к альбому выполнена в манере кубофутуризма. Все это делает понятным, почему начало литературной деятельности поэта оказалось связано с эгофутуристическими организациями «Аббатство гаеров» и «„Кольцо поэтов“ имени К. М. Фофанова» (1921—1922 годы).

Черты призрачности, болезненности, мертвенности Петербурга, особенно подчеркиваемые в первой половине сборника, свидетельствуют, по-видимому, и об определенной актуальности для Вагинова традиций русского символизма. Поза духовного мертвеца позволяет говорить об осознанном декадентствовании начинающего поэта. В других стихотворениях ощущается стилизация под Фофанова, Вертинского (например, «Вы ароматили, как роза чайная»), Северянина. Налицо и определенный эклектизм раннего Вагинова, и напряженный характер его эстетических исканий.

В пору зрелости поэту была присуща исключительная строгость по отношению к своему раннему творчеству. Так, например, по свидетельству вдовы писателя, А. И. Вагиновой, он сжег принадлежавший ей экземпляр своего первого печатного стихотворного сборника «Путешествие в хаос» (Пб., 1921), объяснив, что это плохие стихи. Еще более критическим, естественно, было его отношение к своему рукописному первенцу, где еще встречаются даже погрешности против языка и метра. Показательно уже

² См.: Чуковский Н. Константин Вагинов // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 182.

³ См.: ИРАИ. Р. I. Оп. 4. Ед. хр. 2.

⁴ Никольская Т. Л. К. К. Вагинов. С. 68.

то, что он решился с ним расстаться при том, что другого экземпляра сборника у поэта скорее всего и не было. Подобный расчет со своим недавним прошлым, суровая переоценка своих эстетических и мировоззренческих позиций происходили в творческой биографии поэта не раз. Это свидетельство большой работы, проделанной Вагиновым на пути к творческой зрелости. Чтобы оценить и представить себе этот путь в полном объеме, не обойтись и без его стихотворений из альбома, подаренного К. М. Маньковскому.

Пунктуация в альбоме часто носит случайный, неупорядоченный характер, поэтому тексты стихотворений печатаются в соответствии с современными нормами. Это же, за исключением сугубо индивидуальных, авторских написаний, касается и орфографии. Некоторые, наиболее значимые из зачеркнутых автором слов и фраз, приводятся в сносках.

ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Моя душа — это старая, заглохшая столица,
Моя душа — это склеп изо льда,
Где бродят бледные, изнуренные лица,
Где не бывает весны никогда...

В мою душу, как в мертвый город
Лишь иногда приходят паломники
И в тоске небывалой рвут ворот,
Увидя старую истощенную каменоломню.

В моей душе никто не создаст красив<ого> замка,
Где бродят пажы и принцессы,
Где смеются зеркала в причудливых рамках
Смотря на послов из Бениресы.

Всё мертво, всё пусто... И лишь иногда...
Иронически смеются старые вороны
И шепчут! «Весна не придет никогда
В эту старую заброшенную сторону».

СЧАСТЬЕ

Счастье — это странная девочка в розовом платье,
Что играет в сэрсо среди снегов
И не знает ни вьюги, ни злобы ненастья,
Ни свирепого воя ветров.

Для нее не снега, а алмазные копи,
Для нее бирюзов и кристален ручей,
И закинув колечко в безбрежн<ые> топи,
Она нежно смеется и скачет бойчей.

И в тумане холодном и серой трясине
Вновь смеется любовь и рыдает роаль
И, как в старой истертой картине,
Где-то спит тоска и печаль.

У меня на глазах слезы...
 У меня в сердце — лед...
 Но пою я о том, что розы
 Дают нежный душистый мед.

Я пою... Как будто в комнате тепло и приветно,
 Как будто в комнате звучит орган!
 Как будто бархат шепчет ответно!
 Как будто в окна не бьет туман!

Но все это приторно и очень неестественно,
 Но в моей комнате скучно и так темно...
 И мне хотелось бы молитвой приветственной
 Вызвать все, что бывает весной.

На улицах столицы белесоватый туман.
 Как грустно!.. О, согрейте... Дайте роз!..
 Лишь изредка проходит цыганка, как странный обман
 Из страны милых мечтаний и грез.

Быстро проходит цыганка в пурпурном платке
 С резвыми глазками и губками, как рубин
 И я, мечтая о ней в голубой тоске,
 Стою у белесоватых липких витрин.

Я рыдаю, у меня глаза полны слез
 Я люблю эту цыганку, дочь южн<ых> стран
 И сжимая пучек засохших роз,
 Я погружаюсь в странный обман.

Мне все кажется каким-то сном,
 Невский — миражем,
 И я не вижу ни огоньки за окном,
 Ни блестящего и лакированного экипажа.

Долго я стою у липких витрин
 И мечтаю о своей весенней Аркадии,
 Пока тоска не захватит, как исполин
 Хватает карлика на эстраде.

И я отправляюсь домой и, беззвучно рыдая,
 Вижу цыганку на изразцах ночи
 И, мечтая о нежном и томн<ом> мае,
 Смотрю чрез окно на стенные <?> кирпичи.

МЕЛАНХОЛИЯ

Боже! Какое нудное и серое существование
 Жить всегда по определенной мерке,
 Не чувствовать в себе какой-нибудь мании,
 Не видеть Дульцинеи в Верке.

Неужели все для меня прошло,
 И я стал обыкновенным, сереньким человечком,
 Который утром гребет обычных<енным> веслом,
 А вечером греется у печки?..

Неужели я в солнце не увижу топаз,
В луне — бледное личико царевны,
И когда пробьет двенадцатый час,
Не буду мечтать и вздрагивать нервно?..

НИЩЕНКА

Я тебя люблю, грязненькая девочка,
Моя бедная, маленькая крошка.
Мне больно, когда ты просишь хлебушка:
«Пожалейте, сударь, меня немножко».

Маленький, крохотный ребенок,
Что я могу сделать для твоих глазок.
Нет у меня ни хлеба, ни детск<их> пеленочек,
И давно я позабыл о ласках.

Посмотри на меня, тоненькая девушка,
Видишь, я такой же, как и ты, печальный.
Ты тщетно ищешь хлебушка,
Я ищу облаков, грустн<ый> и рыдальный.

УТЕШЕНИЕ

Что ты плачешь, маленький мальчик?
Умерла твоя добрая мама...
Ну засмейся, сделай из губок овалчик,
Будет там она знатной дамой...

Твоя мама любила сидеть у озера на мостике.
Знаешь, там где лебеди и рыбка...
Будет и теперь она думать о Костике
И посылать ему ласковые улыбки.

И, когда ты заснешь в своей маленькой колыбельке,
Нежно спустится в лунных лучах твоя мама
И увидишь ты ее на бледной аллейке
Знатной, красивой, нарядною дамой.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЕВУШКИ

Мне сегодня сообщили, что теперь осень,
Но в моем сердечке аромат весны,
И среди красивых, стройных сосен
Тихо бродим мы одни.

И никто нам не мешает, только сосны
Одобрительно кивают головой,
И в его глазах всегда лишь весны
Говорят так ласково со мной.

И когда он делается томным,
Мы сидим подолгу на песке,
И целует поцелуй нескромный
До биенья странного в виске.

Может быть, теперь и осень,
Но в моем сердечке аромат весны,
И среди красивых, стройных сосен
Тихо бродим мы одни.

СТАРАЯ ДЕВА

Часы вечно тикают... Ну не смешно ли,
И я вспоминаю свою молодость, свою весну,
Когда я играла в жизни первые роли
Под смешное, нежно-голубое сиянье луны.

Помню сад... Голубые странные звезды,
Аромат сирени в заглохшем саду,
На белой тарелке <1 нрзб.> грозди,
Черемухи куст в подвенечном цвету.

Все было так ясно... Но времени сумрак холодный
Настиг мою душу и тело.
Я стала желтой, скучной, негодной...
Все прошло, но сегодня весны захотелось.

Захотелось до боли, до злых трепетаний,
До судорог в горле, до слез...
Ах, дайте немного лазурных мечтаний,
Подарите букетик роз!..

[ЭРОТОМАН]

Среди нежных и томных полей
Я мечтал о царевне Хадали,
Что мой ум сотворил из лилей
И причудливой розовой дали.

О Хадали мечтал я в лесах,
О царевне из сонного царства,
Где играют сапфиры в очах.
И спокойно сносил я мытарства.

Но идут и проходят года,
И тускнеет обличье Хадали,
И живая исчезла вода
Из лазурной сияющей дали.

И один я сажу за столом,
Где Хадали так нежно шептала
И зловеще летят за окном
Хлопья снега, как искры опала.

Да, Хадали дряхлеющий ум
Воплотить не сумел начинанья,
И, как старый смешной Аввакум
Погибает в огне за мечтанья.

И сажу, и смотрю на огонь,
И смешно мне, и грустно до боли.
О, сердечную рану не тронь,
Унеси же букет из магнолий.

Ф...

Грациозная кошечка и полудева,
При которой можно говорить обо всем,
Крашенные ногти выпускаешь без гнева
И царапаешь больно, забывая потом.

Твое сердце — это воздушный замок,
Но Боже! как неудобно в нем...
Смотрят тысячи старичков из рамок
И лепечут что-то о былом.

Они шепчут о том, что было красиво:
О бархате и о драгоценных камнях,
О ароматах странных и прихотливых,
О разноцветных фонариках и огнях.

Но когда ночь наступает, старички умолкают;
И твое сердце совсем одно,
И в нем странные струны рыдают
Слабым фосфорическим огоньком.

Бедное маленькое сердце,
Разве оно виновато, что оно холодно,
Но заиграть не может скерцо
И остается всегда одно...

ИРОНИЯ

Вы играете, а не живете;
Вы играете, как мячиком; мечтами,
Но смотрите — нить волшебная порвется,
И заплещет сумасшествие пред вами.

О, не грезьте! бросьте эту скверную привычку,
Она доброму вас не научит.
О, не ставьте жизнь в кавычки,
Будет вас ужасно это мучить;

Ведь не сможете любить обыкновенно,
Вам понадобится образ полубога,
Чьи глаза глядят проникновенно,
А таких встречается немного.

Ах, послушайте меня и бросьте сказки,
Полюбите кухню, дрязги и детишек —
Ну зачем томиться по небесной ласке,
Когда будет муж из сереньких людишек!

ИЗЫСКАННОСТЬ

Вы цветок фарфоровый и нежный,
Украшение красивых будуаров,
Генералы где, сидя полунебрежно,
Чувствуют, как в буржуазном рае.

Как цветок душистый и приветный,
Забавляете вы этих инвалидов
(Я вам говорю секретно,
Не из личных видов).

Не подумайте! Я вам добра желаю,
Ведь противно мне смотреть как эти,
Как назвать их, право, я не знаю
Улыбаются слезливо, точно дети.

САНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Захотелось вновь быть маленьким мальчиком,
Горько плакать над порезанным пальчиком,
Целовать глазки и ручки
И не ждать известной полочки.

Захотелось ворковать про розы и левкой,
Все мечтать о Дафнисе и Хлое..
Пожалейте, взглядом подарите,
О дальнейшем ничего не говорите!

Вы смеетесь?! Вам смешно, мне больно,
Вы мечтаете окончить все фривольно...
Боже! Я устал... Не говорите...
Мне цветочек алый подарите!

Вы протягиваете губы — я жонглер словами,
Как мне больно, что я фокусник пред вами.
Ну, хоть дайте мне пучок сирени...
Не садитесь пошло на колени.

Но вы зло смеетесь и играете глазами,
Как поспевшими красивыми лозами.
Ничего вы не поймете! Боже!
Вы сулите все одно и то же!

КОКОТКА

Я отдавалась вам так нежно, так грёзово,
Так ласково, так радостно скорбя,
Что вы увидели кусочек неба голубого
И вы поверили, что отдаюсь любя.

Но милый мальчик, точно люттик нежный,
Ты мне простишь,— я не люблю тебя:
Мне надо жить, казаться безмятежной...
И я даю любовь, но не любя.

О, нежный мой, должна ведь я всечасно
Актрисой быть среди толпы шальной,
О милый мой, не плачь, не плачь напрасно,
Мою судьбу не сделаешь иной.

Но помни, кроткий мой, о томной тихой Nelli,
Которая тебя любила не любя —
Она тебя из грёзной колыбели
Метнула в жизнь, кокетливо скорбя.

* * *

Вы ехали в роскошной, изысканной коляске,
Вы ехали с лорнетом и собачкой,
А я стоял в мечтах о вашей ласке
И ждал ничтожной маленькой подачки.

Но вы проехали, небрежно посмотрели,
И, глядя пса по мордочке слезливой,
Забыли навсегда про ужасы мятели,
Про радости любви и скромной, и стыдливой.

Вы сделали кокеткой, важною бабенкой,
И ценят вас, как сочную клубнику,
Никто вас не жалеет, не выронит слезенки,
И купит вас старик, как фунтик земляники.

Да, это так... Но я вас не забуду,
Ведь вы цветок пушистый и махровый,
И вас сманили платья, экипаж и люди,
И грум на все готовый.

ВТОРАЯ СМЕРТЬ

Молчаливо сжимались призраки из катафалка,
Тихо смотрели на мертвеца в экстазе,
Где-то плакала кровью весталка,
Видя зеленоватые огоньки газа.

Сюда пришел из старой базилики
Бледный инквизитор с странными глазами,
Может быть, он вспомнил, что был великим,
И ему захотелось развлечься мечтами.

Тут и Аполлон, истощенный, бледный,
Без золоченой, звенящей лиры.
Зябко жмутся козлоногие сатиры,
Ждут, не воспрянет ли Пан при звуках победных...

Но всё тихо, и в углу за иконой
Пан забывает про всё за бутылкой
И, вынимая колбасу из картона,
Цедит: «И я был некогда пылким...»

Жизнь умирала на катафалке,
Дико смотрели призраки в экстазе,
Где-то плакала утомленная весталка,
Ей снилось, что разбилась священная ваза.

КУРТИЗАНКА

Старуха гладила морщинистые сосцы,
Хлопала себя по отвислому животу
И говорила: «Как мне тяжело, невмоготу».
А в окне от смеха дрожали торцы.

«Да, всё на свете только дым,
А давно ли моя кожа была, как атлас,
Глаза сверкали блеском неземным,
И в окне от страсти дрожала грязь?»

И старуха голая стала искать
Временем нетронутый уголок,
Хлопать по ляжкам и груди мять,
Пальцами искать чувственности ток.

Но по-прежнему в окне смеялись торцы,
Где-то скрипел петлями сарай;
Старуха, перестав мять сосцы,
Слышала, как кто-то шептал: «Умирай!»

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

Кошмар

На мне не лавровый венок,
Не лира в моей руке —
Лишь черный пюпитр у ног,
На черном, зловонном песке.

Поэт я! Да, да, я поэт!
Смотрите, стою в скюртуке...
Не Феба лучи, электрический свет
Внимает поэта тоске...

Да, да, я поэт! В глазу у меня
Сидит блестящий монокль,
А слушатель сонно сопит у огня,
Ему видится Тэн или Бокль.

Смешно мне: «Поэт это царь!»,
«Поэт — это сказочный бог» —
Пюпитр теперь алтарь,
Луна — электрический ток...

ОПИОФАГ

Я — обладатель старых фимиамов,
Кадильниц много у меня,
Но нет богов, кругом лишь ямы,
И нет призывного нигде огня.

Один сижу в забытой желтой башне,
Где режиссирует печаль обыкновенных дней,
И делает она из девочки вчерашней
Какой-то талисман и снова ночь мрачней.

А рядом — белого металла трубка,
Лежит кокетливо, причудливо язвя:
«Возьми его, еще одна минутка —
Лицом он не ударит в грязь!»

И я беру и снова опьяняюсь —
Какое дело мне, что где-то жизнь идет.
Во мне весь мир и в миге я являюсь,
И для меня минута — целый год.

БЕЗУМИЕ

Я построил себе из слоновой кости башню,
Ведь надо сохранить все то, что я имею,
Ведь среди запасов грязных и вчерашних
Есть великолепная белая лилея.

Моя башня стройная, как старый замок,
Крепкая, как корабельная рея,
Смотрит, как картина из рамок,
И вся полна мыслей, как картин — галерея.

Но среди этих мыслей есть одна моя любимая,
Это мысль — о моем безумии,
И она жалит и ласкает меня неудержимо,
И дает мне все муки раздумия.

[Я люблю ее — ведь она кусок лазури
В моем сером и нудном существовании,
Ведь она подымает ужасающую бурю
И заставляет уверовать в свое призвание.]

ОПЬЯНЕНИЕ

Мне камни шепнули: «Ты умер».
Я камням ответил: «Я жив».
Ехидно смеялся красный номер,
Я крикнул: «Что ты смеешься, мне душу убив!»

Угрюмо падала вода на панели,
Как на беловатую жестяную лохань,
За каменным забором беседовали ели,
И березы отдавали осени желтую дань.

Я шел и думал: «Опять осень
И опять я смертельно пьян...»
И видел усмешку сосен,
Сквозь серебристый туман.

Где-то за стеной играли серенаду,
«Направо!» — кричал городской,
Я прошептал: «Мне ничего не надо!..»
И пошел, покачиваясь, домой.

НОВЕЛЛА

Он построил великолепную башню
Из красивых, голубых планет.
Долго смотрел на зеленую пашню,
Говорил: «Я — поэт!»

По вечерам, в часы томных грез
В башне раздавалась музыка,
И какой-то голос, полный слез,
Жалел добровольного узника.

И однажды узник вспомнил, что он человек,
И ему захотелось обыкновенного счастья,
Без закатывания судорожных век,
Без речей о неге и страсти.

И он отправился в какой-то кабак
И, грустно сидя за грязным столиком,
Курил скверный дешевый табак
И душой рыдал до коликов.

А затем поднялся и, уныло всматриваясь,
Прошептал: «Я вечно одинок, как весталка»,
И меланхолически покачиваясь,
Он отправился, опираясь на палку.

СКАЗКА

Как-то Разум зашел в умирающий город,
Где забыло все про запахи сирени,
Где лишь бродят странные тени...
Как-то Разум зашел в умирающий город.

Он смотрел на дома в стиле барокко
И трогал каждую кариатиду:
«Может быть, жива, хоть мертва с виду?»
И его мечты раскинулись широко.

Он смотрел на тонкие пилястры
И шептал: «Красиво! Но где же люди?»
И ждал, не раздастся ли стон в виде прелюдии,
Но нигде даже не видно было астры.

Разум сюсюкнул: «Может быть, в сквере
Я найду что-нибудь живое?»
Но был холоден мрамор Хлои,
И воздух становился все серее.

И пошел Разум из холодного кладбища,
И начал искать другое небо;

Но все было тускло и нелепо,—
Даже зеленое, нарядное пастбище.

И сказала Тоска ему: «Бедный!
Напрасно ты ищешь свою Ариадну.
Ступай! может быть, на эстраде
Твой путь радостный и победный».

Усмехнулся Разум и пошел на подмостки,
Делал разные пируэты
И ждал исцеленья и привета,
Но лишь скрипели подмостки.

И снова побрел Разум в умирающий город,
Где забыл и он про запах сирени,
И стал таким же, как прочие тени,
И оставил его у себя умирающий город.

ПЕТРОГРАДСКАЯ НОЧЬ

Луна встает из-за крыш,
Как солнце на горизонте;
Трубы, как камыш,
Лучи, как дама в ротонде.

Фонтанка — свинцовый канал;
Дома — мрачные кельи;
Здесь царит тяжелый металл,
А не соловьиные трели.

Здесь не ласточка вьет гнездо,
А уныло скрипят засовы;
Не птиметры играют в лото,
А кошмар готовит оковы.

Мертвый город! Лишь иногда
Кто-то ударяет по крышам,
И бьет свинцовая вода
В пустые черные ниши.

И вновь столица, как прежде, мертва,
И даже не слышно гудка паровоза,
И не захрюкает в виде озорства
Свинья, роясь в кучах навоза.

ВДОХНОВЕНИЕ

Как на старом, заплеванном тротуаре
Находят иногда розу,
Так и в моей душе, изгаженной наркозом,
Пробирается иногда девочка в муаре.

И тогда душа освящается разноцветными огнями,
И все превращается в красивую идиллию,
Где ветер целует бледную лилию,
И долины полны прозрачными ручьями.

Но затем уходит девочка в муаре,
И душа превращается в петрогр<адского> апаша,
Который влюбляется в какую-нибудь Пашу
Проводя летнюю ночь на тротуаре.

* * *

Моя душа — это пыльная библиотека,
Где стоят разрозненные томики и тома,
Где мак царит наподобье человека
И строит воздушные домики и дома.

Моя душа, как больной туберкулезом,
Все мечтает о солнце с ярким лучом;
Тянет ее к виноградным лозам,
Хочется ей не думать ни о чем.

И она, бедная, перебирает томики,
Горько плачет над потерянным концом
И в чахоточной дали строит детс<кие> домики,
И венчает голову игрушечным венцом.

КОШМАР № 1

Ах, зачем звезды неярки?!
Ах, зачем лихорадочно зелен закат?
Неужели доткали античные Парки
Бесконечную нить и мир смертью объят.

Неужели не будет красивеньких птичек?
Неужели потухли давно васильки?
Вместо красок зари зажигаю я спичку
И унылые мысли ловлю я в силки.

Неужели не сплю? Неужели не снится,
Что никто никогда не увидит луны,
Что потухли давно золотые зарницы
Под дыханьем холодной последней волны?

Да, вот так... Лихорадкой объятый,
Мир, как старый больной, догнивает в тиши,
Умирает, лежа на подушке измятой,
Где лениво ползут утомленные вши.

* * *

Жизнь — неужели это розовый бантик
Надушенной кокотки?!
Я, как старый помешанный антик,
Ужасаюсь, что мгновения коротки.

Ужасаюсь, мне грустно, мне больно,
А цветы голубы и красивы,
И, смеясь, точно в сказке, фривольно
Опускаю глаза я стыдливо.

Да, о жизнь! Напевай и баюкай,
И кажись голубой пеленою —
Кокзель будет лазурной порукой,
Что зажгу я огни над собою.

КОКАИНИСТ

Там, где раньше росли дубы,
Где ходили парочки влюбленных,
По нелепой прихоти судьбы,
Стоит юнец, бледный, утомленный.

Он смотрит на тусклый фонарь,
На пепельно серые стены
И вспоминает, что встарь
Здесь гондолы подымали пену.

Он знает, что там, где теперь торцы
И где ездят измызганные пролетки,
Были великолепные дворцы,
А не казенки и белоголовые сотки.

Он думает о том, что Петроград
Был знаменитым 'парадизом,
Где били фонтаны и похоже на гранит
Было солнце в небесных ризах.

Он вспоминает все — у него кокаин,
Этот яд и волшебный спаситель,
Который, как на востоке муэдзин,
Провозглашает вход в небесную обитель.

КОМНАТА Б.

Я играю на странной арене,
Созданной собственным воображением,
Где я становлюсь всегда на колени
И занимаюсь божественным пением.

На мне буро-малиновый шутовской кафтан,
И, когда меня душил тоска по красивой сказке,
Я смеюсь над звездами и бросаюсь в туман
И ругаюсь над нежною лаской.

Но иначе я не могу поступать,
Я должен не быть собой,
И слезу умиления ненавидеть и гнать,
И рассудок тешить игрой.

МЕЧТАТЕЛЬ

Мне не надо ни вкусной пищи,
Ни красивой девочки в шелестящем платье,
Я, как великий бродяга и нищий,
Утоляю грезой жажду объятий,

И довольно мне, когда на небе звезды,
Или в воде кусочек лазури —
Я получаю мимолетный роздых
И забываю про все злобы и бури.

И спокойно я сижу у своего камина
И слежу за синими огоньками,
Пока ткется серебряная паутина
В красивой узорчатой раме,

И в ней весело бьется
Лазурная фея — тонкокрылая греза,
И играет листьями, и радостно смеется
Голубая, странная, ядовитая роза.

К Богочеловеку

Ты воззвал, и я пришел в обыкновенной одежде,
Ты взывал, и я приходил не раз,
В моем сердце не пели надежды,
В глазах не горел экстаз.

В жизни я проходил своей дорогой,
Я тебя не знал и знать не хотел,
Я любил лишь месяц двурогий,
Снам не ставил предел.

Я мечтал о богах Эллады,
Был скучен и сер твой лик.
Ты прости,— мне милости не надо.
Бей, терзай, я слишком велик.

Ты знаешь — я не люблю твои фимиамы,
Ты пойми — у меня другой путь:
У меня есть собственные храмы,
Мне некогда в твоих вздремнуть.

Ты воззвал, и я пришел в обык^новой одежде,
Ты взовешь, и я приду не раз,
Но в сердце не запоем надежда,
В глазах не зажжется экстаз...

УЖАС

В старом цирке танцевали девочки,
В старом цирке танцевала она.
Где-то сияла серебряной тарелочкой,
Где-то сияла молодая луна.

В фиолетовых ложах сидели зрители,
В фиолетовых ложах зевала она.
Скрипка рыдала: «Белья не хотите ли!
Маленькую девочку, Боже, храни!»

Желтые лампы казались приманкою,
Желтый свет падал на ее лицо.
Маленькая девочка! сделавшись куртизанкою,
Будешь ты часто выходить на крыльцо.

ПОЭЗИЯ

Она приводила свои волосы в порядок,
Она стояла у окна.
Поцелуй ее губ так сладок!
Она вся так нежна!

.....
Утром спала желтая старуха,
В неопрятной рубашке,
С прилипнувшими перьями пуха;
На белых губах — капельки краски.

Я бросился к дверям:
«Милый», — и она, растопырив руки,
Стала откидывать кучу белья —
Я претерпевал адские муки.

Смотрел, как она поправляет парик,
Красит щеки и брови...
И, улучивши миг,
Я бросился от постаревшей любви.

ЛУНА

Сегодня обвенчалась луна с облаками,
Она похожа на маленькую старушку,
Ее муж на баки камердинера.

Очень странная была свадьба:
Ухмылялись весело трубы и крыши,
И язвительно хихикали подъезды.

Все смеялось, лишь две кариатиды
Лениво поддерживали карнизы
И упорно смотрели на панели.

На панелях, как всегда, валялись окурки,
Куда-то спешила бумага,
Кружилась тяжелая пыль.

Все было по-прежнему, и прохожие
Скучающе, заходили в пустые магазины
И скучающе говорили: «Ничего нет».

Луна вспомнила молодость и горько заплакала:
«Где мои лацдыши и левкои,
Где моя подвенечная фата — мой лунный свет?»

Злобно смеялись трубы большого города,
Тихо хихикала крыша,
Злорадно скрипели подъезды.

И будет день, и Петроград погибнет,
 Печальная луна заплачет на берегах,
 Но снова ночь сойдет, и снова все утихнет,
 И закачается ладья на северных волнах.

И вскоре волхв придет беседовать с луною,
 Русалка запоеет среди густых ветвей,
 И капище воздвигнут Громобою,
 И вновь появится содружество людей.

Да, все на свете круг свершает,
 Ничто не ново под печальною луной,
 И снова попик церковь освещает,
 И снова фреат любитесь Невой.

ПЕТЕЛЬ<УРГСКЛЕ> СФИНКСЫ

Сегодня сфинксы странно улыбались —
 Может быть, они видели голубой Нил?
 Их глаза томно и лениво закрывались,
 А на лапах мох и щебень гнил.

Женщины в платках громко ругались,
 Они складывали привезенные дрова.
 На лапах сфинкса утрюмо колыхались
 Поддевка и оторванные рукава.

Было так скучно и так тоскливо,
 Лениво билась о щебень Нева,
 Купол собора выглядел стыдливо,
 Будто спрятавшаяся в тумане голова.

Но сфинксы странно улыбались,
 Они думали, что живут в каком-то сне,
 Их глаза в даль устремлялись
 И читали что-то в глубине.

ОБЫКНОВ<ЕННАЯ> ИСТОРИЯ

На огромном тротуаре жалобно мяукал котенок
 С [липкими] глазами, как у дряхлой старухи,
 За стеной рояля раздавались звуки,
 И пищал упитанный ребенок.

Маленький котенок, дрожа от стужи,
 Залез в газетную бумажку,
 За стеной ребенка кормили теплой кашкой,
 И садились взрослые за ужин.

Маленький котенок смотрел на фонарик,
 Может быть, он думал: «Отчего не греет?»,
 Маленький ребенок, от радости пьянея <?>,
 Глазел, как вертится гладильный валик.

Худенький котенок умрет на панели —
Он никому не нужен!
Толстый ребенок, кончив ужин,
Будет валяться в колыбели.

В ИЗГНАНИИ

В далекой Сибири сидели Христос и Аполлон,
Бледные изгнанники городов, сел и полей,
Удивленно смотрели со всех сторон
Снега на этих странных людей:

Что им нужно в этой далекой стране?
Неужели они ищут апостолов и жрецов,
Отчего они ходят в каком-то сне?
Все их взгляды говорят без слов.

Раньше в другой, совсем другой стране
У Аполлона были храмы и жрецы,
Ласково молили бога о весне,
Приносили в жертву лавровые венцы.

Потом Иисуса чтили везде,
Горько молили его, в слезах...
Искали спасенья в святой воде,
Зрели в розовых облаках.

Но все быстро проходит: Иисус и Аполлон
Ныне простая игрушка людей,
И коварно смеются со всех сторон
Холодными улыбками снега полей.

ЛУНА

Небо было безоблачно и спокойно.
Луна тихо улыбалась —
В городе до боли гнойном
Она мерзкие дела открывала.

Ей приятно было смотреть в подворотни,
Где солдаты щупали проституток
И, отражаясь в луже рвотной,
Она кряхтела, как утка.

Она смотрела на огромные панели,
Где валялись чьи-то пеленки,
И слышала, как хулиганы свистели,
Насилюя в будке ребенка.

А затем усмехнувшись мечтала
О своей дорогой Элладе
И, потускнев, как зеркало,
Рассеянно скользила по ограде.

Мы все — игрушки в забытой лавке,
На пыльной полке сидим недвижно,
Лежит покойник здесь в камиллавке <?>
Со взглядом тусклым, неподвижным.

Мы только смотрим с тоскою в окна
Нет пробужденья, нет привета...
И ждем, не даст ли снова рок нам
Улыбки нежной и [привета] ответа.

Быть может вновь придет Спаситель
Который снова откроет двери?
И плачут куклы: «О, отворите!
О, дайте выход из музея».

Они рыдают, но неподвижно
Висит, как купол [огромный] стеклянный, небо,
И снова куклы, совсем недвижно,
Как автоматы, глядят нелепо.

СКОРБЬ

Иисус, мой хороший и ненаглядный!
Милый, маленький ребенок,
Как я могу с душой каскадной
Выронить несколько нежных слезенок?

Разве мне нужны твои скорби и боли?
Разве я болею твоим страданьем?
Я, папа с букетом магнолий,
Разве не чужд всяких исканий?

Да, мне не надо твоей улыбки,
Нежной, скорбной и лучезарной...
Пусть Тебя слушают серебристые рыбки
В озере нежном и янтарном!

Это так... Но отчего мне так больно и странно,
Будто я мальчик с голубыми глазами,
Вставший поутру очень рано,
Чтобы любоваться лазурными облаками.

АРОМАТЫ

Запах роз — волнует и пленяет,
Запах ландыша — зовет куда-то вдаль.
Запах водопада свежестью ласкает,
Запах звезд струит печаль.

Аромат луны звучит, как клавишины
В старом замке, в голубой стране,
Где лепечут нежно апельсины
И живут в каком-то странном сне.

Запах солнца, пряный и пурпурный
Зажигает страсть в потухнувшем пруде
Он мотив каскадный и пурпурный,
Он кусочек олова в воде.

Ароматы властвуют повсюду,
Ароматы — это целый мир
С музыкой, подобной изумруду,
С розами как оргия иль пир.

* * *

Ах, дайте, дайте немного сказок!
Ах, дайте дайте немного грез!
Я так устал от странных плясок,
От смеха горького и слез!

Я так устал от злобных стонов
От глаз тоскующих, дрожащих губ.
Что захотелось мне красивых [стонов] звонов
Из серебристых длинных труб.

Мне надоело кричать о Боге,
Мне надоело молить туман,
Иду по спутанной дороге,
Где Пан умерший снова Пан.

[Пусть все будет, как в сказке, просто:
Пускай сатиры спят в траве,
И я поплачу, как подросток,
На мягкой, нежной мураве].

* * *

Я — фарфоровая куколка — не человек,
Меня любят, как хрупкую игрушку,
Нежную и тонкую, как кружево век,
Безвредную, как маленькая мушка.

Меня любят, как красивый диссон.
В сером и обыденном счастье,
Как красивый колокольный звон
О слезах, страданиях и ненастье.

Иногда меня душит настоящая любовь,
Но я ее скрываю, ведь я игрушка...
Ведь странно было б видеть кровь
В маленькой, смешной мушке.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Сегодня ночью, без четверти четыре
Ко мне пришла девушка из роз и жасмина
С голосом печальным, как звуки лиры,
С кожей пряной, как запах апельсина.

Усмежнувшись, она прошептала:
«Я нужна Вам? Вы меня звали?»
Ее зубки, как блики опала!
Ее губы [как] — кусочек эмали!

Я шепнул: «Это Вы моя греза!»,
Я сказал: «Вы нашли оболочку!
Воплотились в виденьях наркоза,
Вы — наркоза царица и дочка.

Сядьте тихо ко мне на колени,
Опустите стыдливо глазенки,
Посмотрите, узорные тени
Из огней Вам оплетают пеленки.

В сладком сне, в лучезарном наркозе
Вы живете, как в жизни, бесспорно,
О надзвездном забудьте морозе,
О дороге забуду я торной.

Мы забудемся в сне лучезарном,
Что реальность для чутких душою?
Только призрак, больной и кошмарный,
Порожденный смешной чернотой».

О, наркоз! Всекрасивый и юный,
Ты даешь воплощенье всем грезам,
Ты удар по серебряным струнам,
Ты цветок среди бурь и мороза.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

В лучшей стране, под сапфировым небом
Как-то родился прелестный ребенок.
С детства не знал он ни узких пеленок,
Ни нарядной коляски и кэба.

Он только бегал под сенью густою
Крепких деревьев с улыбкою строгой;
Он любовался луною двурогой
И забывкою скромно простою.

Как-то ребенок, у моря играя,
В море взглядевшись, увидел кого-то,
В маленьком сердце родилась забота:
«Кто этот пленник, что море скрывает?»

И в бесконечной тоске и печали
Стал вопрошать он деревья и травы,
Но все молчало... И даже муравы
В тихих долинах угрюмо лежали.

«Что это значит? — подумал ребенок,—
Стал одинок я... Не шепчут со мною

Крепкие дубы с главою златою;
Только лишь ветер по-прежнему звонок.

Может быть, мальчик, что море скрывает
Мне все расскажешь и все растолкуешь?...»
Бедный ребенок! Судьба не минует —
Сам ты собою свой путь замыкаешь...

КИТАЕЦ

Станный китаец, оборванный, зеленый,
В сером кителе стоишь ты у ворот
Несколько копеек с тоской затаенной
Просит твой бледный, болезненный рот.

Но безразлично проходят мимо
Дряхлая старуха и молодой человек...
Только котенок, сочувствием томимый,
Трется. Щепча про множество нег.

Ночь наступает огромной ступнею,
Скорбно светят земные огни...
Кот и китаец, тоскуя по зною,
Тихо сидят на панели одни...

БОГОМОЛКИ

Ангелы — это незрелые ребята.
Может быть, оттого старухи так любят молиться?
Коже морщинистой с запахом проклятым
Так приятно с ними соединиться.

Взорами тусклыми гладить молодые груди!
Дряблыми губами смаковать их брови!
Для старухи в сладострастном зуде
Единственное средство осуществления любви.

Потому так часто можно видеть на коленях
Дряхлую старуху в темной часовне,
Которая лепечет в странном забвеньи,
А домой возвращается размягченной и безмолвной.

ЖЕНЩИНА

У женщины есть нежные, пушистые крылья,
Это — ее розовые, как бутоны, бедра,
Где прячутся неземные ароматы, как эскадрилья
Готовая вылететь во всякое время бодро.

Когда женщина идет, покачиваясь в изящных ботинках,
Разве это не крепость, которая сама себя предлагает
А ее корсет разве не корзинка,
Где груди, как фрукты, взоры ласкают?

Девочки, девушки, женщины, вы не великолепный инструмент
Вы не сосуд Дявола или Бога,
А просто ресторанный счет или документ,
Где каждый из нас расписывается понемногу.

НЕРОН

Нерон! Нерон, я один тебя понимаю —
Разве здоровый тебя поймет?!
У тебя душа нежная как травка в мае,
Все же думаю, что ты идяот.

Им нет дела до твоих мучений,
Думают: «Это, так, дурачится человек» —
И не видят в тебе поэта или гения,
Не воздвигнут тебе одну из Мекк.

Ты же считал себя великим Богом,
Ты был выше других людей,
Ты блуждал по всем дорогам
И становился печальней и злей.

Ведь они ничего не различали,
Они любили одно — розу или кровь
Ты же любила и сладость печали,
И коварную, извращенную любовь.

Ты ведь знал, что после ароматов
Так приятно кого-нибудь убить!
И сменив пурпур на хитон измятый,
По улицам с дубинкой бродить.

А женщины — они так надоели,
И ты сменил их на мужчин,
И, когда звезды загорелись,
Ты думал: «Добродетель — признак низин».

И ты падал все ниже и ниже,
А думал: «Я взлечу высоко!»
И [умер] упал как клоун рыжий,
Как какой-нибудь жалкий Коко...

БОРЬБА

Среди беловатого, липкого тумана,
Между каменными ящиками и мутной рекой
Сфинксы казались зловещим обманом,
Порожденным больной и странной тоской.

На них не смеются блики восхода,
И не рыдает пурпурный закат —
К ним тянется дровяная колода
И предьявляет последний мат.

Она хочет накрыть их тело,
Замуровать их огромной деревян<ной> стеной,
Чтоб взгляд, от сочувствия млелый,
Не мог дать им ласки никакой.

И вот, замурованные рекой и дровами,
Сфинксы погружены в звонкую тишину,
И, тронувшись их скорбью и немymi слезами,
Изида выдвигает из-за облаков луну.

ВЕНЕЦИЯ

Влажная луна появилась над Венецией.
Бледно-лимонная луна закачалась в ее водах.
Напрасно она употребляла всевозможные специи —
Ей не вернуть утраченные и милые года,

Ведь она встает над огромным трупом,
Ведь она светит червяком в мертвеце.
Ведь она видит, как ходят с луной
Бледные люди с печалью на лице.

Ведь она знает, что все погибло,
Что нет пурпура и драгоценных камней...
И только в море, как в месте гиблом,
Хранятся золотые кольца дождей.

О Венеция! Моя грустная подруга,
Плачет горько увядшая луна,
Нет теперь у нас ни любовника, ни друга,
Скоро окутает саваном тишина.

И только в шкафу у какого-нибудь синьора
Будут храниться твои ткани и жемчуга,
И, скрытая от чуждых, холодных взоров,
Воплотясь в них, ты переживешь века.

В ТЕАТРЕ

При красной лампе кого-то убивали,
При красной лампе кто-то плакал...
Кокотки душу всю раздевали,
И где-то скорбно браслетик звякал.

Кокотки душу совсем раздели.
Какое дело всем до кокотки?!
Глаза кокотки от слез горели,
Звучали в голосе печали нотки.

А зритель в зале смеялся шумно —
Он был далек от жизни сцены,
И хохотали весьма бравурно
Портьеры залы до белой пены.

Они смотрели, они внимали,
Они читали во взглядах мумий,
Что им не надо вакханалий,
Ни нежной страсти и раздумий.

Какое дело им до кокотки?
Они пришли, чтобы развлечься
И смехом громким и коротким
Сказать кокотке: «Прошу раздеться!»

Душа кокотки на все согласна,
Она разделась до боли странной.

При свете томном, при свете красном
Всё смотрит ласковым обманом.

И зритель в креслах весьма удобных
Смакует гордо кокотки душу —
Она, как хлебец румяный, сдобный
Его покоя — не нарушит!

* * *

Нового! Ради Бога, нового!
Жгите старое, хотя бы и хорошее!
После бдений и поста сурового
Так хочется всего на него непохожего.

После проклятий и богохулений
Хочется жечь кому-то фимиамы
И с учетверенным рвением
Воздвигать пьедесталы и храмы.

Я, обливший слюною Бога,
Сделавший из женщины игрушку по<хоти>,
Хочу помечтать и поплакать немного,
Забывать о своем зловещем хохо<те>.

Забывать и увидеть в Боге — Бога
В женщине — равного мне чело<века>,
И с улыбкой ласковой и нест<рогой>
Говорить о себе как о бедном <поэте,> <?>*

У которого душа была очень красива,
(Но для него она была так обыкновенна!)
И который в позе крикливой
Разбил ее для новой перемены.

* * *

Я — негр, разбивший своего Бога;
Я горько плачу.
Какой идти дорогой,
Когда даль не маячит?!

Я сижу на ступенях храма,
Вижу — идут молиться...
О, прохожая бледная дама
Будь для меня царицей!

---

* Здесь и выше окончания стихов гипотетичны, так как край Л. 75 оторван.

А! Я ошибся — ты — ворон,
И ты будешь клевать мою душу?
Ты точно дьявол черен,
Эй, проходи: «Послушай!

Знаю, ты выглядишь белой,
Вижу, ты смотришь нежно.
И за ласку тела*
Буду** твоим неизбежно...

Но подумай, как больно
Снова разбить мне Бога...
Лучше — идти добровольно
Или — протащут дроги.

* * *

Все рушится, все погибает, все старится...
Драгоценные камни делаются мутными...
Каждый в себе самом замыкается,
Предается увеселениям минутным.

Никому нет дела до изящных безделушек,
До красивой вышитой ткани...
Говорят: «Все это игрушки,
Все это детская мания!»

И постепенно исчезают рояли,
Как исчезли когда-то клавесины;
И как когда-то короны упали,
Падает мечта в ровные низины.

Ничего не должно стоять высоко,
Все должно быть ровным, плоским, обыкновенным,
Все должны работать, трудиться без срока,
Все должны забыть о сладостных переменах.

ЛИРА

Я — не семиструнная золотая лира...
На мне две ржавых искривленных струны...
Не славлю я пурпур Сидона или Тира,
Не спорю я и в звуках с сияньем луны.

Я — инструмент уставший, найденный в подвале,
И тлением затронута одна моя струна...
Ей незнакомо солнце, ненавистны дали,
И старческой печалью наполнена она.

Другая же струна привыкла слишком к ночи,
И любит только сырость, мрак могил —

---

* Переправлено из "тело".

** Переправлено из "будет".

При красках дня — отчаянно хохочет,
Цинично дрыгает при музыке светил.

И вот печальный и смешной обломок
Колонн упавших и увядших роз,
Я лишь смотрю, как вдаль идет потомок,
Я лишь кричу от ярости и слез...

* * *

Ах, эти ночи — такие холодные!
Ах, эти дни — такие ненастные!
Ведь это старцы больные, бесплодные,
Зеленые женщины, худые, несчастные...

Коварные сумраки, пленители дремные!
Печальное утро совсем фисташковое...
Ведь это юноша с глазами томными,
Ведь это девушка с боа барашковым...

Луна шафранная, почти чахоточная;
От пьянства солнце совсем багровое,
Ведь это девочка с изящной тросточкой,
Ведь это мальчик с игрушкой новою...

А небо бледное, почти не синее,
Земля холодная, от пепла черная,
Ведь это — камень, покрытый инеем,
Ведь это — паперть собора горнего...

* * *

Вы ароматили, как роза чайная!
Вы были остры, как старый бри!
Моя хорошая, моя случайная,
Моя малютка и комбри!

Я вас любил, как любят устрицы
И вас исчерпал я до дна...
Моя хорошая, о, златоустица!
И мелодичная, как плеск вина!

Теперь я понял, что в вас, хорошая,
Что в вас, хорошая, нет жизни сил...
Теперь я понял, что сел в галошу я,
Что слишком много у вас просил!

НОЧЬ

Черные кошки бродили меж цветов
Черные кошки вдыхали ароматы,
Красные розы меж черных хвостов
Были похожи на блики заката.

Желтые розы струили свой аромат,
Фиялки дарили благоуханье,

Черные кошки лоснились, как агат,
И чувствовали сладкое страданье.

Они покачивали бархатной головой
И мурлыкали повелительно-нежно,
И покорные музыке неземной
Цветы оставались безмятежно.

Но вот был выпит весь аромат
И черные кошки медленно удалились,
И розовое солнце из синих врат
В облаке пыли появилось.

УТРО

Солнце — это маленькая девочка,
Оно побежало поцеловать цветок,
Заглянуть в водяную тарелочку,
Где колышется розовый лепесток.

У него масса дел на свете —
Ему надо куклолку согреть,
Первую улыбку ребенка встретить,
Спящие личико и плечи пригреть;

Заглянуть в темную конурку,
Поцеловать в носик пса,
И, скользнув по штукатурке,
Посмотреть, как нежится овца.

Солнце — милая деточка,
У него — розовый цвет лица,
Оно качается на каждой веточке,
Останавливается у каждого крыльца.

ПОЛДЕНЬ

Солнце, совершив злодеяние,
Умывало руки в пруде...
Оно встало сегодня пораньше,
Оно бежало сегодня по воде.

Надо было сжечь морские лилии,
Надо было сжечь и другие цветы —
Солнце теперь — соперник филина,
Оно ненавидит все мечты.

И земля, обшаренная его руками,
Стала серой и сухой,
И, довольное своими трудами,
Солнце отправляется домой.

ЗАКАТ

Вы знаете? Солнце умирает —
Оно совсем пьяно!
Оно головы не поднимает!
Его волосы красны, как вино.

Ах, как это красиво!
Надо сказать привести Люлю.
Взор солнца скользит по нивам,
Тщетно говорит: «Люблю!»

Но зачем тут маленький мальчик?
Разве хорошо ребенку видеть смерть?
И ребенок, пососавши пальчик,
Стал от скуки реветь...

И вот — вся недолгая повесть:
Бедное солнце давно умерло,
Но молчит проклятая совесть,
Но говорит, что смеяться — зло...

ЛЮБОВЬ

Голубая лютня сложилась из звезд,
Голубая лютня зазвучала в небесах...
Где-то заплакал серый дрозд,
Серый дрозд заплакал в кустах.

Тихо журчал прозрачный ручей,
Прозрачный ручей журчал меж скал...
Серый дрозд во мраке ночей,
Одинокий дрозд кого-то искал.

На зеленой равнине меж двух лесов,
На мрачной равнине рос цветок,
Серый дрозд под стоны сов,
Серый дрозд, приближается рок!

Полюбил ты цветок в тиши,
Ты прозрачный цветок полюбил.
Серый дрозд, ты нашел,— не ищи!
Бедный дрозд, твой час пробил...

Серый дрозд подходит к цветку,
Серый дрозд забыл о слезах,
Он забыл печаль и тоску,
Он оставил тоску в лесах.

Но свершается, свершается рок;
Приближается, приходит день...
Серый дрозд любить не мог,
Серый дрозд уходит, как тень...

И распалась голубая лютня из звезд,
Голубая лютня не звенит в небесах,
Где-то плачет серый дрозд,
Серый дрозд изнывает в слезах...

* * *

Ах, какая у нас елка!
Как много на ней огней!
Есть дедушка белый с метелкой,
Есть звездочка небесной светлей.

На ветках качаются орешки,
Золоченые, как яблоки в райском саду,
Есть мальчики с железной тележкой,
Есть лебеди в стеклянном пруду.

Моя нянюшка рассказывала сказку,
Говорит: «Ночью придет дед,
Он принесет тебе за послушанье ласку,
Зеленый трехколесный велосипед».

А завтра мне дадут конфеток,
Шоколаду и пряничных коз,
Мне тетя подарит каретку,
На ней я буду ездить в мороз.

А теперь заснуть скорее надо,
А то рассердится белый дед,
Не принесет мне мармеладу
И оставит для себя велосипед...

* * *

Я купила себе красной герани
Мне никто уж не приносит цветов,
Я достала шаль из Испании,
Ведь надо приодеться под Рождество.

Я купила немного орехов
Немного шоколадной халвы,
И сказала с тяжелым смехом:
Всё прошло, всё прошло — увя...

А затем засветила елку,
Посмотрела на серебряную звезду
И заплакала, заплакала втихомолку
По несвитому мещанскому гнезду.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Сегодня колокола сами собой зазвонили! —
К ним давно никто не подходил.
Сегодня ворота сами отворились! —
В них кто-то незримый подкатил.

Огромное солнце радостно засмеялось;
Лимонные деревья зацвели,
И в море, где волны качались,
Появились потонувшие корабли.

Огромная мраморная Венера
Сошла с пьедестала на луга,
В лиловых горах и пещерах
Растаяли холодные снега.

Рукой от солнца закраснелой
Натягивает Аполлон свой лук;
На камень пастушка села,
Ждет, не придет ли друг.

Из леса появляются дриады,
Кричат: «Великий Пан воскрес!»
Цветы и травы — все — рады,
И звонко смеется лес.

Везде исчезли туманы,
Всюду раскинулись сады,
И наливаются рукою Пана
Золотистые, румяные плоды!

МУЗЫКА

Есть звуки алые и голубые;
Есть звуки с свежестью прозрачных смол;
Есть звуки добрые и злые;
Есть звуки гладкие, как стол.

Есть звуки тяжкие, как камень;
Есть звуки тонкие, как спиц;
Есть звуки жаркие, как пламень
Незабываемых страниц.

Есть звуки пряные, как мускус;
Есть звуки горькие, как яд;
Есть звуки острые, как уксус;
И — нежные, как аромат.

И звуки могут дать картину,
Нарисовать игру теней,
Дать выход солнцу из низины
И ароматы вызвать в ней!

ЛУНА

Луна всё еще молода,
Луна всё еще сияет в небесах!..
Для нее ничто года. —
Они не отражаются на белокурых волосах.

Ее не трогают [свежие] сырые ветры,
Не портит человеческая рука —
У ней есть платье и шляпа из фетра —
Ее голубые мягкие облака!..

Но в глубине — она очень страдает,
Ведь она видела все века...
И она часто, часто рыдает,
Закутавшись в голубые облака.

И она любит только руины,
Только обломки колонн
И часто, спустившись в низины,
Слушает похоронный звон.

И, найдя какой-нибудь череп,
Она заглядывает ему в глаза
И, прошедшее время измерив,
Закутывается в свои волосы.

И ей делается как будто легче —
Ей кажется, что не прошли века
И, прижав череп крепче,
Она снова уносится в облака.

Но утро протягивает руки,
Луна видит свой обман,
И, испытывая последние муки,
Скрывается в туман.

КОЛИЗЕЙ

Колизей, этот огромный череп,
Никому ненужный остаток,
Никогда не увидит ни одного зверя,
Ни одного человека в латах.

Он напрасно скалит свои зубы —
Он никого не испугает,
Он ведь не огненный Везувий —
Он ничего не извергает.

Он должен лежать спокойно,
Улыбаться и показывать свои раны,
А солнце нехорошее и знойное
Открывает над ним свои краны.

Только ночью, когда все засыпает
И появляется бледная Геката,
Череп шевелится и удлиняется,
Хочет уйти куда-то...

Но его усилия напрасны —
Он не успевает уйти далеко,—
Солнце злобное и красное
Появляется с востока.

Но когда-нибудь две луны
Появятся на ущербе,
И полный тишины
Череп закачается в небе!

ГОРОД

Солнце, похожее на лицо мертвеца
Медленно багровело...
Город, как огромная каракатица,
Двигал своим серым телом.

Сдвигались и раздвигались стены домов
И ощупывали каждого прохожего —
Не несет ли освобождения из оков
Томящимся по зеленому подножию.

И, найдя заветную мечту,
Злобно смеялись и раздавливали.
И, выстроившись в версту,
Кричали: «Вы довольны, не правда ли?!»

* * *

О, собака! — Собака Содомы
С розовыми щеками и задумчивым взглядом,
Ты сидишь вечно в запертом доме
Со своей кокетливой хозяйкой рядом.

Бедная, бедная весталка! —
Ты никогда не знала ласки,
И мне жалко, безумно жалко
Твои страдающие, молящие глазки.

Они всегда мечтают о других собаках,
Которые живут, как им угодно,
И, роясь в уличных клоаках,
Сходятся со всеми свободно.

О, бедное анемичное создание
Древних культур и благородной крови! —
В тебе дремлет неутолимое желание
Насладиться обыкновенной собачьей любовью.

И в долгие, зимние вечера у камина
Ты сидишь и, тоскуя, смотришь на пламень,
В то время как пьет какие-нибудь вина
Твоя единственная хозяйка и дама.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

Коля колоколами колокола колотит.
Звон зловонная трава издает.
Ночью стрекозы с стрекозами стрекочут,
Обязанный лыком мурлычет кот.

На зло злая лает собака.
Кукушка кукует ку-ку в кустах.
Свежестью веет ветер в злаках.
Трелью свирелится свирель пастуха.

* * *

Из высоких, обвитых розами окон
Плывут оранжевые атласные лучи.
Перед зеркалом сидит Аполлон —
Его лира [уж] давно не звучит.

О, он сильно изменился с тех пор,
Он не думает больше о лучах,

Стал печальным и мутным его взор
От вина и танцев на балах.

Он сидит в белокуром парике
И пудрит пожелтевшее лицо...
Мелкие жилки бьются в виске,
Его спина согнута колесом.

Выхоленной рукой в тонких кружевах
Он держит табакерку из кости.
О, амврозия, божественная пища, прости!
Ты превратилась давно в прах.

О, боги музыки, стад и полей,
Вам даже ячменной лепешки не принесут...
Ваши лица стали солнца желтей —
Рука времени творит над вами суд.

* * *

О, Бодлер! мой царственный любовник,
Умирающее дитя многих веков,
Ты не променяешь скрежет зубовный
На обыкновенную сладкую любовь.

Ты, влюбленный в сказочное великолешие,
Живший во всех веках,
Хранишь в себе, как в огромном склепе,
Истлевших предков черепа.

Верный паж парижских бульваров,
Ты, как китайка, тоскуешь по рисовым полям.
И, возвращаясь из какого-нибудь бара,
Насмешливо возводишь очи к небесам.

И с печальной [улыбкой] усмешкой спотыкаясь о камень,
Ты шепчешь: «Какой я странный паяц...
Во мне живет могучее пламя,
Которое дороже мне всех палацц!»

А дома тебя ждет твоя Венера*,
Которая шепчет: «Вы пришли, великий поэт!
Спуститесь скорее в наши сферы,
Не то простынет ваш обед!»

И, оторванный от своих мечтаний,
Ты ждешь, пока останешься один,
Чтоб выпустить в белые туманы
Зловещих призраков из своей груди.

---

* Жанна Дюваль.

* * *

«Есть пурпуровая страна —
страна безумия»

Боже, какая мука!
Ко мне сегодня никто не приходил,
Ко мне Клеопатра не протягивала руки,
Не плакал в пустыне крокодил.

Весь мир стал жалок и тесен,
Никто не смеется и не поет,
Все стены покрыла плесень,
Весь мир молчаливо гниет.

Что, что мне сделать с собою,
Чтоб снова появились корабли!
Чтоб снова повеяло зноем
С неведомой пурпуровой земли?!

Какие ядовитые дурманы?
Какие снадобья взять?
Чтоб скрылась скользких туманов,
Проклятых туманов рать.

Но кругомжимают плечами —
Какое им дело до моей земли...
Они не верят моим печалям!
Не верят, что потонули мои корабли!

* * *

Я тоскую по умирающей мебели,
По огромным, глубоким зеркалам,
Где, как в голубой колыбели,
Спят моей тоски колокола.

О, душа! С тобой говорит воспоминание...
Ты слышишь, как вздыхают цветы?
Но ты не можешь поплакать даже на диване —
Твой взор скользит по стенам пустым.

Так давно проданы фарфоровые статуэтки,
И причудливые картины не глядят из рам,
Только остались пыльные метки
Да в углу лежат поломанные веера.

[Как же жить мне без длинных окон,
Без высокого расписного потолка
Или выйти на улицу и, измокнув,
Слушать, как бьется в виске тоска?..]

ОПИОФАГ

(Из моего будущего)

Медленно двигалось шествие арапов,
Задумчиво несла матрона обезьянку,
Тонкая собака скучающе подымала лапы,
Опахало из павлинов несла негритянка.

Куполом из розового шелка казалось небо,
Поля были похожи на синеватый бархат.
Солнце расточало лучи великолепий,
Причудливые статуи смотрели из арок.

Меланхолическое пение несло из леса,
Цветы раскрывались, издавая жужжанье,
Гроты служили торжественную мессу,
Травы, изогнувшись, занимались воркованьем.

[Я, пожилой человек, лежал на диване,
Пил ароматный аравийский кофе,
Сладко жег дни в ядовитом дурмане,
Странствовал по Азии, Африке и Европе]

Но внезапно подул холодный ветер,
Черные хлопья стали бить мое тело...
Я стал плакать, молить о свете,
Но какие-то сети меня завертели.

Что было дальше — я не помню,
Только мне стало тоскливо и больно,
Сердце сделалось тяжелым и огромным,
Как язык на башне колокольной.

ЛЕБЕДЬ И ЗМЕЙ

Голубое озеро нежно улыбалось,
Его целовало утреннее солнце.
Оно резвилось и всюду бросало
Причудливые розовые червонцы.

Зеленые ели шелестели ветвями.
Их ласкал свежий утренний ветер,
Сочная земляника росла под кустами,
Все говорили: «Хорошо жить на свете!»

Но вот на озере появился лебедь.
Какое красивое пятно на синем фоне!
Ему надоело летать в небе
И слушать, как звезды состязаются в звоне.

Ах, лебедь, лебедь! ты многого не знаешь,
Зеленый змей бежал сегодня из зверинца,
Он голову под камышами подымает,
Он хочет услышать, как поет белая птица.

Он музыки давно не слышал —
Ему никто не играет на свирели...
Ему надо пение услышать —
Оно, наверно, успокоит и согреет.

Но плывет по-прежнему белый лебедь,
Он петь совершенно не умеет.

Он плавает по озеру, как в небе,
А змей всё более и более свирепеет.

Но запоешь ли ты, проклятая птица?
Или я задушю своим объятьем!
Белый лебедь стал биться,
Но сумрак начал приближаться.

И от ужаса запел белый лебедь
Свою первую и последнюю песню,
Как он плавал в широком небе
И летал в поднебесьи.

* * *

Ты слышишь музыку красок?
Ты знаешь — ароматы цветов?
Ведь синий цвет так тих и неясен,
Он нежно [звучит с облаков] ласкает цепь облаков!

Ты различаешь — зелени стоны,
Когда она с розой помещена?
Ты слышишь — болезненные звоны? —
Она хлорозом и немочью больна!

Ты чувствуешь — цвет сирени,
Самый печальный, дряхлающий цвет —
Он звучит музыкой умиротворенья,
Он заживляет раны прежних лет.

А золото? ты помнишь позолоту,
Из которой грустно глядят зеркала?
Это голос состарившегося мота,
Это печальные аристократические колокола.

Да, краски, музыка и ароматы
Переплетены незримо между собой,
И я люблю пурпур заката,
Который, как пьяница, трубит трубой?

РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Сегодня какая-то печаль сосет мою душу...
Муза, поговори со мной об ароматах...
— Откроем окно, здесь душно,
И полюбуемся на лучи заката!

— Ты знаешь город с запахом нарда,
Где люди черны и стройны, как кипарисы?
Или тебя влечет, как северного барда,
В страны левкоя и нарцисса?

Может быть, ты хочешь увидеть смокву,
Которая золотится, как глаза тигрицы?
Или надеть современный смокинг
И пойти куда-нибудь повеселиться?

Муза! Брось издеваться...
Видишь — я совсем болен...
— Ну что ж? В минут двадцать
Мы опишем воздух колоколен.

* * *

О, Петроград, ты бледен и задумчив, как Пьеро —
От тебя отвернулся Запад, твоя Коломбина...
Как печально смотрят дворцы с разбитым стеклом
И дверями, что снегом заколотило.

Как медленны и тусклы воды Невы!
Как грустно рыдает она в своих [устоях] пределах,
Так шепчет любовница последнее «Увы!»,
Покидая возлюбленного тело.

Как слабо доносятся колокола.
Как медленно качаются они в своих устоях...
Так движутся старухи, опираясь на костыли,
Окидывая все улыбкою пустою.

О, Петроград, великая столица,
Я не знаю, воскреснешь ли ты когда-нибудь,
Но мне хочется и верить и молиться,
Чтобы вернуть тебя на жизненный путь.

* * *

Есть стихи душистые, как амбра,
Есть стихи пурпурные, как нард,
Есть стихи золотые, как альгамбра,
И печальные, как цветики мансард.

Есть кудрявые, как детские головки,
Есть прозрачные, как крылья мотылька,
Есть тревожные, как мышки в мышеловке,
Есть прохладные, как ласка ветерка.

Есть стихи, как воды водопада,
Очень быстрые и шумные стихи,
Есть тяжелые, как горная громада,
Где от скуки умерли и мхи.

Стихи — душа умерших поколений,
В будущем — спасительный маяк,
Нам не сосчитать твои ступени!
Не найти предел в твои края!

* * *

Кроме музыки, в стихе должны быть краски,
Кроме пения, в них нужен и пейзаж,
Ведь стихи — причудливые маски,
Что, жеманясь, смотрят сквозь трельяж.

Есть стихи — огромные картины,
Есть стихи — тончайшие ковры,
Где из шерсти и из шелка арлекины
То смеются, то тоскуют для игры.

Как парчу, стих можно вышить
Зеленью, и золотом, и серебром,
Или выложить мозаикой как ниши,
Где мадонны выглядят старо.

К ТОЛПЕ

Подайте немного любви и лазури!
Я стосковался по чечевичной похлебке...
Я дешево отдам облака пурпурные,
Запечатанные в золоченые коробки!

Или может быть, вы купите агатовые?
Они черны, как печь среди кипарисов!
Заходите в мой балаган богатый?
Заходите, почтеннейшие лица.

Вы найдете здесь ароматы юга
Или вам нравится жизнь востока?
Вот направо северная вьюга
С днем коротким и ночью без срока.

Выбирайте! Я хочу стать человеком,
И распродаю короны и платья,
Разрешите обогреться от вершинного снега,
Мне так захотелось вашего счастья.

ИСКУССТВ<ЕННЫЕ> ЦВЕТЫ

Есть цветы, что тоскуют по жизни,
Это вышитые на мебели цветы,
Они с печальной, щемящей укоризной
Несут свои тяжелые, невыносимые кресты.

Они знают, они чувствуют, что они печальны,
Что они для жизни совсем не нужны,
Что у них нет и не будет дали,
Что они от колыбели смерти обречены.

И когда появляются* летние недели,
Они выцветают, но не могут расцвести,
Они слышат соловьиные трели,
Но знают — птицы не будут на них смотреть.

И, как забытых мертвецов, их никто не поцелует,
Их лепестки не приведут в восторг дня <?>,
К ним бабочка не прилетит, балуясь,
Не вскочит жук, надкрыльем шелестя.

---

* Сверху карандашом написано: "наступали". — *Рег.*

* * *

Милостивый государь солнце
И милостивая государыня луна!
Загляните в мое оконце:
Здесь царствует могильная тишина.

Посмотрите, здесь одни руины,
Здесь тени других людей,
Удалите туманы из низины,
Вызовите цветы из ветвей.

Вы ведь так могучи,
Вы ведь всеисильны, солнце и луна,
Будьте добры, прогоните тучи,
Пробудите меня от сна.

ГОРОДСКОЕ УТРО

Какое туманное утро сегодня,
Какой дряхлый будет день.
Это солнце, проклятый сводник,
Заставляет цвести сирень.

А к чему над мокрым тротуаром
Ей качаться, качаться и цвести?
Для того ли, чтоб в пьяном угаре
Мог прохожий сорвать и унести?

Или для счастья оборванной малютки?
Или для проститутки она растет?
Это — солнце играет в шулки,
Этот странный багровый идиот.

* * *

Ты — раковина неведомого моря,
Сохранившая моря прибой,
Ты вечно с землею споришь,
Ты вечно готовая на бой.

В твоих розоватых извивах
Сохранились свежесть и ароматы волны,
И ты воспоминаньями жива,
Которые другим не нужны.

А я, как смешной обломок,
Упавший с неведомой высоты,
Буду искать среди Содома
Покинутые лазоревые следы.

Ты с каких остров<ов> Лесбоса,
Дорогая, ко мне пришла?
Твои волосы еще в росах,
Твои губы жгут, как игла!

Ты кому дарила ласки,
Не мужчине, конечно, в эту ночь,
Ты глядишь кругом с опаской,
О, Лесбоса красивая дочь!

Но не бойся, моя невеста,
И мужчина может женщиной быть,
Может слиться с тобою тесно,
Может так же тебя любить.

СИМФОНИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Ландыш всюду носит запах леса,
От него нельзя отнять его аромат,
Который похож на лунный блеск,
На шерсти черных новорожденных котят.

Ели с красными, лубочными шишками
И сосны с серой, твердой корой,
Конечно, не замечают, как под их верхушками
Меж придорожной травы распускается мир иной.

Но когда отымают солнце блики,
И луна кого-то ищет в посеребренной траве,
Разве не слышны стоны и крики,
Которые несутся в почерневшей листве.

О, луна отнимает все соки,
Делает хрупкими за призрачный аромат,
И ландыш молит сосны высокие
Не доверяться ласкающим голубым лучам.

РАЗУВЕРЕНИЕ

Металлические листья, освещенные электричеством,
Искусственная роза и мертвый георгин —
Вот что осталось от прежнего величия,
Вот, что сохранилось от прежних глубин.

Как постепенно все скудеет...
Серебро и фосфор теряет луна.
Жизнь из живых делает мертвыми орхидеи,
Слишком близко стоящие у окна.

А экстазы, которые обольщали;
Разве вернуться они когда-нибудь?
Они дают вместо радости печали
И сознание, что пройден наш путь.

* * *

Тебе знакомы экстазы эфира,
Похожие на желтые металлические листы,
Которые колышатся на стеблях из порфира,
Ожутанных дымом густым.

Они благоуханны, но молчаливы,
Эти экстазы не спорят и не кричат,
Им чужды бешенство и похотливость,
Они не устремляют на мир свой взгляд.

Они по незримой, ласкающей лестнице
Заставляют восходить твоё «я»,
И тебе открывается мир чудесный,
Перед которым бледнеет мечта твоя.

И пусть говорят, что это безумие,
Что нельзя жизнь отдавать за миг,
Но мы знаем, что лгут разумные,
Что наш путь более велик.

* * *

Если юноша влюблен в фимиам,
В воду из пахучих черных роз,
Красит щеки и губы румянами,
Это не значит: «Он полон поз».

Это не значит, что роль Ганимеда
Он намерен скоро избрать;
Взоры уводит за собою следом
Женственной походкой и покачиваньем бедра.

Может быть, в крови он носит
Частицы древних умерших рас,
И запах пудры его уносит
В страны, где жатвы собирают не раз.

А синеватые переливы фимиама
(В нас они вызывают воспоминание о воздухе куполов)
Ему нашептывают о старинных храмах,
Где какой-то предок молил богов.

И теперь в тоскливый вечер,
Он нарумяненный бродит один,
И в обыкновенной наружной трещине
Видит трещину в своей груди.

РОССИЯ

Полуженщина и полумужчина,
Полуребенок и полубог,
Ты пройдешь над землею в овчине,
Как неведомый, незнаемый Бог.

Над Тобою будут смеяться,
И в Тебя будут плевать,
Но начнут звезды шататься
И из гнезд выпадать.

И однажды, в ночь глухую,
Под лепеты, трепеты звезд,
Все люди по Тебе затоскуют
И скажут: «Пришел Христос».

Но они ошибутся, конечно,
Ты не великий и светлый Бог,
И мы снова в тоске бесконечной
Будем валяться у чьих-то ног.

Н. С. Гумилев

Письмо к Е. Р. Малкиной

Публикация М. Д. Эльзона

По воспоминаниям И. В. Одоевцевой (о степени достоверности которых имеются различные суждения), «Машенька» в стихотворении Гумилева «Заблудившийся трамвай» первоначально именовалась «Катенькой»¹. Отсутствие упоминаемой редакции ставило это свидетельство под сомнение, однако публикуемое письмо (ИРЛИ. Р. 1. Оп. 5. Ед. хр. 586) подтверждает его правдоподобность.

Адресат письма, Екатерина Романовна Малкина (1899—1945), дочь редактора — издательницы журнала «Юный читатель» Анны Яковлевны Острогорской, родилась в Царском Селе. Филолог по образованию, Е. Р. Малкина служила редактором в издательствах (в частности, редактировала «Автобиографические записки» А. П. Остроумовой-Лебедевой), преподавала в вузах. В сфере ее интересов как литературного критика были проза и поэзия 30-х—40-х годов, основные же работы посвящены Маяковскому и, главным образом, Блоку². Ее докторская диссертация «Драматургия Александра Блока» осталась незащищенной: всю войну проведя в Ленинграде, работая в Союзе писателей, в радиокомитете, в газетах, выступая с чтением лекций (в том числе в госпиталях), Е. Р. Малкина трагически погибла в первые дни победного сорок пятого, накануне защиты диссертации³. По

¹ См.: *Одоевцева Ирина*. На берегах Невы. М., 1988. С. 273.

² Краткую библиографию см.: *Писатели Ленинграда*. Л., 1982. С. 199-200.

³ Сведения о якобы состоявшейся защите, содержащиеся в сборнике «Пушкинский Дом» (Л., 1982. С. 261. № 212), ошибочны.

одним сведением, она стала жертвой ограбления, по другим — это было политическое убийство (вероятнее первое). Некрологи Е. Р. Малкиной, различающиеся и текстами, и подписями, были опубликованы в «Литературной газете» (1945, 27 января) и в «Ленинградской правде» (1945, 7 января). Первые три подписи в обоих некрологах идентичны: А. Ахматова, О. Форш, М. Лозинский.

«Память сердца» Е. Р. Малкиной о Гумилеве оказалась «сильней рас-судка памяти печальной». В 1934 или 1935 году, будучи аспиранткой Государственной академии искусствознания и работая над кандидатской диссертацией «А. Блок в первые годы реакции» (защищена в 1938 году), Е. Р. Малкина, занимаясь в библиографическом семинаре А. Г. Фомина, составила указатель «Н. Гумилев. Произведения (поэзия, проза, публицистика) и критика о нем»⁴. Крайне скромный по объему (всего 78 номеров), составленный исключительно по библиографическим источникам (книги И. В. Владиславлева, Н. И. Мацуева, И. Н. Розанова и др.), этот указатель, тем не менее, был в течение десятилетий единственной, хотя и «невостребованной», персональной библиографией поэта⁵.

Вещественной памятью о поэте остались «Фарфоровый павильон» (1918) с инскриптом на шмуцтитуле: «Е. Р. М. Когда она родилась, ноги / В железо заковала ей / И стали чужды ей дороги / В тени нависнувших ветвей. Н. Г.»⁶ и публикуемое письмо. Оно является ответом на, очевидно, утраченное письмо Е. Р. Малкиной к Гумилеву и, судя по упоминаниям «Всемирной литературы» и «Ариона», относится к сентябрю-октябрю 1918 года. Письмо сохранено и передано в дар Пушкинскому Дому Т. Е. Острогорской. К нему приложен конверт (без почтового штемпеля) с надписью:

«Екатерине Романовне Малкиной.
В. О., 11 линия, д. 34, к. 77.»

Екатерина Романовна,

Случилось то, чего я никак не мог предполагать: Вы меня в чем-то упрекаете в Вашем письме. Я не совсем понял, может быть, побоялся понять его среднюю часть. Для ясности восстанавлю события того дня. Я шел к Вольфу, ничего не думая, просто очень радуясь, что увижу Вас¹. Когда мы встретились, и Вы сказали мне о холоде, у меня замелькали тысячи планов: пойти в Исаакиевский собор, но я не знал, откроется ли он, во «Всемирную литературу», там масса знакомых, в Музей Древностей², это далеко, и т.д. И вдруг я вспомнил, что на Гороховой есть приличная тихая гостиница, где я часто останавливался, приезжая с фронта и из-за границы³. Я думал достать там дров и посидеть перед камином, как в Арионе⁴. Ничего странного или предосу-

⁴ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 245.

⁵ Достойно упоминания, что он зафиксирован в указателе В. Крейда «Гумилев» (1988).

⁶ Цитата из стихотворения «Дорога» с заменой (в книге — «склонившихся») (см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 82, № 742); в настоящее время находится в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме в составе большей части коллекции.

дительного я в этом не видел, не вижу и теперь. Наоборот, этот тихий и скромный отель напоминал мне отели константинопольские, афинские и каирские и как-то краем предвосхищал мою мечту о поездке с Вами на Восток. В комнате я несколько раз пытался достать дрова, но неудачно и тогда только предложил перейти рядом, где ведь действительно было теплее и удобнее. Вы написали и о моем огромном усилии воли, и о Ваших колебаниях, которые я, конечно, видел. Приходило ли Вам в голову, что мое усилие воли я направил только на себя и в Ваших колебаниях стал на сторону Вашего теперешнего решения? Нет, очевидно, я просто не понял всей средней части Вашего письма.

Все эти дни я ждал, что Вы подадите мне весть о себе, и мы встретимся. Я прекрасно знал, что Вы скажете «нет» и почувствовал, что это «нет» будет для меня ослепительнее и нужнее самого ясного «да». Огненное искушение, о котором говорит апостол Петр, предназначено мне, а не Вам⁵. Я отлично знаю, во имя чего и любовь, и поэзия, и жизнь — это та вершина, которая венчает все мое творчество. Да, Вас бы я мог любить, ничего не ожидая и получая безмерно много для духа.

И вся первая часть Вашего письма не жестокость (как Вы думаете), а светлая милость.

Я писал о Вас стихи, когда говорил, представлял себе, что Вы тоже меня слушаете, и говорил хорошо. Никогда еще я так не радовался солнцу, как вчера, мне казалось, что оно светит только для Вас. Я думал, как радостно мы встретимся, как я Вам расскажу о том чудесном новом — или только забытом — чему научили меня Ваши глаза и Ваше «нет». И я верил, что Вы захотели бы и стали меня слушать.

Но Вы слишком ясно дали мне понять в письме, что Вам тяжело со мной встречаться, хотя Вы на это «согласны». Я так причинил Вам много боли. Но, правда, если я виновен, то лишь в том, что не до конца понимал тютчевское стихотворение: «Не верь, не верь поэту, дева». Теперь я его понял и скрываюсь. Мы встречались только в Арионе, я не буду туда ходить. Это только справедливо. Мне по вечерам следует работать, Вам — отдыхать после дневной работы.

Однако, я думаю, было бы много лучше во избежание всяких предрассудков и догадок встретиться еще один раз там же и провести полчаса в одной компании. Сделаемте это завтра: я не буду Вас тревожить разговорами, буду прост, болтлив и скоро уйду. К тому же, так как я не могу от Вас чего-нибудь скрывать, мне мучительно хочется увидеть Вас еще один раз, хоть и в последний.

Н. Г.

217

¹ Имеется в виду книжный магазин Товарищества «М. О. Вольф» (Невский пр., 13), где, очевидно, в это время служила Е. Р. Малкина.

² Музей антропологии и этнографии АН СССР им. Петра Великого (см. о нем в стихотворении Гумилева «Абиссиния»: «Есть музей этнографии в городе этом...»).

³ В дневнике П. Н. Лукницкого зафиксирован разговор с Л. М. Рейснер, в котором тоже фигурировала некая гостиница (см.: *Лукницкая Вера*. Николай Гумилев. Л., 1990. С. 191). Но поскольку в это время на Гороховой было четыре гостиницы: «Биржевая» (д. 14-26), «Европа» (д. 59), «Центральная» (д. 73) и «Палермо» (д. 75), невозможно определить, какая именно имеется в виду.

⁴ «Арион» — поэтический кружок, объединивший В. А. Рождественского, В. А. Злобина, Д. Л. Майзельса, Г. В. Маслова, Н. А. Оцупа, Е. М. Тагер, В. М. Травуса и др. В октябре 1918 года вышел одноименный сборник стихов, отрецензированный Гумилевым в «Жизни искусства» (1918, 1 ноября). В библиотеке ИРЛИ хранится экземпляр сборника с дарственной надписью рукой В. А. Рождественского: «Николаю Степановичу Гумилеву — благодарный „Арион“. 25 окт. 1918 г. СПб.» (рецензию и комментарий см.: *Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии*. М., 1990. С. 206-210, 336-338).

⁵ См. «Первое Соборное послание святого апостола Петра»: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (4, 12—13).

Игорь Северянин

Письма к С. И. Карузо (1931—1940)

Публикация Л. Н. Ивановой

25 июня 1984 года на имя посла СССР в Австрии М. Т. Ефремова было отправлено письмо следующего содержания:

«Уважаемый Михаил Тимофеевич!

Моя жизнь сложилась так, что вот уже более 60-ти лет я живу за границей. Но и прожив жизнь вдали от Родины, я остаюсь русским человеком. Моя любовь к России так велика, Родина моя всегда в моем сердце. С глубоким интересом я воспринимаю все, что происходит в нашей стране, знаю, как и чем она живет. Всегда любила и читала книги русских и советских писателей, знаю, как бережно относятся наши люди к истории России, к ее литературному наследию.

В жизни моей была замечательная встреча: в 1915 году в Харькове я встретила с Игорем Северяниным. Наше знакомство, наша переписка продолжалась до самой его смерти. Все его письма я сохранила. Это личная переписка, но я думаю, что и она в какой-то степени поможет понять чувства и настроения этого русского поэта, понять смысл его жизни в эмиграции, тем более, этот период его жизни и творчества почти неизвестен.

Я надеюсь, что эти письма могут быть свидетельством того, что И. Северянин никогда не был среди врагов Советской России. Даже в самые тяжелые годы его жизни он оставался русским человеком, русским поэтом, человеком, который всеми силами старался привлечь интерес окружающих его людей к русской поэзии, литературе, искусству.

Письма эти дороги для меня. И на склоне моих лет я хочу эту дорогую для меня реликвию передать в дар моей Родине как дань безграничной любви и уважения к ней.

Софья Ивановна Ставрокова-Карузо».

В ответном письме посла от 18 июля 1984 года помимо благодарности «за дорогой подарок нашей стране» имелось сообщение: «Переданные Вами материалы направлены нами в Академию Наук СССР с просьбой передать их в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) <...>».

Таким образом, фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома пополнились тридцатью четырьмя письмами Игоря Северянина за 1931—1940 годы и сборниками стихов с пометами автора и владельческими записями: «Классические розы» (Белград, 1934), «Громокипящий кубок. Поэзы» (изд.

4. М., 1914) и «Златолира. Поэза. Книга вторая» (изд. 2. М., 1914) (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 468—471)¹.

Софья Ивановна Ставрокова родилась 23 июня 1893 года в Ялте в семье земского судьи. Затем жила в родительском имении в Тирасполе. Образование получила в Харьковском институте благородных девиц и на Высших женских курсах в Москве, где в студенческих кругах встречалась с братьями Бурлюками и Маяковским. Увлекалась поэзией, в том числе Игоря Северянина. «Он был кумиром молодежи на заре декадентства,— вспоминала Софья Ивановна в 1984 году.— <...> Я видела, как после одного из концертов в Политехническом университете, после восторженного приема, студенты и студентки вынесли его на руках».

В 1913 году Софья Ивановна вышла замуж за офицера Александра Григорьевича Карузо (1880—1946), выходца из семьи давно обрусевших итальянцев, переехала с ним в Харьков, где родила сына Игоря (1914—1981).

В Харькове и состоялось ее мимолетное знакомство с Игорем Северяниным, совершавшим поэтическое турне. «В 1915 году он приехал вместе с Виктором Ховиным, сотрудником литературного журнала «Очарованный странник». В. Ховин издавал этот журнал и ездил с И. Северяниным распространять русскую литературу².

После одного из концертов открылась дверь в артистическую, знакомый сказал: «Если Вы хотите познакомиться с Северяниным — можете заходить». Я зашла с книгой в руке «Громокипящий кубок» — меня представили ему, и он подписал книгу.

¹ Деятельное участие в передаче архивных материалов приняла Алиса Эдуардовна Кухар — председатель венского советско-австрийского общества «Родина», членом которого состояла С. И. Карузо. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность К. М. Азадовскому, взявшему на себя труд в марте 1992 года встретиться в Вене с А. Э. Кухар и получить от нее приводимые в статье биографические сведения о С. И. Карузо, а также ссерокопии некоторых документов и фотопортретов, хранящихся в семье ее внучки — Александры Карузо. Первое сообщение о письмах Северянина с публикацией нескольких фрагментов принадлежит Г. И. Евдокимовой (см.: «Голос Родины». 1988. № 15, 18). См. также публикации Л. Н. Ивановой: «Мечтавшей скрестить наши разные, опасные наши стези...» // Час пик. 1993. 15 декабря, № 49; Игорь Северянин. «Я живу в прелестной местности...» // Вышгород. [Таллинн]. 1994. № 1. С. 113—118.

² Ховин Виктор Романович — литератор, редактор издания эгофутуристов «Очарованный странник» (Пг., 1913—1916), где печатался и Северянин. В последнем номере журнала (1916, № 10) Ховин опубликовал статью «Открытое письмо Виктору Ховину» — «покаянное отречение от Игоря Северянина», отошедшего от футуризма. Участник литературных турне Северянина по югу России 1914—1915 годов, Ховин вспоминал: «В течение двух лет был я тогда постоянным спутником Игоря Северянина. В Петербурге, в Москве, в провинции читал я лекции на его „поэзоконцертах“, так что это дало даже повод какому-то столичному фельетонисту назвать нас Мюр и Мерилизом, Бликген и Робинсоном, Штоль и Шмидтом.

Эти годы наших совместных выступлений были годами, когда Северянин завоевывал себе свою поэтическую корону» (Ховин В. Игорь Северянин. (Немного воспоминаний, немного характеристики) // Наши огонек. [Рига]. 1925. № 15. С. 14).

После 1917 года Ховин издавал в Петрограде журнал «Книжный угол» (1918—1919, 1921). Со второй половины 20-х годов жил в Париже, где в издательстве «Очарованный странник» выпускал серии «Беллетристы современной России» и «Библиотека поэта». О начале эмигрантской жизни Ховина см. его письма 1924—1925 годов к Д. А. Лутохину из Риги и Парижа (ИРЛИ. Ф. 592. Ед. хр. 259).

Приезд Игоря Северянина в Харьков повторялся несколько раз. Я всегда посылала ему цветы. Была еще одна встреча с И. Северяниным. После концерта встретились, он сказал: „Я пишу Вам письмо“. И, как я поняла потом, это были стихи. Уже будучи в эмиграции, в одном из писем поэт сообщил мне, что в память о нашей встрече он написал стихи „Лилия в море“³.

Предположительно, в 1920 году С. И. Карузо с мужем и сыном выехали из России. Сначала в Румынии, а затем в Бельгии (где удалось устроить сына в интернат), не имея средств к существованию, семья жила случайными заработками, соглашаясь на любую работу.

Живя в Брюсселе, в феврале 1931 года Софья Ивановна прочла в газете о парижских выступлениях кумира своей молодости — Игоря Северянина, наудачу послала ему письмо в Париж и, к удивлению, получила ответ: «Я искренне рад, что Вы спаслись, что Вы живы. Я часто за эти годы вспоминал Вас, мне очень хотелось Вас найти <...>» (25 февраля 1931). Завязалась переписка, но встретиться им больше не довелось.

В 1939 году сын Софьи Ивановны Игорь приехал в Эстонию, женился на эстонке и, по просьбе матери, встречался с Игорем Северяниным. В сороковые годы Игорь Карузо переехал в Австрию, где позднее стал ученым-психоаналитиком, профессором Зальцбургского университета, автором более двухсот научных трудов, многие из которых переведены в разных странах⁴. После смерти мужа С. И. Карузо переехала к сыну. Последние годы своей жизни провела в Вене с внучкой Александрой, единственной дочерью Игоря. Скончалась С. И. Карузо 17 мая 1985 года.

Эти скудные биографические сведения, к сожалению, мало говорят о человеческом облике адресата Игоря Северянина, тем более что ответных писем обнаружить не удалось, но обращенные к Софье Ивановне письма существенно дополняют наше представление о жизни и творчестве поэта в последнее десятилетие.

Как известно, увозя в январе 1918 года больную мать из голодного Петрограда в давно знакомый эстонский поселок Тойла, Северянин не имел намерения покинуть родину, одарившую его к тому времени «поэтической короной» (в феврале того же года он был избран в Москве «королем поэтов»). Но в марте по условиям Брестского соглашения произошло отделение Эстонии от России, и поэт оказался за пределами Советского государства. Спустя три года (1921) — кончина матери, женитьба на эстонке, принятие эстонского подданства⁵.

³ Фрагмент воспоминаний, записанных А. Э. Кухар со слов С. И. Карузо и приведенных в ее сопроводительном письме к М. Т. Ефремову от 25 июля 1984 года. Стихотворение «Лилия в море» («Она заходила антрактами...») без посвящения опубликовано в рижской газете «Сегодня» (1930. 24 мая. № 143. С. 3), а затем включено в сборник «Классические розы» (с. 102—103). См. также прим. 9 к письму 3.

⁴ Библиографию трудов И. Карузо см. в книге: E. H. Englert (Hrsg.). Die Verarmung der Psyche. Campus Verlag, Frankfurt: New York, 1979. S. 199—220. О знакомстве И. Карузо с Северяниным см. в письмах от 20 августа, 24 декабря 1939 года и 24 марта 1940 года и в комментариях к ним.

⁵ См. об этом в письме от 30 марта 1931 года и комментариях к нему. Подробнее о жизни Северянина в Эстонии см.: Агамс В. Т. Игорь Северянин в Эстонии // Русско-европейские литературные связи. М.; Л., 1966. С. 354—360; Исаков С. Игорь Северянин и Эстония // Игорь Северянин. Сочинения. Таллинн, 1990. С. 5—34; Исаков С. Г. Игорь Северянин 1918—1921 гг. Жизнь. Мировосприятие. Литературная позиция. Изменения в творческой манере // Studia Russica. Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена (Slavica Helsingiensia. 6). Helsinki, 1989. S. 93—119; Kruus R. Eesti ja Igor Severjanin // Looming, 1987. № 5. S. 682—693.

Все прежние связи были прерваны, в памяти соотечественников поэт надолго остался автором «ананасов в шампанском»⁶, а его последней попытке возвращения в Россию помешала немецкая оккупация Эстонии, болезнь и скорая кончина (20 декабря 1941 года).

Лишь немногочисленные и краткие воспоминания о Северянине⁷, его небольшое по объему эпистолярное наследие⁸ приоткрывают завесу, много лет отделявшую поэта от читателя-соотечественника.

В этом ряду письма Северянина к С. И. Карузо занимают особое место. По охвату обсуждаемых тем и жизненных событий они сопоставимы лишь с письмами к А. Д. Барановой, сыгравшей в жизни поэта роль мепенатки⁹. Эта «роль», возможно, и явилась помехой для установления более тесной дружбы (о чем свидетельствует и сдержанный тон переписки). В письмах же к Карузо Северянин, избалованный от чувства неловкости просителя, предельно раскрывается перед собеседницей, настоящее знакомство с которой состоялось, по сути, не в 1915 году, а лишь благодаря переписке. Сообщая о своей жизни, Северянин просит Софью Ивановну: «Надеюсь, и Вы расскажете мне побольше о себе, обо всех этих годах ужаса» (25 февраля 1931 года), «Я все хочу знать, что Вас касается» (11 мая 1931 года).

Между корреспондентами быстро установилась взаимная душевная близость. И оказалось, что эти отношения важны не только для Софьи Ивановны, вспоминавшей: «Это были очень трудные годы моей жизни. Переписка с Северяниным, его письма наполняли иным содержанием мою жизнь»¹⁰, — но почти в равной степени для самого поэта. Не переставая видеть в Софье Ивановне одну из своих многочисленных поклонниц, сви-

⁶ Об искаженном представлении о Северянине на родине свидетельствует, например, эпизод из истории его творческого наследия. В 1946 году заместитель генерального секретаря ССП Н. С. Тихонов, приглашенный в ЦГЛА (РГАЛИ) для экспертизы присланного из Эстонии архива поэта, дал следующее заключение: «Стихи, написанные за границей, не прибавляют к поэтическому облику Северянина ничего нового. Это типичная лирика, главным образом, любовная <...>. Особой силы стихи не имеют» (Красовский Ю. А. Восемь писательских архивов... // Встречи с прошлым. Вып. 5. М., 1984. С. 395).

⁷ См.: Борман И. Игорь Северянин в Тойле // Русская мысль. [Париж]. 1992. 14 февр. № 3916; Формаков А. Встречи с Игорем Северяниным // Звезда. 1969. № 3. С. 173—181; Шумаков Ю. Из воспоминаний об Игоре Северянине // Звезда. 1965. № 3. С. 190—198; Он же. Игорь Северянин в Эстонии // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 430—439.

⁸ См.: Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. 1916—1938 / Сост., подготовка текста, введение и комментарии Б. Янгфельдт и Р. Круус. Stockholm, 1989; Письма Игоря Северянина Ирине Борман (Из архива М. Харази) / Публ. Г. Григорянца // Молодежь Грузии. 1989. 14 окт.; Игорь Северянин. Письма к Г. А. Шенгели // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 401—430; Йорганов Х. Неизвестна страница от творческата съдба на Игор Северянин. Писма на Игор Северянин до Е. В. Страндел и С. К. Чукалов // Проблеми на новата българска литература. София, 1978. С. 245—269.

⁹ Баранова (урожд. Кабанова, во 2-м браке Перно) Августа Дмитриевна (1891—1975), московская знакомая Северянина с 1916 года, посетительница его выступлений. С 1920 года жила в Швеции, где работала в учреждениях советских представительств. После отъезда Северянина в Эстонию они не встречались, состояли в дружеской переписке. Имея достаточный доход и ценя творчество Северянина, А. Д. Баранова в течение ряда лет оказывала ему материальную поддержку.

¹⁰ Из письма А. Э. Кухар к М. Т. Ефремову от 25 июня 1984 года.

детельницу невозвратных дней его шумной поэтической славы, Северянин позволяет себе немного пококетничать, поведать о некоторых слабостях характера и даже (только ей!) о романтических «приключениях». «Вы так хорошо все воспринимаете, что ничего не хочется от Вас скрывать, прикрашивать» (июнь 1932 года). Но главное: в письмах обнаружилось нереализованное стремление Северянина к человеческому теплу, дружескому участию, а также желание быть кому-то полезным, близким и нужным. «Будь у меня возможность,— писал он 11 мая 1931 года,— я немедленно послал бы Вам денег, и Вы приехали бы всей семьей к нам, отдохнули бы, ожили бы в оживляющей природе нашей. <...> Да вот нет этой возможности, к сожалению крайнему». Даже в периоды, когда он сам вынужден рассылать опостылевшие просьбы о помощи, для Софьи Ивановны находятя слова поддержки и утешения, а в особо сложные моменты семья приглашается «на постоянное жительство» (29 октября 1932 года).

Письма содержат не только важные сами по себе подробные описания повседневной жизни поэта, отзывы о прочитанных книгах, оперных спектаклях, «отчеты» о собственных поэтических вечерах, новых стихах и сборниках, перечисления побывавших в Тойле гостей и т. п. Наполненные особой теплотой, эти письма порой исповедально-поэтичны, в них находят развитие некоторые темы стихов и прозы Северянина тех лет и прорываются на свойственные ему попытки «пофилософствовать», поразмышлять о смысле жизни.

Этот легкомысленный и поверхностный, по мнению многих, человек, задумывается о судьбах России, Европы, о сосуществовании капитализма и коммунизма — которым «никогда не ужиться вместе». Их столкновение — «ужасающе-страшное <...>— неизбежно», так как «жестоки и бессердечны обе системы» (17 сентября 1931 года).

Подобно многим современникам, поэт жил в те годы с ощущением надвигающегося мирового кризиса. «Теперь уже вскоре должно выясниться: или гибель цивилизации, или же возрождение. <...> взрыв близок. <...> Разве же Вы сами не чувствуете близости надвигающегося? Нельзя не чувствовать...» — писал он С. И. Карузо 27 января 1932 года.

Любопытно в связи с этим обращение Северянина к книге Д. С. Мережковского «Тайна Запада. Атлантида—Европа» (Белград, 1931), автор которой писал 7 декабря 1931 года польскому профессору М. Э. Здзеховскому: «Сейчас я переживаю самые черные дни изгнания, т. к. мы все, русские писатели, очень страдаем от „мирового кризиса“¹¹. Правда, сначала Северянин «от тоски и с е р ь е з н о с т и чуть не погиб» (1 марта 1932 года), отложил книгу, но вернулся к ней спустя полгода. «Мы с Фелисой Мих. теперь много читаем,— пишет он 3 октября 1932 года А. Д. Барановой.— „Атлантиду“ и „Иисус Неизвестный“ Мережковского»¹².

¹¹ Д. С. Мережковский и М. Э. Здзеховский. Письма из Парижа в Вильнюс / Вступит. статья, публикация и примечания А. Йокубатиса // Вильнюс. 1990. № 1. С. 152.

¹² Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 79. (О жене Северянина Ф. М. Круут см. примечание 3 к письму от 30 марта 1931 г.). Возможно, более пристальному вниманию к книге Мережковского способствовала заметка о его обсуждении на заседании «Зеленой лампы» с цитатами из доклада В. С. Варшавского: «Каждый, кто испытывает беспокойство перед апокалипсическими знаменьями, являющимися в наши дни, должен прочесть эту книгу, проникнутую <...> настоящим пророческим жаром <...>». Заметка «Зеленая лампа» была помещена в том же номере парижского журнала «Числа» (1931. № 5. С. 262—264, без подписи), где опубликованы стихотворения Северянина и статья Н. Оцуца «Северянин в Париже» (подпись: Н. О.).

И хотя, разумеется, не стоит завышать уровень понимания Северяниным философско-исторического исследования Мережковского¹³, важно отметить найденную им «созвучность» некоторым собственным размышлениям. Не случайно и сонет «Мережковский» (1934) начинается фразой: «Судьба Европы — страшная судьба, /И суждена ей участь Атлантиды»¹⁴. А в письме к И. К. Борман от 3 октября 1931 года поэт пишет: «А в Европе что-то уж чересчур „атлантидно“. Где-то кого-то застанет... Кажется, это повсюду...»¹⁵.

Лирик и романтик по натуре, Северянин избегал гражданского пафоса в стихах и в жизни, провозглашал: «Долой политику!» — и уходил не только от участия в политических событиях, но и от развернутых высказываний, помогающих определить его позицию (в том числе и по отношению к событиям в России). Именно поэтому останавливает внимание отзыв-рекомендация Северянина в письме от 17 сентября 1931 года: «<...> успел прочесть <...>, напр<имер>, „Синюю книгу“ Гиппиус (дневник дней революции)¹⁶. Нахожу ее взгляд совершенно правильным. Всецело к ней присоединяюсь. Вы читали? Прочтите непременно». Поскольку речь идет о проникнутой антибольшевизмом своеобразной и пристрастной летописи войн и революций 1914—1917 годов, важно учесть эту, пусть косвенно выраженную, оценку Северяниным событий в России тех лет, хотя, возможно, и не следует придавать ей слишком серьезного значения.

В письмах к С. И. Карузо Северянин, пожалуй, впервые впрямую выражает свое отношение к религии, к вере. Очевидно, отшельнический, несуетный образ жизни располагал к подобным размышлениям.

«Воспитанный в православных традициях», Северянин называл себя «религиозным человеком»¹⁷: «Без Бога нет жизни, нет поэзии, нет музыки, нет любви» (11 мая 1931 года). Предрекая гибель России, если не прекратится «гонение религии», ужасался планам разрушения храма Христа Спасителя¹⁸. И в то же время поэту был свойствен антиклерикализм, он считал, что «священники, в своей массе, сделали, кажется, в свое время,

¹³ Сам Д. С. Мережковский признавался М. Э. Здзеховскому: «Вы один из немногих в Европе, которые могли понять эту книгу» (Вильнюс. 1990. № 1. С. 152).

¹⁴ Новый журнал. 1993. № 2. С. 81

¹⁵ «Письма Игоря Северянина к Ирине Борман».

¹⁶ Гиппиус З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник 1914—1917. Белград. 1929. Как писала Гиппиус в предисловии к машинописному экземпляру о предназначении «Синей книги»: «Она для внимательного и нелепного взора тех, кто хочет знать, как переживал — культурный и политический — слой русского общества великие потрясения своей страны» (цитируется по вступительной статье М. М. Павловой и Д. И. Зубарева к публикации «Черных тетрадей» З. Н. Гиппиус (Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 13).

¹⁷ Однако натяжкой выглядит попытка Ю. Д. Шумакова представить Северянина сугубо церковным человеком в воспоминаниях об иконе в кабинете поэта, «образке-талисмане», которому, по мнению мемуариста, поэт приписывал «избавление от напастей», о «паломничествах» в монастыри и т. д. (Шумаков Ю. Игорь Северянин в девичьем монастыре // Ревель: Русский исторический журнал. [Таллинн]. 1991. № 1. С. 13—29).

¹⁸ См. письмо от 17 сентября 1931 года.

все от себя зависящее, чтобы поколебать народную веру» (там же). Многие проясняет его развернутая оговорка: «<...> я в церкви почти никогда не бываю и молюсь, большей частью, дома. Но и молитвы мои не только общеприняты, — я часто молюсь стихами. Я всегда чувствую крепкую связь с Подсознательным, с Высшим <...>» (11 мая 1931 года). Творчеству же поэта присущ поэтический пантеизм общеромантического толка. Наряду с обожествлением природы в духе пейзажной лирики — описания церквей, монастырей, поэтизация церковных обрядов, ностальгические воспоминания о прошлом с естественным для Северянина вопросом: «Поэтичность религии, где ты?» («Пасха в Петербурге», 1926).

Подытоживая творческий и жизненный путь Северянина, П. Пильский справедливо заметил: «Он — поэт в лучшем и полном смысле этого слова, поэт в своих книгах, в своих чувствованиях мира, в своих днях и всей жизни»¹⁹ и, мы бы добавили, — в восприятии религии.

Отчетливо отразилось в письмах молитвенное отношение Северянина к природе, которую он называет Храмом, Монастырем, а себя «монахом Зеленого Монастыря Природы»²⁰: «<...> слишком много открылось мне в природе, она меня успокаивает, вдохновляет, отвлекает от мишуры» (12 июня 1931 года).

«Не беженец», «не эмигрант», сознательно избравший жизнь в уединении, не забывая и любя родную новгородчину, Северянин на протяжении многих лет не устает восхищаться своеобразной природой Эстонии. По душе ему и уклад эстонской деревенской жизни, где в любой избе — собрания сочинений русских и западных классиков, «все выписывают газеты, покупают журналы, дома содержат в поразительной чистоте, многие играют на пианино <...>, устраивают часто любительские спектакли, знают и чтут своих писателей, поэтов, художников <...>» (12 июня 1931 года).

Поэта, когда-то любившего шум и блеск внешней жизни, теперь не тяготит затворничество: «Я не мыслю себя в городе, среди людей. Я умер бы там, я не вынес бы» (11 мая 1931 года). Даже явно недостаточно реализованная потребность в живом читательском и зрительском отклике не могла уменьшить мучительных издержек. «Горек удел — ездить, не желая ездить», — писал он 18 октября 1931 года. «Для удовольствия и призрачной славы по Европе не поедешь. <...> Вечное утомление, сверхсильная ноша. Экономить в пути каждый грош, чтобы лишней месяц сметь прожить в богатворимой глуши независимо» (11 мая 1931 года).

Тем не менее существовала и другая сторона путешествий: «По обыкновению много встреч, много впечатлений» (20 января 1933 года), «Масса знакомств, всюду зовут» (30 марта 1933 года). В письмах к С. И. Карузо

---

¹⁹ Пильский П. Игорь Северянин: 35-летие литературной деятельности // Сегодня. [Рига]. 1940. № 31.

²⁰ Отметим, что та же лексика применительно к природе характерна и для поэзии Северянина. «Я заключил себя в монастыре / Над озером, в монастыре зеленом...» — так начинается «утопическая эпопея» 1924 года «Солнечный дикарь». И далее: «Свершенная мечта — святой алтарь / Монастыря бесстенного Природы» (Труды по русской и славянской филологии. IX. Литературоведение. Ученые записки ТГУ. Вып. 184. Тарту. 1966. С. 244). Представляется неточным, слишком буквальным, комментарий публикатора поэмы В. Т. Адамса, переводящего понятие «монастырь» в разряд реаллий, называя его Пюхтицким монастырем; повторено в издании «Стихотворений» Северянина в серии «Библиотека поэта» (Л., 1979. С. 468). Ср. также: «Я, удодобленный монаху, / Вхожу в лесной зеленый храм» («Озеро Ульясте», 1923).

Северянин немало внимания уделяет рассказам о живописной природе Югославии, Болгарии, Бессарабии, о своих поэтических вечерах, лекциях о русской поэзии и посещениях оперных спектаклей, об участии в создании литературно-художественного журнала «Золотой Петушок», о стихах, навеянных поездками, и их изданиях.

На этом, казалось бы, благополучном фоне бросается в глаза духовное одиночество поэта, его положение вне литературной среды, в особенности русской.

Разумеется, Северянин не был обделен вниманием со стороны эстонцев. Он дружил с некоторыми местными литераторами, переводил их стихи, участвовал в совместных вечерах, много печатался в прибалтийской периодике, издал девять книг (из них три — переводы)²¹ и в течение ряда лет получал денежные субсидии от правительства Эстонии. Северянин был искренен, когда, не предавая Россию «ни мыслью, ни душой» («Наболевшее», 1939), называл Эстонию второй родиной и вынужден был признать, что «до сих пор жив только благодаря чуткой Эстии» и что «русские, за редким исключением, в стороне» не только в 1920 году²². Сообщая 24 марта 1940 года С. И. Карузо о чествовании его 14 марта в Таллинне в связи с 35-летием литературной деятельности, он подчеркивал: «Инициатива исходила от эстов. Русским пришлось присоединиться...» И участниками последнего поэтического вечера в жизни Северянина были «Преимущественно — эсты». Однако поэт отнюдь не идеализировал эти взаимоотношения. «За все 23 года,— писал он Г. А. Шенгели 7 марта 1941 года,— я был в стороне от них, а они от меня»²³.

Но даже в более благополучный период своей жизни (20-е — начало 30-х годов) поэт не сумел преодолеть стену отчуждения во взаимоотношениях с зарубежными соотечественниками, убежденными, подобно Г. Адамовичу, что «Игорь Северянин — имя дореволюционное»²⁴.

Зная о безрезультатных попытках поэта наладить сотрудничество в ведущих эмигрантских периодических изданиях, дружески расположенная к нему Тэффи, обращалась в Парижский Комитет помощи русским писателям и ученым: «Очень прошу Комитет обратить внимание на катастрофическое положение этого поэта и не дать ему погибнуть. Если нам приходится тяжело, то все же мы здесь все вместе и друг о друге заботимся, а он совсем один и вопит от ужаса и никто на его вопль не откликается» (копец 1926 — начало 1927 года)²⁵.

²¹ См.: Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944 гг. Сост. Ю. И. Абызов. Stanford. 1991. Часть IV. С. 62—76; *Фишурнова О. С.* Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии // *De visu*. 1993. № 2. С. 44—49; *Исаков С. Г.* Игорь Северянин в Эстонии: Материалы к библиографии. Исправления и дополнения // Там же. 1993. № 9. С. 64—68.

²² Из письма Игоря Северянина к А. С. Яценко от 20 декабря 1920 года. *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, YMCA-PRESS, <1983>. <Vol. 1>. С. 316.

²³ *Игорь Северянин.* Письма к Г. А. Шенгели // *Игорь Северянин.* Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 422.

²⁴ *Агамович Г.* «Классические розы» // Последние новости (Париж). 1931. 17 сент. № 3830.

²⁵ *Кельнер В. Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера) // *Russian Studies.* Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. № 1. С. 311.

Когда же в феврале 1931 года Северянин оказался в Париже — «главном по эту сторону границы городе современной русской поэзии» — там «и его самого и его поэзию успели основательно забыть»²⁶. Для многих пришедших на его литературные вечера, в том числе и для тех, кто предполагал увидеть, по выражению М. И. Цветаевой, «свою молодость: себя *тогда*»²⁷, состоялось открытие: Северянин их «восхитил, изумил», в их глазах он «вырос, стал мудр и прост»²⁸, оказался «поэтом больших линий и больших вещей»²⁹.

Однако и эта поездка не способствовала ни укреплению прежних связей, ни возникновению новых и оказалась последним посещением Парижа в жизни Северянина. А спустя несколько лет по разным причинам стали невозможными наполнявшие впечатлениями и отчасти поддерживающие материально путешествия, почти иссякли публикации³⁰. Это привело поэта к печальному выводу: не только «русская Прибалтика не нуждается ни в поэзии, ни в поэтах», но и, «к прискорбию, я должен это признать — вся русская эмиграция»³¹.

К концу 30-х годов разительно изменился тон писем Северянина к С. И. Карузо. Его «лучезарное легкомыслие» уже не может, как прежде, помочь перенести обрушившиеся невзгоды: сложные семейные обстоятельства, уже окончательная нищета и вконец подорванное здоровье. «Скверно мне, дорогая и милая София Ивановна, очень плохо на душе. Невыносимо» (1 января 1936 года); «Живем мы чудом: ни Вера³², ни я ничего не получаем ниоткуда» (20 августа 1939 года).

Драматизм положения усиливался ощущением полной изоляции от России. Тема возвращения на родину, получившая яркое отражение в творчестве Северянина, всегда была для него сокровенной и болезненной, а с годами все более окрашивалась чувством вины: «Мне не в чем каяться, и все же каюсь я...» («Наболевшее», 1939). И к концу жизни он не потерял уверенности, что «Россию надо заслужить» («Что нужно знать», 1925).

²⁶ Н. О. [Оцул Н. А.]. Северянин в Париже // Числа (Париж). 1931. Кн. 5. С. 264.

²⁷ Цветаева М. И. Неотправленное письмо Игорю Северянину // Поэзия. Вып. 37. М., 1982. С. 142—143.

²⁸ Агамович Г. Ук. соч.

²⁹ Цветаева М. И. Ук. соч. Ср. с самооценкой Северянина в письме к С. И. Карузо от 5 мая 1932 года: «<...> я, за эти годы сильно во многом изменившийся, обновленный, умиротворенный и умудренный <...>». Краткий обзор парижской прессы, отразившей доброжелательный прием публики см. в публикации Е. Лубянской и Л. Мнухина «Моя двусмысленная слава...»: Игорь Северянин в Париже // Литературное обозрение. 1988. № 4. С. 104—108.

³⁰ Ср. в письме Северянина к А. Д. Барановой от 14 сентября 1937 года: «Негде печататься. <...> кружковщина, кумовство. Везде свои люди, новых не подпускают близко, готовые горло перегрызть из-за куска хлеба» (Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 104).

³¹ Из письма Северянина к польскому поэту К. Вежинскому от 26 января 1937 года. Цитируется по изд.: Игорь Северянин. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 512.

³² О В. Б. Коренди см. письмо от 4 августа 1939 года и примечание к нему.

Попытки возвращения Северянина в Россию хронологически, а потому, очевидно, и фактически, оказались за пределами данной переписки (начало 1920-х — конец 1940-го — 1941 годы)³³.

В полученном от поэта экземпляре «Классических роз», рядом со стихотворением, давшим название сборнику, С. И. Карузо оставила печальную запись: «Увы, розы брошены не были, смерть пришла раньше, все в той же Эстонии» (Р. 1. Оп. 25. № 471).

Из 34-х писем ниже публикуются 28, остальные частично используются в комментариях. При цитировании писем указываются только даты их написания.

1

Париж, 25.II.1931

Светлая София Ивановна!

Только вчера мне удалось получить Ваше письмо. Я искренне рад, что Вы спаслись, что Вы живы. Я часто за эти годы вспоминал Вас, мне очень хотелось Вас найти.

Теперь я еду домой, к себе в Эстонию, где живу в приморской глуши, между Везенбергом¹ и Нарвой, с янв. 1918 г., лишь изредка выезжая в Финляндию, Германию, Польшу и др. края.

Я живу в прелестной местности на берегу залива и впадающей в него горной форелевой речки, в сосновом лесу, изобилующем озерами².

9 килом. до ближайшей станции, 45 до Нарвы, 43 до Гунгербурга, 220 до Ревеля³.

Впрочем, я напишу Вам, вернувшись домой, обо всем подробно. Надеюсь, и Вы расскажете мне побольше о себе, обо всех этих годах ужаса.

К сожалению, я не попаду сейчас в Брюссель: идет пятый месяц, как я путешествую, наступает весна,— меня влечет природа моего севера. Но осенью я поеду в Болгарию и вновь в Югославию и тогда обязательно дам вечер в Брюсселе, чтобы повидаться с Вами.

Еще прошлым летом я писал о Вас стихи⁴. Целую Ваши ручки, Господь с Вами. Ярko рад был узнать, что Вы живы!

Душевно к Вам окрыленный
Игорь.

Вот мой постоянный — и неизменный — адрес:

Estonie. Toila. Igor Severjanin.

P.S. Уезжаю из Парижа 28.II и буду дома 5.III.

³³ 6 августа 1940 года Эстония вновь была включена в состав СССР. О неосуществленных планах и надеждах Северянина на возвращение см. в упоминаемых ранее письмах его к Г. А. Шенгели (2 сентября 1940—15 июня 1941) и к В. А. Рождественскому (12 и 20 июня 1941) («О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Документы». Л., 1986. С. 127—128).

¹ Везенберг — прежнее название эстонского поселка Раквере.

² Поселок Тойла, где жил в эти годы Северянин, находится на берегах Финского залива, реки Пюхайыги и в окружении множества озер. Именем реки, многократно воспетой Северяниным, назван один из его сборников: «Pühajõgi. Эстляндские поэмы» (Юрьев. 1919).

³ Гунгербург — часть эстонского поселка Нарва-Йыэсуу. Ревель — прежнее название Таллинна.

⁴ Речь идет о стихотворении «Лилия в море». См. прим. 3 к предисловию.

2

Estonie, Toila, Ig. Severjanin
12.III.1931

Дорогая София Ивановна!

Вот уж неделя, как я вернулся к себе из Парижа¹. Думал, найду дома Ваше письмо, но, к сожал(ению), его до сих пор нет. Получили ли Вы мое письмо из Парижа от 25.II²? Целую Ваши ручки, жду весточки.

Игорь.

¹ В этот же день, 12 марта 1931 года, Северянин писал А. Д. Барановой: «21.X мы с женой уехали за границу и вернулись только 4.III. За это время мы побывали почти во всей Югославии <...>, а затем весь февраль прожили в Париже, и через Берлин, Ковно и Ригу вернулись домой» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 66*). Ковно — прежнее название Каунаса.

² См. письмо 1.

3

Toila, 30.III.1931 г.

Вы очень порадовали меня своим письмом, дорогая София Ивановна, да, и порадовали, и опечалили: так все эти должности не для Вас, так они воистину будничны и безнадежны. Но ведь не вечно же будет так, иначе жить не стоило бы. Как это странно: Ваш сын кончает гимназию! Такою молодою, такою юною помню я Вас, так мало лет было Вам в 1915 г. Знаю, знаю, что шестнадцать лет (как больно! как щемит сердце!) прошло с той поры, но это так трудно думать, так невозможно это возможное... Сколько жизней проживаем мы за одну свою жизнь!

В 1921 г. умерла моя мамочка¹, умерла здесь, в Toila, на 76-м году, при мне, и в этом же году расстался я с Марусей², со своею «Тринадцатой», шесть с половиной лет пробыв неразлучно. Сколько раз расставался я с женщинами, и каждый раз мне казалось, что я сам умираю, что я не переживу разлуки.

Но расставаться всегда было необходимо: чья-нибудь смерть была бы в ином случае. Умирая — воскресал. Так я уж устроен, в этом мое страшное. Но, верите ли мне, каждый раз сходясь, я с таким ужасом думал о возможной разлуке, так трепетал при одной об этом мысли! И — расставался, лишь наступал срок... Никого не виню, — себя, м. б.

Я расстался с ней 20 авг. 1921 г., уже два года перед этим полюбив свою теперешнюю, первую и единственную «законную» жену. Мы венчались в дек. 1921 г. Фелисса Мих.³ — прекрасный человек. Она эстонка, но пишет стихи по-русски, но пишет для тесного круга знакомых и печататься не стремится. Она тонко чувствует и понимает и жизнь, и поэзию. Благодаря ее чутью и вкусу, мои стихи за последние годы стали несколько иными, я стал строже к себе и требовательнее. Мы живем в рыбацкой деревушке совсем одиноко и месяцами никого не видим. Ближайший интеллигент — племянник адмирала Эссена⁴, инженер, директор госуд. завода — в шестнадцати от нас километрах. Изредка ходим или ездим друг к другу. Иногда приезжает кто-нибудь из Ревеля (за 220 кил.) или из Юрьева (250 кил.).

Но мы не скучаем в глуши. Хотя книг у нас немного, но всюду можно доставать, в любой эстонской избе есть на русском языке и Достоевский, и Лесков, и Бальзак, и Шпильгаген. И кого только нет. И все полные собрания, и все в идеальной сохранности. Жена моя, таким образом, всегда читает, и «от доски до доски». Мы с нею постоянно вместе — и дома, и в природе, и в поездках. Иногда она выступает на моих вечерах, читая меня. Вакх, наш сын девяти лет, живет по соседству у бабушки, матери жены. Живет со дня рождения. Мы, видимо, родители не из важных... Жена преподает ему русский язык. Как только проходит лед на реке, мы целыми днями ловим на удочки рыбу. Увлекаемся этим чудесным спортом уже давно, и он надоест не может. Лососки по 3—6 фунт., много форелей. Но охоты мы не любим: она шумна. Ходим и в леса на озера. Их — 76, и ближайшее в 10 килом. от нас.

Вы говорите, что в 1916 г. кто-то прислал Вам открытку в Харьков о моем отъезде. Думается, это проделка какого-нибудь «доброжелателя» вроде Ховина⁵: эти люди на то ли еще способны! Смутно помню, что был тогда в Харькове⁶, но причины отмены концерта никак не могу припомнить. М. б., предварительная продажа билетов была слабая. Или — время экзаменов. Не помню. А Вы, София Ивановна, помните Тринадцатую? Ведь в Харькове я с нею и познакомился, и она часто бывала в лекторской. Сумбурное было время, безотчетное... Были лучшие намерения и много упорства, и транс... Вечная «опьянен-

ность» нарушала часто правила элементарной благовоспитанности. Смотришься в былое и поражаешься: полно, было ли все это? Как это могло быть?. И как часто изменяло чутье! и — роковым образом иногда... Но и тогда были колебания, и это уж хорошо, т.к. это было тоньше чутья — это было подчутье... И это слегка успокаивает.

Фелиссе Мих. я много рассказывал о Вас, мало Вас зная, много чувствуя. Она будет очень рада осенью, если Бог приведет, с Вами познакомиться: около середины октября мы думаем выехать на Ригу, Ковно, Берлин, Брюссель, Париж, Ниццу, Югославию, Болгарию, Румынию. А пока, мы очень хотели бы иметь Вашу карточку⁷ и надеемся, Вы не откажете нам в нашем большом и искреннем желании и пришлете ее теперь же. Конечно, и мы, в свою очередь, пришлем Вам свои карточки, как только получим их из Риги, где мы недавно снимались у знаменитого... хиролога Финка⁸! Как только получу из Белграда печатающуюся там книгу своих новых стихов, незамедлительно вышлю ее Вам. И там Вы найдете стихи о себе, но без посвящения: Вы сами догадаетесь, какие стихи⁹. Если можно, пришлите карточку и моего тезки — Вашего сына. Кстати, почему Вы не воспитывали его в одном из кадетских корпусов в Югославии? Там можно было бы его устроить на казенный счет, и Вам было бы много легче. Нам предложено, например, отдать Вахха в Белую Церковь или Горажду¹⁰. Но Ф.М. еще колеблется: боится, что ребенок долго не привыкнет к совсем чужим людям. Да и летами его брать домой трудно. А что касается Финка, это нечто изумительное: в ноябре 1930 г., когда мы ехали в Югославию и посетили его в Риге, он, не зная ни нас, ни того, куда мы едем, предсказал все то, что сбылось в пути. И даже предсказал катастрофу с нашим поездом, при которой мы едва не погибли. Это случилось в ночь на 25 янв. между ст. Люстар и Яблоница, в Герцеговине. Только чудом мы остались невредимы: вагон 1 кл., в котором мы находились, слетел уже в пропасть. Крен — 90 градусов! Но об этом вкратце не расскажешь. До сих пор мы бледнеем, говоря и вспоминая об этом. Этот же Финк предсказал мне, что с июня 1931 г. я буду на берегу южного моря на какой-то дивной вилле. Повторяю, до сих пор сбылись все детали даже. Он даже имена людей, с кот. мы должны были встретиться в Сербии, указал в точности. Мы потрясены его даром. Сообщаю Вам его адрес: Фотография Финка. Известковая, 12. Riga, Lettonie. Весь адрес, кроме города и страны, пишите по-русски. Целую Ваши ручки, поздравляю с наступающими Праздниками Св. Пасхи. Жена сердечно кланяется.

Ваш Игорь.

¹ О матери, Наталье Степановне Лотаревой, скончавшейся 13 ноября 1921 года на 76-м году жизни, Северянин писал в одной из автобиографий: «Мать: дочь предводителя дворянства Щигровского уезда Курской губернии Наталия Степановна Шеншина, в первом браке жена ген.-лейт. Г. И. Домонтович. <...> Родственники по отцу матери: Н. М. Карамзин (историк), гр. Клейнмихель (жена министра путей сообщения), Евгений Марков (автор «Очерков Крыма»), Нелидовы и др. (ИРЛИ. Ф. 377 — С. А. Венгеров). К матери и к Богу обращено стихотворение-молитва «За несколько часов (13.XI.1921. 10 вечера)»: «Не отнимай у меня моей матери, / Не превращай моего дня в ночь...» (*Игорь Северянин. Фея Eiole. Поэзы. 1920—1921. Том XIV. Берлин. 1922*). Подробнее о матери см. в «поэме детства»: «Роса оранжевого часа» (1923) (*Игорь Северянин. Стихотворения. Поэмы. Архангельск. 1988*).

² Маруся — Домбровская Мария Васильевна (Волнянская; род. 1895). Под предложенным Северяниным псевдонимом «Балькис Савская» принимала участие в его поэзоконцертах. В произведениях и письмах поэт часто называет ее «Тринадцатая». См., например, посвящение в сборнике «Громокипящий кубок» (М., 1915): «Эта книга, как и все мое творчество, посвящается мною Марии Волнянской, моей тринадцатой и, как Тринадцатой, последней». О ней же, объясняя причину расставания, Северянин писал 13 октября 1921 года А. Д. Барановой: «<...> за семь лет не пожелавшая меня понять и ко мне приблизиться» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 27*).

³ Круут Феи́сса Михайловна (1902—1957), дочь владельца дачного дома в Тойла, где останавливался Северянин. Писала стихи на русском и эстонском языках, помогала Северянину в переводах эстонской поэзии, а во время его поездок участвовала в поэзовечерах, читая его стихи и эстонских поэтов (см.: Круус Р. Новые данные о жизни и творчестве Игоря Северянина // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Т. 683. 1986. С. 79—81). Ф. М. Круут посвящено множество стихотворений Северянина. Венчание состоялось 21 декабря 1921 года в Юрьевском (Тартуском) Успенском соборе.

⁴ Эссен Александр Карлович — племянник адмирала Эссена Николая Оттовича (1860—1915). А. К. Эссен, дружба с которым Северянина началась еще в 1920 году, был крестным отцом его сына Вакха (род. 1 августа 1922 г.; в настоящее время живет в Швеции). Эссен упоминается в письмах Северянина к А. Д. Барановой как участник совместных прогулок, домашних чтений-концертов. Позднее, 5 октября 1934 года, поэт, подавленный растущими непосильными расходами на воспитание сына, писал С. И. Карузо об Эссене: «У Вакха есть крестный отец <...>— Александр Карлович Эссен, племянник адм., командовавшего Балт. флотом, героя Порт-Артура, б. командира крейсера „Новик“. Получает в месяц 75 долларов, вдовец лет 20, одинок <...>. Бывает у нас каждое лето, приезжает иногда и зимою. Казалось бы, мог бы помочь хотя бы тем, чтобы взять на свое попечение ребенка. Держи карман шире: за 12 лет плитки шоколада не дал крестнику. А о положении нашем осведомлен блистательно и „сочувствует“ нам. Вот какое окружение! И другие богачи в том же роде».

⁵ О В. Р. Ховине см. прим. 2 к предисловию. Скорее всего, Северянин был знаком с воспоминаниями Ховина, содержащими в том числе и нелицеприятную оценку его творческого пути после их расхождения.

⁶ Участник литературных турне Северянина весной 1916 и зимой 1917 годов по югу России, Георгий Александрович Шенгели (1894—1956), в те годы начинающий поэт, писал позднее в «Автобиографической канве»: «Первое турне с Северянином: Петербург, Москва, Харьков, Одесса» (РГАЛИ).

Ф. 2861. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 16, раздел 1916 года). Харьковская газета «Южный край» (1916. 27 апр. С. 6) сообщала о намеченных на 29 и 30 апреля «поэзоконцертах» Северянина со вступительным докладом Г. А. Шенгели «Поэт вселенчества». Однако 30 апреля та же газета объявила об отмене концертов, без указания причин (сообщено К. Ю. Постоутенко). Воспоминания Г. А. Шенгели о знакомстве с Северяниным см. в публикации К. Ю. Постоутенко: *Георгий Шенгели*. Автобиографическая проза // Лица: Биографический альманах. [Вып.] 5. М.; СПб., 1994. С. 374—385. Впечатления о Харькове нашли отражение в «Поэзе о Харькове», датированной 19 декабря 1915 года (с уточнением: «Харьков — Павлоград (поезд)»): «О, Харьков! Харьков! Лучший лучшего! / Цвет самой тонкой молодежи! / Где я нашел себя, заблудшего! / Свою тринадцатую тоже» (*Игорь Северянин*. Собрание поэм. Т. 6. Тост безответный. Поэзы. М., 1916. С. 118).

⁷ В письме к С. И. Карузо от 11 мая 1931 года Северянин писал: «Так радостно было взглянуть на Вас, все такую же очаровательную и утонченную, воскресить в памяти ушедшее в безвозвратность. Я очень благодарен Вам за присланную карточку». Фотографию см. в архиве Северянина в РГАЛИ (Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 77).

⁸ Финк Евгений Иванович (1885—1958) — «знаменитый в Риге фотограф и ясновидящий <...> По национальности — цыган. Был и циркачом и музыкантом <...> Газеты регулярно писали о нем, и все рижские дамы считали непререкаемым являться к нему на сеанс» (из письма к автору публикации рижского писателя, переводчика и библиографа Ю. И. Абызова от 26 апреля 1990 года, которому пользуюсь случаем выразить благодарность за предоставленные сведения). Встреча с Финком и результаты его предсказаний произвели столь глубокое впечатление на Северянина, что он вернулся к этим событиям спустя девять лет, в январе 1940 года, описав их в мемуарном очерке «Гроза в Герцеговине» (впервые опубликован: *Юность*. 1987. № 4. С. 90—92.) Фотографии с клеймом «E. Fink. Riga» находятся в личном архиве родственницы Северянина Н. Г. Аршас. Ошибочно датированные октябрём 1930 года, они включены в каталог книжной выставки «Игорю Северянину 100» (Таллинн, 1988. С. 33). О Финке см. также: *Krūmiņš E. Eizena Finka Neparastās gaišredzības spējas* // *Liesma*, 1988. № 12. S.17—18.

⁹ Имеётся в виду сборник «Классические розы» (Белград, 1931). В экземпляре, принадлежавшем С. И. Карузо, имеется незначительная авторская правка, пометы и надпись: «Светлой Софии Ивановне Карузо, озарившей дни мои в Харькове,— мои безоблачные дни,— душевно к ней воскрыленный Игорь Северянин. Estonia. Toila. 23.IX.1931 г.» (ИРАИ. Р. 1. Оп. 25. Ед. хр. 471). О том, что стихотворение, посвященное С. И. Карузо,— «Лилия в море», в первую очередь свидетельствуют пометы автора рядом с текстом: «Харьков. Февраль—март 1915 года» (с. 102), «5 марта 1915 г.» и ниже, рукой С. И. Карузо: «Литературно-артистический кружок. Московская ул.» (с. 103). Кроме того, графиня Карузо «прочитывается» в таких строках: «Хотя титулована громкая / Ее мировая фамилия...».

¹⁰ В 1924 году в Югославии возникли русские средние школы: Крымский кадетский корпус в Белой Церкви, Донской кадетский корпус в Билечи (затем в Горажде) и др. Позднее Русский кадетский корпус из Сараева и Донской кадетский корпус из Горажда соединились с Крымским кадетским корпусом в Белой Церкви (1929 и 1933) (см.: *Бурйћ О. Руска литерарна Србија. 1920—1941. Писци, кружоци и издања*. Белград, 1990. С. 26).

Estonie, Toila, 11.V. <19>31 г.

Дорогая Софья Ивановна,

более двух недель подряд терзает меня ежедневно, от 11 до 3 дня, жесточайшая невралгия правой стороны головы, всю остальную часть дня я чувствую себя измученным вконец, принимаю Piramidon и др., что, впрочем, мало помогает, — и этим объясняется мое длительное молчание и несвоевременный ответ на Ваше письмо. Так радостно было взглянуть на Вас, все такую же очаровательную и утонченную, воскресить в памяти ушедшее в безвозвратность. Я очень благодарен Вам за присланную карточку. Мне так непередаваемо пленительно и грустно. Мне так сердечно жаль Вашей погибающей молодости, незаслуженно оскорбленной прозой красоты Вашей — всяческой: и внешней, и духовной. Мне так жаль, мне так больно. Дайте же мне милые ручки Ваши, я поцелую их нежно и ласково-почтительно, дайте взглянуть в глаза Ваши и ясно-ясно улыбнуться Вам сквозь слезы. Дай Бог Вам всего самого хорошего на земле, самого желанного Вами! Я воистину рад, что нашел Вас, что Вы живете на этой же земле, отвратительной и обворожительной в одно и то же время. А своей карточки я почему-то, несмотря на неоднократные напоминания, до сих пор из Риги не получил¹ и, если в ближайшее время не получу, снимусь в местечке Иеве, за 12¹/₂ от нас килом., и вышлю Вам. Но это будет возможно сделать только тогда, когда я окончательно избавлюсь от своей болезни. Весеннее солнце — лучший врач.

Ваш сын, может быть, и прав, что влечется к Отрешенности: действительность невыносима по своей жестокости, черствости, глупости. Культуры ведь нет вовсе, и это не секрет. Пока существуют войны, нищета, поношение художников и мыслителей, не может быть всерьез разговора о культуре. Большой вопрос: что лучше: оставаясь участником жизни, научиться рвать у ближнего кусок из горла или отойти в сторону и сотворить благо. Не прелатствуйте Игорю избрать то, что влечет его. Если сумеете отговорить, его влечение было незначительным, если не сумеете — это его судьба. Я сам монах Зеленого Монастыря Природы². Я не мыслю себя в городе, среди людей. Я умер бы там, я не вынес бы. Скопище людей — скопище зла и порока. Бог с ними. Устал, изверился, не хочу. В Париже мы были с женою у Юсуповых. И вот Феликс Феликсович вполне мне сочувствовал в стремлениях моих к Отрешенности. Это так редко в наше

время, когда тебе сочувствуют, и я очень признателен ему. Он с Ириной Александр. каждое лето проводят на Корсике, где у них именье. Кстати, как красива до сих пор Ирина Ал., хотя 22. II этого года исполнилось уже 17 лет со дня ее замужества. Вот Ксения Ал<ександровна> сторбилась и осунулась значительно³. А у нас начинается весна, да, не удивляйтесь, — только начинается... в середине мая! зеленеет травка, цветут подснежники, хотя в горах еще много саженной толщины снега, и лед на речке прошел только на днях. Когда утихают мои боли, иду в парк, в наш громадный дивный сосновый парк, к реке, и ловлю лососок. Фелисса Мих. собирает фиалки, душистые, бледные фиалки. Их очень много в этом году, и солнечные горки все лиловые от них. А вскоре пойдут анемоны и ландыши, потом черемуха и сирень. Жена моя безумно любит цветы и ходит, иной раз, за 12 верст за ландышами, где их всегда изобиле. Вы говорите, что не любите хозяйства. Вот и жена моя терпеть не может возиться с кастрюлями, а приходится: прислуги мы не держим, все сами себе делаем — и дрова пилим и рубим, и воду из колодца носим, и стирает жена, и полы моет. Я не сказал бы, чтобы это особенно привлекало нас, но... что же, София Ивановна, делать? Поэт и за это должен быть благодарен судьбе: отношение к поэзии в наши дни презрительное, свысока, враждебное. Слава Богу, что кое-как удается концы с концами сводить. Какие же могут быть еще претензии? Для удовольствия и призрачной славы по Европе не поедешь. И с какими неудобствами — в 3 классе, без плацкарт. Вечное утомление, серхсильная ноша. Экономить в пути каждый грош, чтобы лишний месяц сметь прожить в боготворимой глуши независимо. Будь у меня возможность, я немедля послал бы Вам денег, много денег, и Вы приехали бы со всей семьей к нам, отдохнули бы, ожили бы в оживляющей природе нашей. И, верю, никогда бы Вы не обиделись на меня, так как мой порыв свят и уж действительно от души, от всего сердца. Да вот нет этой возможности, к сожалению крайнему. А уж как хотелось бы мне увидеть Вас радостной и беззаботной!.. Книга моя⁴ все еще печатается в Белграде, и когда она выйдет, понятее не имею. Возмутительно-халатное отношение. Само собой разумеется, как только получу, вышлю ее Вам. Посылаю Вам несколько старых, штемпелеванных т. е., марок нашей страны. К сожал., сейчас нет больше под рукой. Я их буду собирать для Вашего сына. Вчера море выбросило первую в этом году жертву: дочь хуторянина за 4 кил. от нас. Богатая, красивая девушка поздней осенью, в поздний час, ушла из дома без всякой видимой причины, как теперь оказалось, бросилась в море. Мы были в Белграде в это время, но, когда

вернулись, нам рассказывали, как все окрестные деревни ходили по лесам и по побережью искать ее труп; и только теперь нашли. Грустная находка! Не выдерживают людские сердца пошлости и прозы условий современной жизни. Все так буднично, серо, безнадежно. Что же касается Востока, Вы, несомненно, правы: он победил, но гоненье религии — его гибель. Без Бога нет жизни, нет поэзии, нет музыки, нет любви. И победитель — встанет день — погибнет. Но прежде, м. б., погибнет Европа. Да, да, София Ивановна, впереди жуть, и, ради Бога, не препятствуйте Игорю в его выборе. Если это глубоко у него, если это серьезно, Вы не отговорите его. Испытайте же его. А Ваш муж с Вами? Как его имя-отчество? Что Вы ничего не говорите о нем? Я все хочу знать, что Вас касается. Фелисса Мих. просит меня передать Вам ее искренний привет. Целую ручки Ваши. Пишите поскорее, пожалуйста, не осудив меня за мое объясненное молчание.

Всегда Ваш Игорь.

¹ См. прим. 8 к письму 3.

² См. прим. 20 к предисловию.

³ Юсупов, князь, Сумароков-Эльстон граф Феликс Феликсович (1887—1967) — представитель родовитой российской аристократии, получил образование в Оксфордском университете. Был одним из организаторов и участников убийства Григория Распутина в 1916 году, после чего выслан в собственное имение Ракитное в Курской губернии. В 1919 году эмигрировал. Жил во Франции. В Париже выпустил две автобиографические книги: «Avant l'exil. 1887—1919» (1952) и «En exil» (1954). 9 (22) февраля 1914 года Ф. Ф. Юсупов женился на великой княжне Ирине Александровне Романовой (1895—1970), дочери великого князя Александра Михайловича, племяннице Николая II. Ее мать — великая княгиня Ксения Александровна Романова (1875—1960), дочь Александра III.

Певец и композитор Александр Николаевич Вертинский (1889—1957), вспоминая о 1930-х годах, проведенных в Париже, рассказывал и об этой семье. В частности, о том, что «<...> Юсупов очень любил общество и особенно людей искусства. В его доме я встречал и Куприна, и Бунина, и Алданова, и Тэффи, и весь балет, и всех художников, и многих артистов» (Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1990. С. 190).

⁴ Речь идет о сборнике «Классические розы» (см. прим. 9 к письму 3).

Toila, 12.VI.1931

Светлая София Ивановна! Сажусь писать Вам, предварительно распахнув окно в сад, напоенный цветущей сиренью. У Вас уже давно отцвела, у нас в полном расцвете. Вот вишни и яблони уже отцветают, как и рябина. В лесах позванивают бубенчики ландышей, на скалах шелковеют «японские» анемоны, так что Фелисса Мих. положительно не знает, что раньше собрать. Весь

дом наш утопает в цветах. Все канавки полны незабудок и золотой купальницы. На клумбах готовятся к расцвету душистый горошек, левкой, резеда, цветут «Иван да Марья». Весна кончается. Сорок четвертая в моей жизни, двадцать девятая в жизни моей жены. В природе настает лето, в моей жизни — осень, поздняя осень, предзимье. Но не знаю, как-то плохо все это чувствуется. Разве — иногда, минутами. А так бодрости и оживления хоть отбавляй! Молода душа, живуча, несмотря ни на какие невзгоды. И часто такое «выкидываешь», что потом сам изумляешься: уж очень это несовместимо с ампула «монаха зеленого монастыря»¹... Правда, это случается редко и, чем дальше, тем все реже, но все же и теперь, два-три раза в год, на меня что-то находит. Тогда я бегу куда-нибудь в леса, на озера или в Гунгербург (ближайший курорт). После «встряски» делаюсь еще спокойнее и мудрее, и примитив жизни становится еще дороже, еще ценнее и прекраснее. Да, человеку необходимы контрасты, и с этим ничего не поделаешь. Но Ф. М.— враг всяких «срывов» и весьма болезненно на них реагирует. Чтобы ее не огорчать (я очень дорожу ее спокойствием), я все реже и реже «уединяюсь». Дома мы ведем очень нормальный образ жизни, а вино, напр., даже и на стол никогда не подается: Ф. М. его не признает абсолютно. Исключенья не делается даже и для пьющих гостей: «в чужой монастырь» и т. д. Я совершенно согласен с нею в этом отношении и признателен за ее заботы о моем здоровье, т. к. частое питье мне чрезвычайно вредно. Как, впрочем, и большинству людей. Но ведь это же аксиома. Но все-таки иногда я «схожу с ума»!.. Я человек большой веротерпимости, и меня несколько не удивили Ваши «городские» вкусы. И я придерживаюсь того же взгляда, что люди должны быть, по возможности, разнообразнее. Я люблю Вагнера, но люблю и Россини, и Грига. Люблю Гумилева и одновременно Гиппиус. Нахожу ценное в Лохвицкой, но не отвергаю и Ахматовой². И разве это не ясно? Но жить постоянно в городе, повторяю, не мог бы: слишком многое отвлекает от мишуры и того отвратительного — весьма разнообразного, — что является неотъемлемой принадлежностью только города, т. е. места чрезмерного скопления людей. Я люблю людей, мне интересных, все же остальные действуют на меня, в лучшем случае, удручающе. Вы говорите, что я религиозный человек. На мой взгляд, да, хотя я в церкви почти никогда не бываю и молюсь, большей частью, дома. Но и молитвы мои не только общепринятые, — я часто молюсь стихами. Я всегда чувствую крепкую связь с Подсознательным, с Высшим, и в этом никто, ничто не может меня разубедить. Я стараюсь не причинять

боли людям близким да и вообще. Вы пишете, Игорь не любит модных танцев. Они и мне совсем не нравятся, тем более, что последнее время это стало каким-то психозом и очень отвлекает людей от искусства, а я, как представитель его, не могу, конечно, этому радоваться. Я очень рад, что Ваш муж такой достойный и хороший человек, что поддерживает Вас и помогает в трудностях жизни. Одной Вам было бы неизмеримо хуже переносить все невзгоды. Эмигрантскую литературу я почти не вижу: книги очень дороги, но все же иногда приходится познакомиться то с той, то с другой. Эренбурга почти не читал. Хорошая книга — «Грамматика любви» Бунина³, «Оля» Ремизова⁴. Советских читаю больше. Нравится мне П. Романов⁵, Катаев, Лавренев, Шишков, Леонов. Гладкова не читал. Пильняка знаю ограниченно. Есенина лично не знал. Творчество его нахожу слабым, беспомощным. Одаренье было. Терпеть не могу Есенина, никогда книг в руки не беру после неоднократных попыток прочитать. Он несомненно раздут⁶. Убийственные вкусы публики! Да и в моих книгах выскивалось всегда самое неудачное. Все «тонкости» проходили — и проходят — незамеченными. Нравится ли Вам Гумилев, Гиппиус, Бунин⁷, Брюсов⁸, Сологуб — как поэты? Это мои любимейшие. Не знаю, писал я ли Вам, что, в сотрудничестве с женою, перевел «Антологию эстонской поэзии за сто лет»? Книга вышла в 1928 г. в Юрьеве⁹. Но теперь такие милые порядки, что я не получил ни одного экз., хотя автору полагается, по крайней мере, от 10 до 25 экз. Жена купила мне нашу же книгу!.. Вы слышали что-либо подобное? А «Классические розы»¹⁰ все еще печатаются... Это уже похоже на анекдот: с января! В ночь на Ивана-Купала, — это уже вскоре, — у нас ежегодно устраивается народное празднество: на лужайке над морем, на высоте 50 метров, жгут костры, играет духовой оркестр, составленный из рыбаков, молодежь танцует модные и старые танцы. Местные девушки и женщины одеваются в праздники по-городскому и строго придерживаются моды, да и кавалеры от них не отстают в этом отношении. Вообще, надо сознаться, далеко нашему крестьянину до эстонского. Все выписывают газеты, покупают журналы, дома содержат в поразительной чистоте, многие играют на пианино Сибелиуса, Листа, Бетховена, едят превосходно и вкусно, устраивают часто любительские спектакли, играя подчас даже Шиллера, обязательно ходят на лекции приезжающих из городов докладчиков, знают и чтут своих писателей, поэтов и художников, по праздникам посещают церковь (они лютеране). Народ трудолюбивый, честный, сдержанный, упорный, приветливый. Во всяком случае, более приветливый, чем финны, родственные ему, как и венгры. Страна преимущественно земледельческая, мелко-

собственническая. Коммунизм имеет успех лишь у безземельных крестьян и у городских рабочих, как, впрочем, и везде. Даже в армии, кстати сказать небольшой, но устроенной по последнему слову техники, солдаты живут по-человечески, у каждого свой прибор, перед обедом должны мыть руки, и традиционный русский траур ногтей здесь строго преследуется. Полное переобразование высшего образования, так что даже многие урядники окончили университет! Сильно развито автомобильное сообщение, — дороги все время ремонтируются и поддерживаются, — и экскурсии учащихся, весьма здесь распространенные, пользуются автокарами, автобусами и просто приспособленными для этой цели грузовиками. А о дешевизне можете судить хотя бы по тому, что пансион (полный, с постельным бельем) на лучшей даче в дивном парке стоит 70 эст. крон в месяц, т. е. 19 долларов с человека! Мы же проживаем все вместе — жена, я и содержание Вакха у бабушки — 15—16 долларов в месяц. И, благодарение Богу, с голода не умираем. Где можно найти такую дешевую страну? Эстония и Латвия. Меня очень интересует Ваша девическая фамилия. И, вообще, если бы Вы написали мне подробнее о своем детстве и юности, Вы доставили бы мне большое удовольствие. Вот Вы равнодушны к природе, но все же, вероятно, грустите иногда о своем имени? В какой губернии было оно, в каком уезде? Была ли река, парк? Напишите мне, дорогая София Ивановна. Кто из родных и родственников остался у Вас в России? Из какой национальности Ал<ександр> Гр<игорьевич>? Жизнь человеческая часто интереснее самой увлекательной книги, тем более жизнь человека, который тебя интересует. Иногда по маленьким штрихам каким-нибудь восстанавливается главное и значительное.

Вскоре я жду к себе из Праги своего давнишнего приятеля — эст. видного поэта и магистра философии Вильмара Адамса¹¹, и тогда мы с ним предпримем прогулку в Пюхтицкий монастырь¹², расположенный в озерном лесу, в 35 верстах от нас. Адамс пробудет, как пишет, у нас около месяца. Это очень талантливый и милый человек, идеально знающий русский язык и русскую литературу, хотя его специальность — скандинавская. Одни гости на днях уже уехали от нас, вскоре приедет жена другого эст. поэта — самого модного — из Юрьева. Но она в последнем градусе чахотки, эта обреченная, чуткая, изумительно красивая женщина¹³. «Я приеду, если жизнь моя не облетит вместе с лепестками яблони», как недавно писала она мне. Фелисса Мих. шлет Вам искренний привет. Нежно целую ручки Ваши, ярко вижу Харьков.

Игорь.

239

¹ См. письмо 4.

² В меняющемся ряду литературных пристрастий Северянина (это касается и перечисленных здесь и далее в письме писателей) Мирра Александровна Лохвицкая (1869—1905) — предмет неизменного (с 16-летнего возраста) преклонения. Ее творчество оказало воздействие на становление Северянина, ей посвящены стихотворения «Царица русского стиха» (1918), «Мирра Лохвицкая» (1926) и др. Большинству перечисленных в письме литераторов и композиторов посвящены стихотворения в сборнике «Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (Белград, 1934).

³ В библиотеке Северянина сохранился экземпляр книги И. А. Бунина «Грамматика любви» (Белград, 1929), изданной в серии «Русская библиотека». В этой же серии вышел сборник Северянина «Классические розы» (1931). Благодаря получаемым (нерегулярно) из Белграда изданиям серии, Северянин имел возможность знакомиться с литературой русского зарубежья. Часть этих книг также сохранилась в библиотеке поэта в Государственном литературном музее им. Ф. Крейцвальда АН Эстонии (Тарту). См. также примеч. 6 к письму 7.

⁴ Бывая в Париже, Северянин встречался с Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877—1957). Книга «Оля» (Париж, 1927), судя по дате надписи, подарена Северянину автором в одну из таких встреч: «Игорю Северянину — с прямой душой и открытым сердцем повесть о пламенном сердце. Алексей Ремизов 5.2.31 Paris». В числе других книг Ремизова, подаренных тогда же, «Оля» сохранилась в библиотеке Северянина. Воспроизведения дарительных надписей см.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 134. Сохранились и письма Ремизова к поэту, содержащие приглашения в гости, предложения получить его книги, сообщения об откликах в печати о парижских литературных вечерах Северянина (см.: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 27).

⁵ Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938), популярный в те годы советский писатель, автор вызвавшего бурные дискуссии рассказа «Без черемухи» (1927), уже в 1929—1930 годы выпустивший в Москве полное собрание сочинений в 12-ти томах.

⁶ Этой оценке творчества Есенина противоречат воспоминания Ю. Д. Шумакова, относящиеся к середине 30-х годов: «С неподдельным восторгом говорил Северянин о Есенине. Он знал наизусть „Анну Снегину“ и многие его стихотворения. <...> „Есенин — весенний гений <...>. Сергей — гордость русского народа“ <...> Смерть Есенина просто потрясла Игоря Северянина» (*Шумаков Ю.* Из воспоминаний об Игоре Северянине // *Звезда*. 1965. №3. С. 194). Однако сонет «Есенин» (1925) не содержит восторженной оценки, а в «романе в строфах» «Рояль Леандра» (Бухарест, 1935), датированном мартом 1925 года и воссоздающем предреволюционное десятилетие, Есенину посвящены лишь такие строки: «И, сопли утерев, Есенин/ Уже созрел пасти стада».

⁷ О знакомстве с И. А. Буниным весной 1938 года во время его поездки по государствам Прибалтики см. в очерке Северянина «Моя первая встреча с Буниным» (1939) (*Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 426—428).

⁸ Особым было отношение Северянина к В. Я. Брюсову. О знакомстве поэтов (сначала эпистолярном) в 1911 году по инициативе Брюсова, увлеченного, а затем разочарованного поэзией молодого Северянина, их взаимных обидах и примирении см. в очерке «Встречи с Брюсовым» (1927) и комментариях к нему (*Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 376—383, 483—492). Брюсову посвящены стихотворения Северянина:

«Валерию Брюсову» (1918), «Брюсов» (1918; «Никем не превзойденный мастер...»), «На смерть Валерия Брюсова» (1924), «Брюсов» (1926; «Его воспламенял призывный клич...»). Брюсов также посвящал стихи Северянину.

9 В 1928 году (фактически — в 1929) в Тарту в издательстве В. Бергмана вышел сборник «Поэты Эстонии. Антология за сто лет (1803—1902 г.)», включавший переводы Северянина тридцати трех авторов, выполненные по подстрочникам Ф. М. Круут. Будучи первым большим собранием переводов эстонской поэзии на русский язык, антология, однако, «не создавала достоверной панорамы», так как состояла, главным образом, из произведений внутренне близких Северянину или принадлежавших его друзьям (см.: Исаков С. Игорь Северянин и Эстония // *Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 33—34). Сам же поэт в предисловии объясняет это недоступностью для него «в приморской глуши» необходимых книг.

10 См. примеч. 9 к письму 3.

11 Адамс Вильмар (Вальмар) Теодорович (Адамс-Александровский Владимир Федорович; 1899—1993), поэт, литературовед, доцент Тартуского университета. О знакомстве с Северяниным 6 февраля 1920 года во время его поэзоконцерта в Тартуском университете В. Адамс написал в книге «Эста вступает в жизнь» (Таллинн, 1987, на эст. яз.). Главу «Игорь Северянин в Тарту» в переводе Ю. Д. Шумакова см.: «Венок сонетов: Игорь Северянин». Таллинн, 1987. С. 14—19. По окончании Тартуского университета со степенью магистра философии в 1929—1931 годах В. Адамс продолжал обучение в Пражском университете. О Северянине см. также: *Адамс В. Из воспоминаний современника* // Советская Эстония. 1987. 5 мая.

12 Имеется в виду православный Пюхтицкий Успенский женский монастырь, расположенный в эстонском поселке Куремяэ. Любитель дальних прогулок, Северянин нередко бывал и останавливался в монастыре, а в 1927 году посвятил ему цикл из шести стихотворений «На колокола» («Классические розы». С. 45—48). См. мемуарный очерк Ю. Д. Шумакова «Игорь Северянин в девичьем монастыре».

13 По-видимому, речь идет о Хильде Францдорф (1898—1941), жене эстонского поэта Хенрика Виснапуу (1890—1951), друга Северянина с 1919 года. Северянин много переводил Виснапуу, в том числе лирический цикл «Письма к Инг», посвященный Х. Францдорф (см.: «Из писем к Инг» (Из г. Виснапуу) // Сегодня. [Рига]. 1926. 11 июня. № 127. С. 6). О том, что В. Адамс и Х. Францдорф (?) побывали в Тойле, свидетельствует письмо Северянина к А. Д. Барановой от 5 сентября 1931 года: «Гости наши разъехались — <...> и маг<истр> фил<ософии> из Праги <...> и еще одна дама из Юрьева <...>» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 71).

6

Toila, 30 авг<уста> 1931 г.

Дорогая София Ивановна, только вот сейчас выискал свободную минутку, чтобы наконец написать Вам — рассказать, объяснить свое молчание, извиниться за него. Только недавно уехали от нас гости — прив<ат>-доц<ент> из Юрьева¹, дама оттуда же², маг<истр> филос<офии> из Праги³, барышня из Гунгербурга⁴, вдова эст. художн. из Ревеля⁵. При них я и к столу письменному не подходил, а сразу же после их отъезда сел за

писание лекций о Гумилеве и Лохвицкой⁶, чтобы иметь запас в предстоящей поездке. В прошлый раз я читал в Белграде в Научн. Инст. две лекции: 1. «Первая книга Фофанова» и 2. «Эстляндские триолеты Сологуба»⁷. Ежедневно вспоминал Вас все это время и мне ужасно хотелось написать Вам, но то одно, то другое всегда отвлекало. Кончается лето, такое ровное и яркое в этом году, алеет рябина, желтеют чуткие к осенним краскам липы, в лесу уже появились грибы и «горькая брусника», мы с Ф. М. готовимся к отлету в южные страны. Деньги — сбережения от Югославии и Парижа — иссякают, так что к середине сентября мы уже совсем бедными будем. И то хорошо в наше время — почти семь месяцев продержались, а это уж очень и очень много: французские поэты у себя на родине живут сегодняшним днем. Итак, мы думаем ехать на Балканы, опять на Балканы, т. к. в Югославии есть еще ряд городов, где я не успел прошлый раз выступить, напр., Марибор, Сомбор, Загреб, Новый Сад, Цетинье. Да и в некоторых нужно повторить вечера, как напр. в Белграде, Сараеве, Любляне (Лайбах). Но теперь возникает вопрос: как ехать — через Варшаву и Вену или через Берлин, Брюссель, Париж прямо на Любляну? Мне уж очень хочется с Вами, София Ивановна, повидаться, да и в Бельгию тянет, в воспеугу когда-то мною Бельгию⁸. Конечно, второй путь гораздо сложнее и без импрессарио проделать его рискованно в наше время. Но импрессарио теперь таковы, что их хватает буквально только на один город: я имею в виду импрессарио вечеров стихов, конечно. Это народ робкий, безденежный, маниаки в своем роде. Какой же солидный устроитель будет возиться со стихами?!. Публика, интересующаяся поэзией, малочисленная, неимущая, «придурковатая»... Во всяком случае, я напишу сегодня же своему импрессарио (распутинскому банкиру Рубинштейну)⁹ в Париж — спрошу его может ли он устроить, как хотел весною (тогда я не хотел!) третий вечер. Тогда он предлагал в зале Большой оперы!.. Я не шучу: он предлагал именно в этом помещении. Чем он руководствовался — его тайна... А, м. б., он не совсем нормален... Но вот с Брюсселем как поступить? М. б., у Вас есть кто-нибудь, знакомый с местными условиями, кто дал бы какой-нибудь совет или взял бы на себя организацию вечера? Выезжаем мы между 1—15 окт., так что можно было бы заранее — именно много заранее — зафиксировать день, чтобы не проживаться в отелях. Я и Рубинштейна попрошу о том же. Итак, наша встреча висит в воздухе. С каким удовольствием я никуда в эту осень не поехал бы, а принял Вас у себя. Увы, это невозможно, и вот приходится искать другие пути. Относительно Берлина не думаю, чтобы что-нибудь вышло, но попробую и сейчас же, вслед за

письмом в Париж, напишу своей знакомой в Берлин¹⁰ — зондируем почву. А уж из Югославии поедем, с Божией помощью, в Болгарию и, возможно, в Румынию. Не ехать нельзя, так как иначе мы здесь без денег и без кредита погибнем в первую же зиму. С деньгами здесь очень дешево и мило, без них — гибель, и ужасная притом. Хочешь — не хочешь — поезжай. Какое-то агасферство! Как Вы проводили свободные часы своего лета? Удалось ли Вам побывать где-либо? Напишите мне, хорошая, не сердитесь на мое длительное молчание, мне искренне больно, что я такой нескладный и не мог найти минутки, чтобы давным-давно Вам черкнуть. Но вот приехали люди, постоянные прогулки, разговоры, чтение вслух, и я вышел из колеи. А потом — эти лекции. Что касается снимка, до сих пор, верите ли, не удосужился попасть в Иеве. Как-то в июле ездил один (Ф. М. не захотела) в Гунгербург к знакомым за 37 килом., думал там сняться. Но приехал туда уже в семь час. веч., когда фотографии заперты, а ночевать не мог, т. к. меня ждал автомобиль, кот. дорого берет за каждый час ожидания. Или пришлю Вам карточку из Ревеля, где буду брать загран. паспорт, или же... привезу Вам лично! Книга, печатающаяся в Белграде, не вышла до сих пор¹¹. Это ли не возмутительно?! Читали ли мои стихи в «Числах», № 5?¹² Целую Ваши ручки. Ф. М. шлет Вам искренний привет. Я себя как-то странно чувствую. М. б., влияет предстоящая поездка? Не знаю.

Всегда Ваш Игорь.

¹ Имеется в виду Правдин Борис Васильевич (1887—1960), литератор, преподаватель (приват-доцент) Юрьевского (Тартуского) университета; участник, наряду с Северяниным и В. Адамсом-Александровским, альманаха «Via Sacra» (Юрьев, 1922). Приезжая в Юрьев, Северянин обычно останавливался у Правдина (см.: *Шумаков Ю. Игорь Северянин в Эстонии // Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 434—435*).

² См. примеч. 13 к письму 5.

³ 5 августа 1931 года Северянин писал: «У нас гостит Адамс. Целыми днями — стихи, острые разговоры. Приезжайте в субботу <...>» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман; см. также прим. 11 к письму 5).

⁴ Речь идет об Ирине Константиновне Борман (1901—1985), дочери гунгербургского домо- и дачевладельца, поэтессе, выступавшей под псевдонимом «ИрБор», участнице таллинского «Цеха поэтов», руководимого Ю. П. Иваском. С юности увлеченная поэзией Северянина, И. К. Борман познакомилась с поэтом летом 1927 года и до конца жизни оставалась пропагандисткой его творчества. Ей посвящены «Стихи сторяча» (*Игорь Северянин. Классические розы. С. 101—102*). О ней же писал Северянин 5 октября 1934 года С. И. Карузо, рассказывая, что летом ездил «в Гунгербург к одной приятельнице, у которой из шести дач осталось только две — остальные прокушала за эти годы! Эта барышня (русская) пишет стихи, рисует, читает на эстраде, поет (меццо!). Ей 28. Знаю ее лет семь.

Ежегодно приезжает к нам летом. Оригинальна, смела и очень нравственна. С нею бывает уютно почитать, побеседовать. С нею, с этой Ириной». О встречах с поэтом И. Борман оставила воспоминания: Игорь Северянин в Тойле // Русская мысль. [Париж]. 1992. 14 февр. № 3916. С. 10—11. Подробнее об И. К. Борман см.: Радуга. [Таллинн]. 1989. № 5. С. 72—77.

⁵ Имеется в виду художница Агата Везбер (род. 1901), вдова художника Куно Везбера (1898—1929).

⁶ Сведений о чтении Северяниным подобных лекций найти не удалось.

⁷ Лекция «Первая книга Фофанова» состоялась 20-го, а «Эстляндские триолеты Сологуба» 29 декабря 1930 года (см.: Тарановский Ф. В. Русский Научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности (с 1928/29 по 1933/34 акад. год включ.) // Записки Русского Научного Института в Белграде. Вып. 11. Белград, 1935. С. 221). Очевидно, именно эта лекция о Сологубе была опубликована в варшавской газете «За свободу!», о чем Северянин писал рижской знакомой Г. Н. Рустейкес 20 декабря 1927 года: «Да, смерть Сологуба меня очень опечалила, Вы правы. Он умер 5.XII, а 4.XII в „За свободу!“ появилась моя о нем статья (очень большая): „Сол. в Эстляндии“. Накануне смерти. На днях написал еще две большие статьи: „Салон Сологуба“ и „Эстляндские триолеты Сол.“» (Собрание М. С. Лесмана. Автор выражает глубокую признательность Н. Г. Князевой за возможность работать с северянинскими письмами). Статья «Салон Сологуба» вышла в рижской газете «Сегодня вечером». 1927. № 291 (см. также: Даугава. 1989. № 7. С. 86—88). Статья, озаглавленная «Триолеты Сологуба, написанные им в Тойле», опубликована в газете «Вести дня» (Таллинн). 1934. № 194 (21 авг.). Эта и две другие статьи, посвященные Сологубу, включены в сборник «Сочинений» Северянина (Таллинн. 1990. С. 384—401): «Сологуб в Эстляндии» (по рукописи, хранящейся в РГАЛИ) и «Умер в декабре. (Памяти Ф. Сологуба)» (по публикации газеты «Сегодня» [Рига]. 1927. № 280 (11 дек.)). Все перечисленные публикации носят мемуарный характер и, наряду со стихами Северянина, посвященными Сологубу и его жене, А. Н. Чеботаревской (1876—1921), их перепиской, свидетельствуют о дружеских взаимоотношениях. Ф. Сологуб — автор предисловия к первому большому сборнику Северянина «Громокипящий кубок». СПб.: Гриф. 1913. [С. 5]. В архиве Ф. Сологуба в ИРЛИ сохранились письма к нему Северянина (9 писем, 1 телеграмма, за 1912—1921 годы (Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 615), автографы стихотворений за 1911—1915 годы (Оп. 7. Ед. хр. 31), письма (35) за 1912—1916 годы к Ан. Н. Чеботаревской (Оп. 5. Ед. хр. 237), биографические документы поэта (Оп. 6. Ед. хр. 34). В составе личной библиотеки Сологуба — книги Северянина с дружескими надписями. Так, на титульном листе второго издания «Громокипящего кубка» (1913) записано: «Дорогому Фед. Куз. Сологубу — любящий автор. 1913. Осень» (Библиотека ИРЛИ. ^{1939и}/₃₄₆₀).

⁸ Очевидно, Северянин имеет в виду стихотворение «Поэза о Бельгии», написанное в октябре 1914 года, после артобстрела немцами Брюсселя (*Игорь Северянин*. Victoria Regia. М.: Наши дни. 1915. С. 109—110).

⁹ Рубинштейн Дмитрий Львович (1876—1936) — адвокат, биржевой деятель, основатель и распорядитель Русско-французского банка в Петербурге. Поддерживал деловые отношения с Г. Распутиным.

¹⁰ Сообщая А. Д. Барановой предполагаемый маршрут поездки, Северянин писал 5 сентября 1931 года: «Все будет зависеть от графини К<арузо> в Брюсселе и от одной дамы в Париже: если удастся там организовать вечера, мы поедем через Берлин. <...> Хорошо было бы и выступить где-либо попутно, хотя бы и в небольшом зале» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 71). Судя по всему, поездка в Берлин не состоялась

(ср. в письме к тому же адресату от 5 февраля 1932 года: «Когда-то мы еще попадем в Берлин: он не по пути всегда...» — там же. С. 75). «Дама в Париже» — возможно, Тэффи (Надежда Александровна Бучинская; 1872—1952), писательница, сестра Мирры Лохвицкой, жившая с 1920 года в Париже. Северянин ценил ее творчество, поддерживал с ней добрые отношения: встречался во время поездок, состоял в переписке (см.: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. № 13), посвящал ей стихи (см. воспоминания Тэффи: «Мои современники: Игорь Северянин» // Слово. 1992. № 8. С. 64). В неизданной книге Н. А. Тэффи «Моя летопись. Воспоминания» есть глава о Северянце (см.: РГАЛИ. Ф. 1174. Оп. 2. № 13. Лл. 33—37).

¹¹ См. примеч. 9 к письму 3.

¹² В парижском журнале «Числа» (1931, № 5) опубликованы стихотворения Северянина: «Отличной от других», «Моя удочка», «Не более чем сон», «Осенние листья», «У лесника». В этом же номере помещена статья Н. Оцуца «Северянин в Париже» (с. 264—265).

7

Toila, 17.IX.1931 г.

Светлая София Ивановна!

Пишу Вам в день Вашего Ангела — приветствую Вас! Ваше письмо я получил на днях. Благодарю за хлопоты и советы. Пока не получил письма из Парижа и Берлина¹, подожду писать в «Баян»². Относительно Югославии имею уже два предложения: из Белграда и Любляны (по два вечера). Если Париж отпадает, поедем на Варшаву — Вену — Люблян, и, значит, в эту осень с Вами не удастся повидаться, что для меня крайне досадно. Ваши карточки я своевременно получил, — неужели же я забыл поблагодарить Вас тогда же? Простите мою рассеянность, пожалуйста. Одна из этих фотографий живо напомнила мне Вас в харьковский период — догадайтесь, какая?... То, что и Вы, и А. Г. лишаетесь в ближайшее время работы, положительно страшно в наше время, но я твердо знаю, что вам обоим удастся что-либо найти, — я так чувствую. Надо только верить в светлое, и оно будет непременно: беда властна исключительно при сомнениях. Сама жизнь в наших руках: «Жизнь в нашей власти...», «Смерть — малодушие твое...». Мы с женою хотели бы, чтобы Игорь приехал на будущее лето к нам. Нам хотелось бы лично с ним познакомиться, п р о с м о т р е т ь его, познать. Этот приезд не был бы ни в каком отношении лишним, ненужным. Но только, как знать, что будет с нами и со всей Европой через год? Эта безработица, эти крахи, эти взрывы поездов — симптомы угрозные. «Коммунизму» и «капитализму» — этим двум понятиям, этим двум мироощущениям — никогда не ужиться вместе. Их столкновение — ужасающе-страшное — в конце концов

совершенно неизбежно, и у меня нет ни малейшей уверенности в победе капитала. Собственно говоря, жестоки и бессердечны обе системы, и я не приверженец ни одной из них. Остается надеяться лишь на то обстоятельство, что коммунизм в Европе выразится в более культурной и терпимой форме, нежели там, на востоке... Но сперва будет и в Европе отталкивающе, это ясно, и пережить это время не так-то просто и легко. Сколько будет невинных жертв, недоразумений всяческих и недоумений. Я — индивидуалист, и для меня тем отчаяннее все это. Затем я никогда не примирюсь с отрицанием религии, с ее преследованиями и гонениями. Но не скрою, много правды и у «коллектива». Как все это сочетать, сгармонизировать — вот вопрос.

Разрушение Храма Христа Спасителя³ производит на меня отвратительное впечатление. Я все время жду чуда, которое потрясло бы русский народ, заставило бы его очнуться. Но священники, в своей массе, сделали, кажется, в свое время, все от себя зависящее, чтобы поколебать народную веру... И вот теперь результаты. Все это так тоскливо и безнадежно, что даже говорить подробнее об этом не хочется...

Вчера от нас уехал последний гость — молодой поэт из Варшавы⁴. Он пробыл у нас неделю, и совершенно очаровался здешней природой. Славный мальчуган, но круглая бездарность. Как и большинство русской поэтической молодежи, впрочем. Все эти «Числа», «Соврем. записки»⁵ — сплошное убожество в смысле поэзии. А какой апломб! Какая наглость! Какая беззастенчивость! Иногда меня эти «поэты» положительно возмущают. И как непоправимо они бездарны!.. На днях я получил из Белграда от Палаты Академии Наук целый ворох книг — все издания «Русской библиотеки»⁶. Сюда вошли и Куприн, и Шмелев, и Бунин, и Мережковский, и Гиппиус, и Лазаревский, и Зайцев, и др., и др. Я очень тронут этой любезностью. Теперь мы на много недель обеспечены чтением. Только когда же читать, если уедем? Впрочем, несколько книг я уже успел прочесть, так напр. «Синюю книгу» Гиппиус⁷ (дневник дней революции). Нахожу ее взгляд совершенно правильным. Всецело к ней присоединяюсь. Вы читали? Прочтите непременно. А какая тонкая и прелестная книга Тэффи — «Книга июнь»⁸. Это бесспорно лучшая из ее книг. В ней столько своеобразной, глубокой и верной лирики. Да и стихи Тэффи иногда очаровательны: недаром она сестра своей Сестры — Мирры Лохвицкой. У нас стало уже заметно холоднее, желтеют слегка деревья, воздух прозрачнее с каждым днем, на море часто штормы. Я так люблю северную осень и так рад, что начало ее еще застану на севере. Не понятно Вам все это, к сожалению. Вот и стихи мои в «Числах»⁹ Вам не нравятся, а,

между тем, это одни из лучших моих стихов последнего времени. А мне кажется, непонимание Вами природы, неумение проникнуться ею у Вас происходит оттого, что Вы бывали в ней не в той среде, в какой было бы нужно. Не может быть, чтобы в Вас не жило к ней предрасположения. Это дремлет в каждом человеке. Нужно уметь только пробудить. А для этого необходима соответственная обстановка, чувствования, — мало ли еще что.

Целую ручки Ваши, любящие перелистывать иногда томики стихов, нежно думаю о Вас, от всего сердца поэта желаю Вам радости и блага, почти болезненно хочу порой видеть Вас — существующую и мечтанную, угадываемую, но и «городскую», т. е. такую, какая Вы сейчас, со всеми Вашими срывами, болезненными изломами, как Вы сами говорите, столь близкими мне, «здоровому»!..

Ваш Игорь.

P. S. Искренний привет от Фелиссы Михайл.

¹ См. прим. 10 к письму 6.

² Возможно, имеется в виду русское певческое общество «Баян» в Риге.

³ Храм Христа Спасителя в Москве был разрушен 5 декабря 1931 года. Сообщения в печати о намерении появились уже летом того же года (см.: *Хан-Магомедов С. К.* К истории выбора места для Дворца Советов // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 1. С. 21—23; *Эйгель И.* К истории построения и сноса Храма Христа Спасителя // Там же. 1988. № 7. С. 30—33).

⁴ О ком идет речь, выяснить не удалось. Ср. в письме к А. Д. Барановой от 5 сентября 1931 года: «Дня через два приедет один поляк из Варшавы» (*Игорь Северянин.* Письма к Августе Барановой. С. 71).

⁵ Журнал «Числа» издавался в Париже в 1930—1934 годах, «Современные записки» — там же в 1920—1940 годах.

⁶ К этому периоду в серии «Русская библиотека» (Белград) вышли следующие издания перечисленных авторов: *Курпин А. И.* Елань (1929), Колесо времени: Роман. Рассказы (1930); *Шмелев И. С.* Вьезд в Париж (1929), Родное: Из потерянной рукописи (1931); *Бунин И. А.* Грамматика любви (1929); *Мережковский Д. С.* Наполеон. Т. 1—2 (1929); Тайна Запада. Атлантида-Европа (1931); Иисус неизвестный. Т. 1—2 (6. г.); *Гиппиус З. Н.* Синяя книга: Петербургский дневник 1914—1917 (1929); *Лазаревский Б. А.* Лиза: Рассказы (1930); *Зайцев Б. К.* Избранные рассказы. 1904—1927 (1929).

⁷ О «Синей книге» З. Н. Гиппиус см. в предисловии к данной публикации.

⁸ *Тэффи Н.* Книга-июнь: Рассказы. Белград, 1931. (Русская библиотека). Ср. в письме к И. К. Борман от 5 марта 1932 года: «Лучшей книгой эмиграции остается по-прежнему вышедшая в свет летом в Белграде „Книга (?)“ Тэффи, где она уже не только юморист, но и тончайший, о р и г и н а л ь - н е й ш и й лирик» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман; автор публикации Г. Григорянц, очевидно, не смог прочесть заглавие книги. — Л. И.).

⁹ См. прим. 12 к письму 6.

Toila, 24.IX.1931 г.

Светлая София Ивановна, благодарю Вас за адрес Стародуба¹, но пока я ничего, к сожал., не могу ему написать, т. к. почему-то Рубинштейн² молчит, молчит необъяснимо, — чего с ним раньше не случилось, — и я не знаю, поедем ли мы на Париж. Из Берлина вести неутешительные, но я не очень-то и рассчитывал на него. Во всяком случае, одно Вам скажу: так хочется повидаться с Вами, что я согласен ничего на Брюсселе не «взять», лишь бы окупилась расходы по дороге и отъезду. Так вот, если Вы встретите Стародуба или секретаря Союза, м. б., Вас не затруднит дать им понять, что я хотел бы минимальную гарантию в размере 1500 франц. франков (себе-стоимость дорожного крюка). Раньше 15 окт. мы отсюда не выедем. Остановки будут в Ревеле, Юрьеве, Риге, Ковно и Берлине (на один день), следов., в Брюсселе могли бы быть около 25—30 окт. Вчера получил письмо от режиссера Госуд. оперы в Белграде — Ю. Л. Ракитина³. Предлагает прочесть в Союзе писат. лекцию о Сологубе⁴. Так что теперь имею в Белграде лекцию и два концерта. В случае неудачи в Брюсселе, поедем из Риги на Варшаву, Вену, Любляну в Белград. Но это было бы крайне досадно, нельзя простить себе этого — не побывать в Бельгии, не повидаться с Вами. Сегодня посылаю Вам только что вышедшую книгу⁵.

Целую Ваши ручки. Фелисса Мих. шлет Вам свой привет.

Неизменно Ваш

Игорь.

¹ О ком идет речь, выяснить не удалось.

² См. прим. 9 к письму 6.

³ Ракитин (наст. фам. Ионин) Юрий Львович (1882—1952) — актер, режиссер Александринского театра, литератор. После Октябрьской революции оказался в Константинополе, в 1920 году переехал в Белград, где позднее у него бывал и останавливался Северянин. Служил режиссером Сербского Народного театра в Новом Саде (под Белградом), писал пьесы для русских эмигрантских трупп в Югославии. Будучи знаком с Гумилевым, Блоком, писал статьи об их творчестве, с последним состоял в переписке (см.: Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к А. Блоку. М., 1979. С. 381). Был активным деятелем эмигрантских литературных кругов, явился одним из создателей Союза русских писателей и журналистов в Югославии (1925—1935). О Ю. Л. Ракитине см.: Бурић О. Руска литерарна Србија. 1920—1941. Писци, кружоци и издања. Белград. 1990. По указателю; о Союзе писателей (в том числе о выступлениях Северянина): там же. С. 144—160.

⁴ См. прим. 7 к письму 6.

⁵ См. прим. 9 к письму 3.

Toila, 13.X.31 г.

Дорогая София Ивановна! Посылаю Вам вид с моря на наш берег. Видите, как мы высоко забрались! Жаль покидать такую прелесть, но ничего не поделаться: 20 окт. мы уезжаем. Сообщаю адрес, где будем около 8—15 ноября: M<onsi>eur J. Rakitin.¹ Rimska, 13. Belgrade. Yougoslavie. М. б., пришлете туда несколько слов,— буду очень им рад. Я рад чрезвычайно, что книга Вам по вкусу². В Белграде еще две готовятся, да теперь везу с собою две³. Все 1922—31 гг. Конечно, напишу Вам с пути. «Итак, мы начинаем!..» И Фелисса Мих., и я сердечно Вас приветствуем.

Ваш Игорь.

¹ См. прим. 3 к письму 8.

² См. прим. 9 к письму 3.

³ Помимо «Классических роз» в Белграде была издана книга Северянина «Медальоны» (1934) (см. прим. 7 к письму 23).

10

Варшава, 3.XI.1931 г.

Дорогая София Ивановна, мы выехали из Тоила, как и предполагали, 20.X, три дня провели в Ревеле, три в Юрьеве, два в Риге, и вот уже пятый день в Варшаве. Сегодня даю здесь вечер, и завтра днем уезжаем в Югославию. Первый вечер в ней состоится 6.XI в Мариборе, второй 8.XI — в Любляне (Лайбах). Оттуда едем в Белград, где буду ждать Вашей весточки. В Риге побывали на «Тангейзере»¹. Очень хороший и большой оркестр (72 чел.). Певцы удовлетворительны, но герой оперы — ужасен. Некто Берзинь². Так толст, что стоять не может,— все присаживается. Вчера были в Литер. Содруж.³ по приглашению. Молодежь читала себя. Ежедневно видимся с Е. И. Арцыбашевой, вдовой Мих. Петр.⁴, и супругами Бельмонт⁵. Он — известный адвокат, поэт, лектор и переводчик «Онегина». Знакомы с ними с 1924 г. Фелисса М. и я шлем Вам искренние приветы. Целую Ваши ручки.

Всегда с Вами

Игорь.

¹ Опера Р. Вагнера «Тангейзер» была поставлена в Риге, в Латвийской национальной опере (ныне Латвийский театр оперы и балета).

² Берзинь (Берзиньш) Рудольф Янович (1881—1949), певец (тенор), общественный деятель. В 1908—1919 годах жил в эмиграции, в 1919—1928 — солист Латвийской национальной оперы.

³ Скорее всего, речь идет о Содружестве польских литераторов и журналистов, основанном в Варшаве в 1906 году (сообщено С. И. Николаевым).

⁴ Писатель Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) и его жена, Елена Ивановна Арцыбашева (рожд. Княжевич), актриса театра Незлобина, эмигрировав в 1923 году, поселились в Варшаве. Там же, вместе с Д. В. Философовым, Арцыбашев издавал антисоветски направленную газету «За свободу!», в которой, избегая не свойственной ему политической тематики, в 1920-е—начале 1930-х годов сотрудничал Северянин. После смерти М. П. Арцыбашева, в начале 1930-х годов Е. И. Арцыбашева переехала в Бухарест, где с ней также встречался Северянин (см. письмо 22). См. также сонет Северянина «Арцыбашев» (За свободу! [Варшава]. 1927. № 103. 7 мая. С. 3).

⁵ Бельмонт Лео (Блаументаль Леопольд; 1865—1941), польский адвокат, общественный деятель и поэт, открывший «новую эпоху в истории польских переводов русской поэзии», «впервые в 1902 году опубликовавший на польском языке „Евгения Онегина“» (Поляк С. Русская поэзия в польских переводах // Вопросы литературы. 1964. № 11. С. 191). Восторг перед разносторонностью своего приятеля Северянин выразил в стихотворении «Бриндизи Лео Бельмону (Литературный обед в варшавском «Эрмитаже» 6 окт. 1924 г.)» (публикация по рукописи: Игорь Северянин. Классические розы. Медальоны. М.: Худож. литература. 1991. Серия «Забывтая книга». С. 209—210). В письме к Г. А. Шенгели от 10 марта 1928 года Северянин, рассказывая о недавней поездке в Польшу, писал: «В Варшаве мы пробыли ровно три недели, гостя у одного весьма популярного в Польше адвоката — поэта, переводчика „Евгения Онегина“ (целиком, конечно)» (Игорь Северянин. Стихотворения и поэмы. 1918—1941. М., 1990. С. 404). К этому же периоду относится стихотворение Северянина «Я — млечного пути сиянье... (Из Лео Бельмонта)» // Сегодня. [Рига]. 1928. № 55. 26 февр. С. 4. Литературу о Л. Бельмонте см.: Польская художественная литература в русской и советской печати: Библиографический указатель. Warszawa, 1982. Т. 1. С. 125—127.

11

София. 18.XI.1931 г.

Дорогая София Ивановна, шестой день мы здесь. 20-го даю вечер¹. После Варшавы побывали в Мариборе, Птуе, Любляне и Белграде. В этом году путь меня сильно утомляет, и общее самочувствие не из приятных: слишком напряженная деятельность. Горек удел — ездить, не желая ездить. Шумы города почти уже невыносимы. Я чувствую, как я теряю здоровье окончательно. На мне все заботы по передвижению, визированию пасп., назначенью чисел, а это самое ужасное, т. к. не назначив заранее — теряешь массу денег на прожитье, а назначив — не можешь повторить вечер, в случае успеха, в том же городе. В

результате — опять потеря. Ежедневная, еженощная мечта — домик на севере, лес, море. А главное — тишина. Тишина наша благословенная, святая, чистая! Целую Ваши ручки. Ф. М. шлет привет.

Ваш Игорь.

¹ Министерство народного просвещения Болгарии выделило Северянину безвозмездно 5000 левов для организации и проведения «поэзовечеров» в Софии и других городах. «20 в половине девятого вечера состоялся первый „вечер поэзии“ („поззоконцерт“) в салоне „Славянская беседа“ на улице Славянской в доме номер шесть» (*Йорданов Хр.* Игорь Северянин в Болгарии // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2-х т. Л.: Наука. 1977. Т. 2. С. 148.

12

Toila, 8 января 1932 г.

Дорогая София Ивановна! Ваше письмо на Белград я получил 20.XII, в день своего из Софии возвращения,— благодарю Вас. Мы провели в Болгарии пять недель. Я дал по два концерта в Софии, Пловдиве и Плевне, по одному в Стара Загора, Казанлык, Сливене и Тырново. 27-го дал концерт в Белграде, а 28-го вечером мы выехали прямо домой, куда и приехали первого в 10 ч. веч. 22-ое декабря провели в Сараево у одной милой русской женщины¹, с которой познакомились в прошлом году, а 23—25-ое в Дубровнике у своих друзей Сливинских², арендующих прелестную виллу с окнами на Адриатику. Странное было Рождество: 22 градуса тепла, все гуляли без пальто, цвели всюду розы, мимозы, глицинии, зрели мандарины и апельсины...³ И вот такая резкая сразу перемена: морозы, снега, вьюги. И это так пленительно. Усталость очень большая: семь ночей мы почти не спали, т. к. ночь в Белграде в счет идти не может: концерт затянулся, после него 16 человек устроили ужин в «Трех шеширах»⁴, и ужин этот окончился только в 4 ч. у., а в 8 мы были уже на ногах.

Я спешу написать Вам — приветствовать Вас и поздравить с прошедшими праздниками Р. Х. и Новым Годом. Я очень доволен своей поездкой, которая, несмотря на кризис, оказалась, благодарение Богу, довольно удачной. Когда немного приду в себя, напишу Вам побольше. Вы же, не ожидая, напишите мне теперь же,— я так люблю Ваши строчки.

Целую ручки Ваши.

Неизменно с Вами

Игорь.

¹ На следующий день, 9 января, Северянин писал И. К. Борман: «По-бывали и в Сараево у милейшей из милых, Валентины Васил. Берниковой, которую я 11 месяцев не видел и уж очень захотел видеть: не поленился для этой цели 16 часов просидеть в купе, натоппленном, как баня...» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман (Из архива М. Харизи) / Публ. Г. Григорянца // Молодежь Грузии. 1989. 14 окт.). Речь идет о Валентине Васильевне Берниковой (рожд. Скворцова; 1902—1983). Родилась в Киеве, окончила петербургскую гимназию, затем училась в Париже и Сорбонне, став преподавателем французского языка. С 1929 года В. В. Берникова жила с мужем в Югославии, в Сараево, где в январе 1931 года на одном из поэтических вечеров Северянина состоялось их знакомство. Встречались они и во время последующих пребываний Северянина с Ф. М. Крууз в Югославии: летом 1932 и 1933 годов. При содействии Северянина в Нарве в 1934 году был издан сборник Берниковой «Хрупкие цветы», открывающийся его стихотворением «Вместо предисловия» (1933). Ей посвящен цикл из 11 стихотворений, написанных Северяниным в замке Хростовец в 1933 году (см.: *Плюханов Б. В.* «Валентине Берниковой — Игорь Северянин» // Таллинн. 1988. № 1. С. 110—114). Четыре стихотворения из цикла опубликованы также М. А. Дудиным в журнале «Нева» (1987. № 5. С. 184—185). В 1957 году В. В. Берникова вернулась в СССР, до конца дней жила в Риге, откуда после ее кончины, по ее завещанию, в Пушкинский Дом была передана тетрадошка с посвященным ей циклом и другими стихотворениями Северянина и групповая фотография: Северянин с женой и Берникова с мужем в замке Хростовец в 1933 году (см.: ИРАИ. Р. 1. Оп. 25. № 466, 467).

² Сливинский Александр Владимирович, полковник Генерального штаба, и его жена Мария Андреевна, узнав из газет в январе 1931 года о прибытии Северянина на Адриатику, встретили поэта с женой на вокзале и пригласили остановиться на их загородной вилле «Флора мира» (см. об этом в рассказе «Гроза в Герцеговине» // Юность. 1987. № 4. С. 90—92). Звучным названием виллы подписан ряд стихотворений Северянина, созданных на Адриатике. В библиотеке Северянина (Тарту, Гос. литературный музей им. Ф. Крейцвальда) сохранилась книга А. В. Сливинского «Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 авг. 1914 г. у д. Ярославце». Сербия, 1921, с надписью: «Милому Игорю В. Северянину — великому русскому поэту на память о днях, проведенных вместе в Дубровнике. 24.I.31. А. Сливинский». В эту же зиму у Сливинских гостил бывший член Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин (1878—1976) — «обаятельный собеседник» («Гроза в Герцеговине», с. 91), «спутник наших адриатических блужданий и просветитель по части красавиц из Конавли...» (Письма Игоря Северянина Ирине Борман). См. также письма Шульгина Северянину 1924—1933 годов в Гос. литературном музее им. Ф. Крейцвальда АН Эстонии (Тарту, F.216 М 2:8, М 4:8), воспоминания его 1950—1952 годов (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 4. Ед. хр. 53), где воспроизводится по памяти сонет Северянина «В. В. Шульгин» (опубликован в статье Д. Жукова «Ключи к „Трем столицам“» — *Шульгин В. В.* Три столицы. М. 1991. С. 398). Оригинальный текст сонета, написанного в Кишиневе 18 февраля 1934 года, см.: «Новый журнал». 1993. № 2. С. 82. Фрагменты воспоминаний Шульгина о Северянине приведены в статье М. Петрова «Рад каждому, кто рад мне...» (Труд. 1989. 16 июля).

³ См. стихотворение Северянина «Рождество на Ядране» в сборнике «Адриатика» (Нарва, 1932).

⁴ «Три шешира» — популярный среди интеллигенции ресторан в Белграде. В архиве Северянина находится открытка с изображением ресторана, на обороте которой — зарисовка стола с обозначением мест, где сидели Северянин и Ф. М. Крууз, а также десять подписей (очевидно, участников ужина) (Тарту, Гос. литературный музей им. Ф. Крейцвальда. F. 216. I. Severjanin. M. 4: 9. L. 2).

Toila, 27.I.1932 г.

Дорогая София Ивановна,

Ваше письмо меня огорчило и встревожило: ради Бога, не зовите смерть! Поверьте, что все войдет в колею, и Вы еще узнаете радостные, взволнованные и волнующие дни. Теперь уже все вскоре должно выясниться: или гибель цивилизации, или же возрождение. Середины, по всей вероятности, не будет: эта «середина»-то и губит, и томит. Середина — это наше время, вот эти самые годы и месяцы. Так больше продолжаться не может: взрыв близок. Губительный или спасительный — покажет ближайшее будущее. Конечно, мне так понятна Ваша угнетенность. Конечно, я всей душой Вам сочувствую и понимаю Вас. Но потерпите все же, не делайте опрометчивых шагов. Разве же Вы сами не чувствуете близости надвигающегося? Нельзя не чувствовать...

Что касается меня, я в каком-то странном настроении, надо думать — временном, связанном с переходным периодом: не нахожу в себе достаточно оправдания своим трудам... все так проходяще, шатко, условно. Много тем и даже, если хотите, настроения, но я умышленно гашу в себе желание работать, и... не работаю... Все жду чего-то, сдается. Писал в июле. Затем до Рождества ни строчки. На Рождестве в Дубровнике не утерпел — набросал три стихотворения¹. В январе ни строчки. Опять. Однако, меня это почти не тревожит: настанут хорошие дни — поработаем, не настанут — и не надо, значит, было. Никому и ничего не надо. Что же, отдохнем пока. Пока есть вера в это «пока»...

Вы в письме в Белград сказали, спросили, вернее, неужели меня не тянет иногда в большие центры, неужели я не бываю иногда захвачен их темпом? Иногда, действительно, тянет, но, я сказал бы, не в города, а в иную природу, но на очень короткое время. Такой город, как Дубровник, — всегда приятен — Адриатика, климат, малочисленность жителей прельстительны. Да и то не всегда — опять-таки иногда, зимою, глубокою осенью. Проехаться, пожить месяц-другой, поработать там и... обратно. К себе на север. В бедную, убогую избушку у бедного, серенького моря. Странно Вам? Но это так. Ах, разнообразны люди...

Про Мадлену² Вы спрашиваете. Ей теперь 50 лет. Она в Югославии. В южной Сербии, около Скопье. Живет с сыном-инженером. Женатым. Павел Леонидович... Смешно мне: помните в «Златолире»? «Песенка-весенка»?

«Поймать стараясь Павлика,
Шалун бежит к лесам...»

Я видел этого Павлика карапузом. Он теперь инженер... В прошлом году, в Белграде, по поручению Мадлены, нас отыскала невеста Павлика. Скромная. Из хорошей семьи девушка. Миленькая. Представилась. Посидела. Передала привет от нее... Пришла на концерт. Принесла фотографии. В пачке их была и она. Теперешняя. А Мадлена, узнав из газет о моем вечере, прислала на зал Университета письмо. Мне подали его в антракте: приветствует приезд. Гордится. Радуется. С мужем разошлась. Уже не первый раз это. Возобновилась переписка. В июле оборвалась как-то: слишком мы разные люди. Мучила она меня годы. Все целомудрие свое оберегала. Бранила мужа всячески в письмах ко мне. Бранила и... никак не могла расстаться. Началось наше знакомство в 1911 г. летом в «Дылицах». Это дачная местность между Гатчиной и Ямбургом. Часа 3 езды от Петербурга. Самая обыкновенная заурядная обывательница. Очень красивая. Из хорошей семьи. Взбалмошная. С навязчивыми идеями. Скверный характер. Неуживчивая. Нытик. Холодная. Не очень нежная. Нежности вообще не было. Практичная. Рассудочная. Нужно было быть поэтом, чтобы заинтересоваться ею. Создать ее... Давно ничего не осталось... от ничего!.. Иначе и быть не могло, впрочем.

27го дек. 1931 г. я дал вечер в Белграде. После концерта пошли ужинать в «Три шешира». Собралось много друзей. Прошлогодных. Белградских. Было человек 15. Среди них новый один — инженер Арефьев³. Разговорились. Служит на том же руднике, где и «Павел Леонидович»... Спросил у нового знакомца: «А Вы мать его знаете?» — «Нет, не знаком, но видел у него однажды какую-то старушку»... Боже, София Ивановна! Мадлена — какая-то старушка!.. Ведь безразлично мне это все, глубоко безразлично, но эта «старушка!» Этот пренебрежительный тон!.. Как я постарел, однако, оказывается!

Виноват я перед Вами, дорогая: все никак не мог удосужиться сняться для Вас. И многие меня просили. Дважды были в Риге — и туда, и обратно. Но Финка не увидели⁴. В первый раз не было приема, на обратном пути были поздним вечером и пробыли в Риге всего 3 часа. Но вот подождите уж недолго: снимусь в городке Иеве и вышлю. Главное — я помню. А если помню — исполню. И в Софии можно было сняться, да настроенья на это не было. А как просили болгаре! Нет, не пошел, дала им Фелисса Мих. старую карточку для переснимка. А потом приходили в отэль фотографа, снимали, помещали в газетах и... пропадали куда-то. Впрочем, все это плохие снимки.

София Ивановна, мучает меня, что тяжело Вам. Помочь хотелось бы. Очень, верьте, хотелось бы. Вы теперь без работы. В Россию ехать, конечно, дико без мужа и без сына. Но вот что я придумал: к нам приезжайте. Отдохнуть. На всю весну и все лето. Недорого это. У нас очень-очень скромно, но с голода, Бог даст, не умрем. Будет у Вас светлая комната, будет море, будут стихи. И все наше внимание, и желание скрасить будни горестные будет с Вами. Приезжайте. Мы с Фелиссой Михайловной будем рады Вам. Да и А. Г. отдохнет несколько от мысли, что Вы тщетно ищете службу. Думается, ему легче будет, если Вы будете некоторое время безоблачны.

Я целую Ваши ручки. Я хочу Вас видеть. А стихи: «Мадлена здесь, Мадлена рядом...» — слабые стихи⁵. Мне не хочется их переписывать. Впрочем, если Вы очень хотите, я, конечно, могу это сделать. Дайте знак.

Всегда с Вами.

Игорь.

¹ Несколько стихотворений, вошедших позднее в сборник «Адриатика» (Нарва, 1932), датированы январем 1931 года, в том числе «Рождество на Ядране», с подписью: «Ночь под Рождество 1931 г.».

² Скорее всего, Мадлена (Мадлен) (род. 1882?) — вымышленное имя, красивый «псевдоним», придуманный для возлюбленной молодым Северяниным, наподобие «Златы», «Балькис», «Тию» и т. д. Ср. «Полусонет» (1909): «Под стрекотанье ярких мандолин / Цвела мечта, моя фата-моргана. / Балькис, Мадлен, Мирелла, Вандалин / Проплыли в даль — как бархат струн органа» и т. д. (*Игорь Северянин*. Поэзсантракт. М.: Северные дни. 1915. С. 37). Первое стихотворение с обращением к Мадлене — «В березовом коттедже» (1911): «<...> Вы грезите, Мадлена, / Со страусовым веером в руке» (*Игорь Северянин*. Громокипящий кубок. С. 11). О том, что знакомство состоялось именно в 1911 году, свидетельствуют и строки «Поэзы для Мадлены» (1915): «Когда назад четыре года / Ее я встретил в первый раз...» (*Игорь Северянин*. Тост безответный. Поэзы. Том IV. М., 1916. С. 58). Стихотворение 1912 года «В очарованьи», написанное в Дылицах, согласно авторской (?) атрибуции в экземпляре «Громокипящего кубка», принадлежавшего С. И. Карузо, — также обращено к Мадлене. Таким же образом (авторской пометой) атрибутирована «Песенка-весенка» (1912) в сборнике: Златолира. Поэзы. Книга вторая. Изд. 2. М.: Гриф, 1914. С. 23—24). Отсюда и цитируемое в письме двусгишие. В строке «Поймать стараясь зяблика» последнее слово зачеркнуто и карандашом приписано: «Павлика» (как и в приведенной в письме цитате). О Павлике см. в стихотворении «В березовом коттедже»: «Ваш хрупкий сын одиннадцати лет» и т. д.

Помимо пространного рассказа в данном письме, единственное упоминание о Мадлене — в письме к А. Д. Барановой от 12 июня 1922 года: «Переписываюсь только с Мадлен, Златой ...» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 29).

³ Среди подписавших открытку с изображением ресторана «Три шешира» есть и Сергей Арефьев (см. прим. 4 к письму 12).

⁴ См. прим. 8 к письму 3.

⁵ Северянин приводит первую строку стихотворения «Поэза для Мадлены».

Toila, 1.III.1932 г.

Светлая София Ивановна,

для меня так отрадно, что Вы даже в тяжелую эпоху своей жизни не позабываете искусства и, по мере возможности, стремитесь в театр, на концерты и, видимо, много читаете. Это положительная редкость в наше время, и разрешите мне выразить Вам свое взволнованное Вами восхищение. Меня просто трогает Ваша жизнерадостность, такая молодая и красивая. Как, впрочем, и Вы сами. Compliment не из особо удачных, надо признаться, зато от всего сердца. В Париже мы с Фел. Мих. слушали «Бориса» в Русской опере, с Юрениным в заглавной роли. Громадный театр Елис. Полей был совершенно пуст. Пела Садовень, Поземковский¹ и др. Постановка была очень недурна, а на хор мы тогда же обратили внимание. Говорили, что через несколько дней «Борис» шел с Шаляпиным², и зал был переполнен. Следов., публика оперная ходит не на композитора, а на «голос»... В Риге мы как-то слышали «Сказки Гофмана», «Садко», «Пиковую даму» и «Тангейзера». Второй оперой управлял тогда еще Э. Купер³. Оркестр в 70 человек. Голоса не из важных, но, вообще, все очень прилично. В Белграде были на «Долине» и на «Кармен» с Амандой Ребанэ⁴. Тоже неплохо. Ребанэ, между прочим, лет десять назад выступала в Ревеле на одном из моих вечеров. Сама она эстонка. Играет под Марию Гай⁵. Голос хороший. Было приятно. В Софии мы были на «Лючие», «Онегине», «Аиде», «Богеме», «Фаусте» и «Шванде» чешского композитора Ярослава Вайнбергера. Вещь неровная, подвлиянная, местами недурно, местами оперетка. Лучше других поставлена «Аида», но и остальные оперы оставили отрадное впечатление, кроме «Фауста», которого, впрочем, всегда терпеть не мог, как и «Ромео и Джульетты», как, вообще, Гуно. В Варшаве нам удалось прослушать «М-ме Беттерфлей» с японкой Фуэнтес (очаровательна, проста, правдива), «Валькирию» и ту же «Лючию»⁶. Постановка прекрасная, голоса, как всюду, посредственные. Безголосица повсеместная!.. Вот что значит время!.. В Берлине восхищались Липковской⁷ в «Травиате». Вот и весь наш оперный послевоенный стаж. А в «своей» эстонской в Ревеле так и не побывали за 14 лет ни разу, стыдно сознаться!..

В середине февраля мы с Ф.М. ездили в Ревель и Нарву, куда были приглашены обществ. организациями для выступления в концертах⁸. Я очень люблю читать в Белом зале «Эстония» — большом, светлом, торжественном, с идеальной акустикой.

Д. Смирнов⁹, напр., говорил мне, что считает этот зал вторым по акустике в мире: первый, по его словам, в Сиднее. Кроме меня, в Ревеле выступал большой хор русск. о-ва. Встречали меня более чем восторженно. Публики было около 1200 человек. В заключение хор спел мне «Славу». В Нарве было 250 человек, преимущественно эстонцев, т. к. русская колония хотя там и многочисленна, но мало интеллигентна.

После вечера состоялся бал с выборами «королевы бала». Я был избран в жюри, и мне даже пришлось «короновать» одну нарвскую обывательницу, впрочем, очень славную и хорошенькую барышню... Ну, вот и все наши новости. А что у Вас? Все ли еще так безнадежно? Мы очень и очень грустим, что не приедете к нам. Но ведь Вам нужны были бы деньги и с к л ю ч и т е л ь н о на д о р о г у... А жизнь здесь так дешева, что об остальном и говорить бы не стоило. Меня очень рассмешил «рассказ» Лилиенфельда!¹⁰ Дом, который был на снимке, построен в 1900 годах петерб. купцом Г. Г. Елисеевым, живущем теперь в Париже. Он до сих пор единственный владелец этого «Орро»¹¹. Самозванство — одна из болезней эмиграции...

Читать здесь нечего стало, и это скверно. Классики почти все перечитаны, а нового не очень-то густо. Начал было «Атлантиду-Европу» Мережковского, но от тоски и серьезности чуть не погиб... Нет, уж я предпочитаю «Атлантиду» Пьера Бюна!¹² Между прочим, какая обворожительная книга! И пусть его «знатоки» считают вне литературы, вроде какого-нибудь нашего Брешковского¹³, я восхищаюсь наличием истой поэзии и очарования в его, — этой именно, книге. Что скажете Вы?

Ваши милые ручки целую. Привет от Ф. М. и меня Вам, А. Г. и Игорю.

Ваш Игорь.

¹ Поземковский Георгий Михайлович (1890—1958), артист оперы, оперетты, камерный певец. По окончании Петербургской консерватории пел в Мариинском театре, оперетте. Уехал в 1919 году за границу, в 1920—1930-е годы — солист «Русской оперы» в Париже, где в качестве его партнерши выступала и Е. Садовень.

² В том же номере «Последних новостей» (Париж. 1931. 22 февраля. № 3623), где помещен портрет Северянина с надписью: «К предстоящему вечеру его стихов 27 февраля в зале Шопена» — напечатано объявление о том, что 23 февраля в Театре Елисейских Полей «Русская опера» будет идти «Борис Годунов» с Ф. И. Шалыпиным.

³ Северянин перечисляет постановки опер: «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха, «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, «Пиковая дама» П. И. Чайковского и «Тангейзер» Р. Вагнера в Латвийском театре оперы и балета (Рига). В 1924—1926 годах главным дирижером театра был Эмиль Альбертович Купер (1877—1960), уехавший затем во Францию; с 1928 года жил в Америке.

4 Латышская певица (меццо-сопрано) Аманда Ребанэ (Либерто-Ребане; род. 1893) в 1925—1944 годах пела в Латвийском театре оперы и балета; с 1929 года гастролировала за рубежом, в том числе в Белграде, где Северянин слышал ее в опере Ж. Бизе «Кармен». В 1944 году А. Ребане эмигрировала, с 1949 жила в США.

5 Гай Мария (1879—1943) — испанская певица меццо-сопрано, прославилась исполнением партии Кармен. С 1908 года гастролировала в Европе, а также в России, в Петербурге, где ее впервые услышал Северянин (см.: *Игорь Северянин. Мое первое стихотворение // Игорь Северянин. Сочинения.* Таллинн. 1990. С. 375). В 1927 году М. Гай оставила сцену.

6 Северянин перечисляет оперы: «Лючия ди Ламермур» Г. Доницетти, «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Аида» и «Травиата» Дж. Верди, «Богема» и «Мадам Баттерфляй» («Чио-Чио-сан») Д. Пуччини, «Фауст» и «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно, «Швандя» Я. Вайнбергера и «Валькирия» Р. Вагнера.

7 Липковская Лидия Яковлевна (1884—1953) — оперная певица (колоратурное сопрано), в начале творческого пути (1906—1908) — солистка Мариинского театра, где ее впервые услышал юный Северянин (см.: *Игорь Северянин. Мое первое стихотворение.* С. 375), а в дальнейшем посвятил ей несколько стихотворений. «<...> Вас стихами / Я пел четырежды, и впредь всегда готов...» — писал он в сонете «Лидии Липковской» в 1924 году (*Игорь Северянин. Классические розы.* С. 24). Их знакомство состоялось предположительно в 1909 году: ноябрем этого года датирован «Сонет» («Мы познакомились с ней в опере...» — Громокипящий кубок. Изд. 4. С. 71). Липковской адресовано также стихотворение Северянина «Тебе, моя красавица!» (1910; с посвящением: «Ариадниной мамочке»). С 1919 года Липковская жила за границей, преимущественно во Франции, гастролировала в странах Европы, Америки, в СССР. Будучи родом из Бессарабии, певица регулярно приезжала в Кишинев, где остались ее родные (в 1918—1940 годах Кишинев в составе Бессарабии принадлежал Румынии). Гастрольные маршруты Липковской и Северянина в 20-е—30-е годы нередко пересекались (см. следующие письма). Подробнее о Липковской см. в книге: *Арабаджиу Р. Судьба примадонны. Воспоминания и документы о жизни и творчестве Л. Я. Липковской.* Кишинев, 1989.

8 16 февраля 1932 года в Ревеле Северянин принимал участие в концерте Русского мужского хора, состоявшемся в концертном зале «Эстония»: «<...> Игорь Северянин, прочитавший несколько своих прекрасных, глубоких по содержанию стихотворений <...> имел громадный успех, читал на бис, но публика все снова требовала добавлений» (Вести дня. [Ревель]. 1932. № 41, 18 февр.). 17 февраля Северянин участвовал в международном литературно-музыкальном вечере в эстонском общественном собрании города Нарвы «Ильмарина» (см.: *Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой.* С. 74—75, 138—139).

9 Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882—1944) — знаменитый оперный певец (лирический тенор), в 1906—1910-е годы солист Большого, затем Мариинского театров. С 1920 года жил и гастролировал за границей, где встречался с Северяниным. Выступал и в СССР, куда вернулся в 1940 году, жил в Риге. См. также письмо 25.

10 О ком идет речь, установить не удалось.

11 Очевидно, речь идет о посланной С. И. Карузо фотографии Северянина на террасе бывшего дворца Г. Г. Елисеева в Тойла-Ору (часть Тойлы), построенного в 1897—1898 годах и разрушенного во время второй мировой войны. Известны две групповые фотографии Северянина на этой террасе: недатированная, с В. Адамсом и Ф. М. Круут (Игору Северянин-

ну 100. С. 44) и снятая 14 июля 1926 года — с А. И. Формакowym. Воспроизведения второго снимка публикуются без даты, с подписью: «С неизвестным» (Юность. 1987. № 4. С. 93) или с приблизительной датировкой: «20-е годы» и с предположением, что рядом с Северяниным снят эстонский поэт Аугуст Гайлит (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. Между с. 80—81).

Атрибутировать снимок помог альбом оригинальных фотографий, выполненных в 1926 году учителем и поэтом из Двинска (Даугавпилс) Арсением Ивановичем Формакowym (1900—1983), знакомым Северянина с начала 1920-х годов до середины 1930-х годов. В альбоме запечатлена семья Северянина, пейзажи Тойлы, окрестные озера, реки, дворец Елисеева, Пюхтицкий монастырь и т. п. В 1968 году А. И. Формакow передал в Пушкинский Дом альбом и мемуарный очерк «Северяныч» (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 392, 393). Один из портретов Северянина надписан, очевидно, в одну из последующих встреч: «Арсению Формакowу — Рыцарю *Чуткости* — Игорь Северянин. Eesti. Orto-Toila. 1926» (Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 392. Л. 1). Воспоминания с измененным заглавием — «Встречи с Игорем Северяниным» — и сокращениями опубликованы: Звезда. 1969. № 3. С. 173—181.

12 О книге Д. С. Мережковского «Тайна Запада. Атлантида-Европа» (Белград, 1931) см. в предисловии к данной публикации. Авантюрный роман французского писателя Пьера Бенуа (1886—1962) «Атлантида» ([Пг.], 1922), имевший сходство с книгой Мережковского лишь в названии, сохранился в личной библиотеке Северянина. Роман принес автору поначалу скандальную известность (обвинение в плагиате), а затем — Большую премию Французской Академии (1919).

13 Брешко-Брешковский Николай Николаевич (1874—1943), автор романов, которые принято называть «бульварными».

15

Toila, 6.IV.1932 г.

Светлая София Ивановна,

только на днях уехали от нас гости из Ревеля — художник А. Д. Кайгородов, сын проф. Петерб. Лесного института, с женой¹. Они провели у нас все Праздники, много гуляли, он набросал несколько этюдов, вечерами читали Брюсова, Сологуба, Столицу², Шагинян и др., и вот теперь я спешу написать Вам, говорю — спешу, т. к. весна не идет, а бежит к нам, снег почти весь сошел с полей, речка вздулась, и, того и гляди, лед пойдет, а, если так, начнется весенняя ловля лососок, и, значит, целые дни буду у воды.

...Вы готовы ехать в С.С.С.Р. Да, все это можно понять, допустить. Конечно, Вам особо тревожиться нечего. Но ведь нельзя же,— и другого слова нет,— расстаться с ними. Это значит — никогда — никогда! — с ними на этом свете не увидеться. А

этого нельзя, на это Вы не способны, и не надо быть способным. Вопрос разрешается, следов., просто: Вы не поедете. И выписывать их оттуда, хлопоча за них, нельзя: это уж для них рискованно.

А жить в Европе все же нужно. Вы так утомлены теперь, издерганы этим кельнерством. Ужас что такое. Отдохнуть надо Вам. Займите где-нибудь и приезжайте к нам на лето. Смысл этого предложения примитивно прост: отдохнете, не думая ни о чем. М. б., здесь, в Эстонии, что-либо найдете к осени. Мобилизуем всех знакомых. А тогда можно и их выписать. Я советую от всего сердца. Больно, что ничего иного не могу сделать. Но какой у Вас паспорт? Если Нансеновский³, к сожал., ничего нельзя, пожалуй, устроить в смысле визы. Зайдите в эст. посол. и узнайте. Сошлитесь на меня: ко мне, дескать, едете гостить

В мае к нам приедет одна англичанка⁴ из Лондона. На все лето. Но ей-то легко!..

Бураковского⁵, актера, помню. Слышал о нем от родителей. Был, помнится, забуддыга.

Отец мой, действит., был сапером. Окончил Инжен. замок⁶. На какие же вопросы я не ответил Вам? Это очень гадко, и я прошу меня простить. Впредь буду паинькой.

...А я от страсти гибну. Нет, серьезно. Представляете ли себе меня способным пламенеть к одной пять лет? К одной и одной. Жена сначала этому не очень сочувствовала, но потом махнула рукой, ушла в себя, с презрительной иронией наблюдает теперь свысока и издали. Женщина, правда, очаровательная — петербурженка, красивая, 27 лет. И муж есть. Личность довольно безличная. Она приходит к нам почти ежедневно. Жена ценит в ней ее большой и редкий такт. Она обворожительно-любезна и мила с Фел. Мих. Но меня эта «Цирцея»⁷ положительно губит: замкнутая, холодная, чувственная, осторожная, лживая и изменчивая. Но глаза, конечно, Мадонны... Ревнует, терзает, — насыщая, не дает пресытиться... Даже насытиться с ней невозможно. С ней и ею. Ламия⁸ какая-то. Вот я как с Вами откровенно. Захотелось почему-то Вам все это сказать. Последнее время даже не могу писать ничего. Чем дольше длится эта необыкновенная связь, тем больше теряю голову. Сам на себя дивлюсь. И где же все это возникло? В глуши одебренной! Сколько, казалось бы, женщин в пути всюду, так нет же — все остаются чуждыми, а эта Нерейда влечет все более и более. Даже турнэ рву через два-три месяца, болезненно влекомый ею. И часто — в разгаре успехов, когда можно было бы работать и зарабатывать. Целую Ваши ручки. Жду Вашего м н е н и я. И, м. б., совета.

Ваш Игорь.

¹ Кайгородов Анатолий Дмитриевич (1878—1945) — художник, сын профессора петербургского Лесного института Дмитрия Никифоровича Кайгородова (1846—1924). Его жена — Маргарита Карловна Кайгородова.

² Столица Любовь Никитична (1884—1934) — русская поэтесса, эмигрировала в 1920 году, жила в Болгарии. 5 марта 1934 года Северянин писал из Кишинева А. Д. Барановой: «Из Софии мне пишут о скоропости кончине Любви Столицы. Мы часто встречались с ней у Массалитиновых и Разгоневых и бывали у них в доме. В день смерти она принимала участие в литер. вечере, сама играла в своей пьесе, много танцевала и через 15 минут, по возвращении домой, умерла. Это производит тяжелое впечатление на недавно ее видевших» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 90—91*). На кончину поэтессы (12 февраля) Северянин написал 1 марта 1934 года сонет «Любовь Столица». См. также прим. 1 к письму 23.

³ «Нансеновский паспорт» — временное удостоверение личности, введенное Лигой наций по инициативе Фр. Нансена, заменявшее паспорт для лиц, не имеющих гражданства, и беженцев.

⁴ См. прим. 3 к письму 18.

⁵ Бураковский Александр Захарович (1841 или 1844—1910) — мемуарист, драматург, артист. См. о нем статью Э. Л. Безносова: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. А—Г. М., 1989. Т. 1. С. 363—364.

⁶ Отец Северянина — Лотарев Василий Петрович (1859—1904). Возможно, вопросы С. И. Карузо вызваны такими строками из поэмы «Роса оранжевого часа»: «Отец мой, офицер саперный, / Был из владимирских мещан» и «Окончив Инженерный замок, / Отец мой вышел в батальон...» (*Игорь Северянин. Стихотворения. Поэмы. Архангельск. 1988. С. 271, 272*). В Инженерном (Михайловском) замке в Петербурге располагалось Николаевское Инженерное училище. См. также автобиографию Северянина: «Отец: штабс-капитан Железнодорожного батальона (ныне полка) Василий Петрович Лотарев». И далее: «<...> скончался в мае 1904 г. в Ялте, где и погребен» (ИРЛИ. Ф. 377). См. также копию послужного списка В. П. Лотарева о производстве его в 3-й понтонный, а затем в 3-й саперный батальоны в 1881 и 1884 годах (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 34. Л. 2—2об.).

⁷ Цирцея (Кирка) — в греческой мифологии волшебница, отличающаяся коварством и ревностью.

⁸ Ламия — в нисшей мифологии злой дух, змея с головой и грудью красивой женщины.

Светлая София Ивановна,
вскрылась речка, и я целыми днями в парке, занимаясь ловлей лососок. Поймал уже 9. К сожал., крупных в этот сезон нет: самая большая 31/4 ф. Впрочем, одну, фунтов в 7, упустил, т. к. плохо зацепилась, что меня очень раздосадовало. Фелисса Мих. собирает душистые нагорные фиалки и подснежники. Все время мы с ней в природе, на воздухе, на солнце. Весна стоит яркая, но холодноватая: 7—8 градусов. Надеюсь, что Ваша нога попра-

вилась. Бедная, вот уж не везет-то! Нашли ли Вы себе теперь службу? В большом городе это, к сожал., необходимо. Я говорю — в городе, т. к., например, в деревне многие ухитряются жить буквально без денег и без работы... Но зато это — деревня, и немногие могут довольствоваться ею: люди без запросов или же с крайними запросами. Лично я, за эти годы сильно во многом изменившийся, обновленный, умиротворенный и умудренный, без деревни, вообще, жизни не мыслю.

На Пасху у нас были гости из Ревеля — художник А. Д. Кайгородов¹ с женой. Провели у нас неделю. Они были рады отдохнуть душою в нашей тихой, безбурной и дружной семье. Мы с Фелиссой Михайловной всегда рады предоставить людям отдых, а уж чего другого, но благодати в нашей избушке, как и в нашей местности, достаточно. Здешний воздух уж таков, что даже мещане — все эти сапожники и портные — живут без ссор, без сцен, без вражды.

На днях ждем к себе одну молодую даму из Лондона². Англичанка по отцу, итальянка по матери. Воображаю, как тяжела А. Г. ночная служба. Как жаль, что, кроме слов, ничего нельзя поделать. Неужели нет людей состоятельных, сердечных и добрых? Неужели никто не может пригласить к себе на год-другой погостить? Страшное время, безнадежное, злое...

Не правы ли те, кто никому и ничему не верит, кто удаляется от так называемой жизни? Да, город в наши дни жесток, черств и глуп. Бог с ним совсем. Самое грустное, что иногда без него не проживешь. Вот осенью опять придется пускаться в странствия — зарабатывать те гроши, которые нам нужны для деревни. Как приятно тратить здесь каждый грош! Как обидно тратить этот же грош в городе! Я всегда в городе нервничаю, боясь истратить лишнее, памятуя постоянно о деревне. То, что мы тратим в поездке в один день, здесь хватало бы на неделю! Но что поделать. Необходимо иногда, неизбежно.

Ничего пока не пишу, читаю очень мало. Вся душа — в деревьях, в воде, в цветах, в рыбе, в птицах! И в любви к своей праведной, незаменяемой, ни с кем не сравнимой и чуткой жене. Мы с нею большие друзья,— все понимаем, оправдываем, приемлем.

Сердечный привет Вам от нас, лучшие пожелания, самые искренние.

Вегда Ваш.

Игорь.

1 См. прим. 1 к письму 15.

2 См. прим. 3 к письму 18.

Toila <июль 1932 г.>¹

Дорогая София Ивановна, вот уже и опять половина лета прожита, вот уже и опять дни стали короче, а ночи длиннее и темнее. Отцвели яблони, сирень и сливы. В полях скрипят коростели. Соловьи, еще, правда, слышны, но пенье их не так уж нетерпеливо-страстно. Пропала нежная зеленизна зелени. Вскоре сенокос, грибы и ягоды вскоре, а там уж и яблоки созреют — осенью сразу дохнет. И снова осень, и снова зима, а с ними и еще год к нашим кратким человеческим летам прибавится и, значит, еще на год убавятся эти самые краткие лета...

А сколько не выполнено! а сколько не видано, не испытано! Кто осудит нас за нашу грусть человеческую, за нашу бессильную, жалкую такую, жалобу, за нашу любовь к этой прекрасной, людьми, — о, лишь людьми! — оскверняемой Земле?!.

И, может быть, нам никогда не дано больше на этой Земле увидеться, хотя расстояние между нами исчисляется всего четырьмя днями нашей жизни. Как все это странно, право, как никогда нельзя ко всему этому — непривычному, непривыкаемому — привыкнуть. А между тем...

Я за память Вас благодарю: это положительно трогательно в наше время: кто кого помнит? кто кого поздравляет? Я благодарю Вас, София Ивановна. Не позабудьте свой новый адрес сообщить, а то опять прервется наша печальная, но очень хорошая, добрая переписка, прервется, как встречи наши, лет на... 16! Как страшно: 16! Нет, я никогда к этому не привыкну. Сердце щемит у ж а с, чувствуете ли Вы это, понимаете ли то тайное, что я хочу сказать и вот не умею найти подходящих слов и оттенков? Мучительная жуть, но есть в ее безнадежности что-то чарующее. Не выразить этого.

Вам не понравилось то мое письмо? Тон не «тот»? Возможно, да: все от настроенья. Так все это изменчиво. Одно лишь неизменно: мое к Вам влечение. Тяга. Сочувствие. Сожаление, что Вы не здесь. Досада, что не могу ничем облегчить Вашей безвыходности. Кроме слов, кроме чувств. Надвигается нечто и на нас. Сбережений от последней поездки хватит на июль и август. Ровно до 1-го сент., ибо Ф.М. все точно всегда распределяет. Дальше? Жутко думать, что дальше, т. к. раньше 1-го ноября нет смысла ехать в турнэ да и ехать-то в этом году не на что. А в банках теперь почти невозможно брать, имея даже солидных жирантов: отсутствие наличности, сугубая осторожность. Болга-

рия, в бытность мою в ней, обещала прислать прозаические переводы лирики, дабы я перекладывал прозу на стихи. Обещано было от мин. нар. просв. 50.000 лева за книгу². Однако, несмотря на мои напоминания, переводов не шлют, ссылаясь в изысканно-вежливой форме на, — конечно, — кризис. Это осточертевшее слово, надо признаться, чрезвычайно удобно во многих случаях. Впрочем, дела там, как и повсюду, действительно, скверны. Мережковский, Куприн, Зайцев и еще четверо уж давно получают субсидии от Югославии (1000 фр.) ежемесячно, получают и из Чехо-Словакии. И вечно жалуются на безденежье. Что касается меня, я получал только одно время от Эстонии (около 100 долларов в год)³. Но вот уже три года ни гроша, и надежд никаких в этом смысле. В декабре я имел разговор на эту тему с предс. Державной Комиссии в Белграде — с акад. А. И. Беличем⁴. Ныне получать уже поздно: опять-таки этот «кризис». Мы с Ф. М. решились на рискованный шаг: печатаем сейчас в Нарве (от нас 40 кил.) книгу последних моих стихов на свой счет⁵. В магазины отдать ее нельзя: денег не добудешь, надуют. Хотим посылать знакомым с просьбой распространять по рукам. Печатаем 500 экз. по цене 8 франков за экземпляр. Распродав все книжки, просуществоем 6 месяц. Удастся ли только? Называется книжка (в ней 32 страницы) «Адриатика». Может быть, и Вы не откажетесь попробовать предложить несколько? Были бы Вам очень признательны. Если позволите, пришлю бандеролью столько экзempl., сколько надеетесь продать. Но не знаю, разрешено ли переводить из Бельгии деньги за границу? М. б., узнаете? Да, издание книжки автором — единственный более или менее приличный выход из положения. Хочу послать и в Париж, и в Берлин, и в Болгарию, и в Югославию, и в Польшу. М. б., на скопленную сумму проживем сентябрь и октябрь, и даже в Румынию поедем, а, м. б., еще отсрочим гибель на полгода в Тойле. Да, гибель, ибо я — поэт. Только поэт.

Ваша открытка прелестна, но моя паутина, к счастью, не столь цепка: меня паучок не погубит все же.

В следующем письме я много напишу Вам, дорогая, интимного, откровенного, сердечного — с Вами это дивно! Вы так хорошо все воспринимаете, что ничего не хочется от Вас скрывать, прикрашивать. Я писал, что гибну от «нее». Так ли это, все же? Ф. М. сама отчасти слегка повинна во всем. Повинна без вины. Впрочем, до следующего письма. Наш искренний привет Вам, А. Г. и Игорю. А наша англичанка⁶ все еще не едет: ее задерживает болезнь сестры.

Целую Ваши ручки нежно.

Ваш Игорь.

¹ Датируется по содержанию.

² Вероятно, речь идет о Министерстве народного просвещения Болгарии, где в эти годы (1931—1933) начальником отдела культуры и фондов служил давний приятель Северянина С. Чукалов. 16 мая 1932 года поэт писал Чукалову: «Дела наши убийственны: с первого мая живем в кредит в лавочке <...> живем, ожидая со дня на день гибели. <...> Думали, с Божьей помощью, в октябре поехать опять куда-нибудь на заработки, но как до осени продержаться? <...> Вы — чудный и добрый, верю, Вы спасете нас!» (Письма на Игор Северянин до Сава Чукалов // Проблемы на новата българска литература. София, 1978. С. 263).

³ «С 1926 Северянину с учетом его заслуг по переводу и пропаганде эстонской поэзии нерегулярно выделялись <...> субсидии из государственного фонда, т. н. культурного капитала» Эстонии. Однако эти субсидии выплачивались лишь в периоды с 1926 по 1931 и с 1937 по 1940 год (Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 12, 22).

⁴ Белич Александр Иванович (1876—1960) — сербский славист, президент Академии наук Сербии, с 1947 года — почетный профессор МГУ. В рассказе «Гроза в Герцеговине» (о пребывании в Югославии в 1930—1931 годах) Северянин вспоминал о знакомстве с «председателем державной комиссии по делам русских эмигрантов, ректором университета и воспитателем престолонаследника Петра, академиком Александром Ивановичем Беличем», а также об «исключительном» приеме, оказанном поэту в Белграде (Юность. 1987. № 4. С. 91).

⁵ Сборник «Адриатика» (Нарва, 1932), составленный из стихотворений, навеянных югославскими впечатлениями 1931—1932 годов, Северянин издал за свой счет и большую часть тиража разослал своим знакомым в Прибалтике, Европе и Америке. Среди откликнувшихся на просьбу о продаже книг была и А. Д. Баранова, которой поэт писал 14 октября 1932 года: «В Париже книжки мои продает Тэффи, в Брюсселе — графиня С. И. Карузо, давняя приятельница из Харькова, в Нью-Йорке художник С. В. Животовский, в Софии вдова акад. Нестора Котляревского и т. д.» (Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 80). Тираж разошелся полностью, а вырученные деньги (110 долларов) позволили семье Северянина полгода «героически держаться». «Трудно, конечно, себе вам, горожанам, даже представить себе, — писал он С. И. Карузо 29 октября 1932 года, — как это можно ухитриться жить вдвоем на маленькую такую книжечку, но мы вот, при здешней дешевизне, ухитряемся и до сих пор, слава Богу, не голодаем».

⁶ См. письмо 18.

Toila, 18.VIII.1932 г.

Дорогая София Ивановна,

Ваше длительное, — как впоследствии выяснилось, такое понятное, — молчание, говоря откровенно, меня крайне беспокоило, и я тщетно силился найти ему какое-либо объяснение. Меня оно положительно пугало, тем более, что я знал, в каком угнетенном состоянии духа Вы все это последнее время находились и находитесь. Поэтому, когда я получил на днях Ваше письмо, я очень ему обрадовался, хотя, увы, радостного у Вас немного, и

я искренне, всей душой, опять и опять соболезную Вам. Но успехи Игоря — это уже из области явно отрадного, и я спешу поздравить Вас и порадоваться Вашей радостью. Верю, что Вам крайне тяжело и горько, но не теряйте бодрости: жизнь так часто неожиданно и круто меняется, и то, что вчера еще могло показаться совершенно невозможным, завтра делается простым, ясным и доступным. У нас, по крайней мере, так почти всегда, и это дает мне смелость бодрить и друзей своих. В настоящее время мы готовимся вновь вступить в полосу испытаний, и вся надежда, как я Вам уже и писал, на распродажу новой книжки¹, вышедшей в свет только 5 авг. Я разослал уже по Европе и Америке 250 экз., т. е. половину всего издания. Недели через две-три начнут постепенно выясняться результаты. Пользуясь Вашим добрым разрешением, послал 16-го и Вам 15 экз. Вот Бельгия, напр., такая страна, перевод денег из которой разрешается. Но есть страны, напр., Германия, Польша, Латвия, Болгария, Югославия, из которых никак и ничего не получить. Но я все же послал книжки и туда, в надежде каким-либо чудом получить и оттуда!.. Как-нибудь через Эст. посольство или иным способом. Каким — пока сам не знаю. О моей «Адриатике» вчера в рижской газете «Сегодня» появилась прекрасная статья Пильского², и это заменит мне объявление о книге. 24-го июля приехала к нам, наконец, из Лондона *mistriss Grajiella Braithwaite*³ и внесла в нашу глушь свежую струю и оживление. Это молодая, очень деловая и энергичная женщина, которая сразу же стала звать нас на осень в Англию, чтобы дать там один-два концерта, о чем немедленно же написала своей сестре, и та охотно идет навстречу в смысле содействия своего по устройству вечеров. Но, хотя там и 30 т. русских, мы все же еще не решили, ехать ли нам туда⁴, т. к. говоря по правде, эта страна, во-первых, не очень-то нас к себе влечет, а во-вторых, и на успех как-то не рассчитываешь в тех чуждых — во всех отношениях — краях. А мы думаем уехать из Тойлы между 20—25 октября прямо в Рагузу и пожить там месяц-другой⁵, а уж потом что-либо предпринимать в Югославии и Румынии. В это лето у нас особенно много людей — и в Тойле, и в нашем доме. А на днях приедет из Берлина эст. поэт с одной дамой⁶, и инженер Эссен⁷ на 6 дней из соседнего местечка, расположенного от нас в 16 километрах. Сейчас он поехал на яхте в Финляндию, в воскресенье же ждем его к себе. Фелисса Михайловна чрезвычайно притомилась, т. к. на ней лежит все хозяйство. С этой стороны в приемах есть свои отрицательные стороны. Но мы любим, когда к нам приезжают. Было уже 18 человек. И большинство из них жило по несколько дней. 31-го июля у нас в Тойле состоялся

большой музыкальный праздник. Пел хор в 650 человек, играл духовой оркестр в 135 инструментов. Съехалось со всего округа более трех тысяч. Вечером был спектакль и, конечно, танцы. Такие развлечения, как музыка и пенье, я приветствую: они говорят о музыкальности и культурности народа.

Как мы проводим время? Много гуляем, много читаем, дамы ездят иногда с рыбаками в море сети осматривать.

Стоят дивные дни, лунные мягкие ночи. Сырости у нас не бывает, но влаги достаточно: мы живем высоко над морем (30 саженей). Я очень сожалею, что не мог сделать на романах надписи: книги лежали у приват-доцента Б. В. Правдина в Юрьеве⁸, откуда он, по моей просьбе, и переслал их непосредственно Вам. Вы не горюйте, София Ивановна милая, вот увидите — все будет хорошо. Я так хочу для вас счастья и радости светлой. Я так хочу, что это сбудется. Не улыбайтесь, это совсем серьезно.

За последнее время я совсем отошел от всяческих «соблазнов». Все это настолько пусто, мелко и ненужно (ни мне, ни другим), что нашел глупым длить неоправдываемое. И чувствую себя значительно приятнее, как-то свежее и облагороженнее. Сам удивляюсь, как легко это было сделать. М. б., давно уже нужно было поступить так. Да, Фелисса Мих. достойна лучшей участи. Я очень виноват перед ней. Мне так трудно теперь вернуть ее безоблачность. Это более всего меня мучает. Одно лишь время покажет ей многое.

Нежно целую ручки Ваши. Ф. М. и я шлем Вам, А. Г. и Игорю наши искренние приветы и лучшие пожелания.

Ваш неизменно

Игорь.

P. S.: Я давно написал бы Вам во время Вашего молчания, но Вы писали, что меняете квартиру, нового же адреса я не знал.
Иг.

Если Вас не затруднит, черкните, пожалуйста, открытку о получении книжек и не очень ли они смялись и испачкались в дороге.

Иг.

¹ См. прим. 5 к письму 17.

² П-ский [Пильский П. М.]. Дорожная тетрадь поэта. Новая книга стихов И. Северянина. («Адриатика») // Сегодня. [Рига]. 1932, № 223.

³ В письмах к А. Д. Барановой от 14 октября и 5 декабря 1932 года Северянин сообщает, что миссис Грациелла Брейтвейт (приводит только фамилию) пробыла в его семье два с половиной месяца, собирается приехать летом и учить Вахка английскому языку (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 79, 83*). Однако летом 1933 года Северянин находился в длительной поездке по Европе.

⁴ Поездка в Англию не состоялась.

⁵ Северянин выехал из Тойлы лишь 1 марта 1933 года, в Рагузе (Дубровник) побывал летом того же года. См. письмо 21.

⁶ 5 сентября <1932> года Северянин писал А. Д. Барановой: «На днях ждем эст. поэта Адамса. Приедет с невестой к нам дней на 10» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 77). О В. Адамсе см. прим. 11 к письму 5.

⁷ См. прим. 4 к письму 3.

⁸ Правдин Борис Васильевич (1887—1960), поэт, филолог, преподаватель Юрьевского (Тартуского) университета. Бывая в Юрьеве, Северянин обычно останавливался в доме Правдина. Ему посвящены стихотворения Северянина «Рондо» (1920), «Озеро Ульясте. (Письмо Б. В. Правдину)» (1923), «И тогда... (В альбом Б. В. Правдину)» (1926).

19

Toila, 6.X.1932 г.

Дорогая София Ивановна,

16 авг. я послал Вам, пользуясь Вашим любезным разрешением, 15 экз. «Адриатики», а 18 авг.— длинное письмо. И вот до сих пор не имею от Вас ни строчки.

Меня это крайне беспокоит: что с Вами, как Ваше здоровье, все ли у Вас благополучно? Напишите, пожалуйста, сразу же хотя бы открыточку. Дело в том, что в конце этого месяца мы уезжаем в Румынию, конечно, только в том случае, если соберем на дорогу денег. А это очень теперь трудно. Приходится собирать буквально по грошам. Книги мои успешно всюду продаются, и я получаю отовсюду крошечные суммы, кот. должны в конце концов дать возможность тронуться в дальний путь. К сожал., не из всех стран разрешена пересылка валюты. Самое позднее, если будете добры ответить мне 20 окт., иначе вряд ли я получу от Вас письмо. Впрочем, пишите и после этого срока: мне всюду перешлют. Но мне хотелось бы знать о Вас до отъезда. Напишите о себе подробнее.

Гости наши все разъехались. У нас осень. Рамы вставлены.

Если у Вас есть в Румынии знакомые¹, м. б., найдете возможным сообщить некот. фамилии и адреса: у меня нет там ни одной души знакомой. С дороги буду, конечно, писать Вам. Трудная осень в этом году, и на душе не очень-то радостно. Целую Ваши ручки. Фел. Мих. шлет Вам искренний привет. Привет А. Г. и Игорю.

Ваш всегда

Игорь.

Издание окупилось уже полностью, что меня весьма радует. Хоть это...

¹ Очевидно, С. И. Карузо писала Северянину о своем пребывании в Румынии (см. предисловие).

Toila, 13.I.1933.

Дорогая София Ивановна! И Фелисса Мих. и я поздравляем Вас, в свою очередь, с Новым Годом, равно и А. Г., от души желая всего доброго и светлого. Что касается нас, мы тихо — тише обыкновенного — встречали в этот раз и Рожд., и Н. Г. Никто к нам не приезжал уже с сентября, на днях только один журналист из Нарвы¹ провел два дня. Снег выпал только в ночь на пятое, морозы доходят уже до 8 градусов. Установился санный путь. К ряду забот прибавилась, следов., еще одна — о дровах. До сих пор мы так и не побывали в Ревеле, хотя до него от нас всего 4 часа езды в скором поезде. Но удовольствие это стоит не так уж дешево, поэтому все откладываем эту поездку. Но в ближайшие дни придется ехать и позаботиться добываньем денег на дальнюю дорогу². Другого ничего не придумаешь. Из Вашего письма узнал, что Л. Я. Липковская³ в Кишиневе. В 1925 г., когда весной мы прожили месяц в Берлине, она усиленно звала нас ехать к ней на лето. Даже адрес ее помню: Inzova, 3⁴. Но тогда нас напугала жара бессарабская, и мы отправились на 3 недели в Прагу, а она — в Милан и оттуда в Кишинев. С тех пор я и потерял ее из виду. Доходили слухи, что жила она одно время в Лондоне. С ее сестрою — Александрою — встречались в прошлом году в Любляне, даже вместе в Белград ехали, но А. Я. почти не поддерживала переписки с сестрою и ничего определенного не могла о ней сообщить. Она замужем за офицером ген. штаба — Куном, живет более, чем скромно. Милая, добрая. Похожа на сестру. Поет. Тембр напоминает сестру. Мне было очень радостно узнать из Вашего письма, что Л. Я. в Бессарабии. Если поедем туда, нам будет там не так пустынно. Итак, Вы не приедете в наши края. Это, конечно, очень досадно, что так выходит, но, видимо, Вам город ближе деревни, и Вы воистину горожанка. Что поделать! А я с ужасом думаю о необходимости покинуть глушь свою любимую. Как это странно, что Вы так подвержены заболеванию гриппом. За короткий промежуток времени три раза! Берегите себя, не ходите с открытой шеей, не забывайте о ботиках. Мы ходим укутанные, как медведи: валенки, теплые рукавички, шапки кенгуровые с ушами, меховые воротники, всякие шарфы. Это, м. б., и не очень элегантно, но зато тепло и уютно. Хорошо, что Игорь встает на ноги, и Вам меньше приходится о нем заботиться, что есть люди, которые думают о нем и не оставят в трудные минуты. У Вас же и без того, как видно, много забот и неприятностей. Одна эта служба в амери-

канской семье чего стоит! Хорошо еще, что живете собственным домом, а не у них. Вполне согласен с Вами, что иначе и жить почти нельзя. Меня в дороге терзают больше всего отэли. Я так люблю и ценю свой скромный, но все же свой угол! О Довиде Кнуте я несколько наслышан, кое-что читал. Ужасная гадость все эти новые парижские и пражские версификаторы — все эти Кнуты, Поплавские, Лебедевы etc. Бездарные наглецы, безвкусные, с претензиями. Лучше других — Оцуп, Ладинский, Кнорринг...⁵ Но это лишь лучше, — не более. Последнее время мы перечитываем полное собрание Станюковича. Достал случайно 40 томов⁶. Интересен. Чуток. Умен. Порядочен. Благожелателен. Приятный писатель. О «Кл. розах» в исполнении Вертинского ничего не слышал. Возможно, что и мои. Поет же он, напр., «Бразильский крейсер», взяв эти стихи из «Гром. кубка», изменив лишь название («Когда придет корабль...»)⁷. Однако, авторских с него не получил. Впрочем, и не пытался. Думается, что можно было бы получить, тем более, что и граммофонные пластинки выпущены. Но все это очень сложно — затевать судебные процессы. Да и адвокаты из породы кусающихся зверей... Я не понял в Вашем письме, почему Вы говорите «паучок» относительно Бенцелевич?⁸ Вы их знали? И его, и ее? Теперь они в Белграде, вернее одна Леонила Никол., т. к. Анатолий Александрович в прошлом году скончался. И скончался за два дня до нашего вторичного в Белград приезда. Напишите, в чем дело. Целую Ваши ручки. Ф. М. и я приветствуем Вас, А. Г. и Игоря. Пишите на Тоila, не забывайте. Если поедем, напишу с пути. Книжки, если не затруднит, оставьте у себя. Но я боюсь Вас утруждать. Всего хорошего. Ваш Игорь.

P. S.: Простите, что пишу последнее время все открытки, эти письма дурного тона, но, в видах экономии, приходится так поступать, тем более, что у меня очень большая переписка.

¹ Возможно, речь идет о писателе Василии Акимовиче Никифорове-Волгине, сотруднике газеты «Старый нарвский листок». Ему посвящен сонет Северянина «В. Никифоров-Волгин» (Вести дня. [Таллинн]. 1936. № 59 (13 марта)).

² Уже по приезде в Кишинев Северянин писал А. Д. Барановой: «В Ревеле провели 10 дней — от 7 по 18. II. С трудом раздобыли тогда деньги на дорогу, сделав долги» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой.* С. 86).

³ См. прим. 7 к письму 14.

⁴ 22 июня 1925 года, вернувшись из-за границы в Тойлу, Северянин писал А. Д. Барановой: «В Берлине виделся почти ежедневно с Липковской» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой.* С. 56). По адресу улица Инзова, 3 (ныне ул. Сергея Лазо) в Кишиневе жила семья Л. Я. Липковской (см.: *Арабаджиу Р. Судьба примадонны.* С. 211).

⁵ Северянин перечисляет поэтов русской послереволюционной эмиграции, парижских: Кнут Довид (Фихман Давид Миронович; 1900—1955); Поплавский Борис Юлианович (1903—1935); Опул Николай Авдиевич (1894—1959); Ладинский Антонин Петрович (1896—1961); Кнорринг Ирина Николаевна (1906—1943), и жившего в Праге Лебедева Вячеслава Михайловича (1896—1968).

⁶ Очевидно, имеется в виду собрание сочинений К. М. Станюковича в двенадцати томах (СПб., 1906—1907), вышедшее в издательстве А. Ф. Маркса в виде сорока выпусков. Писателю посвящен сонет «Станюкович» (1926) в книге Северянина «Медальоны».

⁷ В воспоминаниях, написанных по возвращении на родину, А. Н. Вертинский весьма недостоно отзывался о дореволюционном творчестве И. Северянина, называя его «изысканно-галантерейным» и изумлялся тому, что «тем не менее успех у него был потрясающий» (*Вертинский А. Дорогой длиною...* М., 1990. С. 91—92). В свою очередь неприязненное отношение к Вертинскому выразил и Северянин в «сонете-характеристике» «Вертинский» (1926): «Душистый дух бездушной духоты», «Делец и плут, певец любви перинной» и т. д. Сонет предназначался для сборника «Медальоны» (см. прим. 7 к письму 23), но не вошел в него (опубликован В. А. Сапоговым: *Новый журнал*. 1993. № 2. С. 80). Любопытно наблюдать это взаимное отторжение, учитывая, что современники нередко объединяли Северянина и Вертинского, считая обоих представителями массовой культуры. Представляется, что поэзия Вертинского, манера ее исполнения на эстраде не избежали влияния раннего Северянина. Более того: песни на стихи Северянина «Когда придет корабль» (1911) под названием «Бразильский крейсер» (1924) и «Классические розы» (1925) под названием (по первой, измененной строке) «В те дни, когда роились грезы...» (1932) — входили в репертуар Вертинского (см.: *Бабенко В. Г. Артист Александр Вертинский. Материалы к биографии. Размышления.* Свердловск, 1989. С. 128; *Каталог песен Вертинского // Вертинский А. Н. За кулисами.* М., 1991. С. 298). В архиве Северянина сохранилась подборка изданий романсов на его стихи различных композиторов, куда включен и «Бразильский крейсер», с указанием: «Музыка и слова А. А. Вертинского» — и поправкой рукой Северянина (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 42—43). Неизвестный автор статьи «Северянин в Варшаве», рассказывая о «поззоконцерте» Северянина, не преминул упомянуть о том, что «радостно румянился в креслах А. Вертинский, слыша рокот первоисточника голубых волн, на которых колышется и его „Бразильский крейсер“» (цитируется по неатрибутированной газетной вырезке из архива Игоря Северянина в Гос. литературном музее им. Ф. Крейцвальда: F.216 М 2:14. Л. 27).

⁸ О ком идет речь, установить не удалось.

Дорогая София Ивановна, 1.III. мы выехали из Тоila, побывали в Юрьеве, Риге и Варшаве и 9.III. приехали сюда¹. 17.III. дал первый концерт в зале Примарии, собравший полный зал в 500 чел., завтра даю второй в «Экспрессе»², рассчитанном на 1500 чел. Приглашают и в провинцию: Аккерман, Измаил, Бендеры, Бельцы,

Оргеев. Мы все время, по очереди, хвораем: кашель, жар, насморк.

Масса знакомств, всюду зовут. Взятые с собою экз. «Адриатики»³ были расхвачаны на первом вечере в 10 минут. Пришлите, пожалуйста, все оставшиеся у Вас: пушу их в провинции. Собираю со всей Европы!.. Люди очень сердечные, внимательные. У Марии Леонт.⁴ так еще и не удосужился побывать, но на днях думаю нанести визит. Пишите о себе, что нового у Вас. Адрес до 15 апреля: Roumanie. Chişinau. Strada Dm. Kantemir, 10A. Leonid Evitski pour I.—S.⁵. Жаль, что весна запаздывает: здесь она, говорят, мгновенна и пышна. Конечно, я тоскую о севере: наша весна длительна, тонка и печальна. Через Бухарест хотим проехать в Белград, от Турн-Северина по Дунаю через Железные ворота, а оттуда на Сараево в Дубровник. Тяга громадная. Посмотрим, удастся ли.

Жизнь здесь дешева, и это отражается на сборах. Вчера были на чествовании Бялика⁶ и на лекции в Союзе Бессар. женщин. Везде, конечно, овации. Скорее напишите: давно ничего о Вас не знаю.

Целую Ваши ручки, вспоминаю с особою приятностью, помню, что Вы были здесь.

Привет от Ф. М. и меня Вам, А. Г. и Игорю. Всего хорошего, светлого, доброго. Поздравляем с наступающей Пасхой Христовой сердечно!

Всегда Ваш

Игорь.

¹ Планируя эту поездку, Северянин писал С. И. Карузо 29 октября 1932 года: «Ехать в Румынию все же придется, но раньше 15 янв. не поедем: будем героически держаться. Это, знаете ли, не лишено своеобразной прелести даже!.. 1 янв. исполняется год, как мы *держимся*. Не так уж это и плохо: русский поэт держится на лирику *свою tog!*.. Это граничит с чудом, София Ивановна! Вы не находите?» (имеются в виду скромные суммы, полученные от продажи сборника «Адриатика» — см. прим. 5 к письму 17).

² В Кишиневе с большим успехом прошли вечера Северянина: 17 марта и 28 апреля в зале примарии (городского управления) и 31 марта в театре «Экспресс». Из воспоминаний кишиневского литератора С. И. Стодольского: «В 1933 году, проездом из Варшавы в Белград, в Кишиневе остановился Игорь Васильевич Северянин. Он был хорошо принят местной публикой, широко поддержан журналистами и литераторами. Предологавшаяся остановка его здесь на несколько дней продлилась около двух месяцев» (Хазин М. «Твоей молвой наполнен сей предел...». Повесть. Очерки. Изд. 2-е, доп. Кишинев. 1987. С. 242). О пребывании Северянина в Бессарабии см. также в его очерке «Цветущая Бессарабия» (Сегодня. [Рига], 1933. № 97. 7 апреля), в статье М. Петрова «Игорь Северянин и его кишиневские друзья» (Молодежь Молдавии. 1987. 20 июня) и др.

³ См. письмо 17 и примечание к нему.

4 Мария Леонтьевна — возможно, сестра румынской знакомой Северянина Ольги Леонтьевны Мими-Вноровской (см. прим. 3 к письму 24).

5 Евицкий Леонид Григорьевич — кишиневский поэт, журналист, принимал участие в вечерах Северянина. Во время пребывания в Кишиневе Северянин жил в доме Евицкого (см. также письмо 23). В архиве журнала «Русское богатство» сохранилось письмо 18-летнего кишиневского гимназиста Леонида Евицкого к В. Г. Короленко от 17 марта 1915 года с просьбой разрешить его сомнения в выборе литературного пути и с приложенным стихотворением «„Закроют кабаки!“ (Памяти Н. А. Некрасова)» (ИРАИ. Ф. 266. Оп. 2. Ед. хр. 106).

6 Бялик Хаим Нахман (1873—1934) — еврейский поэт, писавший на древнееврейском языке. В 1920 году покинул Россию, жил в Западной Европе, затем в Палестине. Поехав в 1903 году в Кишинев после случившегося там еврейского погрома, Бялик под впечатлением увиденного написал поэму «*Вайг ha-Naregah*» («В граде избияения»), сделавшую его «популярнейшим поэтом новейшей еврейской литературы» (Еврейская энциклопедия. Т. 5. СПб. [Б. г.]. С. 187).

22

Замок «Хрстовац».
Словения.
27.VI.1933 г.

Дорогая София Ивановна!

Не сердитесь, прежде всего, на меня за мое долгое молчание (с 3.III!): никому с тех пор не писал, вообще¹. Причина? Их много, но самая главная: был захлестнут жизнью и вовлечен в водоворот, влекший меня к пучине. Казалось одно время — погибну, захлебнусь, но вот Бог спас: с 21 июня, по предложению правит., поселились при санатории-школе, в старинном (600 лет), австрийск. родовом замке (гр. Герберштейн) в 126 комнат², над рекой *Rěsnica*, в 18 килом. от Марибора (б. Марбург). Из окна, — с горы, — неоглядные поля, холмистые леса и горы, горы, горы. Альпы синеют вдали. Намечается Тироль. От Вены четыре часа. От Триеста и Фиуме — пять. От Загреба (Аграма) — три. От Белграда — 12 час. езды в курьерском. Из Марибора трижды в день ходит автобус. Мы приехали на закате, и были встречены у ворот замка начальницей школы, персоналом и девочками, поднесшими букеты роз. На другой день нам показывали замок и водили по классам. Вера Яковл. Орлицкая, — кстати, бессарабка! — чрезвычайно обаятельная и славная, еще молодая женщина. Она ежедневно присылает нам громадные букеты роз, землянику, черешни и зовет к себе в башню на чай. Муж ее — страстный рыболов, и мы ходим с ним за два километра ловить южную рыбу. Она несколько иного порядка, чем в Эстонии: и навьки, и привычки ее какие-то странные. Окрестные помещицы — г-жа Пильц и кн. Оболенская, — узнав о нашем приезде

в замок, знакомые уже по моему посещению Марибора в 1931 г., прислали нам приглашения, и в ближайшие дни мы нанесем им визиты, воспользовавшись коляской, любезно предоставленной нам В. Я. Комната у нас отличная, кормят превосходно и вкусно. Мы так измучились от своих скитаний, и так заслужен, так необходим этот отдых. Все это gratis*, конечно. Четыре месяца поездки в этот раз буквально ничего не дали — все ушло на отэли и поезда в Румынии и до Белграда. С 11-го мая мы живем в Югославии на счет правит., имея по стране беспл. билеты³. Целый месяц пробыли в Белграде, три дня в Дубровнике и восемь в Сараеве. Вечера пока дал только в Белгр. и Сараеве. В Румынии провели ровно два месяца. Три вечера в Кишиневе, по одному в Бухаресте и Аккермане. Остальных городов пока не трогали: резерв. Познакомился я с Марией Леонт.⁴ Милая она и славная. Напоминает чем-то (и внешне!) Тэффи. К сожал., из-за своего «водоворота» я лишил себя удовольствия побывать у нее еще и еще раз. По этой же причине не попал с ней и на кладбище на могилу ее мужа и дочери. Теперь мне это крайней обидно, и, если осенью поедем в Бессарабию, обязательно побываю. О будущем, впрочем, стараюсь не думать, ибо ничего отрадного в смысле финансов оно не сулит. Одно беспощадно ясно: в Тойлу возвращаться без денег нельзя. Тревожит и Вакх: счет его содержания у бабушки растет с каждым месяцем, и до сих пор ни одного лея, ни одного динара мы не смогли послать домой. Не ужасно ли это? И как ни удивительно, несмотря на всякие невзгоды, написал цикл из 10 стихотв.⁵ И — говорят — хорошо...

А Вы как живете? у Вас что хорошего? Напишите мне, дорогая, теперь же, и я с радостью откликнусь сразу же, т. к. теперь я в природе и в благостном настроении. Пробудем мы здесь, вероятно, до 1—15 авг.⁶.

Я больше бы написал Вам, но меня страшит мысль: а вдруг Вы переменили квартиру, и я пишу в пустоту?

Целую Ваши ручки, всегда-всегда помню Вас. Фелисса Мих. (она так устала и намучилась) шлет Вам искренний привет. Привет от нас и Ал. Гр., и Игорю.

Всегда Ваш

Игорь.

Igor Severjanin
Ruska Škola.
Hrastovac, Pošta Sv. Lenart u
Slovenskih Goricah kod
Maribora Yougoslavie.

* Бесплатно (лат.).— Рег.

¹ С 25 марта по 28 июня 1933 года была прервана и переписка с А. Д. Барановой.

² К письму приложена журнальная вырезка с видом замка «Хрastoвeц». В редакционной заметке «Игорь Северянин в Югославии» газеты «Наша речь» (Бухарест. 1933. 20 июля. № 199) сообщалось: «Игорь Северянин гостит в Югославии. После ряда устроенных им литературных вечеров в Белграде, Дубровнике, Сараево и других крупных пунктах Югославии, неизменно собиравших массу публики, югославянское правительство предложило поэту отдохнуть это лето в Югославии. Поэт принял предложение и гостит теперь в замке Хрastoвaц, в Словении. Этот исторический замок построен шесть веков тому назад. Он поражает своей грандиозностью: в нем 126 комнат. Замок расположен в прелестной местности. <...>»

³ Очевидно, как и в прошлый приезд в Югославию, Северянин «получил бесплатный билет 1 класса по всей стране» (*Игорь Северянин. Гроза в Герцеговине // Юность. 1987. № 4. С. 91.*)

⁴ См. прим. 4 к письму 21.

⁵ По-видимому, речь идет о стихах, посвященных одной из кишиневских знакомых Северянина, бывшей предметом его очередного недолгого увлечения. В очерке М. Хазина «Скиталец тот, кто всех светлей...» приводится стихотворение, опубликованное в газете «Бессарабское слово» (1933. 5 мая): «Грусть радости», с посвящением «В. И. Шей де Вандт, моей невесте». Героиня стихотворения — Виктория — облекается, в частности, в такие образы: «Газель моя, подстреленная злыми! / Подснежник бессарабский — виорель!» (*Хазин М. «Твоей молвой наполнен сей предел...» С. 244*). Год спустя, 29 июня 1934 года, Северянин писал С. И. Карузо: «Стихотворений все же написал я много. Они разделены на два цикла: 1. Виорель (Кишинев) и 2. Цикламены (Hrastovac)». 5 октября того же года Северянин снова возвращается к этой теме: «А Виктория шлет из Кишинева „безумно-влюбленные“ письма и ждет, чтобы я развелся с женой и женился на ней. Та самая Виктория, которая хотела в мае облить меня серной кислотой и держала совместно со своею шайкой-родней неделю в осаде. <...> А все-таки веселое было время, и эта Виктория дала мне много стихов, которые Вы прочтете в „Очаровательных разочарованиях“, экземпляр которых я пришлю Вам, как только книга выйдет в свет». Сборник «Очаровательные разочарования» остался неопубликованным (см.: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 3).

⁶ Отъезд был отложен. Возможно, одна из причин — приезд В. В. Берниковой с мужем: «В августе к нам приезжали друзья из Сараево и провели с нами около трех недель» (письмо к С. И. Карузо от 28 сентября 1933 года). О Берниковой см. прим. 1 к письму 12.

Кишинев, 20.I.1934 г.

Дорогая София Ивановна!

Редакция «Золотого Петушка»¹ очень просит Вас помочь ей наладить сношения с каким-либо кн. магазином в Брюсселе, торгующим русск. журн. и книг., — мы, к сожалению, не знаем, к кому можно было бы обратиться. А еще было бы лучше — если бы Вы сами взяли на себя труд распространения хотя бы десятка

экземпляров. Конечно, если это Вас не затруднит. Одновременно посылаем Вам 10 экз. на пробу. Мне кажется, благое начинание молодого энтузиаста Евицкого следует всячески поощрять: в столь подлое время столь благородные намерения! Это, если хотите, героизм! Издательство, к сожал., средствами не обладает абсолютно никакими, и платить по 30—40 проц. комиссионных ему затруднительно. Деньги за продан. экз. можно перевести непосредственно на имя Евицкого (Леон. Григ.): Roumanie. Basarabia. Chisinău, ștr. Dm. Kantemir, 10A. На этот же адрес жду от Вас и для себя писем. Нравится ли Вам журнал? Второй № выходит в первых числах февраля. № 1 идет здесь успешно. Везде к журналу живой интерес.

Уехав из замка Hrastovac 2.XI в Сараево и пробыв там 2 недели, мы приехали в Белград, где пробыли 3 недели. Оттуда попали на 27 дней в Софию и через Рушук² выехали в Бухарест. Проведя там сутки в отэле, 5 янв. утром добрались, наконец, до Кишинева, из которого уехали 5 мая.

В отсутствии были, следов., 8 месяцев ровно. Первые десять дней прожили у ротм. Крживоблоцкого (где и прошлый раз), а 15-го наняли в центре города (на Подольской) особнячок в одну большую и очень теплую комнату. Перешли на домашнее хозяйство. Предполагаю прочесть лекцию, читанную в Сараево, Белграде и Софии. Тема ее: «Путь к вечным розам» (Русская поэзия начала XX века)³. Затем думаю дать вечер стихов. В Сараево устроил три вечера, в Белграде — два, в Софии — четыре. Оба раза в Белграде — аншлаг. Но денег совсем нет⁴, как и раньше: билеты до смешного дешевы! Хотим снова съездить в Аккерман, где был громадный успех весною. Надо побывать и в Бельцах, и в Сороках, и в Измаиле, и в Бендерах, и в Рени⁵.

При «Золотом Петушке» намечаются курсы версификации, и, возможно, я буду читать лекции по стиховедению⁶. Как чувствуете Вы себя? Что у Вас нового? Уж теперь-то переписка наша наладится, т. к. мы постоянно будем на одном месте. Пробудем до мая минимально. В Белграде печатается моя новая книга сонетов: «Медальоны»⁷. Вскоре выйдет в свет. Что сказать Вам о последней — после замка — поездке? По обыкновению много встреч, много впечатлений. Все дни были заранее расписаны. В Софии ежедневно встречались с Массалитиновым и Краснопольской⁸. Встречали у них Новый год. В Бухаресте обедали у Липковской. Познакомились с ее новым мужем. Датчанин Свэн⁹. 27 лет. Красив. А ей ведь 53... Но она хорошо сохранилась. Видели и Е. И. Арцыбашеву¹⁰. Теперь заняты составлением номера второго. Есть Ремизов, Куприн и пр. Жду от Вас весточки. И скорей.

На днях сделаю визит Проеско. Фелисса Мих. и я шлем сердечные Вам и Ал. Гр. приветы.

Целую Ваши ручки.

Ваш неизменно

Игорь.

<Приписка на обороте:>

М. Г.

Многоуважаемая София Ивановна!

Помогите добрым словом молодому начинанию — Золотому Петушку. Приношу заранее сердечную признательность редакции за Ваше содействие.

С искренним уважением

Леонид Евицкий.

21.I.1934.

¹ Речь идет о литературно-художественном журнале «Золотой петушок», который начал выходить в январе 1934 года в Бухаресте под редакцией Л. Г. Евицкого, при участии Северянина. Поэту удалось привлечь к сотрудничеству А. М. Ремизова, К. Д. Бальмонта, И. С. Лукаша, помочь в распространении вышедших номеров в Европе. 12 февраля 1934 года он писал С. Чукалову: «„Золотой петушок“, несмотря на свое безденежье, получился очень приличным». И в том же письме: «<...> по целому ряду разных соображений, мне пришлось решительно отказаться от редактирования журнала, и главная причина — это полнейшее банкротство издателя: не то что ежемесячное жалование, ему гонорар было трудно мне уплатить за первый номер...» (Проблемы на новата българска литература. София. 1978. С. 265—266). Из-за неопытности редактора и материальных затруднений журнал вскоре прекратил свое существование: вышли номера 1 и 2—3. В номере 2—3 был помещен портрет Северянина и его сонеты «Любовь Столица» и «Бальмонт». О «Золотом петушке» см. также: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 89—94, 142—144.

² Руцук — турецкое название болгарского города Русе.

³ Упоминания о чтении этой лекции в Югославии и Болгарии см.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 88; *Йорданов Хр*. Игорь Северянин в Болгарии. С. 153.

⁴ По окончании этой длительной поездки Северянин писал С. И. Карузо 29 июня 1934 года: «12 июня мы, наконец, вернулись на милый север, пробыв в отсутствии 15 м. и 12 дней. Поездка не дала в мат. отн. ровно ничего: все заработки сразу улетучивались. 7 мес. провели в Югославии, месяц в Болгарии и 7 мес. в Румынии <...> в Кишиневе всего прожили полгода и месяц в Бухаресте. Всего везде дал 20 вечеров».

⁵ Рени — город в Одесской области, расположенный на реке Дунай.

⁶ По предположению Р. Крууса, Северянин собирался использовать свою работу «Теория версификации (стилистика поэтики)», выполненную осенью 1933 года в Югославии в замке Храстовец и оставшуюся неопубликованной (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. № 12; *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 142). В цитированном выше письме к С. Чукалову Северянин писал: «Что касается курсов, мне, как иностранному подданному, открыть их нельзя» (Проблемы на новата българска литература. С. 265).

⁷ Сборник «Медальоны» (Белград, 1934) с подзаголовком «Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» состоит из 100 сонетов, написанных, главным образом, в 1925—1927 годах. (см. текстологический комментарий Р. Крууса в книге: *Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 466). 29 июня 1934 года Северянин писал С. И. Карузо: «Выпустил в Белграде новую книгу: „Медальоны“. Это издание почти распродано, хотя вышло в свет 24 февраля этого года».

⁸ Массалитинов Николай Осипович (1880—1961) — русский и болгарский театральный деятель. В 1925—1944 годах — главный режиссер, затем режиссер Народного театра в Софии. Краснопольская-Шенфельд Татьяна Генриховна, писательница. Ей посвящены стихотворения Северянина «Октава» (1910) и «Заклинание» (1914) (*Игорь Северянин*. Victoria Regia. С. 52, 69).

⁹ Второй муж Л. Я. Липковской — датчанин Баден Иарл. См. также прим. 7 к письму 14.

¹⁰ См. прим. 4 к письму 10.

24

Toila, 1.I.1936 г.

С Новым Годом, дорогая София Ивановна! Не удивляйтесь ничему: я — вне законов. Если не писал, были серьезные причины¹. Очень серьезные, поверьте. Не хотелось расстраивать кошмарами переживаний. Ваши письма все получил, — очень признателен Вам. Всегда помнил. Часто-часто. Но меня ведь почти не было здесь. Почти все время был в Ревеле. Вернее — вынужден был быть. Следов., не жил, ибо город для меня не жизнь: ненавижу институт городов. Бедная Ф. М. с 3 апр. живет в Ревеле: работает на фабрике шелковой. Один скелет остался. И очень нехороший кашель (к а ш е л ё к)... Я то здесь, то там. Иногда один, иногда нет. Заработков лично у меня никаких. За весь прошлый год всего три концерта: в Печорах, Валке² и Гунгербурге. Полные залы все-таки. Удивлены? Чем объяснить? Не знаю. Публика ведь отошла от поэзии. И все же в э д е переполнено. А денег мало. До смешного. По 8\$ за вечер!.. И вдобавок свои расходы: поезда, отэли. Роман «Рояль Леандра»³ лежит на складе. Из тысячи продано экзempl. 25. Куда идти? Что делать? А теперь вот на Праздники приехали с Ф. М. на десяток дней домой. Как хорошо здесь! как благочестиво! Сегодня Ф. М. уезжает снова в кабалу. Вам это известно. Вы сами в таком же положении. Зарабатывает она 1/ 2\$ в день. У машины. В сентябре приезжала знакомая из Кишинева. В гости. Пробыла 18 дней, из них 12 в Тойле. Ездил с ней сюда. Весною снова приедет. М. б., Вы ее знаете. Она о Вас помнит. Некто Лидия

Тимофеевна Рыкова, рожденная Адам⁴. У них дом на Федоровой, около Мещанской. Великанша. Красавица. Умница. Любит искусство. Поет. Рисует. И Липковская⁵ поселилась в Кишиневе на Немецкой.

Приветствую Вас, Ал. Григ. и Игоря. Целую ручки Ваши. Напишите мне, не считайтесь письмами. Скверно мне, дорогая и милая София Ивановна, очень плохо на душе. Невыносимо.

Ваш Игорь.

¹ «Серьезные причины» состояли в том, что 7 марта 1935 года Северянин расстался с Ф. М. Круут (не оформив развода) и уехал из Тойлы. Не решаясь сообщить об этом С. И. Карузо, чтобы не вызвать нежелательных вопросов, поэт указывает в письме прежний адрес. Следует отметить, что Северянин долго скрывал от своих друзей семейные перемены. Первое из известных нам сообщений — краткое письмо от 17 июня 1935 года к А. Д. Барановой, полное недомолвок: Северянин пишет лишь, что «переехал от Фелиссы Михайловны из Тойлы в Пухаеги (в 3 килом. от Тойлы). Нанял домик над рекой» (*Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 100*). Спустя почти два года, 30 апреля 1937 года, тому же адресату Северянин ни словом не обмолвился о переменах, рассказывая о Фелиссе Михайловне, шлет от нее привет. И лишь 14 сентября того же года поэт отправляет подробное и откровенное письмо о невзгодах, обрушившихся на его семью, умоляет (страдая от унижения) о материальной срочной поддержке. Отчаяньем, скорее всего, и вызвана эта откровенность (там же. С. 102—105). С. И. Карузо Северянин отважился сообщить о новой женьте (это был гражданский брак) только 4 августа 1939 года (см. ниже).

² 10 марта 1935 года в Нарве состоялся вечер, а затем банкет по случаю 30-летия литературной деятельности Северянина; в апреле—мае — вечера в Печорах и Валке (см.: *Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. С. 147—148*). Валка — город в Латвии, расположенный на границе с Эстонией. Город Печоры, возникший в XVI веке как посад у Псково-Печерского монастыря, в 1920—1940 годах находился на территории Эстонии, с августа 1941 по август 1944 года был оккупирован немцами, с 1945 года входит в состав Псковской области.

³ Речь идет об изданном в Бухаресте в 1935 году «романе в строфах» «Рояль Леандра», написанном в марте 1925 года и первоначально опубликованном М. П. Ардыбашевым в газете «За свободу!» в 1926 году. В выходных данных указано: «Издание автора». В письме к С. И. Карузо от 5 октября 1934 года Северянин сообщил, что состоятельная семья — Константи́н Константинович Мими и Ольга Леонтьевна Вноровская-Мими («Мы очень сошлись с ними в Бухаресте этой весной») — «предлагает издать на свой счет мой роман в стихах: „Рояль Леандра“ (Lucne). Оставит себе известное число экз. на покрытие затрат по изданию, а все остальные пришлет мне, чтобы я мог сам их распространить по знакомым. В наше время это единственный способ что-нибудь заработать, т. к. в магазинах никто стихов не покупает, да и дерут они безбожные комиссионные». Книга была издана тиражом 1000 экземпляров, 800 из них получил Северянин и успешно продал. Однако надежда на повторение удачи с продажей «Адриатики» (см. письмо 17) не оправдалась: разосланные по Европе 150 экземпляров почти не купали.

⁴ О Лидии Тимофеевне Рыковой (урожд. Адам) Северянин уже рассказывал С. И. Карузо в письме от 5 октября 1934 года, представляя ее: «(<...> наша кишиневская хозяйка, у которой мы жили ровно три месяца в этом

году, с 15.I. по 15.IV <...> редкой души женщина, очень начитанная и тонкая» и т. д. Впечатлениями о поездке в Тойлу Л. Т. Рыкова делилась в недатированном письме к Ф. М. Лотаревой (Круут), которое цитируется в статье М. Петрова «Игорь Северянин и его кишиневские друзья» (Молодежь Молдавии. 1987. 20 июня). О Рыковой см. также: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 97.

⁵ См. прим. 7 к письму 14.

25

Igor Severjanin.
Vabaduse, 3
Narva-Yõesuu.
Estonie.

4 авг. 1939 г.

Дорогая София Ивановна!

Мне неудержимо захотелось написать Вам, хотя я и не уверен, что Вы живете там же. Поэтому это письмо предельно кратко. Вы долго-долго не писали, я молчал, но думал о Вас всегда. Я, вообще, никому не пишу ничего, но вот Вам — исключение. 7.III.1935 г. я расстался с Ф. М. и с того же дня у меня Вера¹. Она женственна и жертвенна: мне легко. У нее дочь семи лет — Валерия². Вера развелась с мужем. Я разведусь с Ф. М. осенью. Мы живем круглый год на курорте. Раньше — знаменитый Гунгербург, теперь — Narva-Yõesuu. От города Нарвы 14 килом. Наши окна выходят на широкую Нарóву и ее дивный приток — Россонь. У меня под обрывом своя лодка, — «Дрина»³, — и целыми днями мы на реках. У нас летом всегда много людей, т. к. съезд до 5000 в сезон. От моря 5 минут. Пишите о себе, Ал. Гр. и Игоре. Дайте знак, что письмо это прочли. Около 20 октября мы приедем в Берлин на месяц-два гостить к знакомым, и я дам там несколько вечеров. Возможно, попадем в Париж и Брюссель⁴. Я, наконец, должен же Вас увидеть раньше, чем покинуть Землю.

Целую Ваши ручки.

Всегда с Вами (не слова!)

Игорь.

¹ Коренди Вера Борисовна (эстонизированная фамилия по мужу Коренева; урожд. Запольская; 1903—1990). Северянин писал о ней 28 сентября 1939 года Г. Н. Рустейкес: «Верочка окончила в Тарту университет (филология) и одно время (больше 10 лет) была преподавательницей в Таллиннской комм. гимназии. С весны 1938 г. лишилась места, и мы с тех пор уехали в глушь окончательно <...> С Ф. М. встречался до 30 июля

1938 г. и всячески, даже в ущерб нам, помогал ей и Вакху, но теперь туда не езжу, ибо она человек несговорчивый, злопамятный и жестокий. А моя Верушка — добрая, мягкая и очень верная натура» (Собрание М. С. Лесмана). О В. Б. Коренди см. также: *Григорянц Г. Поэзоантракт Игоря Северянина // Молодежь Грузии. 1989. 10 октября.*

2 Коренева Валерия (1931—1983).

3 В очерке «В лодке по Россони», подробно описывающем речные прогулки по окрестностям Нарва-Йьэссуу, Северянин поясняет, что название «Дрина» дано лодке «в честь ни с одной речкой не сравнимой малахитовой босанской реки» (Сегодня. [Рига]. 1939. № 356; см. также: Даугава. 1987. № 7. С. 89—90). Стихотворение «Дрина», датированное 15 января 1931 года, вошло в сборник «Адриатика».

4 Эту поездку Северянину осуществить не удалось.

26

Igor Severjanin.
Vabaduse, 3. 20.VIII.
Narva-Yõesuu. 1939 г.
Estonie.

Дорогая София Ивановна!

Я был очень рад получить Ваше письмо и хотел ответить на него сразу же, но ждал ответа от Игоря Александровича, которому написал немедленно по получении Вашего письма, т. е. 11 авг. Я приглашал его посетить нас, т. к. мы от Нõтме всего в 4 1/2 час. езды скорым поездом, просил его сообщить точный день и час приезда, писал, что Вера Борис. и я встретим его у автобуса, причем она будет держать в руках складную удочку. Однако, до сих пор я ответа от него не получил почему-то, что меня просто смущает. М. б., он где-либо на курорте — в Гапсале и Пернове? И, вообще, я ни одного письма от него не получил, хотя Вы и пишете, что он хотел мне — еще до моего письма — написать. Жаль, что все так вышло, а нам с Верой было бы так приятно и интересно его повидать. У нас и остановиться (ночевать) есть где, и по рекам поплавали бы, и о Вас подробнее бы поговорили. Во всяком случае, поздравляем Вас от души с его бракосочетанием и желаем ему удачного союза. В наше время, конечно, это большая редкость. Фамилию Грауэн мне приходилось слышать: кажется, это инженер¹. Интересно знать: получил ли И. А., вообще, мое письмо? Трудно допустить, чтобы он не ответил. Мы ежедневно ждем от него известий, полагая, что он временно отсутствует. Сезон в Narva-Yõesuu уже закончен, хотя погода стоит ровная и очень хорошая. Дождей не было уже с месяц. Удивительно рано кончается здесь дачная жизнь: к 10—15 авг., т. е. в самое лучшее время. Дачников всего было в этом

году около восьми тысяч, а теперь и двух не осталось. Жителей же коренных около 900. Но все-таки я еще жду одного гостя. Это Дмитрий Алексеевич Смирнов, живущий теперь в Печерах² и иногда уезжающий в Италию, Францию и др. края. Он писал мне, что собирается нас навестить в конце августа. А 15—20 окт., если все будет спокойно, мы с Верой поедem в Берлин и дальше. От нас только что (16 авг.) уехала героиня моего романа «Падучая стремнина» (Вы читали его?) — Злата³. Мы не виделись с нею с 1922 г., и в это лето она провела у нас около двух месяцев. Она уже 25 лет живет в Берлине⁴. А знаком я с нею с 1905 г. Тогда ей было 19, мне 18. Сохранилась она до сих пор великолепно: на вид меньше сорока. Теперь у нее в Берлине модное модное ателье⁵, сама она только «дирижирует» и получает за фасон баснословно. Она положительно задарила нас. Верочке, напр., привезла 3 платья, франц. духов, одеколонов, мне фотогр. аппарат и проч. Время провели очень весело — бывали в курзале, в Нарве, катались в моей «Дрине» по Россони и Тихому озеру, делая до 20 кил. в день и устраивая шумные и многолюдные пикники на нескольких лодках. Она не только нас — некоторых знакомых барышень щедро одарила. Покупала здесь чуть не каждый день туфли и, поносив их несколько дней, дарила Верочке и ее знакомым!.. Даже не верится в наше время, что могут еще существовать такие сказочно-добрые бессеребреницы! У нее две дочери замужем за богатыми коммерсантами — одна в Германии, другая — в Португалии. Но от них она ничего никогда не берет, хотя дочери ее прямо обожают, а она — их. Со вторым мужем (немцем) разошлась в 1922 г., прожив 12 лет. «Захотелось быть одинокой»... Теперь она зовет нас в Берлин к себе, конечно, на все готовое. Даже билеты хочет выслать. Только при таком условии и возможно поехать. Инициатива и нажим ее, не наши. В Берл. 22 т. русских, и она уверена, что там можно дать несколько закрытых и открытых вечеров. «Надо о себе напоминать», — ее девиз: «иначе тебя забудут совсем»... А стихов, София Ивановна, я не пишу уже года три: не для кого. Возникают? Да. Но я давлю их в себе. Люди не ценят стихов — не стоит баловать людей!..⁶ Живем мы чудом: ни Вера, ни я ничего не получаем ниоткуда. Верочка потеряла место учительницы прошлой весной. Но об этом в следующем письме. Целую Ваши ручки, искр. привет от нас А. Г.

Ваш Игорь.

¹ Грауэн Андрес (Grauen Andres; 1886—1942), инженер-кораблестроитель, уроженец Петербургской губернии (недалеко от Гатчины и железнодорожной станции Елизаветино — места, где в юности жил и Северянин). Образование получил в гатчинской городской и гатчинской реальной школах, а затем в Кронштадтской морской инженерной школе и Петроградской

Морской академии. С 1923 года жил в Эстонии, в пригороде Таллина — Нымме. Служил в Военном министерстве и на различных заводах; в 1930-е годы был главным редактором технических журналов, автором нескольких книг и множества статей по морской технике (см.: *Eesti riigi, — avalikuja kultuurielu tegelased*. 1918—1938. Tallinn, 1939. Т.1. Лк. 48; за перевод статьи на русский язык выражаю благодарность Л. И. Петиной). В более подробной анкете, заполненной А. Граузоном 10 марта 1938 года и предназначенной для второго издания справочника «Общественные деятели Эстонии» (*Eesti avalikud tegelased—Тарту*. Гос. Литературный музей им. Ф. Крейцвальда. Ф. 193 М 68—20. За перевод анкеты с эстонского языка благодарю Л. Н. Киселеву), в графе «дети» названа Ирэне (р.1914), бактериолог. Благодаря содействию А. Э. Кухар и Александры Карузо, нам удалось отыскать первую жену Игоря Карузо — Ирину Андреевну Хэфели (урожд. Граузн), ныне живущую в Швейцарии. В письме от 8 октября 1992 года к автору данной публикации И. А. Хэфели сообщила, что брак ее с И. А. Карузо продлился десять лет. Затем: «<...> я вышла замуж в Швейцарии, он снова женился в Австрии, на австрийке, и у них родилась дочь Александра Игоревна». И далее: «С Софьей Ивановной я не теряла контакта до ее смерти и была на ее похоронах. В молодости она была „романтиком“. Всегда любила Россию». В ответ на просьбу рассказать о знакомстве с Северяниным госпожа Хэфели пишет: «Я его видела лишь один раз, когда он посетил Ревель (Таллинн). К нему мы не собрались, но он воспользовался нашим приглашением и был у нас на обеде во время своего посещения Ревеля. Уже не помню, был ли он уже седой, но кудрявый и стройный, высокий мужчина. Приятный, хорошо воспитанный. Как поэта я его мало знала, по-видимому, его слава была раньше, именно во времена молодости Софьи Ив. Карузо. Этой дружбой С. И. очень гордилась, и я рада, что ей удалось переслать переписку и книги в Россию. Она мне об этом говорила. Это была не только очень культурная, но и очень красивая женщина». В семье Карузо сохранилась книга Бориса Новосадова: [Тагто Борис Христианович], «По следам бездомных Аонид: Вторая тетрадь стихов» (Tallinn, 1938) с надписью: «гр<афу> Игорю Александровичу Карузо с искренним приветом автор 8 сентября 1939 г. Таллинн — Ревель».

² См. прим. 9 к письму 14. 17 мая 1939 года А. Д. Смирнов писал Северянину из Нарвы-Ийэсуу: «Дорогой Игорь Васильевич. Сердечно благодарю Вас за приглашение. Постараюсь им воспользоваться позже. В субботу еду опять за границу, в Стокгольм и Париж. Вернусь в Эстонию в первых числах июня и поеду в Печеры, страшно стремлюсь туда скорее <...>» (РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1). 24 мая Смирнов сообщил, что поездка откладывается, а 31 мая писал: «<...> 7-го июня пою концерт для черьян <...> 8 июня еду в Печеры, спешимся с Вами в июле или августе, тогда приеду к Вам <...>» (Там же. Л. 3, 5). Похоронив жену (певицу Л. П. Мальцеву, умершую в Лондоне) в пещерах Псково-Печерского монастыря, А. Д. Смирнов впоследствии проводил неподалеку свой летний отдых, (см. об этом: *Шумаков Ю. Д. Великий русский вокалист // Волга*. 1967. № 1. С. 185—191).

³ Как удалось установить Р. Круусу, Злата — это Евгения Тимофеевна Гудан (в замужестве Меннеке; ум. 1951), «первая любовь» Северянина, «которую он поэтически называл Златой» (*Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 112). Данное письмо позволяет восполнить неизвестную ранее дату ее рождения: 1886 год. «Согласно устному сообщению А. Раннита,— пишет Р. Круус,— у Северянина со „Златой“ была дочь» (там же). Об этом же свидетельствуют такие, например, стихи Северянина: «Ты ко мне не вернешься...» (с посвящением: «Злате»; 1910); «Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары. // Ради нашей дочурки...» (*Игорь Северянин*.

Громокипящий кубок: Поэзы. М.: Гриф. Изд. 4. С. 41). Заглавие сборника «Златолира: Поэзы. Книга вторая». Изд. 2. (М.: Гриф. 1914), очевидно, включает в себя имя героини. В экземпляре сборника, принадлежащем С. И. Карузу, рядом с заглавием стихотворения 1912 года «Ненужное письмо» («В ее письме ни строчки / О нашей горькой дочке...») — помета Северянина: «Злате» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 470. С. 72). Помимо названной самим Северяниным «Падучей стремнины» (Роман в 2-х частях. Берлин: Отто Кирхнер и К^о. 1922.), этой же «героине» посвящена поэма «Злата. (Из дневника одного поэта)» («Златолира». С. 95—100). Причем рядом с заключительными строками о самоубийстве героини — помета Северянина: «Поэтическая вольность». Согласно пометам автора, «Злате» адресовано еще несколько стихотворений в сборнике, в том числе: «Спустя пять лет» («Тебе, Евгения, мне счастье давшая...» — там же. С. 74) и др. Об А. Ранните см. в прим. 3 к письму 28.

⁴ В 1922 году Е. Т. Меннеке помогла Северянину снять квартиру в Берлине (см.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 30—31). В «Заметках о Маяковском» (1941) Северянин вспоминал: «Приехали мы, предварительно списавшись со Златой, вновь возникшей в моей жизни спустя 16 лет (с 1906 г.). Она прочла в газете „Голос России“ мою „Поэзу отчаянья“, написала на редакцию (в Берлине), а та переслала мне письмо в Тойлу. Произошло это за год до нашего путешествия, т. е. осенью 1921 г. <...> На меня письмо Златы произвело большое впечатление, возобновилась переписка, я написал (еще до встречи) „Падучую стремнину“. О. Кирхнер успел ее издать» (*Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн. 1990. С. 406—407). «Поэзу отчаянья» см. в сборнике Северянина «Фея Eiole. Поэзы 1920—1921 гг. Том XIV» (Берлин: Отто Кирхнер и К^о. 1922).

⁵ Судя по всему, Е. Т. Гудан за рубежом нашла применение профессии, приобретенной ею еще в юности, в России: стихотворение 1912 года «Портниха» («Ты приходишь утомленная, невеселая, угаслая...»), помеченное в «Златолире» рукой Северянина: «Злате» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 470. С. 66), подтверждает это. О приезде «Златы» см.: *Петроний* [Пильский П. М.]. Первая любовь Игоря Северянина // Сегодня вечером. [Рига]. 1939. № 282, 11 дек.; о «Злате» и ее дочери см. также в письме в редакцию протоиерея Сергея Положенского (Западный Берлин): Русская мысль [Париж]. 1979. № 3270. 23 авг. С. 15.

⁶ Ср. также: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я теперь пишу стихи, не записывая их, и потом навсегда забываю» (1940 г.) («Игорь Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своем 35-летнем юбилее» // *Игорь Северянин*. Сочинения. Таллинн, 1990. С. 430).

27

< 24.XII.39¹

Narva-Yõesuu)

Дорогая София Ивановна,

наконец-то мы встретились с Игорем Александровичем: наши с Вами пожеланья исполнились! Приветствую Вас с Праздниками. Завтра еду домой, откуда напишу подробно.

Ваш Игорь.

¹ Дата — рукой С. И. Карузу.

24го марта 1940 г.
Narva-Yõesuu

Дорогая София Ивановна,
поздравляем Вас и Александра Григорьевича с Праздниками Св. Пасхи, посылаем пожелания самые наилучшие.

Я уже давно хотел писать Вам. Но Вы знаете — я никому, вообще, не пишу последние годы. Только очень деловое: связанное с добываньем окаянных грошей¹. Но Вам писать давно было бы нужно, т.к. как-то зимою, будучи в городе, познакомился, наконец, с Вашими².

Игорь, конечно же, сын своей матери: многое в нем целиком от Вас. Он производит впечатление скромного, воздержанного, живого, ласкового юноши. Вынужденное пребывание здесь его, видимо, смущает. Рад, что обзавелся работой. Скучает по родителям явно. Все члены семьи были любезны, и я у них даже обедать остался: мне так хотелось подольше повидать Игоря и ознакомиться с ним, красивым и затаенно (сквозь искристую юную веселость) печальным. Я надеюсь, что летом он придет к нам погостить, если к тому времени не сможет уехать в Брюссель. М. б., Вы приедете к лету?

Таллин 14-го марта чествовал меня³. Инициатива исходила от эстов. Русским пришлось присоединиться... Было много публики, кое-что очистилось и мне. Конечно, по обыкновению, очень немного: расходы чрезмерные. Все исполнители участвовали gratis. Преимущественно — эсты. Президент, мин. нар. просв. и внутр. дел прислали подарки⁴, и это были самые крупные суммы. И это нас поддержало.

Зима была суровейшая: до 40 град<усов>! А на юге Эстии и до 50-ти. Но квартира у нас идеально-теплая. Мне удавалось даже в жгучие морозы держать 12—14. Обыкновенно же у нас 16—18. Мы любим тепло, дров не экономим. В феврале у сестры В. Б., Валерии, скончался внезапно муж — лейтенант флота, интернированного в Бизерте. Он был родным братом отца В. Б. Молодой человек: не было 45-ти. Вдова недавно провела у нас неделю: перемена обстановки. Умер он при нас ночью: мы останавливались в Таллинне у них. Впечатление ужасающее...

А Злата⁵ уехала в Берлин 16 авг. Пишет редко и неразрительно. Опять разболелась кишечником: 12 лет назад у нее вырезали 1/4 желудка. С тех пор пожизненная диета. Этим летом

поправилась у нас на дивной пище, а теперь опять плохо. Она увезла с собою тетрадь со всеми моими нотами (на мои слова), думая вернуть в октябре, когда мы должны были ехать к ней. И теперь я в отчаянии: как получить их? По почте нельзя. А там решительно все переплетено, и купить нельзя. К юбилею «Victoria Regia» уже четвертый раз на музыку положили, иначе ничего бы не было. Написал Прохоров в Таллинне. А Ведро «Поэзу об Эстонии». (Из «Менестреля»). Кстати: нет ли в Брюсселе «Менестреля», «Миррэлии», «Соловья» и «Громок <ипящего> кубка»⁶ в магазинах или у букинистов? Ф. М. все книги мои конфисковала, и вот уже пятый год я все собираю снова. А этих книг нигде не могу достать. Если бы Вы, дорогая София Ивановна, их нашли, я был бы Вам чрезвычайно признателен, а стоимость отдал бы Игорю. Верочка и я шлем Вам и А. Г. искренние наши приветы. Целую Ваши ручки. Пишите, не обижайтесь: помню Вас постоянно, и этим уже почти прав.

Ваш Игорь.

¹ Действительно, летом 1938 года прервалась переписка Северянина с А. Д. Барановой, С. Чукаловым, а переписка с Г. А. Шенгели восстановилась после многолетнего перерыва в сентябре 1940 года. Известны лишь единичные письма поэта 1939 года, в том числе к С. В. Рахманинову, с прощальными о материальном содействии.

² В письме к Г. Н. Рустейкес от 25 марта 1940 года Северянин сообщал: «Вернулись сюда (в Нарва-Йыэссуу. — Л. И.) из Таллинна 18-го, а 28-го снова едем на несколько дней: <...> я приглашен на обеды и ужины к Виснапу, Карузо <...>» (Собрание М. С. Лесмана).

³ Северянин, полагая, что давно всеми забыт, а его поэзия никого уже не интересует, писал 15 февраля 1940 года Г. Н. Рустейкес: «14 марта меня чувствуют в Tallinn'e в б. зале Черноголовых (550 чел. вместимостью). Человек 25 будет... Не верю ни во что больше!» Тем радостнее ему было сообщить, что концерт прошел «с большой помпой. В зале было 570 человек — полно. Преимущественно, в громадном большинстве, эсты. Ах, уж эти соотечественники!.. Слава Эстонии <...>. Инициаторами вечера были: эст. художн.-миллионер Борис Линде и Алексис Раннит. Сначала и до конца в зале было вдохновенно. И это самое ценное. Я прочел много пацифистского, встреченного непередаваемыми овациями. Горжусь» (Собрание М. С. Лесмана). Вечер проходил в здании XVI века — бывшего братства Черноголовых (улица Пикк, 26). Портрет поэта, выполненный «к этому празднеству» эстонским графиком Борисом Линде, помещен на программе вечера и в заметке «Сегодня — чествование Игоря Северянина в Таллинне» (Сегодня. [Рига]. 1940. № 73). Участвовавший в вечере, в том числе своими переводами Северянина на эстонский, Алексис Раннит (наст. имя Долгошев Алексей Константинович; 1912—1986), откликнулся на юбилей и в печати: *Rannit A. Igor Severjanin: (35 aastat luuletaja kirjanduslikku tegevust) // Kunst ja Kirjandus. 1940. №3. Lk.11.* Северянин в свою очередь перевел на русский язык два сборника стихов Алексиса Раннита: «В оконном переплете» (Таллинн: Академический Союз Объединенных Искусств, 1938) и «Via dolorosa» (Стокгольм: Северные огни, 1940).

4 В связи с 35-летием литературной деятельности поэта «Президент государства К. Пятс подарил Игорю Северянину по случаю юбилея 400 крон». Вслед за торжественной вступительной частью, в том числе речи В. Т. Адамса, Северянин, горячо принятый публикой, читал стихи (см.: Торжественное чествование Игоря Северянина // Вести дня. [Таллинн]. 1940. № 61 (15 марта); цит. по изд.: *Игорь Северянин*. Письма к Августе Барановой. С. 14). В отделе редкой книги Республиканской библиотеки Эстонии (Таллин) хранится экземпляр сборника «Классические розы» с надписью: «Многоуважаемому г. К. Пятсу — Главе Эстонии, моей второй родины. Игорь Северянин. Tallinn. 22.X.1931 г.» Пользуюсь случаем поблагодарить зав. отделом редкой книги Л. И. Петину за содействие в работе.

5 См. письмо 26.

6 Возможно, речь идет о «Сборнике романсов на стихи Северянина», хранящемся в архиве поэта в РГАЛИ (Ф. 1152. Оп. I. Ед. хр. 46).

7 В заметке «Сегодня — чествование Игоря Северянина в Таллинне» говорится: «Примадонна театра „Эстония“ Милви Лайд исполнит, между прочим, песню на слова Северянина „Виктория Регия“ на музыку С. Прохорова. Солист „Эстонии“ Воотве Вейкат споеет „Поэзу об Эстонии“, — музыка на нее специально для этого вечера написана эстонским композитором проф. Адо Ведро. Участвует в этом вечере юбилейного чествования Северянина и лучший эстонский пианист Бруно Лукк, как и многие другие деятели эстонской литературы и музыки». К стихотворению «Виктория Регия» ранее писали музыку композиторы: А. Архангельский, М. М. Багриновский и М. И. Якобсон (см.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.). Справочник. Вып. 1. М., 1966. С. 318). Стихотворение «Как хорошо...» (1928) входило в сборник Северянина «Классические розы», «Поэза об Эстонии» (1919) — в сборник «Менестрель. Новейшие поэзы». (т. XII. Берлин, Москва, 1921). Далее поэт называет свои книги: «Миррелия» (Берлин, Москва, 1922) и «Соловей» (Берлин: Накануне, 1923). Была ли выполнена просьба Северянина, установить не удалось.

В. Я. Пропп

Поэтика

Публикация А. Н. Мартыновой

Публикуемый материал представляет собой извлечение из рукописи незавершенной монографии В. Я. Проппа (1895—1970), посвященной вопросам поэтики фольклора.

Черновая рукопись, состоящая из 1148 страниц, разделена на две части, вложенные в отдельные папки. Первая озаглавлена «Поэтика. Книга», вторая — «Поэтика. Материалы. Разное»¹.

Материалы, хранящиеся в первой папке, объединены в следующие разделы:

Введение.

Жанровый состав. (Эпика. Сказка. Стихотворные жанры).

Жанровый состав. (Лирическая песня. а) крестьянская).

Жанровый состав. (Лирическая песня. б) бурлацкая, в) разбойничья, г) солдатская, д) тюремная, каторги и ссылки, е) лакейская, дворовая, ж) рабочая).

Фольклор и действительность. Отношение к действительности. (Сказка. Эпос. Баллада).

Фольклор и действительность. (Необычность событий. Динамика действий).

В данную публикацию включены из этой части рукописи лишь Введение и разделы «Фольклор и действительность». Введение никогда прежде не было напечатано, эти разделы представляют собой вариант изданной работы².

¹ ИРАИ. Ф. 721 (В. Я. Пропп). Ед. хр. 15.

² См. об этом: *Путилов Б. Н. Примечания// Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи/ Сост., ред., предисловие и примечания Б. Н. Путилова. М., 1976. С. 319.*

Не включены в данную публикацию разделы «Жанровый состав», поскольку они опубликованы без изменений при жизни В. Я. Проппа и после его смерти в виде отдельных статей³.

Вторая часть рукописи («Поэтика. Материалы. Разное») представляет собой собственно материалы к книге о поэтике фольклора и включает прежде всего два крупных раздела: «Баллада. Материалы» и «Историческая песня. Материалы». Два данных раздела содержат конкретный анализ ста текстов баллад и около двухсот исторических песен.

Кроме этих двух крупных разделов, вторая часть рукописи включает несколько небольших по объему, но исключительно интересных по содержанию разделов, выделенных под следующими рубриками: «Баллада. Поэтика (Разное)», «Символика. Метафора», «Фольклор и литература», «Герои. Положительные и отрицательные», «Индивидуальное и типическое», «Портрет», «Пейзаж. Обстановка», «Абстракция. Речь», «Реализм», «Образность», «Реализм. Эстетика. Поэтика. (Разное)», «Фольклор и действительность (вообще)», «Статья. Отброшенный конец», «Историческая песня», «Время. Пространство. Счет», «Историческая песня (материалы)».

Эта часть рукописи содержит отдельные наблюдения, теоретические положения, полемические заметки, касающиеся эстетической специфики фольклора как искусства.

Чтение рукописи В. Я. Проппа, как ни одной из его опубликованных работ, позволяет проникнуть в творческую лабораторию ученого, прямо и непосредственно наблюдать применение характерного для него «эмпирического» (т. е. индуктивного) метода исследования, проследить ход мысли от вдумчивого аналитического прочтения текста к широким теоретическим обобщениям. Лаконичный пересказ содержания баллад и исторических песен в этой связи выступает необходимым звеном исследования. Рукопись хранит следы размышлений, поисков, раздумий, сомнений исследователя. В целом, несмотря на свою незавершенность, она воспринимается именно как монография — книга, в которой разрешаются или ставятся кардинальные вопросы: эстетическая специфика фольклора, взаимоотношения фольклора с литературой, историческое развитие отношений фольклора с действительностью, генезис и история жанров и др.

Поэтика фольклора рассматривается В. Я. Проппом в наиболее существенных и значимых аспектах — как система, в которой реализуются эстетические принципы отношения фольклора к действительности. Жанровая специфика и историческая обусловленность являются, с точки зрения ученого, определяющими факторами в объяснении особенностей поэтики. Размышления, относящиеся к проблемам жанрового соотношения (различия и сходства — былин, баллад и исторических песен, внутрижанровой дифференциации, категорий пространства и времени в различных жанрах), равно как соображения о роли «необычного» и различных его проявлений в фольклоре, о соотношении эпического и лирического начал, о критериях жанровых приурочений отдельных текстов, семантике фольклорных чисел и т. д., — высказанные в предельно сжатой форме, иногда как будто брошенные вскользь, — содержат, в сущности, обширную и увлекательную программу исследований, а в ряде случаев представляют авторитетный вклад ученого в современные научные дискуссии по теории и истории фольклора.

³ Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора // Рус. литература. 1964. № 4. С. 58—76 (с некоторыми сокращениями статья перепечатана в кн.: Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / Сост., ред., предисловие и примечания Б. Н. Путилова. М., 1976. С. 46—82); Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Рус. литература. 1963. № 4. С. 62—84 (статья переиздана в кн. «Фольклор и действительность». С. 83—116).

Судя по библиографическим сноскам, публикуемая работа создавалась в 1950—1960-е годы, но она выдержала испытание временем и актуальна в настоящее время, поскольку центральными для нашей науки остаются вопросы: как именно в фольклоре изображается действительность, какими средствами для этого располагает каждый жанр, в чем специфические отличия фольклора от реалистической литературы и др. За прошедшие со времени создания этой работы десятилетия наука не стояла на месте, появлялись новые исследования, возникли перспективные и плодотворные направления, которые открывают неисчерпаемые возможности научного поиска⁴. В публикуемой работе на многие из актуальных вопросов современной фольклористики, вокруг которых время от времени возникает полемика, содержатся ответы, существенные для развития научной мысли.

В тексте сохранен порядок расположения материала, принятый В. Я. Проппом. В ломаных скобках раскрыты сокращения слов.

---

⁴ *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. *Селиванов Ф. М.* Поэтика былин. М., 1977. *Неклюгов С. Ю.* О некоторых аспектах исследований фольклорных мотивов. Фольклор и этнография. 1984. *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986. *Гацук В. М.* Устная эпическая традиция во времени. М., 1989. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994, и др.

Введение

Значение слова «поэтика».

Поэтика историческая, описательная и нормативная.

Поэтика фольклора.

Оценочный характер поэтики.

Понятие народной эстетики.

Поэтика как совокупность художественных средств.

Художественная литература представляет собой значительную часть духовной культуры народа.

Она дает радость, восхищает нас, пробуждает лучшие стороны человеческой души, помогает нам в борьбе за высшие цели существования.

Но эту роль литература выполняет только тогда, когда она обладает художественным совершенством, когда она доставляет нам эстетическое наслаждение. Слабые, серые, неискренние произведения не выполняют общественных функций, хотя бы они обладали высокой идейностью. Читатели в своей массе, в целом, правильно оценивают и воспринимают произведения художественной литературы. Они делают это инстинктивно, чутьем, врожденным чувством прекрасного и правды. Тем не менее мы не можем довольствоваться простыми «нравится» и «не нравится», эмоциональными похвалами и порицаниями. Читатель хочет знать, почему произведение нравится или нет. Он хочет его понять и обосновать свое суждение о нем. Помочь читателю в понимании литературных произведений призвана поэтика.

Во избежание различных недоразумений мы должны определить, что понимается под поэтикой, так как это далеко не сразу ясно.

Слово «поэтика» может иметь два значения. Под поэтикой понимается совокупность тех средств, приемов, методов, применение которых придает произведениям словесного искусства их специфический характер. В этом смысле можно говорить о поэтике Пушкина в отличие от поэтики Державина, Некрасова или Маяковского.

Но слово «поэтика» может иметь и другой смысл. Оно может означать не совокупность художественных средств литературы, а науку, посвященную изучению этих средств. В этом смысле можно говорить о поэтике Аристотеля, поэтике Веселовского и т. д.

В настоящей работе слово «поэтика» будет употребляться как в том, так и в другом смысле.

По отношению к произведениям словесного искусства поэтика как наука есть то же, что грамматика по отношению к языку. Как известно, грамматика бывает *историческая, описательная и нормативная*. *Историческая грамматика* охватывает процесс становления и развития языка за все время его существования. *Описательная грамматика* охватывает один период, обычно период современной автору грамматики. *Описательная грамматика* может прибегать к данным исторической грамматики для объяснения изучаемых явлений, но может этого и не делать, ограничиваясь характеристикой языка за изучаемый период. Наконец, *нормативная грамматика*, базируясь на научной описательной грамматике, определяет нормы правильного употребления устного и письменного языка, учит правильно говорить и писать. Между описательной и нормативной грамматикой не всегда можно провести границу, и не всегда это нужно. Разница здесь прежде всего в целях, с какими делается описание.

То, что сказано о грамматике, относится и к поэтике.

Создание исторической поэтики — конечная цель науки о литературном творчестве. *Историческая поэтика* есть наука о закономерности развития художественных форм. Наиболее известная попытка в создании такой поэтики принадлежит А. Н. Веселовскому. Веселовский своего труда не закончил. Он не закончил его не потому, что не успел. «Три главы из исторической поэтики» были опубликованы в 1898 году, т.е. за 8 лет до смерти. Эта работа не могла быть завершена потому, что историческая поэтика как наука должна охватить весь период развития литературы от его начатков до современности. Одному человеку всем этим материалом овладеть невозможно. Тут не хватит эрудиции даже у такого знатока, каким был Веселовский. Оставшаяся после его смерти «Поэтика сюжетов» в основном состоит из набросков, разрозненных идей и богатейшей аннотированной библиографии, из которой видно, как Веселовский расширял свой горизонт до самой смерти. Это, пожалуй, наиболее ценная часть всего, что создано Веселовским в области исторической поэтики. Но труд не был завершён не только потому, что материал не был ещё полностью собран и подготовлен. Он не был завершён прежде всего потому, что самый процесс развития литературных форм не был полностью ясен для Веселовского. Он до конца находился в стадии мучительных творческих исканий, и эти искания для нас ценнее многих завершённых за рубежом трудов по эволюции художественного процесса, в ко-

торых нет ни авторских сомнений, ни авторских мук. Таких легковесных ученых поэтик довольно много.

Создать историческую поэтику одному человеку по существу невозможно. Это было бы под силу сплоченному коллективу, в котором каждый работал бы над одной областью. Сейчас речь может пойти только об *описательной поэтике*, о частных поэтиках, совокупность которых когда-нибудь приведет к созданию поэтики исторической. Описательная частная поэтика может касаться определенных периодов, видов, жанров, стилей и дать их полное научное описание.

Данная работа посвящена *поэтике русского фольклора*.

Фольклор рассматривается по его состоянию на XIX—XX века; к этому периоду относятся научно достоверные и надежные записи его. В тех случаях, когда можно говорить о более ранних периодах, когда для этого есть материалы или возможны более или менее убедительные предположения, мы будем рассматривать наш материал исторически. В тех случаях, когда материалы этого не позволяют, мы будем ограничиваться описанием.

По отношению к народной поэзии прошлого нормативной поэтики быть не может: нельзя предписывать или устанавливать правила, какой должна была быть или должна быть в будущем народная песня. Только сам народ может это решить.

Эта описательная поэтика в наше время должна быть одновременно поэтикой *оценочной* и *объяснительной*. Можно говорить о том, чем определяются и чем объясняются художественные совершенства или художественные недостатки тех или иных видов или памятников народной поэзии, но предписывать ничего нельзя.

Вопрос этот довольно сложен, ибо далеко не все то, что мы считаем эстетически совершенным, будет так же оценено носителями фольклора; красота классических од, или идиллий, или сонетов до них не дойдет. С другой стороны, художественные вкусы носителей фольклора могут показаться странными современному человеку. Но эти странности должны быть объяснены наукой. Всюду, где это возможно, мы будем определять народную эстетику, хотя бы она не всегда совпадала с нашими эстетическими требованиями.

Таковы основные задачи исследования. Мы попытаемся конкретно исследовать и изучить приемы народной поэтики. Применение таких понятий, как реализм, типизация, образность и других, станет возможным только тогда, когда явления народной поэтики будут изучены индуктивно, т. е. от материала к выводам, а не от приложения или подчинения общих понятий к конкретным случаям.

Вопросами поэтики в советском литературоведении актуально интересовались в 20-х годах. Но тогда этот интерес носил специфический характер. Формальный анализ проводился безотносительно к истории общественного развития и к идейному содержанию произведений. В настоящее время мы знаем, что форма есть производное от содержания, что она не может абсолютизироваться и рассматриваться как нечто самодовлеющее. Когда изучается драма, мы не можем говорить только о драматической ситуации, о характере завязки, перипетиях в драматической коллизии, о развитии. Мы должны будем говорить о характере действующих лиц, о внутреннем содержании драмы, о выраженном в ней мировоззрении, о связи этого мировоззрения с той эпохой, в которую драма писалась, и с мировоззрением автора. Все это входит в область изучения поэтики. Мы не можем изучать поэтику Пушкина, Некрасова или Маяковского, ничего не зная об авторах и о той эпохе, когда они жили.

Слово «поэтика» иногда понимается как совокупность языковых приемов художественного творчества. В некоторых учебных пособиях жанры изучаются с разных точек зрения, в последних — с точки зрения поэтики. Так, в учебнике С. Ф. Баранова¹ загадки изучаются со стороны происхождения, содержания и поэтики. При изложении раздела, посвященного волшебным сказкам, отдельно говорится о героях волшебной сказки и отдельно о поэтике ее. Заслугой С. Ф. Баранова является то, что он вопросы поэтики вообще включил в изучение.

Но поэтика понимается слишком узко — как совокупность некоторых технических приемов и прежде всего особенностей поэтического языка. Эти особенности лучше относить к области стиля. «Поэтика» же понятие более широкое, чем стиль. Ее изучению подлежат все средства, какие применяются при создании художественных произведений, и в том числе вопросы композиции, способы изображения действующих лиц и т. д. Таким образом, «герои» не могут рассматриваться отдельно от поэтики.

Это в особенности относится к фольклору. Разница героев сказки, эпоса, баллады, легенды, духовного стиха прежде всего определяется разницей поэтики этих жанров. *Под поэтикой мы будем понимать единство структурных (композиционных) и стилистически-языковых приемов, как форму выражения идейного мира художественного произведения.* С этой точки зрения и будет вестись дальнейшее изучение.

<...>

Фольклор и действительность.

Отношение к действительности

Сказка.

Эпос.

Баллада.

Вопрос об отношении искусства к действительности есть основной вопрос всякой эстетики.

Мы касаемся этой проблемы только в той степени, в которой это нужно для самых конкретных целей.

Отношение искусства к действительности может быть рассмотрено в *трех разных аспектах*.

Первый аспект: всякое искусство порождено действительностью. Это — одна из основ материалистической эстетики. Даже в тех случаях, когда произведение представляет собой с нашей точки зрения сплошную фантастику, ничего общего не имеющую с действительностью, эта фантастика вызвана в жизнь определенной реальностью. Так обстоит дело, например, со сказкой, где действуют невозможные в жизни огненные змеи, летучие кони, ковры-самолеты, где герой обманывает чертей, где звери строят себе хаты, договариваются между собой, женятся и ссорятся и вообще уподобляются людям. Дело исследователя найти, какая действительность вызвала к жизни эти сюжеты, понимая под действительностью эпоху, социальные и экономические отношения, формы мышления и художественного творчества, психологию.

Второй аспект состоит в том, что искусство отражает действительность. Это отражение совершается вне воли и вне сознания создателя произведений.

Отображение это двойное. Оно может касаться как предмета изображения, так и способа его. В «Одиссее» Гомера отражены многие стороны реальной жизни и быта Древней Греции. В ней отражены социальная и семейная жизнь, мореплавание, людские типы и характеры, религиозные и космологические представления Древней Греции и т. д. Вместе с тем форма эпоса в гекзаметрах есть форма совершенно греческая. Многие из мотивов и сюжетов «Одиссеи» международны. Так, например, международен сюжет Полифема, сюжет мужа, возвращающегося к моменту, когда жена его уже вынуждена отдать руку другому. Но в «Одиссее» мы имеем древнегреческую форму художественного воплощения

этих сюжетов. Изучение этих прямых и косвенных отражений, равно как и форм мышления и форм художественного творчества и дает надежную основу для применения историко-материалистического метода изучения фольклора.

Но возможен и *третий аспект*. Создатель может активно стремиться изобразить действительность. Изображение действительности составляет осознанную или неосознанную цель художника. Такое изображение, как правило, будет оценочным. Создатель произведения словесного искусства — фольклорного или профессионально-писательского выразит свое отношение к изображаемой действительности, выразит через свое произведение определенную идею. В подлинном искусстве идеи эти носят прогрессивный характер. Такое искусство, в котором идея выражается через правдивое изображение действительности, мы называем реалистическим, а эстетический принцип правдивого изображения действительности с точки зрения передовых идей — реализмом.

Между намеченными аспектами существует самая тесная и непосредственная связь. Виды отношения искусства здесь только намечены. Они допускают бесконечное количество различных по своему материалу решений.

Каково же отношение к действительности в русском фольклоре? Здесь сразу же следует сказать, что единства нет и быть не может. Совершенно явно, например, что отношение к действительности в сказке, былине, исторической песне, рабочей песне и т. д. будет различным. Выше мы определили жанровый состав русского фольклора. Жанр есть категория не только формально-художественного, но и исторического порядка: он есть создание известной эпохи, среды, формы мышления. Поэтому изучать вопрос об отношении фольклора к действительности надо начинать с изучения по жанрам. Свое рассмотрение мы начнем с эпической поэзии, а именно со сказки. В тех случаях, когда поэтика сказки соприкасается с поэтикой других эпических жанров, мы попутно коснемся и других жанров.

Что сказочные сюжеты порождены действительностью, в советской и в зарубежной науке установлено достаточно прочно. В особенности много сделано для изучения сказки волшебной. Ее сюжеты создавались на разных стадиях первобытно-общинного строя и отражают формы труда и борьбы за существование, социальную жизнь, формы мышления этой эпохи у различных народов². В европейской науке прежде всего интересуются частностями исторического быта, отраженными в сказке. Не вдаваясь в подробности, скажем, что, например, изучались такие вопросы, как право, суд и наказание в сказке, понятие о вине

и виновности, изучались судьи и суды в сказке, любовь и брак, собственность и воровство, представление о рождении, смерти и бессмертии, о болезнях и исцелениях, о животных и растениях и т. д. Изучалось отражение и ранней истории человечества в сказке: социальные институты при родовом строе, формы брака и семейной жизни, тотемизм, каннибализм, представление о потусторонних мирах и т. д. Несомненно, что вся эта работа очень нужна и полезна и что изучение реалий в сказке нужно продолжить. Но все же создается впечатление, что для таких исследований избираются не самые существенные стороны жизни и что исследование этих частных случаев конкретной связи сказки с жизнью не раскрывают нам мира сказки как области художественного творчества народа.

Больше интереса представляют для нас работы, выполненные в ГДР. Из них надо назвать диссертацию Вальтраут Веллер: «Социальное содержание и социальные функции немецких народных сказок». Здесь отражение действительности рассматривается систематически. Центральная глава посвящена нарастанию социального протеста в историческом развитии и в сказке. Рассматриваются такие сюжеты, которые дают основание для решения этого вопроса. В этой работе рассмотрен и целый ряд других специальных вопросов сказковедения.

В советской фольклористике последних лет начал устанавливаться другой взгляд на отношение сказки к действительности. Взгляд, что искусство изображает действительность, верен для реалистического искусства, в особенности русского реалистического искусства XIX—XX веков. Принципы этого искусства — одно из величайших завоеваний художественного творчества XIX века. Верно видеть и оценить жизнь и передать свое изображение жизни и свою оценку ее в художественной форме стало возможным только как вершина культуры, которая создавалась столетиями.

Реалистическое искусство есть искусство прогрессивное. Этот тезис у нас иногда принимается в обратном порядке: всякое прогрессивное искусство считается реалистическим. Самые разнообразные виды словесного искусства всех эпох и народов подтягивались под реализм. Такое изучение антиисторично по самому своему существу. Это же происходит при изучении русского фольклора.

До какого абсурда здесь иногда доходят, можно показать на нескольких образцах. Пока мы остановимся только на сказках.

Одним из признаков прогрессивного реалистического искусства считается то, что в таком искусстве изображается не всякая, не любая бытовая действительность, а такая действительность,

которая отражает социальную борьбу. Но так как фольклор есть искусство народное, передовое, то оно *должно* изображать эту социальную борьбу. Этот тезис относят не только к бытовой сказке, для которой он имеет некоторое основание, но и к сказке волшебной и к сказке о животных. <...>

Мы не будем вдаваться в полемику. Мысли, подобные приведенным, высказывались неоднократно³. На самом деле вопрос об отношении сказки к действительности много сложнее, чем это иногда представляется.

Говоря о сказке, необходимо вспомнить высказывание В. И. Ленина: «Во всякой сказке есть элемент действительности»⁴. «Элементы» — части, слагаемые. Ленин не говорит, что сказка «состоит» из элементов действительности, он говорит, что они в ней «есть».

Действительно, достаточно хотя бы было ознакомиться с любым сборником подлинных русских народных сказок, чтобы убедиться, как богато в них представлена действительность. Образы лесных и домашних животных — лисы, волка, медведя, зайца, тетуха, козы почерпнуты из действительности. Из жизни перешли в сказку и мужики и бабы, старики и старухи, солдаты, цыгане, батраки, попы, мачеха и падчерица и многие другие. Эти элементы действительности можно и нужно собрать, сопоставить, изучить. Как мы видим, это широко делается в зарубежной и советской фольклористике.

Ошибка состоит не в том, что в сказке ищут отражение действительности, а в том, что изображение действительности объявляется основной художественной целью сказки. Такое мнение ошибочно. Действительность в сказке отражается, но изображение ее не составляет основного эстетического принципа ее. Действительность отражается не прямо, не непосредственно, а сквозь призму известных форм мышления, типичных для фольклора и отличных от тех форм мышления, которые определили литературное творчество XIX века.

Есть и другие обстоятельства, препятствующие непосредственному изображению действительности: сказка, как и другие виды фольклора, подчинена известным законам поэтики, притом не тем закономерностям, которым подчиняется творчество литературное.

Чернышевский, основатель материалистической эстетики, усматривает некоторую ограниченность, свойственную народной поэтике. О песнях говорит следующее: «<...> есть во всех народных песнях механические приемы, проглядывают общие пружины, без которых никогда не развивают они своих тем <...>»⁵. То, что говорится о песне, в еще большей степени относится к

сказке. Чернышевский показывает, как каждому искусству свойственны свои сатирические специфические границы, что несколько не снижает их оценки. Так и специфически фольклорная ограниченность не противоречит ни высоким идейным, ни художественным достоинствам фольклора. Мысль Чернышевского может быть выражена иначе и продолжена: мы не поймем отношение искусства к действительности, если не изучим специфических закономерностей поэтики каждого из видов искусства и в том числе народной поэтики.

Охватить все жанры сразу невозможно. Мы остановимся главным образом на наименее изученном виде сказки — на сказке бытовой, или, как она иногда называется, новеллистической или реалистической. Изучение мы начнем с конкретного образа. Есть очень странная сказка, известная в нескольких версиях. Это — сказка о злополучном мертвце*.

В общих аспектах дело происходит следующим образом. Дурак нечаянно убивает свою мать: она попадает в капкан или падает в яму, которую дурак вырыл перед домом. Иногда, впрочем, он убивает ее намеренно: она прячется в сундук, чтобы узнать, о чем дурак разговаривает со своей семьей; он это узнает и заливает сундук кипятком. Труп матери он сажает на сани, дает ей в руки пальцы или донце, гребень или веретено и едет. Навстречу несетя барская тройка. Он не сворачивает с дороги, и его опрокидывают. Дурак кричит, что убили его матушку, царскую золотшвейку. Ему дают сто рублей отступного. Он едет дальше и теперь сажает покойницу в погреб к полу; в руки ей он дает кувшин со сметаной и ложку. Попадья думает, что это воровка, и ударяет ее палкой по голове. Дурак опять получает сто рублей отступных. После этого он сажает ее в лодку и лодочку спускает по реке. Лодка наезжает на сети рыбаков и рвет их. Рыбаки ударяют по лодке (по мертвой) веслом, и труп падает в воду и тонет. Дурак кричит, что утонула его мать. От рыбаков он тоже получает сто рублей. С деньгами он приезжает домой и говорит братьям, что продал матушку в городе на базаре. Братья убивают своих жен и везут их продавать. Жандарм забирает братьев в тюрьму, имущество их достается дураку. С этим имуществом и привезенными деньгами он начинает жить припеваючи.

Есть и другая версия этой сказки, которую, впрочем, можно считать другой сказкой. Для лучшего понимания сюжета ее надо

---

* Композиция сказки волшебной и некоторые ее поэтические особенности изучены в моей книге «Морфология сказки», происхождение — в книге «Исторические корни волшебной сказки».

рассмотреть. Здесь дело происходит несколько иначе. Жена мужика угощает своего любовника. Муж подсматривает. Пока она уходит в погреб за сметаной, муж убивает любовника, а в рот засовывает ему блин, чтобы думали, что он подавился. Затем начинаются проделки с трупом, которые частью могут совпадать с предыдущей версией, частью имеют другую форму. В этом случае от трупа надо отделаться, чтобы свалить с себя подозрение в убийстве. Мужик, например, прислоняет труп к дому, где происходит свадебный пир, и начинает громко ругать пирующих. Гости выскакивают, думают, что ругается мужик, прислоненный к стене, и бьют его по голове. Видя его мертвым, пугаются и, чтобы отделаться от мертвеца, привязывают его верхом к лошади и отпускают. Лошадь забегает в лес и портит капканы охотника. Охотник бьет мертвеца и думает, что убил его. Он сажает труп в лодку, а дальше действия развиваются как в предыдущей сказке: злополучный мертвец от удара рыбака падает в воду и тонет. Эта версия отличается от предыдущей тем, что в ней нет фигуры, извлекающей из событий пользу.

Такова эта сказка. Стоит несколько вдуматься в нее, мысленно представить, что происходит, чтоб сразу же увидеть, что в действительности описанные в этой сказке действия совершить невозможно.

Если бы современный советский писатель вздумал написать рассказ о том, как была убита мать и как потом убийца воспользовался трупом для вымогания денег, то ни одно издательство не согласилось бы печатать такой рассказ и было бы вправе так поступить. Между тем как сказка она печатается совершенно беспрепятственно.

Но, может быть, это какая-нибудь уникальная нетипичная сказка? Но это не так. Она чрезвычайно популярна. Ее знают не только русские, но многие народы Европы. Она проникла даже к индейцам Северной Америки. По своему характеру она также не составляет исключения. Достаточно взять в руки «Указатель сказочных сюжетов»⁶ и раскрыть раздел «Новеллистические сказки», чтобы убедиться, что все другие сказки наполнены подобными же чрезвычайно интересными невероятностями. С этой стороны сказка эта *типична*. Подобные сказки привлекают не тем, что в них передается действительность, а тем, что они — веселые и интересные фарсы. Ни рассказчик, ни слушатель не относят действие к действительности. К действительности его может отнести исследователь и определить, какие стороны истории и быта вызвали к жизни этот сюжет, но это относится уже к области не художественного восприятия, а научного. Это не сниженный, не ограниченный или какой-то особый сказочный

реализм, это и не аллегория, и не басня, это сказка, только и именно сказка, она вызывает восхищение и нужна народу.

Сказка есть нарочитая поэтическая фикция. Она никогда не выдается за действительность. «Сказка — складка, песня — быть», — говорит пословица.

Народ относится к сказке добродушно-снисходительно, но возможно и презрительное отношение к ней именно потому, что сказки не соответствуют действительности. Известны случаи, когда рассказчики не верили ученым, которые приехали из города за сказками, так как серьезный человек такими пустяками заниматься не может. «Сказка вся, больше врать нельзя» — такова концовка многих сказок. И если у некоторых народов известны другие окончания, в которых рассказчик уверяет, что все рассказанное есть истина, то такие концовки надо понимать как шутку.

Мы не будем сейчас устанавливать, чем привлекательна сказка. Во всяком случае, не тем, что она соответствует действительности. Наоборот: можно даже сказать, что несоответствие действительности возводится народом в некоторый эстетический принцип. Этот принцип не есть недостаток, и он не исключает ни красоты, ни мастерства повествования, ни идейности. Пушкин в последних строках своего «Золотого петушка» гноворит:

Сказка ложь, да в ней намек!

Добрый молодцам урок.

Она привлекает мастерством повествования. «Сказка складом, песня ладом красна». «Склад», «складка» относятся к области композиции. Чернышевский отрицательно относился к таким романам, которые построены на слишком резких, исключительных положениях или сцепленных обстоятельствах, и уподобляет их сказкам с их выдумками⁷. Но сказка — не роман. Именно «сцепление обстоятельств» и есть то, что народ называет «складка». В сказках привлекают такие комбинации фактов, которые в одних случаях приводят к ярко выраженному комическому эффекту, в других — создают впечатление трогательного и героического. Сказка имеет другую художественную цель, чем изображение действительности, хотя элементы действительности в ней, как указано, всегда есть. <...>

Когда в Европе в эпоху Возрождения начала расшатываться власть церкви над человеческими умами, житийная, апокрифическая, евангельская и вообще церковно окрашенная литература перестала удовлетворять. Начала создаваться светская литература. Эта литература черпала свой материал из жизни, но она широко использовала сюжеты фольклорные. Фольклор привлекал своим сюжетным богатством и своей веселостью. Жизненность

и веселость были противоположны проповеди смирения и аскетизма. Человек имеет право пользоваться благами жизни. Широкое вторжение фольклора в литературу было явлением закономерным для всех стран Европы. В Англии появляется Чосер с «Кентербрийскими рассказами», в Италии — Боккаччио и целая плеяда новеллистов (Саккетти, Мазуччио, Банделло и многие другие). В Германии этот процесс развивается в XV веке (фацеции Г. Бебеля, новеллы Паули, Викрама, Монтануса и других). Волна фацеций через Польшу хлынула к нам, но у нас в XVII в. на основе своего фольклора создавалась своя национальная реалистическая повествовательная литература (Лиса и петух, Шемякин суд, Повесть о Ерше Ершовиче, Повесть о Карпе Сутулове и др.).

Процесс перехода сюжетов или повествовательного стиля в литературу совершался, однако, не путем заимствования только, но — и это наиболее важно — путем преодоления того отношения к действительности, которое характерно для сказочного повествовательного фольклора.

Это можно иллюстрировать следующим образом. Сюжет сказки о злополучном мертвце был использован итальянским новеллистом Мазуччио (ок. 1420—1500). Сравнение его обработки с фольклором очень поучительно как для изучения поэтики фольклора, так и для понимания становления реалистического повествовательного искусства. Новелла называется «Невинный убийца». Здесь дело описывается очень сходно с тем, как это сделано в сказке, но принципиально совершенно иначе. В Саламанке, во время правления в Кастилии короля Феррандо Арагонского, живет ученый молодой богослов, миноритский монах по имени Диего. Так начинается эта новелла. Уже это начало показывает совершенно иную цель повествования. То, что в новелле место и время действия указано, а в сказке — нет, разница не внешняя и не случайная. В новелле действие перенесено в сферу конкретной реальной действительности. Это уже не сказка. При сохранении контуров сюжета, при совпадении *событий*, о которых рассказывается, в новелле нарушен весь основной канон сказочной поэтики. Это не сказка, а новелла, рассказ. События раскрываются не только как *возможные* в действительности, но как имевшие место в определенном пространстве, в определенное время и случившиеся с определенными лицами. Юмористической фикции действительности здесь нет. Все это видно из дальнейшего повествования. Рассказ представляет собой любовную историю и насыщен бытовыми подробностями. Упомянутый ученый монах влюбляется в жену богатого вельможи и преследует ее письмами. Она не отвечает ему взаимностью и, боясь огласки и

скандала, тайно все рассказывает своему мужу, который отличается злобным и вспыльчивым характером. Муж заманивает монаха в свой дом и приказывает его в темноте удавить, а труп унести в монастырскую уборную и посадить его там. Мы не будем рассказывать сюжет и подвергать его подробному анализу. Как и в сказке, труп из рук одного мнимого убийцы переходит в руки других. Здесь и мертвец, прислоненный к стене, и труп, посаженный на лошадь, и т. д. Последнего мнимого убийцу ловят, подвергают его пыткам и хотят предать его казни. Тогда один за другим мнимые убийцы являются в суд и показывают на себя. Последним является настоящий убийца, и все разъясняется. Король, которому рассказали это происшествие, находит его смешным и приказывает помиловать убийцу.

Совершенно очевидно, что перед нами сказочный сюжет о злополучном мертвце, в той его версии, в которой муж убивает любовника своей жены. Но вместе с тем даже краткий пересказ показывает, что рассказ из «складки», или, как говорили когда-то на Руси, «басни», превратился в быль.

Этот процесс (перехода сюжетов или стилевых форм.— А. М.) закономерен для всех тех случаев, когда фольклорный сюжет проникает в новеллистическую литературу. На русской почве он может быть прослежен, например, на сравнении сказки «Поп, дьякон и дьячок» (Андреев, 1730), известной во многих вариантах, с повестью о Карпе Сутулове. В сказке поп, которому крестьянка приглянулась на исповеди, а за ним и дьякон и дьячок напрашиваются к ней. Красавица обманывает и позорит всех трех и выдает их мужу. (Мы не будем приводить сказочных текстов, они известны.)

Повесть же о Карпе Сутулове начинается так: «Бе некто гость велми богат и славен зело, именем Карп Сутулов, имеяй жену у себя именем Татиану, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовью. И бе гостю тому живуще во граде некоем, и в том же граде друг бысть велми богат и славен и верен зело во всем, именем Афанасий Бердов». Действующие лица приобрели имена и фамилии, намечены их характеры, в дальнейшем богато представлен бытовой фон, характерный для городского быта XVII века, и т. д.⁸ Эта повесть так же важна своим соответствием фольклору, как и своим отличием от него.

Таков один из основных признаков сказки. Несоответствие действительности, как один из эстетических принципов сказки, свойствен только ей, но не свойствен другим жанрам повествовательного искусства.

Совершенно иное отношение к действительности, чем в сказке, мы имеем в былине, хотя сюжеты в отдельных случаях могут

и совпадать. Но сюжет как таковой не определяет характера жанра. Былина не рассказывается, а поется. Это отличие — не только разница в форме исполнения, оно определяет, наряду с другими признаками, иную жанровую сущность и принадлежность былины. Исследователи, изучавшие сюжеты сказок и сюжеты былин, уделяли этому очень мало внимания. Былина — жанр очень разнообразный. В состав ее могут входить веселые и сатирические сюжеты. Однако характерно и специфично для былин тяготение к сюжетам героического характера, к возвышенному стилю изложения. Сюжеты не рассказываются, а *воспеваются*.

Мы видели, что сказочник не верит в действительность своего рассказа. Как с этим обстоит в былине? Гильфердинг пишет о крестьянах Севера: «Вся совокупность условий, в которых живет этот народ, устраняет от него все, что могло бы ослабить в нем наивность дедовских верований. Без веры в чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью эпическая поэзия. Когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить палицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско,— эпическая поэзия в нем убита. А множество признаков убедили меня, что северно-русский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, кто его слушают,— безусловно верят в истину чудес, какие в былине изображаются»⁹.

Это наблюдение Гильфердинга следует признать правильным и точным. Вера в былинку есть *вера в чудесное*. Гильфердинг прав также, когда называет эту веру наивной. Наблюдения Гильфердинга подтверждаются наблюдениями советских собирателей. Отношение к действительности в былине совершенно иное, чем в сказке. Но оно иное, чем, например, наше отношение к реалистическим романам. Певец никак не может допустить, что те героические или великие или даже просто драматические события, о которых поется в былине, есть ложь, как он это допускает для сказки. Певец ощущает глубокую *художественную правду* исполняемых им произведений, но не умеет это выразить. Вместе с тем он видит, что в современной ему жизни события, о которых поется, невозможны. Поэтому он относит действие былин к глубокой древности. Об этом свидетельствует и народное название былин, которые именуются «старинами». Все, о чем поется, есть правда, и, следовательно, это было, но было в глубокую старину, а сейчас уже не может повториться — таково отношение к действительности в былинном эпосе.

Эти наблюдения, сделанные Гильфердингом, по существу совпадают с некоторыми наблюдениями, сделанными советскими со-

бирателями и учеными Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым, побывавшими в Пудожском крае в 1938—1939 гг. Здесь они услышали замечательного певца Фофанова, который перенял свое мастерство от певца Прохорова, записанного еще Гильфердингом. «Прохорову Фофанов обязан не только своим репертуаром, но и убежденностью, глубокой верой в подлинность, реальность событий, о которых рассказывается в старинах. Надо сказать, что вера в богатырей, в подлинность их подвигов характерна почти для всех известных нам сказителей. Как-то приходилось беседовать об этом с Фофановым и Ремизовым. *Существование богатырей в старину* (курсив мой) они объясняли так: „Раньше были богатыри, а потом их не стало, при царях не стало. Раньше было все вольно, и князь Владимир, вишь, пиры разводил, всех приглашал, а царь уже этого не делал“»¹⁰. Речь идет, следовательно, не о том, были или не были богатыри, а о том, *когда* они были. Богатыри были в старину. А сейчас это уже невозможно, потому что князь Владимира сменил царь. Таково наивное объяснение Фофанова. У Фофанова наличие сказочных и фантастических элементов в былине не противоречит вере в то, что все, о чем поется, было, и не колеблет ее. В представлении Фофанова «старина» — это рассказ о героических подвигах богатырей; сказочные элементы ставят как бы под сомнение все остальное, и он проводит резкую грань между «старинной» и сказкой. Если допускаются элементы сказочной фантастики в единоборстве богатырей со змеями («Добрыня», «Потык») или с Соловьем-разбойником («Илья Муромец»), то лишь потому, что этим подчеркивается могущество богатырей. Это люди, обладающие страшной силой, им под стать бороться с чудовищами. «Так старики певали», — скажет об этом Фофанов, ссылаясь на традицию¹¹. За этими рассуждениями кроется убеждение, что былина не соответствует окружающей действительности, но соответствует действительности прошлого.

Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов сделали и другие наблюдения. Когда теряется вера, что богатыри были, теряется и уважение к былине. Но уважение к сказке, которая не ставит себе задачей изображать реальность, при этом сохраняется. Таков был Ремизов, знавший как былины, так и сказки, но предпочитавший сказки. «К старинам он относился довольно пренебрежительно, говорит, что до войны знал много, преимущественно тогда и пел их, но, по его словам, их „считали глупостью“. Вот сказки — это другое дело, это все уважают»¹².

Действительность в былине не столько изображается, сколько воспевается и героизируется. Поскольку эта действительность героическая — она не может быть ложью, и все, что в ней

изображается, принимается на веру, несмотря на невозможные в настоящее время чудеса, — таково убеждение народа.

Гильфердинг называет эту веру «наивной», и он прав, если иметь в виду простое соответствие реальности. Но он не прав в том отношении, что в былине действительность передана в соответствии с эстетическими требованиями народа. Это не понимают и те ученые, которые разделяют наивную веру крестьян, будто в былине — изображается действительность прошлого.

На этой предпосылке до революции основывалось целое направление в изучении былинного эпоса, называемое исторической школой.

Критику методических предпосылок (исторической школы, — А. М.) дал проф. А. П. Скафтымов в своей книге «Поэтика и генезис былин». Основная мысль этой книги состоит в том, что вопросы исторических соответствий нельзя решать, не учитывая поэтики жанра былин. Эта мысль несомненно верна, но тем не менее изучение исторических событий, точнее — изображение истории, ее событий и деятелей безотносительно к особенностям художественного мышления, эстетических требований народа и специфических закономерностей жанра продолжается по сегодняшний день, поэтика же остается почти неизученной. Так, например, академик Б. А. Рыбаков пишет: «Первой задачей является составление хронологической шкалы былинных сюжетов, исходя из допущения, что былины слагались по поводу реальных событий и реальных лиц»¹³. Допущение, из которого исходит академик Рыбаков, что былины создаются по поводу реальных событий и реальных лиц, он считает аксиомой, не требующей никаких доказательств.

Между тем эта предпосылка ошибочна. Былина отражает действительность сквозь призму художественных требований тех времен, когда они создавались, но они не создаются ни «по поводу реальных событий», ни «по поводу реальных лиц».

Мысль, что былина совершенно прямолинейно изображает действительность, так же ошибочна, как утверждение, что реальная действительность изображается в сказке. Между тем попытки видеть в былине «народный учебник» истории Руси (выражение Б. А. Рыбакова) не прекращаются. Ошибка здесь не в том, что в былине ищут отражение истории, а в том, что историзм былин ограничивается двумя факторами: изображением событий истории, к которым возводится фабула, и изображением исторических персонажей, к которым возводятся действующие лица. На самом же деле история отражена в былинах чрезвычайно широко, много шире, чем это полагают сторонники и последователи исторической школы. Она отражается независимо от воли

исполнителей и вопреки их вере в действительность всего чудесного в былине. Но сторонники исторической школы хотят видеть в былине только изображение действительных лиц и событий, т. е. то, что в былине встречается реже всего. М. М. Плисецкий, автор книги «Историзм русских былин», сравнивает былины с романами «Война и мир» А. Н. Толстого и «Петр Первый» А. Н. Толстого, а также с исландскими сагами, сербскими юнацкими песнями, украинскими думами, где изображаются исторические события и исторические лица, и недоуменно восклицает: «Почему же это не разрешается былинам?» Он сравнивает былины также со «Словом о полку Игореве» и опять спрашивает: «Но почему автор „Слова“ мог верно изобразить поход русских войск на половцев, конкретное историческое событие и конкретных исторических лиц, а авторы былин никогда этой возможности не имели?»¹⁴.

В этих недоуменных вопросах, в которых не признаются отличия столетий, национальностей, жанров, сказалось полное непонимание художественной природы поэтического творчества. Исторический роман, историческая песня или «Слово о полку Игореве», фольклор или литература — не все ли это равно? Такие вопросы вряд ли требуют серьезного ответа, они только заставляют нас еще более пристально изучать поэтическую природу жанров русского фольклора. Вопрос об отношении исполнителей к действительности, степень и характер веры в реальность изображения в песне событий есть только один из вопросов поэтики жанров.

Говоря о былине, следует различать былины героические, сказочные и новеллистические. О былинах сказочного характера уже говорилось выше. Сказочность некоторых былин или некоторых эпизодов не колеблет веры в могущество богатырей, о которых полагали, что они когда-то жили.

Иное отношение мы имеем к былинам новеллистического характера. Эти былины отличаются от былин героических тем, что герои в них не совершают подвигов во славу своей родины. Сфера действия этих былин — любовная и семейная. По существу эти былины составляют одно целое с балладами. Так, былина об отъезде Добрыни и неудачной попытке Алеши во время его отсутствия жениться на его жене относится к былинам только потому, что действующие лица — герои эпоса, но по характеру действия перед нами баллада. Чистыми балладами следует признать такие произведения, как «Князь Роман губит свою жену», «Дмитрий и Домна», «Братья разбойники и сестра», «Василий и Софья» и многие другие, помещавшиеся обычно в сборники былин.

О балладных сюжетах речь будет несколько ниже; мы рассмотрим, как исполнитель понимает действительность. Решить это не совсем легко, так как высказываний по этому поводу нет. Но самый характер баллад таков, что все в них происходящее потенциально возможно. В них нет чудес как основы повествования. Они изредка вкраплены в повествование, но не нарушают общего реалистически окрашенного стиля повествования. Так, например, в балладе о Василии и Софье из могил убитых любящих вырастают деревья и сплетаются верхушками. В былине о том, как Роман убил жену, чтобы взять другую, орел приносит отрубленную руку убитой жены и роняет ее к ногам Романа, избличая его в убийстве. Такие случаи чрезвычайно редки, их приходится выискивать.

Если в эпосе события представляются как имевшие место в глубоком прошлом, то в балладе они отнесены к потенциальной современности, хотя и не к той, которая окружает крестьянина. Это по существу уже не старины, хотя народ их иногда так именуется. Настоящие певцы былин, «классики» по своему репертуару и по стилю исполнения, балладу, как правило, вообще не исполняют, а некоторые ее презирают. Очень интересные данные Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов сообщают о сказителе Фофанове. Фофанов — один из лучших певцов. «...героика, пусть то в борьбе с чудовищами или с татарами, но обязательно героика, должна, по мнению Фофанова, иметь место в старинах. Не случайно и в былине о Дюке он дает только начало — преодоление Дюком препятствий на пути в Киев, а дальше его этот сюжет уже не интересует, он пересказывает его кое-как. Былину о Чуриле и неверной жене у Фофанова находим только в виде небольшого отрывка. Эта типичная былина — новелла не нравится сказителю, он называет ее „забавой“, „песней“. В данном случае это объясняется выучкой, которую прошел наш сказитель у Прохорова. Рыбников пишет, что Прохоров не любил „бабьих старин“, в том числе и Чурилу»¹⁵. Название баллад и новеллистических былин «бабьими старинами» очень точно. Оно, правда, не совсем подходит к записям Рыбникова и Гильфердинга, которые записывали почти полностью от мужчин, но подтверждается материалами Григорьева. Григорьев много записывал от женщин, и в его собрании баллады представлены в большом числе. Почти все они записаны от женщин¹⁶. С точки зрения мужчин-эпиков в новеллистических былинах и балладах, содержанием которых служат преимущественно перипетии любовной страсти, изображается низменная действительность, не идущая в сравнение с героикой былин, и отношение к ним (новеллистическим былинам и бала-

дам. — А. М.) и к изображаемой в ней действительности со стороны эпиков — пренебрежительное.

Уже это наблюдение приоткрывает некоторые особенности фольклорной эстетики. Баллада несомненно более поздний жанр, чем эпос, и по своим сюжетам она более близка к действительности. Однако эта относительная близость к действительности у носителей эпоса не только не считается преимуществом, но скорее признается недостатком.

Мы рассмотрели отношение носителей фольклора к действительности изображаемых событий по трем эпическим жанрам: сказке, эпосу и балладе. Рассмотрение можно было бы детализировать, но и приведенных наблюдений достаточно, чтобы увидеть, что в эпических жанрах отношение к действительности разное и что нельзя решить этот вопрос суммарно. Вместе с тем мы видели, что ни в одном из этих жанров нет стремления изобразить окружающую действительность, сделать ее предметом повествования.

Мы должны теперь рассмотреть другие особенности поэтики эпических жанров фольклора.

Фольклор и действительность

Необычность событий. Динамика действия.

Несоответствие окружающей действительности — один из важнейших признаков сказки, но он становится понятным только в соединении с другими признаками. Другой признак, отличающий ее от литературных повествований нашего времени, — это необычайность тех событий, о которых повествуется. Эта необычайность событий в сказке отмечается многими фольклористами. Так, И. Больте и Поливка дали определение сказки, смысл которого сводится к следующему: под сказкой со времен Гердера и братьев Гримм понимается созданный поэтической фантазией рассказ, особенно из волшебного мира, удивительная история, которую все слушают с удовольствием, даже если находят ее неверной¹⁷.

Никифоров, специально изучавший сказку, включил этот признак в свое определение сказки. В этом определении говорится: «Сказки — это устные рассказы, бытующие в народе с целью

развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением»¹⁸. Это определение более точно, чем определение Больте. В нем очень верно установлено, что необычайность может иметь разный характер, в зависимости от вида сказки. В волшебной сказке сложное повествование вынесено целиком за пределы реальной жизни. В этом и состоит необычайность того, что совершается. Буднично, обычно иногда бывает только начало: живут старик и старуха, бабка и внук, вдовец с дочерью женится вторично и вводит в дом мачеху, купец уезжает торговать и т. д. Но как только герой выходит из дому, так начинаются сплошные чудеса. В лесу или на опушке леса герой видит избушку на курьих ножках или встречает какую-нибудь старуху, которая советует ему, как достать волшебного коня, и т. д. С того момента, как в руки героя попадает волшебное средство, все становится чудесным. Достаточно вспомнить хотя бы такие сказки, как сказку о жар-птице и сером волке, о царевнах, похищенных змеями, о падчерице у бабы-яги, об околдованиях, превращениях, полетах на ковре-самолете и т. д., чтобы сразу стало ясно, что чудесное составляет стихию волшебных сказок. Чудесное в этих сказках никого не удивляет: оно составляет норму этих сказок.

Иной характер необычайное и чудесное носит в сказках других видов. Необычайное в них не вынесено за пределы реальности, а показано на фоне ее. Этим необычайность приобретает комический характер, что не всегда имеет место в сказках волшебных. Совершенно очевидна (тяга, склонность, — А. М.) к необычному в сказках-небылицах. В них действительность выворочена наизнанку, и это придает им главную прелесть и привлекательность в глазах народа. На таком фольклоре основаны приключения Мюнхаузена. Действие происходит не за тридевять земель, а на какой-нибудь мельнице, на болоте, в лесу, оно происходит не с царевичами, а мужиками, солдатами. Ложь и выдумка приобретают характер артистизма. Аарне предусмотрел для таких небылиц 125 номеров (№№ 1875—2000), но их не хватает, и приходится для каждого языка, для каждого народа вводить добавочные номера.

Но чудесное, необычайное характерно и для сказок бытовых, или новеллистических, или, как их иногда называют — реалистических. От волшебных сказок они отличаются отсутствием сверхъестественного. В них нет волшебных предметов, духов, являющихся из кольца, чудесно рожденных героев и всего того, что составляет основное содержание волшебных сказок. Однако это наблюдение требует некоторых оговорок. Сверхъестественное в них все же встречается, но оно как бы втиснуто в орбиту

обычной будничной жизни и окрашено комически. Главный фантастический персонаж сказки — это черт. Можно даже говорить об особой группе сказок или мотивов о глупом обманутом черте. Черт в народном сознании обладает иной степенью и иным качеством реальности, чем, например, баба-яга или змей. В сказке «Баба хуже черта» черт такой же персонаж, как злая баба, и изображается так же реалистически, как она. В новеллистической сказке возможны и превращения. Но если в волшебной сказке герой или его брат превращен ягой в камень, и это рассказывается с некоторым трепетом ужаса, то в новеллистической сказке злая жена, накрытая своим мужем с любовником, превращает его ударом палки в кобеля. Рассказывается это следующим образом: «Как стемнело, слышу я, что моя хозяйка со своим другом в избе гуляет, побежал я в избу, и только хотел было жену проучить маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спине и сказала: „Досель был ты мужик, а теперь стань черным кобелем!“ В ту же минуту обернулся я собакою; взяла она ухват и давай меня возить по бокам; била, била и выгнала вон» (Тип 44 З 13, Аф. 141-а)¹⁹. Сказка эта в сборнике Афанасьева названа «Диво». Если в волшебной сказке чудесное составляет суть сказки, есть ее норма, и поэтому даже не очень удивляет, то фантастическое в бытовой сказке составляет именно «диво». Но все же не такие сверхъестественные чудеса составляют предмет бытовой сказки. Достаточно вспомнить сказки о ловких ворах, о шутах, о разбойниках, о необыкновенных дураках, о бабах и их любовниках-попах, о строптивых женах, о ловких и умных отгадчиках, о необыкновенных лентяях, о необыкновенной судьбе и т. д., чтобы сразу убедиться, что в этих сказках нет ничего, что можно было бы назвать сверхъестественным. Необычайность такова, что потенциально все, что происходит, могло бы иметь место. Но все же события, о которых рассказывается, настолько необычны, что фактически никогда не могли происходить в действительности, и этим-то они возбуждают интерес, и на этом основана их комичность.

Сказка есть основной жанр народной прозы, преследующий собственно эстетические цели. Другие жанры, хотя объективно и выполняют эстетические функции, в сознании рассказчика имеют иные цели. Предание имеет целью ознакомить с прошлым, легенда стремится к нравоучительности.

Эстетика сказки с ее установкой на необычайное диаметрально противоположна эстетике реализма.

<...> Будничное, обыкновенное, то, что каждый день может быть, сказку не интересует. Рассказы типа «Скучная история» Чехова или «Смерть Ивана Ильича» Толстого в фольклоре совершенно невозможны. Но так было далеко не всегда.

Когда, начиная с эпохи Возрождения, фольклорные сюжеты переходят в литературу, письменная литература первоначально сохраняет интерес к необычайному, необыкновенному. На этом основаны новеллы Боккаччио и его круга, многочисленные книги занимательных рассказов Германии XV—XVI веков, некоторые народные книги, как книги о Тиле Эйленшпигеле или облетевшие весь мир фавль, фацеции и шванки. На русской почве реалистическая по своему характеру литература, возникающая в XVII веке на народной основе, как повесть о Савве Грудцыне, Фроле Скобелеве, Карпе Сутулове, имеет такой же характер. «Интересное» или «занимательное» это только необыкновенное. Такая тенденция держится в литературе очень долго.

Однако тенденция развития европейской литературы идет по пути преодоления этой страсти к необычайному, неслыханному и постепенного перехода к художественному описанию действительной жизни человеческого общества. Романы Скотта или Гюго основаны на иной эстетике, чем повести Чехова или романы Толстого.

Однако по сегодняшний день эта страсть к необычному неискоренима. Отсюда обилие приключенческих романов, рассказов о шпионах, диверсантах и т. д. В капиталистическом мире этот интерес эксплуатируется и направляется в коммерческих целях в нездоровое русло, тогда как сам по себе такой интерес именно к необычному, что так или иначе выходит за грани будничной жизни, есть сам по себе интерес здоровый. Когда это стремление выходит за грани только читаемого и претворяется в жизнь, он может стать источником героических поступков, может привести к романтике того необычного, что есть в нашей современной жизни. Ложно направленный, этот интерес может привести к стремлению нарушить течение будничной, обыкновенной, скучной жизни в нездоровом направлении.

Из сказанного уже легко заключить, что стремление к необычному, так глубоко заложенное в человеческой природе, скажется не только в сказке, но и во всех других видах эпического творчества. Убедиться в этом нетрудно. Былина знает около 120 сюжетов, но в их числе нет ни одного, посвященного событиям ежедневным. В героических былинах привлекает сила и мужество героев, совершающих подвиги во славу и во спасение родины от врагов, по очистке ее от всяких чудовищ. Таковы, например, былины о Добрыне-змееборце, об Илье Муромце и Калине, о Василье Игнатьевиче и Батыге. В былинах сказочного содержания чудесное носит иной характер: Садко попадает в подводное царство к морскому царю. Жена Потыка оказывается колдуньей; колдуньей оказывается Маринка; она превращает Добрыню в ту-

ра; Иван Годинович вступает в схватку с царем Афромеем Афромеевичем и т. д.

На иных принципах основано действие в новеллистической былине и балладе. Необычайное в них имеет житейский характер. Дюк поражает своим богатством, Чурило — красотой, которая вводит его в беду, когда он выступает соблазнителем чужих жен (Чурило и Катерина). Запрещенная любовь (Ванька-ключник), ужасающая семейная ненависть, разлука на долгие годы и слишком позднее узнавание при встрече, драматические любовные конфликты — вот основной круг сюжетов баллады.

Повествовательный фольклор отличается от реалистической литературы еще целым рядом других особенностей.

Одна из них состоит в чрезвычайной динамике действия. Раз начавшись, действие стремительно развивается к концу. Рассказчик или певец или слушатель интересуется только действием и больше ничем. Затаив дыхание, он следит за всеми перипетиями действия. Интерес поддерживается тем, что действие осложняется, удастся не сразу, а после неожиданных и, казалось бы, непреодолимых препятствий, которые выступают перед благополучным финалом и отодвигают его. Но герой неизменно побеждает все препятствия и доводит действие до благополучной развязки. Такое осложнение — один из любимых приемов сказок. Так, например, в сказке о Жар-птице и сером волке Иван-царевич, уже добывший Жар-птицу (тоже и царевну), возвращается домой, и слушатель ждет благополучной развязки. Но вот, не доехав до города двадцать верст, он и царевна ложатся отдохнуть. Тут оказываются его негодные старшие братья, которые отнимают у него добычу и его самого убивают. Такие осложнения повышают интерес, но подобные случаи не нарушают закона единства и непрерывности действия в эпическом фольклоре. Такие осложнения не представляют собой перерывов. Действие в фольклоре не терпит перерывов*.

В былине и балладе не бывает даже тех осложнений, которые наблюдаются в сказке. В героических былинах герой встречает врага и побеждает его без всяких промедлений. Драматический конфликт в балладах и новеллистических былинах развивается быстро и стремительно. Этот исключительный интерес к действию как таковому объясняет очень много в фольклоре, он объясняет отсутствие некоторых особенностей или признаков, которые нам привычны для реалистической литературы XIX—XX вв. Страстно интересуясь действием, рассказчик ничем другим, кроме этого действия, уже не интересуется. У него нет никакого

---

* Надо привести два-три примера стремительного развития действия в разных жанрах.

интереса к обстановке действия как таковой. С нашей точки зрения обстановка, в которой живет русский крестьянин, достаточно колоритна независимо от географической полосы и ее природы. Суровая северная лесная природа или природа степей в равной степени могли бы стать предметом художественного описания. Но художественного описания природы мы в эпическом фольклоре никогда не имеем. К природе рассказчик равнодушен: ни место действия, ни времена года, ни вечернее или утреннее или ночное небо, ни состояние погоды его не интересуют, если только это не требуется по условиям хода действия. <...>

Поэтика. Материалы. Разное.

Баллада Материалы

Историческая баллада

Плен, дележ добычи.
Андреев относит также бой.
Песни о полоне Чичеров относил к историческим.

Похищение женщины.

Баллада.

Татарский полон.

Ист<орическая>

Бал., 181²⁰.

Татарину достается старуха. Она оказывается матерью его жены. Мать предлагает бежать. Но жене жаль детей. Она отпускает свою мать на Русь (вар.: она не расстается со своей дочерью).

К кругу сюжетов о необычайных встречах.

Похищение девушки.

Сказка.

Бал., 156, 157, 158.

Купец, заманивший девушку на корабль, спаивает ее и увозит.
Обещает ей жениться.

Похищение девушки — не баллада.

Баллада.

Казарин.

Образец переходной формы, смежной формы.

Былина-баллада.

Былина.

Бал., 187, 188.

К циклу сюжетов о неузнанной встрече.

Девушка взята в плен татарами. Истор.
Бал., 204, 205.

Девушка задерживается в лесу, татары ее похищают. Она не простого рода (просит написать домой, чтобы ее выкупили). Похищение женщины.

Баллада. Истор.
Красная девушка из полону бежит. Бал., 205.

Девушка бежит из полону, сулит перевозчику большую награду. Он требует ее замуж, она отвечает заносчиво, перевозчик отказывает, погоня ее настигает, она бросается в реку.

Полон, бегство, самоубийство.

Баллада. Истор.
Спасение полонянки. Бал., 206.

Девуцу похищают басурмане-киргизы (она на стогу, отец спасается в камыши), она при переправе через реку бежит на коне. Бегство похищенной.

Баллада. Истор.
Молодая ханча (ханша). Бал., 207.

Калмыки хотят похитить ханшу, она бежит. У реки просит воинов переправить ее.

Баллада.
Князь Роман и Марья Юрьевна. Бал., 197, 200.

К циклу сюжетов о похищении женщины.
Указать отличие от сказки.

Разлука и узнавание

Узнавание после разлуки.
Неузнанные встречи.
Необычайные встречи.

Баллада. Рок.
Муж-солдат в гостях у жены. Бал., 168.

Солдаты-уланьы просят на постой к вдове. Она не пускает. Врываются силой. Старший дает себя узнать. Он ее муж. Она хочет будить детей. Он: не надо, я на часочек-вечерочек.

Случайное узнавание.

Баллада.

Рок.

Разбойники и сестра.

Бал., 135.

Вдова рожает, спускает сыновей на море. Они возвращаются, вдова хочет отдать за одного дочь, за другого выйти сама. Истина раскрывается.

Рок.

Брата женили на сестре.

Бал., 140.

Кровосмесительный брак.

Баллада.

Рок.

Молодая и худая жена.

Бал., 86.

Молодца женят насильно. Он уходит за море на 9 лет. Возвращается к жене. Видит двух мальчиков. Это его сыновья. Жена встречает его с радостью.

Насильственный брак, после разлуки кончается благополучно. Счастливый исход, семья.

Баллада.

Рок.

Как во славном было

Бал., 253.

городе Вавилоне.

В Вавилоне девушка влюбляется в султана (проезжает); ребенок «Александр Македонский». Встречный охотник предлагает выстроить у моря хату, приедут кораблики, сын узнает отца.

К циклу «неузнанные встречи».

Шли со службы два героя.

Бал., 347.

Два солдата просят ночевать.

Хозяйка узнает в них мужа и сына.

Удобна для перехода к жестокому романсу. «Папаша» и др.

Узнавание. Разница в стиле.

Убийство — уголовное преступление

Не женщина.

Скопин.

Люб<овная>

Бал., 246, 247.

Перерождение в балладу.

Отношение:

повести

исторической песни

баллады

Баллада.

Люб<овная>

Братья, сестра и любовник.

Бал., 108, 109.

Девушка печет змею, отравляет брата вместо любовника. Он просит похоронить его между трех дорог. Любовник ее покидает: извела брата, изведешь и меня. Она плачет (вар.: отравление не удастся, он рубит сестре голову).

Отравление брата.

Не бал<лада>.

Баллада (?).

Гибель пана.

Бал., 100, 101.

Молодая панья видит, что князья-бояра везут кровавое платье ее мужа. Она узнает, что муж ее убит, лежит под ракитой, сообщает об этом детям (вар.: на другой день она выходит замуж за другого, он вместо свадьбы сечет ей голову).

Убийство мужа ради другого.

Не бал<лада>. Краткая.

Балл.

Жена мужа зарезала.

Бал., 116, 118.

Убийство мужа.

Стих протяжный (?).

Баллада.

Жена разбойника.

Бал., 128, 129, 131.

Красавица выдана за разбойника. Он приходит домой, приказывает мыть кровавое платье. Это платье ее брата, родителей.

Убийство брата мужем.

Король и девушка.

Бал., 143.

Сестра рождает от татарина, брат рубит ей голову.

Удалой гречин.

Бал., 151.

Молодец служил в греческой земле, полюбил гречанку, соперник его ударил об землю.

Кн. Волконский и Ваня Ключник.

Бал., 153, 155.

Казнь слуги за любовь к госпоже.

Баллада.

Бал., 75.

Алеша и сестра двух братьев.

Два брата хвалятся сестрой. Алеша хвалится, что он у нее ночевал. Братья рубят сестре голову.

Убийство сестры в наказание.

Укор<очена>.

Былинная трактовка иная, стих иной.

Баллада.

Иван Дудорович и Софья Волховична. Бал., 77.

Ив. Дуд. запускает стрелу в окно к Софье. Просит вернуть стрелу за казну. Она его зовет, кормит, поит, укладывает спать. К ней приходят ее два брата, выспрашивают его. Он: обручен с ней. Они уводят его в поле, рубят голову. Она просит казнить и ее. Они рубят сестре голову. Вырастают две березки.

Убийство братьями любовника сестры.

Былин<ный стих>.

Балл.

Девица отравила молодца. Бал., 104.

Девица отравляет молодца без причины.

Стих не был<инный>, протяжный.

Балл

Злые коренья. Бал., 104

Девушка прельщает молодца, зовет его на пир. Он надевает черное платье, берет гусли. Она подносит ему чару, сама поет, как искала коренья.

Отравление.

Не был<инный стих>.

Бал

Молодец и княжна. Бал., 106.

Молодец к княжне. Часовые не слышат, она пропускает. Она подносит отраву: «Если любишь — выпей». Я люблю, но боюсь. (Развязки нет).

Отрава.

Не был<инный стих>.

Бал

Девица по ошибке отравила брата. Бал., 107.

Девица копает коренья для недруга.

Нечаянно отравляет брата. Плачет.

Отравление.

Не был<инный стих>.

Бал

Сестра-отравительница. Бал., 107.

Девица копает коренья, чтобы отравить брата, жарит змею. Он льет коню в гриву, огонь.

Он ее ругает.

Отравление.

Не был<инный стих>.

Баллада.

Сура-река.

Бал., 110.

Сестра усыпляет брата, рубит ему голову.

Убийство брата.

Не был<инный стих>.

Баллада (?).

Сестры ищут убитого брата.

Бал., 112.

Отец изгоняет нелюбимого сына. Сестры отправляются его искать.

Находят убитым в Саратовской степи.

Они его хоронят.

Изгнание и смерть.

Не был<инный стих>.

Казак и шинкарка.

Бал., 270—271.

В шинке пьют поляк, русский и казак.

Первые два платят, казак выманивает шинкарку с собой, сажает ее на дерево и сжигает.

Балл.

Бал., 276.

Илья — кум темный.

Князь Семен зовет в кумовья первого встречного. Это — разбойник. Несмотря на все меры, ночью режет князя, княгиню и крестника. У него шапка-невидимка.

После этого он слепнет, его схватывают и казнят.

На грани с жестоким романсом.

Счастливая семья

Баллада.

Королевна выпускает молодца в

Бал., 81—82.

город.

Молодец ждет под окнами королевны. Она открывает ворота, вводит его. Зовет его милым другом. Мать спрашивает, кто милый друг, она: Я тебя величала мил-сердечный друг.

Дочь обманывает мать, впуская любовника.

Был. или ... (так! — А. М.)

Баллада.

Худая жена, жена умная.

Бал., 87.

Молодца женили неволею. Бежит в Литву, служит королю. Связь с дочерью. Тоска по родине. Возвращается. Встречает двух мальчиков — его сыновья. Жена работает крестьянскую работу. Она приходит, рада.

Насильственный брак после разлуки кончается благополучно.

Баллада.

Удивительно, как родители не выносят любви своих детей в их браке. Проверить все сюжеты: мать не допускает дочь до брака.

Баллада.

Три зятя.

Бал., 110—111.

Трех сестер выдают замуж за боярина, купца, татарина. Концы разные.

Не баллада?

Балл.

Бал., 205.

Казаку на дуване достается девка. Она его утешает: перстень 500, 1000, самой цены нет.

Дележ добычи — женщина.

Смерть

Балл.

Бал., 120, 121.

Жена короля (казака) умирает от родов.

Король выезжает на гулянье. Видит страшный сон. Возвращается. Жена умерла от родов.

Смерть от родов.

Лирич<еский стих>.

Жена князя Василия.

Бал., 245.

От венца идут, князь тонет. Его вдова уходит в монастырь, три окна: к Благовещенью, на родимую сторону, на море, где утонул любимый.

Убийство дев<ушки> или женщины

Казак жену губил.

Казак (ямщик) убивает жену. Дети призывают тучу и гром разбить гроб и воскресить мать.

Супружеское убийство.

Муж-убийца.

Баллада.

Федор и Марфа.

Бал., 170—172.

Марфа едет гостить к родителям, задерживается. Муж за ней приезжает, дома ее убивает в бане. У нее три молодые подружки. Он обещает одну из них в матери. Дети не хотят, зовут мать.

Убийство старой жены ради молодой.

Убийца муж.

Баллада.

Кн. Роман.

Бала, 66.

Роман губит жену, бросает ее в реку. Дочь спрашивает, где мать. Орел сбрасывает отрубленную руку матери. Идет к отцу. Обещает другую мать. Они не хотят.

Убийство нелюбимой жены.

Былин<ный стих>.

Убийца муж.

Баллада.

Рябина.

Бал., 65.

Свекровь превращает невестку в рябину у распутка трех дорог. Сын возвращается. Мать: жена свела детей, ушла со двора. Он рассказывает о чудесной рябине. Она советует срубить рябину. Он рубит, она: секешь жену, веточки-деточки. Он просит мать свести его.

Убийство по клевете.

Укор<оченный>.

Убийца муж по наущению матери

Баллада.

Оклевет<анная> жена.

Бал., 63.

Сын три года на службе. Мать: жена коней поморила, соколов распустила, сын скончался. Он рубит жене голову. Дом в порядке, ребенок жив. (Он кончает с собой.)

Убийство жены по клевете, самоубийство.

Былин<ный стих>.

Убийца муж по наущению матери.

Балл.

Бал., 61.

Князь и старицы.

Князь возвращается. Спрашивает встреченных стариц о жене. Они клеветают, будто дом разорен, советуют убить жену. Он рубит жене голову, дом находит в порядке. Он казнит стариц.

Убийство невинной по клевете.

Былин<ный стих>.

Убийца муж по клевете.

Баллада.

Молодец и горе.

Бал. 219.

Мать молодца превращает его жену в березку. По дороге он рубит ее вершину, не зная, что делает. Диалог с матерью. Горе преследует его и сводит в могилу.

Убийца муж по наущению матери.

Баллада.

Кн. Михайло.

Бал., 54.

Во время отсутствия сына его мать губит его жену в бане, вырезает из утробы младенца. Под Михайлом спотыкается конь. Дома нянька говорит истину. (Он бросается в море.)

Убийство невинной, самоубийство мужа.

Былин<ный стих>.

Убийца свекровь.

Баллада.

Чурилье-игуменье.

Бал., 52.

Игуменья Чурилье отравляет Василия и Софью, поющих на клиросе, змеиным ядом.

Свекровь отравляет невестку и сына.

Отравление.

Ненависть к любви.

Былинный <стих>.

Убийца свекровь.

Баллада.

Вас<илий> и Софья.

Отравление свекровью или матерью двух влюбленных.

Былинный <стих>.

Баллада.

Федор Кольщатый.

Бал., 80.

Два брата на пиру у Владимира хвастают своей сестрой Софьей-волшебницей. Никто ее не знает. Федор Кольщатой хвастается, что видел ее в рубашке без пояса. Братья подкалывают его на копыя, Софья подкалывает себя на два ножа.

Убийство братьями сестры из ревности к ее любовнику.

Бы<инный стих>.

Убийца брат.

Параша.

Бал., 161.

Убийство из ревности. Подробное описание похорон, убийца открывает гроб, прощается с ней.

Убийство из ревности.

Убийца — любовник из ревности.

Устинья.

Бал., 159.

Вор Янька уговаривает подружек Устиньи выманить ее на гулянье. Он предлагает ей руку, отказ, убийство.

Убийство девушки.

Убийца любовник-насильник.

Молодец, слуга и девица.

Бал., 150.

Молодец обещает девице выдать ее за слугу, а самому стать любовником. Она хочет любить мужа. Он рубит ей голову, тело бросает в Дон.

Убийство на любовной почве.

Убийца — любовник-насильник.

Баллада.

Соперница.

Бал., 165.

У реки девушка беседует с казаком. Вдова грозит ей смертью. Дома она (от испуга?) умирает. Похороны. Молодец плачет, вдова похваляется, что «согнала я девушку со бела света».

Убийца соперница.

Балл.

Девушка защищает свою честь.

Бал., 119, 120.

Мачеха посылает девушку стлать две постельки. Два гостя. Одного режет, другого вешает.

Убийство любовников-насильников.

Короткий стих

Убийца — гонимая девушка.

Баллада.

Дм<итрий> и Домна.

Бал., 45.

Домна издевается над Дмитрием. Он зазывает ее через сестру на пир к себе и убивает (кончает самоубийством).

Убийство возможной невесты.

Былинный <стих>.

Убийца жених.

Баллада.

Грозный и Домна.

Бал., 236.

Царь в церкви видит игуменью с красавицей племянницей. Он посылает сватов: дядю, сестру. Она отказывает. Ее все же ведут. Она грубо отвечает царю, он рубит ей голову. Голову на блюде посылает игуменье.

Убийство женихом за грубый ответ.

Убийца жених.

Балл

Жестокий романс.

Бал., 350.

Один из казаков, наездник лихой.

Казак уезжает на войну. Жена изменяет. По возвращении убивает.

Убийство из ревности.

Жестокий романс. См. текст.

Балл.

Убийство дочери купца.

Бал., 35.

У купца пропадает дочь. Ее находят убитой в бане на полке.
Убийца тут же под окном. Его сажают за решетку.

Убийство девушки.

Баллада — жестокий романс.

Самоубийство

Балл.

Жена князя Михайла тонет.

Бал., 122.

Князь уезжает в чисто поле. Конь: жена бросилась в море.
Рыбаки ее вылавливают. Возвращается. Все подтверждается. Она
лишилась разума.

Самоубийство от сумасшествия.

Кор<откий стих>.

Баллада.

Охотник и сестра.

Бал., 132.

Охотник встречает в лесу заблудившуюся девушку, бесчестит
ее. Она сестра. Он режет себя.

Самоубийство.

Дол<гий стих>.

Баллада.

Царь Давид и Олена.

Бал., 137.

Соломон хочет насильственно выдать дочь за сына. Она просит
зверей растерзать ее.

Доня.

Бал., 144.

Воевода хочет взять Доню в наложницы для себя или для
сына. Она бросается об камень, умирает. Она — в рай, ее грехи
падают на сына воеводы.

Смерть от угрозы любовного насилия.

Баллада.

Молодец и королева.

Бал., 84.

Молодец в Литве хвастает своей любовной связью с коро-
левой. Доносят королю. Велит его казнить и везти мимо окон
королевы. Королева вспарывает себе грудь. Король велит ру-
бить головы доносчикам. Она его выкупает, отсылает к жене.

Наказание за тайную любовь, неравную социально.

Был<инный стих>.

Баллада.

Обманутая девушка.

Бал., 167.

Женатый молодец выдает себя за холостого. Приводит ее домой в служанки, няньки. Она бросается в реку.

Самоубийство обманутой девушки.

Балл.

Гнездо орла.

Бал., 255.

Орел строит гнездо, выводит детушек.

Буря все сносит, орел убивает себя с разлету об камень.

Разное. Сомнительное

Баллада.

Монашенка — мать ребенка.

Бал., 66, 67.

Монашенка рожает, топит младенца. Рыбаки вылавливают. Игуменя всем монашкам дает по венцу. На всех цветет, на убийце венки вянет. (Наказанья нет.)

Убийство (потопление) незаконного ребенка.

Балл.

Иван Дородович и Софья-царевна.

Бал., 133.

Дочь тысячника.

Бал., 138.

Отец принуждает девушку замуж. Она уходит в лес, через 90 лет возвращается. Монах ее пугается. Она просит его причастить ее.

Трагедия насильственного брака.

Лирич<еская> долгая

Духовный стих.

Сон Соломанова отца.

Бал., 139.

Сон родителей предвещает брак детей.

Баллада.

Злая жена.

Бал., 90

Навязалась худая жена. Муж мечтает, как он посадит жену на корабль с камнем. Корабль прибывает обратно к берегу ветром.

Невозможность отделаться от худой жены.

Был<инный> стих.

Баллада.

Насильственный постриг.

Бал., 91, 92.

Отец хочет отдать дочь замуж, мать — постричь. Пока отец уезжает за женихом, мать зовет игуменью, дочь постригают насильно.

Насильственный постриг вместо любви.

Был<инный стих>.

Баллада (свадебная песня?).

Игра тавлейная.

Бал., 93.

Девушка играет с молодым в тавлеи. Выигрывает заклад — три корабля с золотом, серебром, жемчугом. Он не может платить. Она предлагает себя в жены, корабли — приданое. Он испытывает ее загадками, насмешливый конец — друг друга не берут.

Баллада.

Девушка-мудреница.

Бал., 95.

Не баллада.

Состязание загадками и пр.

Относится, вероятно, к свадебным.

Баллада.

Авдотья Рязаночка.

Бал., 177.

Она приводит весь полон из Турции. Бахмет действует как змей («полонил»). Если Казань; Рязань, почему рязаночка не превратилась в казаночку. Теория Путилова сомнительна²¹.

Освобождение из турецкого плена всех русских женщиной из Рязани.

Пан привозит русскую полонянку.

Бал., 209.

Пан едет на государеву службу, привозит оттуда для жены стройную русскую полонянку.

На литовском рубеже.

Бал., 210.

Молодец отправляется на царскую службу, попадает в плен к чуди.

Не баллада!

Баллада.

Бал., 213.

Молодец и река Смородина.

Молодец, переехав через Смородину, хулит ее. При вторичном переезде она его топчет.

В данном варианте она названа девицей.

«Провещится она душой красной девицей».

См. Путилов, ТОДРА, XII, 1956²².

Это не баллада.

Проданный сын.

Бал., 229—231.

Сын пьяница. Мать его продает на пристани карабельщикам. Сын сам просит продать его. В плену делается начальником, потом приезжает за матерью.

Вар.: Она продает его в солдаты.

Историческая песня

Материалы

Издалеча, издалеча из чиста поля. Пут., 307²³.

Дорога, никто не прохаживал. Казаки становятся в Улутавские луга, не выставляют часовых. Нападают киргизы, у казаков не хватает свинцу-пороху.

Каз<ачья>.

Казаки собираются за Дарью-реку. Пут., 306—307.

Круг, выбор атамана. Избирают Ивана Дуниковского. Приказ: утром поход за Дарью-реку к басурману Кенисарову. 1843.

Каз<ачья>. См. комм.

Как на той ли Горькой линии. Пут., 306.

Нападение киргизов на Екатеринбургский форштадт, выжгли и пр., берут с собой девушек.

Набег на казачье селение.

1844.

Каз<ачья>.

Поход к Сыр-Дарье. Пут., 305.

Поход в Хиву и возвращение на родину.

Солд<атская>-каз<ачья> литер<атурная>.

Казаки идут на Эмбу. Пут., 304-1, 305-2.

Рать едет на Эмбу. Впереди полковник. Солдаты просят сделать привал.

Солд<атская> литер<атурная>.

Каз<ачья>. См. комм.

Краснощеков у прусского короля. Пут., 245.

Краснощеков у прусского короля в гостях. Король: всех знаю, кроме Краснощекова. Я бы голову ему снял. Он уезжает на коне, смеется над королем: «Ворона, не умел ясна сокола ловить».

Казачья, записана на Кавказе.

Смешение казачьих и солд<атских> песен. Краснощеков становится героем казачьих песен с вымышленными событиями. Ср.: Платов.

Взятие Берлина.

Пут., 243-1, 244-2.

Солд<атская>.

«Как не пыль...».

Пут., 242.

Прусак с армией палит. Лопухин курит трубку. Билися 14 часов. Убитых 5 полковников, 10 генералов. Лопухин убит. (Перед смертью) обвиняют в измене Потемкина.

Солд<атская>.

Гросс-Егерсдорф. 1757.

Иван Краснощеков — млад<ший>

Пут., 241—242.

охотничек.

Между Кумой и Терекон гуляет охотник. Наряд подробно. Хочет убить лань. Лань вещает: в заповедных лугах турок с турчанкой. Турчанина убей, турчанку возьми замуж.

Казачья. Савельев²⁴.

Казнь Долгорукова.

Пут., 236.

Ведут на казнь Долгорукова.

По бокам 2 полка солдат и пр. Впереди палач, позади боярыня, плачет. Крестьяне и казна отобраны. Остался только перстень. Этот перстень — палача дарить, чтоб придал скорую смерть.

Быт<овая> XVIII в.

1739.

Краснощеков в плену.

Пут., 240-2, 242-3.

Краснощекова берут в плен, ведут к хану Крымскому. Выспрашивают, предлагают служить: «Послужи саблей!» Его пытаются, но не до смерти.

Краснощеков в плену.

Пут., 232-1.

Шведы взяли К<раснощекова> в плен. Повели к Левенгаупту. На вопрос, кто он, он отвечает, что он простой казак. Его обличают во лжи, предлагают ему служить шведам. Он жалеет, что у него нет сабли отрубить голову.

Солдаты готовятся идти на приступ. Пут., 239.

Приказ отдан быть в порядке и готовиться к приступу на Азов.

Солдатская. 1735.

Бегство Лещинского. Пут., 238.

Укор солнцу, оно мешает бежать князю Лещинскому. (Обстановка подробно). Доезжал до Дуная, бросается в реку.

«Терские ведом<ости>».

Ванька Каин. Пут., 238.

Сыщичек Ванька Каин «лих на добрых молодцев». Он спрашивает паспорта, а паспорта у нас «своеручные».

Не историч<еская>. Тюремная.

Казнь боярина. Пут., 236.

Подробное описание шествия. За ним идет сестра. Диалог. Ему рубят голову.

Бытов<ая> XVIII в.

На том было дворе Шереметевом. Пут., 235.

Девушка просит генерала Шереметева «расковать батушку», «разверзнуть матушку». Он посылает к царю. Царь не прощает, ссылает его в Сибирь, ее на фабрику.

Бытовая XVIII в.

Ах, служили мы на границе. Пут., 234-3.

Казачи служили на границе 3 года, без вестей. На 4-ый год рассыльщики, два боярина, стариков ссылают, молодых берут во солдаты. Оттого Дон возмутился.

Каз<ачья> XVIII в.

Оренб<ургская> губ.

Солдат плачет у гробницы Петра. Пут., 234-2.

«Встань...»

«Вся наша силушка побитая

Побитая, порастеряна».

Солд<атский> плач.

Солдат плачет у гробницы Петра. Пут., 233.

В Петропавловском соборе солдат плачет у гробницы Петра. «Ты раскройся земля...— Встань... Посмотри... полка во строю стоят».

Солд<атский> плач.

Царь Петр в земле шведской. Пут., 232.

Царь едет в Стекольный. Предлагает солдатам и офицерам не звать его царем, звать его заморским купчиной. Гетман земли шведской его узнает, доносит королевне. Она приказывает запереть ворота и поймать его. Царь нанимает крестьянина вывезти его на край моря. Корабль его уносит, погоня его не достигает.

Солд<атская>.

Быт<овая>. XVIII в.

Царь плывет к Стекольному. Пут., 231.

По морю Хвальнскому царь плывет к Стекольной. Спрашивает матросов, далеко ли.

Солд<атская>.

Эта песня доказывает, что не всегда дело в сюжете.

Царь плывет к Стекольному. Пут., 231.

По морю плывет корабль, царь за рулем спрашивает матросов, далеко ли до Стекольного.

Солд<атская>.

«Как во славном было городе... Кольвани». Пут., 231.

В Ревеле белые каменные палаты, в них шведская королева, начальники ее просят, чтобы она послала за помощью к своему брату. В это время в город входят русские солдаты.

Солд<атская>.

Взятие Риги. Пут., 230.

Ригу берут подкопом, бочки с порохом.

Солд<атская>

Очень интересно сопоставление с взятием Казани. 1 сюжет, 2 жанра. Здесь: «выплывают стружочки» и пр.

(Полтава) 228-2.

Солд<атская>.

Шереметев и шведский майор. Пут., 226-1.

По дороге из Шлиссельбурга проходит Шереметев. Останавливается у Красной Мызы. Казаки берут в плен майора. «Сколько силы в Орешке у шведского короля?» — 40 000 и пр. Царь: не кормить майора целые сутки. Его не кормят 3 суток и дают вино. Ответ: 7000. Царь рад, велит майору рубить голову.

Каз<ачья>.

Солд<атская>.

Взятие Шлиссельбурга. Пут., 226-4.

Шереметев, Преображенские и Семеновские полки подъезжают к Шлиссельбургу. Лестницы, подкопы, бочка с порохом, взрыв, берут Шлиссельбург.

Солд<атская>.

«Не под городом было под Оршевым». Пуг., 225-3.

3 корабля на Черном море. Полковник просит не топить его, обещает наградить их перед царем.

Каз<ачья>.

Записано у терских казаков.

Под славным городом под Орешком. Пуг., 224-2.

Царь едет вверх по Неве ко Шлиссельб. Казаки его не опознают, хотят стрелять. Узнают его по голосу, просят прощения, царь их благодарит за верную службу.

Каз<ачья>?

Под славным городом под Орешком. Пуг., 223-1.

Царь: Как брат Орешек, не лучше ли отступить?

Солдат: брат грудью.

Солд<атская>.

Ермак у Ивана Грозного. Пуг., 130.

Зимовка. Где зимовать? Ермак предлагает идти в Сибирь, завоевать Сибирское царство, взять в плен Кучума. (Он это исполняет), идет к царю с повинной и приносит ему царство Сибирское. Царь жалует ему Дон.

Взятие Ермаком Казани. Пуг., 126.

В стан к Ермаку приезжает посол от царя. Ермак идет к царю. Царь его укоряет, Ермак оправдывается (не орленые). Царь посылает его взять Казань. Он идет в Казань, принят там хорошо (не совсем ясно). Берет Казань подкопами. Просит царя пожаловать казаков Доном.

Истор<ическая> с вымышленным сюжетом.

Возвращение князя Голицына. Пуг., 197.

Князь Голицын возвращается из неудачного крымского похода в Москву. Ему стыдно ехать по Москве. В Успенском соборе он просит царя пожаловать его Малым Ярославлем.

Моск<овская>, XVIII в., бытовая.

Ах, ты наш батюшка Орлов-город. Пуг., 195.

Песня о разбойнике и любовнице атамана в лодке. Она видит зловещий сон. Разбойничья.

Пуг., 195.

Братья призадумались, на них выслан супостат генерал из Казани. Они не воры. Иронич<еский> конец — «Воровства и грабительства довольно есть».

Разбойничья, не историческая.

Кзаки убивают князя Репнина.
Вариант убийства губернатора.
Каз<ачья>.

Пут., 194.

Кзачья песня

Не обязательно записаны у казаков. Поволжье, Саратов, доходит до Севера.

Историч<еская> песня.

Пут., 193.

Историчность имен не обязательна. Исторична ситуация — «Бурлаки молодцы» убивают губернатора.

Когда из исторической песни исчезают имена, она может превратиться в лирическую. См.: Пут., БП, 192 — тюремные без разинцев.

Расправа с губернатором.

Каз<ачья>. Разина нет, историч. имен нет.

Разинцы в тюрьме.

Пут., 192-3.

Леса порублены, «друзья» переловлены и посажены по тюрьмам и т. д. Сторожа грозные; никуда выхода нет.

Каз<ачья>. Смыкается с лирическими. Упоминаний о Разине нет. К историческим может быть отнесена только по аналогии.

Песня разинцев.

Пут., 191-1.

Разинцы просят тучу размыть тюрьму, солнце — обогреть их. Они — беглые солдаты, работники атамана.

Каз<ачья>. Лирич<еская>.

Есаул о смерти Разина.

Пут., 190.

Разговор двух есаулов: нет в живых Степана Тимофеевича. Другой: пристать к берегу, просушиться, наварить каши.

Каз<ачья>. Лирическая. По бессвязности лирическая. Никаких событий нет.

Есаул сообщает о казни Разина.

Пут., 190.

Каз<ачья>.

Тоскующий Разин.

Пут., 189.

Кто бы вычистил булат, распорол грудь и посмотрел, отчего сердце болит, без огня горит. Завтра перед царем ответ держать.

Контаминация с «Не шуми...».

Каз<ачья>.

(Конец.

Отчаяние Разина.)

Пут., 188.

Все станы разорены, товарищи половлены. Разин просит товарищей прострелить ему грудь из лука.

Каз<ачья>.

Смерть Разина.

Пут., 187.

Просит похоронить у трех дорог и пр. Его дружина (разбита), расходится.

Каз<ачья>.

Сынок перед царем.

Пут., 186.

При царе допрашивают сына Разина. «Атаманов я сын — Стеньки Разина». Его приговаривают к кнуту.

Каз<ачья>.

Сынок Разина.

Пут., 182,1-2-3.

Каз<ачья>.

Разин на Волге.

Пут., 180.

На Волге видны струги и паруса. На них Разин. Он призывает гребцов не жалеть ручек, проехать Казань ночью и утром быть в Астрахани.

Каз<ачья>.

Разин и воевода.

Пут., 180.

(Астрахань).

Разинцы хотят проехать мимо Астрахани. Воевода их замечает, колокол. Но Разин неуязвим от пуль. Воеводу сбрасывает с раскату, его детей вешает за ноги.

Каз<ачья> — военн., лег<ендарная>.

Разин и девка-астраханка.

Пут., 179.

Под Астраханью не могут взять Разина, т.к. он зачарован от пуль. Его заманивают при помощи девки и хватают, сажают в тюрьму. Он просит стакан воды, окатывает себя и оказывается в море.

Каз<ачья>, легендарная.

Разинцы на Каспийском море.

Пут., 178.

Казачи бегут с острова, завидя царский разъезд. Своего (не-любимого) есаула оставляют на острове.

Каз<ачья>.

Разинцы на Каспийском море. Пут., 177-1,2.

Атаман зимой на струге. Он предлагает разбить лед и пробиться до Кавалерского острова, а там дуван делить: парчу, казну, жемчуг.

Каз<ачья>.

Поход разинцев на Яик. Пут., 176-1.

Три новые струга выбегают, на одном Разин: «Уж вы гляньте-ка, ребята, удалые казаки, вдоль по батюшке Уралушке».

Вар.: в конце благодарит море и Кольванский остров, где гуляли.

Каз<ачья>.

Разин и казачий круг. Пут., 175-4.

Описание воровского корабля.

На стуле воровской атаман — Степанушка. Он не ходит в казачий круг, «он думает крепку думушку со своей буйной головушкой».

Каз<ачья>.

Разин и казачий круг. Пут., БП, 174-3.

Собирается круг. Читают царский указ, чтобы выслать Разина в Москву. Разин объявляет, что это не царские грамоты, а боярские вымыслы, и выходит из круга.

Каз<ачья>.

Разин и казачий круг. Пут., 173-1,2.

Разин не ходит в казачий круг, думает думу с гольтьбой. Он предлагает разбивать на море басурманские корабли и поехать в Москву и закупить платья цветного да поплыть на низ.

Вар.: в кабаках предлагает гольтьбе бить басурманские корабли.

Каз<ачья>.

Казаки убивают Карамышева. Пут., 172, 173.

На Дону объявляется боярин, похваляется всех казаков перевешать. В кругу он читает им указ. При имени царя все снимают шапки, <он один не снимает>. За это казаки рубят ему голову. Посылают повинную царю.

Вар.: (173) прощают его.

Каз<ачья>.

К песням о полонянках.

Мотив плена историчен в песне «Под Конотопом» и балладе, в песнях о полонянках.

Убийство Карамышева.

Пут., 171-1.

В лодке подплывает царский посланник князь Сем. Карамышев. Казаки стреляют по лодке из пушки, убивают Карамышева. Каз<ачья>.

Осада Соловецкого монастыря.

Пут., 168-2.

Царь Алексей посылает Салтыкова на Солов. монастырь. Он отказывается, царь ему грозит, он требует войско, но симулирует болезнь и возвращается. Соглашается князь Пещерской. Он стреляет в соборную церковь, сбивает престол Богородицы. Изменник указывает проход через стену («окно»). Они берут монастырь. Мучают монахов. Алексею видение: два старца заступаются. Воевода и царь умирают худой смертью.

Осада Соловецкого монастыря.

Пут., 166-1.

Царь Алексей посылает князя Салтыкова на Соловецкий монастырь искоренять старую веру, правую. Он отказывается. Берется другой воевода, берет стрельцов, борцов, солдат. Звонарь видит войско: старец думает, что они идут молиться. Пушкари стреляют по монастырю.

Солдатская походная (?).

(Рига).

Царь (из-под Риги?) снаряжается в каменную Москву. Солдаты просят не оставить их под Ригой (холод-голод-нагода-босота). Царь обещает им погреба царские, пиво-мед.

Солдатская.

«Смоленск — Московское

Пут., 164.

строеньице».

В Арх<ангельском> соборе царь Алексей Михайлович с боярами. Отдать Смоленск или нет? За отдачу стоят Тимофей Казанский и Илья Хованский. (См.— «Литовское строеньице»). Иван Милославский за защиту. («Московское строеньице»). Царь велит казнить первых, Милославского посылает воеводой.

Песни о Смоленске созданы войском. Это предшественники солдатской песни.

Русское войско под Смоленском.

Пут., 163.

Царь посылает солдат брать Смоленск. Дает неудачливых воевод. Далее не ясно.

Войсковой фольклор.

Стрелецкая песня.

Продумать.

Есть три типа исторических песен.

Московские — XVI век, былинного типа.

Казачьи — XVI—XVII века, о Ермаке, Разине, Пугачеве.

Солдатские — XVIII в. и позже.

Возможно, по чисто формальным признакам, например: песни-плачи, скоморошины былинного типа.

Для исторической песни малопродуктивно.

С другой стороны выпадают песни о полоняниках (это не исторические песни?).

Щелкан.

Под Конотопом под городом. Пуг., 159.

Под Конотопом крымские татары и др. спрашивают себе поединщика. Вызывается Пожарский. Пожарский побеждает, татары подстреливают его коня и берут его в плен. Крымский хан пробует его переманить, он отказывается, изрубают его на куски, два казака находят его тело, оно срывается, его хоронят со славой.

Пленение Пож<арского> под Конотопом — истор<ический> факт. Ему отрубили голову.

Ист<орическая>.

Во Сибирской Украине, во Даурской Пуг., 157.
стороне.

Казаки на Амуре строят острог, ловят рыбу. На них нападает «бойдоский князец», т. е. китайцы (Пуг.?). Убивает рыбаков, предлагает казакам в остроге сдаться. При помощи пушек и ружей отбивают их, они клянутся больше не бывать на Амуре.

Донские казаки и Азов-город. Пуг., 156-3.

Атаман предупреждает казаков, чтобы они (под Азовом) стреножили лошадей и выставили караул. Они не слушают, засыпают. Кайсаки их берут в плен.

Ист<орическая> казачья.

Донские казаки и Азов-город. Пуг., 155-2.

Казаки в кругу решают идти на Азов. Один из них советует им наделать телег и под видом товара ввести в город казаков — в каждую телегу по 8 человек. План удается.

Ист<орическая> песня — казачий анекдот.

Донские казаки и Азов-город Пуг., 154-1.

Изменник бежит из Азова к туркам и сообщает им, как можно защититься от казаков.

Ист<орическая> казачья.

М<ожет> б<ыть>, есть особый жанр казачьей истор<ической> песни.

Поп Емеля. Пуг., 153.
Скоморошина.
Не ясно, почему историческая.
Прочсть литературу.

Михайло Скопин. Пуг., 152-4.
Русские и шведы плачут о Скопине.
Плач.

Михайло Скопин. Пуг., 145-1.
Литва, сорочина и т. д. обложили Москву. Скопин просит помощи у шведского короля. Карлус посылает войска. Скопин освобождает Москву. Пир у Воротынского, крестины. Скопин хвастается своими подвигами. Бояре из зависти его отравляют. Чашу подает ему его кума, дочь Малюты Скуратова. Дома на руках у матери умирает.

Историческая песня былинного склада.

Тематика баллад и исторических песен.
О Скопине. Мать: не ходить на пир. Нарушает. Кума его отравляет из зависти. Балладный сюжет. Обстановка и мотивировка. Действующие лица — историчны. Факт смерти — историчен. Историческая песня.

Песня о Скопине может тяготеть либо к балладе, либо к исторической песне.

Плач Ксении Годуновой. Пуг., 144.
Историч<еская>, плач.

Гришка Отрепьев. Пуг., БП, 142.
В бане с Маришкой и пр. Смерть.
Историко-бытовая.
Семейно-любтивное содержание.
Государственного значения.

Ермак в турецком плену. Пуг., 139.
Ермак в тюрьме в плену. Приходит царь турецкий Салтан Салтанович. Ермак требует либо кормить, либо на волю пустить. Салтан выпрашивает тюремного старосту. Староста выдает его за посла. Салтан приказывает его отпустить. Ермак начинает гулять, в Москву не едет.

Ермак и турки. Пуг., 138.
Часовой казак доносит Ермаку, что виднеются турецкие корабли. Ермак посылает их узнать, чем лодки нагружены.

Казачи убивают царского посла. Пут., 137-2.

Казачи едут вниз по Волге. Сверху плывет лодка с порохом и с казной государевой. Казачи убивают посла, им достается казна. Они отправляются в Москву.

Казачи убивают царского посла. Пут., 132-1.

I. Казачи грабят 12 кораблей, берут в плен турчанку, она просит отвезти ее в Москву и привести в христианскую веру. Казачи пируют, пьяные.

II. Показывается Карамышев, персидский посол, пьяные казачи нападают, убивают 50 солдат. Карамышев посылает еще 100 солдат, чтобы узнать правду. Возникает драка, всех 100 солдат убивают. Возникает еще 3-ий бой, убивают Карамышева. Едут на Астрахань, торгуют.

Иван Грозный молится по сыне. Пут., 115.

Царь собирается к заутрене к Ивану Великому. Молится на своем месте. Бояре ухмыляются. Царь гневается. «Не стало млада царевича».

Историч<еская> песня ассим<илированная> с плачем. Если плач о членах семьи, это обрядовый плач. Если описывается плач государственного лица (царя о сыне) или о госуд<арственном> лице (солдат о царе) это — истор<ическая> песня.

Гнев Грозного на сына. Пут., 104.

Типическая историческая песня. Хотя конфликт семейный, он имеет государственное решение. Это решение первично. Ср. песни о полонянках, где первично семейное содержание, а татарщина только фон. Семейная жизнь монарха.

Типичная историческая песня. Если дана семейная жизнь монарха, это истор<ические> песни, если тещи и зятя и пр. — баллада.

Оборона Пскова
(от Стефана Батория) Пут., 102.

Король идет на Псков, посылает послов с угрозами. Воевода Семен Конст. Карамышев — отвечает отказом. Солдаты собираются. «Соходилися два войска, два великие». Карамышев объезжает войска. Карамышев побеждает. Король бежит. «Не дай бог бывать мне» и пр.

Типическая историческая песня. Удобна для сравнения с былиной. Те же мотивы (послы, угрозы и пр.). Но это не былина. Есть войска.

Смерть Михайлы Черкашенина. Пут., 101.

Атамана польского Михаила Черкашенина привезли домой. Ласточки увиваются вокруг гнезда, дети плачут над телом. Жена причитает над ним.

Лирическая? Черкашенин — историч. лицо XVI века. Событие не историческое.

Взятие Казани. Пут., 96. и сл.

Типическая военно-историческая песня былинного склада.

Щелкан. Пут., 72-1,2.

Типичная историческая песня типа скоморошины.

Добрый молодец и татары. Пут., 71,2.

Молодец бежит из Крыма. Дунай покрыт тонким льдом. Он поет песню: «Сторона ль ты, моя сторонушка... не видал...» и пр. Не видать отца с матерью, рода-племени.

Лирическая песня, историч<еский> фон. Тоска о семье, разлука с ней.

Добрый молодец и татары. Пут., 70-1.

Добрый молодец-малолеточка встречается в поле 3-х татар-«басурманов». Они хвастают, что его возьмут. Он одного убивает из ружья, второго топчет конем, 3-го берет в полон.

Это (поздняя?) историч<еская> песня. Женщины нет, не баллада. Басурманин не обязательно татарин (магометанин).

Русская девушка в татарском плену. Пут., 69-4.

Девушка бежит из татарского плена. Она предлагает перевозчику свои богатства. Он хочет взять ее саму. Она отказывается. Настигают татары, бросается в реку.

Баллада. Неудобный жених, самоубийство.

Иван Грозный под Серпуховом. Пут., 100.

Грозный (30 лет, 40 000) идет на Серпухов. Перебирает фельдмаршалов и генералов. Нет Максима Краснощекова. Царю докладывают, что он изменил, предался турецкому хану за золото, красных девушек и пр. В это время он возвращается из плена (бежал?). Он взял Серпухов (не ясно). Жалуется Грозного двумя полоняночками.

Истор<ическая> песнь в ассимиляции с балладой (привозит полонянок).

Серпухов никогда не осаждался русскими войсками.

Набег крымского хана.

Пут., 99.

Крымский царь собирается на Москву. На обратном пути хочет взять Рязань. Они делят Москву, Владимир, Суздаль, Рязань и т. д. (ср. Щелкан). Небесный глас: в Москве есть царь, 70 апостолов, трое святителей. Он бежит.

Истор<ическая> песня.

Взятие Казани.

Пут., 98.

Молодец сманивает девушку в Казань. Она нейдет. Казань на крови стоит и пр.

Лирические песни (молодец и девушка, любовь, просватанье) с историческим фоном.

У Соболевского — лирич<еская> }

У Балашова — баллада }

У Путилова — истор<ическая> }

проверить.

Русская девушка в татарском плену. Пут., 69-3.

Татарин на площади продает девушку. Просит 50 золотниц. Удалой добрый молодец ее покупает. Не жалеет, т. к. на ней шелков пояс на тысячу и пр., а на руке перстень.

Свадебная! Покупка — взятие за себя.

Русская девушка в татарском плену. Пут., 67-1.

Три татарина грабят Чернигов, делят жемчуг — казну. Один берет девушку, ведет ее в шатер, надругается над ее телом. Она зовет на помощь брата. Наезжает охотник, одного топчет конем, другого привязывает к хвосту, третьего рубит топором, девушку берет за себя.

Баллада семейного содержания (брат, сестра), чудесное спасение, историческая обстановка.

В балладе три татарина грабят, но не берут.

Мать встреч<ает> дочь в татарском плену.

Пут., 62-1,2,3.

На дуване теща достается зятю (он не знает). Приводит жене работницу. Она оказывается ее матерью. Дочь семи лет взята во полон (узнавание — родинка, нет мизинчика). Дочь хочет отпустить мать на волю. Она не хочет расставаться с дочерью (вар.: уезжает, нет петья церковного).

Баллада семейного содержания из цикла неузнанных встреч, исторический фон.

Девушка спасается от татар. Пут., 61.

Аннушка в окно видит татар. Спрашивает брата, куда спастись. Брат обещает ее схоронить, поставить караульщиков и пр. «Царь крымской» наезжает, караульщики разбегаются и пр. Она ударяется о камень. Делается церковь. Руки и ноги — ели, сосны, голова — горка и т. д.

Баллада семейного содержания (брат и сестра), сказочно-этиологический конец.

Авдотья Рязаночка. Пут., 37.

Есть баллада семейного содержания с историческим фоном. Раньше чем писать, прочесть всю литературу.

Разбойный поход на Волгу. Пут., 125.

Разбойники выбирают атамана Ермака и есаулом Ник. Ром. («Иваныча»). Атаман уговаривает их воротиться на родину в Россиюшку (вар.: за добычей в Россию).

Историческая).

2 варианта совершенно различной стиховой системы.

I — длинные строки (13 слогов).

II — краткие строки (7 слогов).

Поход голытьбы на Казань. Пут., 124.

«Мурзы» выбирают атаманом Ермила Тимофеевича и Никиту Романовича. Задумывают поход вверх по Волге на подмогу под Казань.

Историческая).

Ермак в казачьем кругу. Пут., 123-4.

Выбирают атаманом Ермака, есаулом Никиту Романовича.

Историческая). бытовая. Казачья).

Ермак в казачьем кругу. Пут., 122-3.

Ермака выбирают в атаманы. Он призывает казаков зимовать на Куму-реку, там хорошая охота.

Историческая). бытовая. Казачья).

Ермак в казачьем кругу. Пут., 120-1.

(Выбор зимовки).

Ермак призывает казаков идти на Иртыш; взять Тобольск и поклониться царю.

Вар.: зимовать на реке Камышине.

Историческая).

Часовой плачет у гробницы Грозного. Пут., 119.

Гребенской казак стоит на часах и плачет: «Ветры, отверните гробовую доску» и пр. Посмотри армяюшку: усы обриты и борода острижена.

Истор<ическая> бытовая.

Терские казаки и Иван Грозный. Пут., БП, 118.

Казаки жалуются Грозному, что раньше он много их одаривал, а теперь жалует только князей и бояр. Царь жалует их Терекком с притоками.

Историч<еская> сол<датская>, бытовая.

Иван Грозный и добрый молодец. Пут., 116.

Молодца бьют на правеже на площади в Москве. Проезжает Грозный, выпрашивает. «Пытаем с него казну. 40 000». На вопрос царя, откуда у него казна, отвечает, что отбил у разбойников. Деньги он роздал беднякам и пропил, одевал босых. Царь приказывает уплатить за каждый удар по 50 рублей, а за бесчестье 500.

Историческая бытовая.

Война с королем шведским. Пут., 222-4.

Большой боярин с войском останавливается на шведской границе. Шведский король видит: «Сходилисе туто й двои силы». Между ними протекает река крови.

Солд<атская>.

Война с королем шведским. Пут., 222-3.

Служба в Успенском соборе. Шереметев часто выходит, припадает к ограде. Ему тошно, царь посылает его под Полтаву.

Солд<атская>. (Моск<овская>)

Первые солдатские песни еще приурочены к Москве.

Война с королем шведским. Пут., 221-2.

Три полка идут со знаменем по дорогам. Где ночевать? Постель — земля, изголовье — корень и т. д. Позади — Шереметев. Ему хотелось пожить в Москве, остались три дерева: мать, жена, дети.

Солд<атская>.

(Позиционная).

Война с королем шведским. Пут., 220.

Шатры, знамена государевы. Один шатер царский. Спрашивает, чем потчевать шведского короля? Солдаты: пирогами, тульскими сухарями.

Солд<атская>.

Взятие Азова. Пут., 218-4.

Пир. Петр: поручение. Хоронятся. Кто бы съездил? Вызывается казак. Укрывает казаков в телегах, берет город, царь его жалуует.

Солд<атская>.

Казачья. Гильфердинг, Ново-Ладожский р-н.

Взятие Азова. Пут., 217-3.

Азов берут, сажая в телеги вместо товаров молодцев.

Солдатская?

Павлово, Ниж<егородская> губ.

Взятие Азова.

Из Москвы указ солдатам: убраться и утром идти на Азов.

Солдатская.

Взятие Азова. Пут., 216-1.

Царь спрашивает солдат, как взять Азов. Белой грудью. Приступ, берут город.

Солдатская.

Ср.: Азовские песни казаची.

Царь и Долгоруков-князь. Пут., 215.

Царь уезжает в другую землю. Долгоруков усмехается, не говорит почему. Царь приказывает его казнить, он предрекает ему гибель.

«Терские ведомости».

Каз<ачья>, что видно и по стилю.

Казнь стрелецкого атамана. Пут., 214.

Моск<ва>, XVII—XVIII вв.

Стрелецкий атаманушка и царь Петр. Пут., 213.

Москва, XVII—XVIII вв.

Стрелецкий бунт. Пут., 211-2.

Москва, XVIII в.

Петр I и молодой драгун. Пут., 210.

Петербург, XVIII в.

Добрый молодец и Петр I.

Правеж применительно к Петру.

Идет от былин, записано на Севере.

Петерб<ург>, XVIII века.

Проводы на Ладожску канавушку. Пут., 208.

Добрые молодцы поднимаются на Ладожску канавушку. Их провожают матери, жены, дети.

Петербургские песни XVIII века.

Бытовые XVIII века. Не идет от московских песен XVII века, а от крестьянской лирики.

Пострижение царицы. Пут., 206-1.

Царь высылает царицу из Москвы в Покровский монастырь. Евдокия просит конюхов не спешить. Молится пред творцом (плач!). Игуменья ее встречает с почетом. Надевают черное платье, постригают. Царь посылает за ней, чтобы она воротилась, но поздно, она пострижена. Царь плачет. Примыкает к московским песням XVII века.

Загорелась Москва от больших господ. Пут., 205.

Москва зажглась оттого, что девка у Гагариных свечу в пороховые погреба уронила.

Записано у казаков.

Казаки бранят князя. Пут., 205.

По Волге выплывают 3 струга. На них донские казаки (описание). Они поют: князь заедает жалованье. На эти деньги построил палаты не хуже царских, кроме золотой вершины. Его убивает громом в Казани.

Каз<ачья>, Солд<атская>. XVIII.

Есть песни о казаках на солдатской службе. Они промежуточны между казачьими и солдатскими, но по существу — солдатские.

Князь Гагарин. Пут., 204.

По реке 500 стругов по 500 чел. Бранят Гагарина, заедает жалованье. Он построил себе дом (описание). Гагарин хвастает, что его дом не хуже государева двора, кроме орла. Царь его казнит.

Каз.-солд. XVIII в.

Говорится о казаках, но это — казаки на солдатской службе.

Казаки бранят Меншикова. Пут., 203.

Казаки едут в стругах (подробно), хвалят Петра, бранят Меншикова: заедает жалованье.

Солд<атская>. XVIII.

Заедать жалованье — частая тема.

Солдаты судят Долгорукого.

Солдаты просят у царя суда на Долгорукого. Царь предлагает им судить его своим судом. Они ломают хрустальные ворота и требуют свое жалованье: хлебное, мундирное, денежное.

Игнат Некрасов.

Царь хочет казакам брить головы и казнить — вешать. Атаман: уйдем за Дон.

Каз<ачья>, XVIII в.

Игнат Некрасов.

Пут., 201.

Дон возмущается от действий Долгорукого. Некрасов зовет желающих на Кубань. Набирает 40 000. Уходят. Ироническое письмо Екатерине.

Каз<ачья>, XVIII в.

Игнат Некрасов.

Пут., 200-2.

Дон возмущается под руководством Игната Некрасова. Уходит, уходит 40 000. Собирает круг, пишет грамоту Долгорукому, что они ушли в подданство к турецкому хану, и объясняет почему.

Каз<ачья>, XVIII в.

Игнат Некрасов.

Пут., 199-1.

Казаки собираются в круг, идут к дому князя Долгорукого. Он читает им указ Петра: стариков казнить, молодых в солдаты. Игнат рубит Долгорукому голову. Дон возмущается и уходит с Дона на Кубань (Турция).

Каз<ачья>, XVIII в.

Воевода Долгорукий и казаки.

Пут., 199.

Долгорукий князь гуляет по Дону. Казаки его подхватывают: «Сколько на Дону казаков?» Ответ: «На всякого казака по 10 стругов и на меня еще на один десяточек».

Каз<ачья>, XVIII в.

Сюжета нет, ситуационная.

Атаман Фрол Минаев.

Пут., 198.

Донские казаки — приуныли (яицкие, донские, запорожские). Царь отобрал у них город (не назван). Фрол Минаев собирает круг: челобитную собирать или самому ехать. «Не стало нам добычи на синем море и на тихом Дону». Атаман едет к Петру: «Прикажи нам на Дону чем кормиться».

Казаки и царь.

Не пыль в поле.

Пут., 276.

Француз грозит генералам взять Москву, сбить кресты с церкви и пр. Граф Платов с казаками «всю силушку побил», оставшихся в плен и в Сибирь.

Солд<атская>.

Похвалялись злы французы.

Пут., 275.

Похваляются пройти всю Россию. Платов с платком и подзорной трубой высматривает французов. Приказывает канонирам заряжать. Французы бегут, русские догоняют, отбирают знамя.

Солд<атская>.

«Как заплакала Россияшка от француза.»

Пут., 275.

Россия плачет. Платов с казаками. Кутузов убеждает солдат побеждать.

Солд<атская>.

Каз<ачья>-солд<атская>.

Пут., 275.

«Угощать его будут солдатушки,
Провожать его будут все казачушки».

«Не в лузях-то вода разливалась».

Пут., 274.

Французский король требует 40 000 квартир, «самому королю белые палатушки». Царь призадумался. Кутузов уговаривает не пугаться. Ему заготовлено угощение.

Письмо-ультиматум.

Солд<атская>.

Казачья-солдатская.

Пут., 274.

«Царя белого армеюшка богу молится,
Царя белого армеюшка — донские казаки».

Казаки идут с кровопролитыца турецкого.

Пут., 274.

Казаки бились, рубились день до вечера. Возвращаются. На встречу донским казакам генерал Платов. «Где были...» — «Мы идем со батальица...» Платов плачет.

Солд<атская>.

Чернышев в плену в Кистрине.

Пут., 245—247.

В Кистрине светлица с решеткой. В ней посидельщик. Приезжает прусский король. Чернышев просит либо кормить, либо казнить, либо отпустить на родину. Прусский король предлагает ему служить. Прусский король предлагает царице мир, Чернышев отговаривает: «Мы возьмем его Кистрин-город».

Арх<ангельская> губ<ерния>.

Солд<атская>.

Гудович и шах персидский. Пут., 273.

Русские войска под предводительством Гудовича. Идут на ша-
ха персидского. Гудович упрекает шаха в преступлениях.
Солд<атская>.

Актуальность историч. песни теряется.

Яркий пример: Пут., 273.

Гудович и шах персидский.

См. комментарий.

Разнесчастный король прусский. Пут., 270.

Прусский король получает известие, что его армии разбиты
французами. Он жалеет своего племянника.
Солд<атская>.

Время в фольклоре.

См.: Пут. 271 (Павел I).

260 (На линии).

Павел набирает рекрутов. Пут., 271.

Павел разъезжает, спрашивает солдат, хорошо ли им воевать
с турками. «Много слез». Павел: мы наберем рекрутов. От жен,
матушек, отцов. Охотники поют песню. Жены и дети плачут.
Солд<атская>.

Жалоба солдат на Павла. Пут., 271.

Сержант на часах, плачет. Обращение к Екатерине. Без нее
все хуже, при Павле, загнал во Туретчину; заморил голодом,
холодом.

Солд<атская>.

Эх, да как задумали солдат набирати. Пут., 270.

Солдат (казаков) набирают, гонят до Полтавы, заставляют рыть
и копать. Они считают себя погибшими.

Солд<атская>.

Дон возмутился от трех генералов. Пут., 268-1,
269-2,3.

3 генерала, в том числе кн. Иловайский, играют. Иловайский
пропил «весь наш славный Дон». Стариков бросать в Кубань,
девушек — на фабрики, молодых ребят — в солдаты.

Казачья (Мякутин)²⁵.

На славном на устьеце. Пут., 268.

Вор Копейкин с братом просыпается, умывается и пр. Он
видел дурной сон, будто его голова свалилась в море, распускает
товарищей.

Разб<ойничья>.

Зародился вор Засорюшка.

Пут., 267.

Вор Засорин прощается с Ростовом. Он подбирает ключи. Его ловят, ссылают в Сибирь.

Разб<ойничья>.

Вор Гаврюшка.

Пут., 266.

Пролегает дороженька по долине, на трех троечках едет вор Гаврюшка. За ним три погони: солдаты, жандармы, казаки. Не могут догнать. В Воронеже он проезжает мимо темницы. «Своя братия» просит его выручить. Он не может из-за погони.

Разб<ойничья>, не историч.

Песни о Пугачеве принадлежат двум лагерям: солдатскому и казачьему.

Пугачев.

Пут., 265-3.

Из-за леса, леса темного.

Под Пугачевым спотыкается конь, чуя недоброе.

Каз.?

Пугачев.

Пут., 265-2.

«Ох ты батюшка...».

Солдатская.

Пугачев. «В том сударыня простила».

Пут., 264-1.

Комментарии: «Солдатский тип».

О Пугачеве солдатская песня.

Письмо шведского короля.

Пут., 262-1.

Король шведский предлагает мир, отдать Ригу, Ревель, Нарву, графам, офицерам стоять в Москве, королю — в Кремле. Царица пугается. Румянцев и Потемкин утешают: тому не быть. Ему готовят угощение.

Солд<атская>.

Вариант.

Пут., 263-2.

Историч. песня и былина.

Пут., 262.

Ультиматум шведского короля и испуг Екатерины — совершенно как в былине.

Два невольничка.

Пут., 261.

Два невольника прячутся в камышах. Росланбек-злодей их не находит.

Солд<атская>-каз<ачья>.

«Да за славною рекой за Кумою». Пут., 261.

Перед князем Богоматовым стоит донской казак, невольник. Князь обещает его отпустить. Посылает поклон Войску Донскому и войсковому атаману.

Солд<атская>-каз<ачья>.

Солд<атская> и каз<ачья>.

Казакки попадают в регулярные войска. Именуются казакки, но они солдаты.

О разнице между солдатскими и казачьими.

Песни казакков, относящиеся к борьбе с горцами, по содержанию относятся к казакким.

См.: Пут., 260,

«На линии» и комментарий.

Атаманы-генералы на царской службе. Выполняют задания правительства.

«На линии было».

Пут., 260.

Строят редут. По нему стреляют. Приказной Агуреев упрекает казакков, что не поставили караулов. На Дону больше не бывать.

Солд<атская>-каз<ачья>. (Собирали на Кавказе).

«Не плугами поле распаханано».

Пут., 258-1.

Турецкое поле и пр. Ген. Зоргин плачет. Головы погибли напрасно без Краснощекова.

<Пут.>, 259-2.

То же. Кн. Дмитрий. Одна из голов отвечает, что была измена начальников.

<Пут.>, 259-3.

То же. Полковник плачет. Никто не польет, только дождь.

Солд<атская>.

Взятие Измаила.

Пут., 258.

Ночки темны и пр.

Солд<атская>.

«Как у нас было за городом
за Вендерой» (Бендеры).

<Пут.>, 257.

Суворов под Бендерами уговаривает солдат не робеть.

Солд<атская>.

Румянцев и красная девица.

Пут., 256-1.

В плену необыкновенная красавица. Румянцев предлагает ей выйти за его сына. Она отказывается. Он страшит ее саблей, она соглашается.

〈Пут.〉, 257-2.

Угроз нет. Румянцев ее утешает, хочет отдать за брата. Она королевишна.

Солд〈атская〉.

Солдаты штурмуют турецкую крепость. Пут., 254-1,2.

Диалог Румянцева и Суворова с казаками. Они берут крепость.

Солд〈атская〉.

Идут новобранцы.

Пут., 253.

Солдаты плачут. Отданы под нерусское начало.

Солд〈атская〉.

Солдаты в прусской земле.

Пут., 252-1.

3 года под Кистрином. Нет вестей. На 4-м — весть. Прусский король разбивает.

〈Пут.〉, 252-2.

То же. Весть: жена вышла за бурлака.

Солд〈атская〉.

Армия идет в прусскую землю.

Пут., 251.

Армия идет в Пруссию, знамена, артиллерия, конница. Один невесел. За ним идет девица, плачет. Ему тоже невесело, «что... иду я на службу государеву».

Солд〈атская〉.

Возвращение Суворова.

Пут., 250.

Возвращение полков. «Золотые знамена во чехлах несут». Впереди Суворов — шатается. Мать выпрашивает. Напоил прусский король свинцом. Суворов умирает.

Прекрасная песня!

Солд〈атская〉.

Прошли казачушки.

Пут., 249.

Казаки с Черного моря проезжают мимо Питера. Царица спрашивает полковника. Ответ — 3 пойла.

Солд〈атская〉, несмотря на упоминание казаков.

(Симб. губ.).

Алогизм — невозможность в действительности, несогласованность и пр. (Чернышев в плену в Кистрине).

См.: Пут., 245.

Возвращение Краснощекова.

Пут., 249.

По Питерской дороге полки идут радостны, один нерадостен. Несут Краснощекова. Мать его спрашивает, кто напоил. Прусский король тремя пойлами: сабля, ружье, стрела.

Солд〈атская〉.

· Сюжет еще не всегда определяет жанр. Илья в плену у Ка-лина, и Чернышев в плену у прусского короля (Пут., 245) — один и тот же сюжет, но стиль различный — былинный и солдатский.

Ермак в турецком плену — казачья.

Ср. также: Пут., 159 и 239.

Сиденье в Зырянах.

Пут., 303.

Стихотворение из времен борьбы с Хаджи-Муратом.

Литературные солд<атские> песни.

Привести образцы.

Как не травушка.

Пут., 302.

Армия молится, идет в бой. Убиты полковник Власов и урядник

Диков.

1839, Кавказ.

Солд<атская>.

«За Кубанью огонь горит».

Пут., 302.

Казаки за Кубанью вспоминают о женах и детях. В Грузии умирает казак. Его хоронят. Мать причитает.

Ряз<анская> губ. Солд<атская>.

Под Браиловом.

Пут., 301.

Царь бранит своего брата, зачем завел сюда армию. Убито

500 гусар.

1828.

Солд<атская>.

Смерть хорунжего.

Пут., 300-1, 300-2.

Степь, дорога, Падуrows с полком, казаки, хорунжие, урядники.

Убит храбрый хорунжий. (Бессвязно).

Русск.-тур. война 1828.

Казачьим полком командовал есаул Падуrows.

Солд<атская>-каз<ачья>.

«Под славным городом под Шумлою». Пут., 300.

Турецкая война 1826—29. Осада Шумлы, гибель Тацына.

Солд<атская>-каз<ачья>.

Ой полюшко мое.

Пут., 299.

Мы уйдем с турецким корпусом. Турки хвалятся взять Россию. Паскевич уговаривает не робеть: мы вернемся жить в Россию.

Р<усско>-тур<ецкая> война 1828—1829 гг.

Солд<атская>.

Царя требуют в сенат.
Солд<атская> (?).

Пут., 294.

Плач казака.

Пут., 296.

Казак на часах призывает Александра взглянуть на армию: все не по-прежнему. Казаченьки на царя поднимаются (1824).
Солд<атская> (каз.).

Смерть Александра.

Пут., 296.

Курьер приносит известие о смерти Александра.
По теме — общерусские, по образцам и фактуре — солд<атские>.
Солд<атская>.

Аракчеев всю Россию разорял.

Пут., 294-1, 295-2.

Солд<атская>.

Гладом поморил.

Наше жалованье утаил и т. д.

Семеновцы в крепости.

Пут., 293-1.

Семеновцы в Петропавловской крепости. Часовой призывает Екатерину посмотреть на свой полк. Полк разбит.

То же.

Солд<атская>.

Пут., 294-2.

Прощай Томский и Тобольский.

Казачков отдают в солдаты и переселяют.

Каз<ачья>.

Во Уральском было славном городе.

Пут., 291.

Молодца ведут на казнь, провожают отец и мать.

Казачьи волнения, см. комментарии.

Позднейшая казачья песня. Внутренняя история казаков.

Каз<ачья>.

Добрый молодец и Волконский-князь. Пут., 290.

Казачий круг. Волконский допрашивает казака. Он хочет отвечать только царю.

Казачьи волнения, Волконский усмирлял.

Начало XIX века.

Каз<ачья>.

Разбесчаштенный...

Пут., 290.

Размышление француза в плену: армия побита, брат убит и т. д. Если бы знал, не пошел бы на войну.

Солд<атская>.

Не спалось девке.

Пут., 289.

Девушка видит во сне, как француз разоряет Москву. Ее берут в плен, генерал обещает подарок, она просится домой.

(Татарский полон применен к 1812 г.).

Солд<атская> (?).

Вы кусты... мои кусточки.

Пут., 288.

Сын на войне с французом. Кроволитие. Царь с царицей молятся о прекращении.

Солд<атская>.

Разорена путь-дороженька.

Пут., 287, 288.

Мы на ограде стояли.

Француз хвастается Парижем, Москва лучше.

Солд<атская>.

Был на горке, на горе.

Пут., 287.

Краткая картина Москвы, разоренной французами.

Солд<атская>.

Генерал запродал Москву.

Пут., 286.

Генерал продал Москву за бочки золота, серебра и вина. В них оказывается песок.

Солд<атская>.

Как повыше было Смоленска-города.

Пут., 285.

Солдаты в кругу думают, как освободить Смоленск. Выходит Волконский, зовет освободить Смоленск. Топят их в Березине.

Солд<атская>.

Похвалялся вор-француз.

Пут., 284.

Перечисление эпизодов войны (Березина, Смоленск, за границей).

Солд<атская>.

Что во городе во Морше.

Пут., 284.

Француз пишет, хочет взять Россию, сенаторы плачут. Армия собирается, француз видит ее в подзорную трубу. Генерал казак Денисов убит. Русские переправляются через реку, настигают французов, отбирают знамена.

Солд<атская>.

Собиралась наша сила — армия.

Пут., 283.

Поход, лагерь, жажда, батареи, перепалка, полковник убит, другой полковник подбодряет.

Солд<атская>.

Заводилася война. Пут., 281.

Сражение. Добрый молодец на коне. «Без размерушки пейте зелено вино» (т. е. лейте кровь). Француз грозит взять Москву. Генералы пугаются. Лопухов курит трубку. Бой.
Солд<атская>.

Как не две тученьки. Пут., 280.

Встреча двух армий — царя и короля французского. На Семенов день пушка и пр. «Полилася басурманская кровь».
Солд<атская>.

Платов в гостях у французов. Пут., 279.

Солд<атская>.

Наш батюшка казак Платов. Пут., 278.

Платовские казаки берут в плен французского майора. Кутузов допрашивает, обличает во лжи.
Солд<атская>.

От своих чистых сердец. Пут., 277.

Солдатская жизнь.

Сражение. Платов на вороном коне. Подбодряет. Француз грозит.

Образец нескладности.

Солд<атская>.

Баллада

Поэтика (разное)

Полож<ительное> и отриц<ательное>.

В балладе нет наказания. Проследить. Монашенка топит своего ребенка, только изобличается (Бал., 166—167). Изобличение уже есть наказание.

В балладах об узнавании случайность есть основной эстетический признак.

Разновидность необычного.

Характерная особенность балладных сюжетов состоит в том, что *гибнет невинный* (это невозможно в эпосе, ср. Данило <Ловчанин>). Это трогательно, страшно, вызывает ужас и сожаление.

Зло не наказуется. Убийца свекровь остается в живых.
Важен *трагический* конец.

Мотивировки.

Отравление в балладах *никогда* не мотивируется.
Проследить.

Лирич<еская> песня.

Сюжеты иногда близки к балладным («Гора», «Степь Моздокская» и др.).

Указать *смежные* случаи.

Изобличение и *осуждение* убийства происходит через младшее поколение: детей, кот<орые> не хотят мачеху и пр.

Омелфа Тимофеевна выручает родных. Бал. 179.
Авдотья Рязаночка, приуроченная к Питеру.

Изменяемость исторической обстановки: татарский полон. Татары заменяются турками, а на юго-востоке страны киргизами.

Похищение женщины неприятелем.

Т. е. если неприятель, то не разоритель города, а похититель женщин.

В «татарском полоне» нет ничего исторического. Так женщин не делили. Старух не брали. Старуха беспрепятственно уходит домой. Это семейная тема в татарской обстановке. Авд<отья> Рязаночка тоже семейная тема.

В балладах исторична только обстановка. Она для одного сюжета может меняться. Ср. Авдотья Рязаночка в казанском приуроченье. Смысл — кто дороже, брат или муж? Путилов считает исторической песней, Балашов — балладой.

Просмотреть роль диалога в балладах. Диалог есть форма изложения действия.

То, что Бал<ашев> называет «исторической балладой», все-таки всегда связано с женщиной (пленение, дуван и пр.). В этом отличие от исторической песни и от былин.

Балашов считает балладами и «Анику-воина», и «Лазаря» (духовный стих), и «Правеж» и др. Основной признак — женщина. Ее здесь нет. Это не баллада.

Баллада и историческая песня.

Если Грозный берет Казань — это историческая песня.

Если он убивает красавицу за то, что не хочет идти за него замуж, это баллада.

Баллада имеет завязку, интригу, развязку.

Ситуационные песни — не баллада.

Молодец уговаривает девушку ехать в Казань. Она отказывается — «Казань на костях стоит» и пр.

Ситуация — типичная для лирич<еской> песни.

Беглый княжич.

Бал., 243.

Два татарина в поле при купанье встречаются русского и убивают его.

Баллада(?).

Жестокий романс.

По сюжету может совпадать с балладой. Отличается от нее мелодраматизмом.

Чурилья — игумень.

Бал., 283.

Монахиня Стафида и Иван-пономарь (регент) не выходят на заутреню, пение нестройное. Игуменья посылает Федора-дьяка узнать. Она его угощает, он говорит, что она больна. После заутрени игуменья едет ее лечить.

Ском<орошина>.

Старец Игренище.

Бал., 285.

Старец в мешке приносит в монастырь девушку. Его изобличают. Он приглашает их в келью, обещает наградить, вместо этого избивает.

Скоморошина.

Баллада и скоморошина.

Отличается только по стилю.

«Старец Игренище», кот<орую> Балашов считает балладой, на самом деле — скоморошина.

Надо говорить о расплывчатости границ.

Разница в стиле.

Символика. Метафора

Надо проследить, что через это выражается. Получается: общее, невидимое — через частное, видимое. Чувство через предмет.

Мейлах — метафора.

Она не стилистическое украшение. Аристотель: «Особенно важно быть искусным в метафорах, так как только этому одному нельзя научиться у других, эта способность служит признаком таланта. Ведь создавать хорошие метафоры значит создавать сходство». Т. е. «Аристотель не считал ее „украшением“».

Фольклор и Литература

Любое искусство всегда восходит к действительности, но оно не всегда эту действительность отражает непосредственно. Дело исследователя — установить, какая эпоха, какая среда это искусство создала. Изучение искусства как производного от действительности есть основа современной прогрессивной научной истории литературы, эстетики, исторической поэтики.

Черныш <евский>, 150²⁶.

(Искусство возбуждает воспоминания, заставляет человека оглянуться на себя). Фольклор — никогда.

«Сила искусства есть сила воспоминания».

Но эстетика — не только наука, но совокупность тех художественных приемов, принципов, стилей, которые определяют поэтические качества произведения, его направление.

Эти две стороны у нас не всегда различают. Многие понимают принцип изучения литературных памятников в свете действительности в том смысле, что в произведениях искусства ищут непосредственного отражения действительности.

Такой прием оправдан для таких произведений, в которых эта действительность отражена непосредственно. Он будет правильным для изучения Чехова, Горького, современных писателей. Реальная связь с действительностью есть основной эстетический принцип.

Так как наша эпоха поняла все значение для истории человечества и для блага человечества — социальной борьбы, в произведениях словесного искусства ищут непосредственного отражения этой борьбы. Этим как бы подчеркивается прогрессивность

изучаемых высокохудожественных произведений и прогрессивность собственного якобы историко-социального метода.

Вся древнерусская литература имела только прикладное значение до XVII в., когда появляются художественные произведения. Фольклор изначально художествен.

Лихачев, 108²⁷.

«Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя». Она шла от исторического лица к лит<ературному> герою. Фольклор шел наоборот.

А. Н. Нечаев. О тождестве литературы и фольклора. Вопросы народно-поэтического творчества. М., 1960, с. 127—146.

Против отождествления литературы и фольклора у Соколова, отождествления писателя и сказителя. Очень разумно. Особая художественная система зависит от устности и коллективного. Попыток определить систему нет.

Ближе всего фольклор подходит к литературе в причитаниях — в импровизации. Они неповторимы, как неповторима литература. От жизни — в искусство.

Совместима или нет сказка о ковре-самолете и аэропланах? Если сказку соотносить к действительности, то несовместима. Если же сказку понимать как сказку, то совместима.

Хорошо бы сравнить песню о Скопине с повестью.

Герои.

Полож<ительное> и отриц<ательное>

Индив<идуальное и тип<ическое>

Балашов, 66²⁸.

Способом типизации в балладе является сюжетная коллизия, а не образ. Герой баллады не может быть оторван от сюжета.

Балашов, 66.

«Герои баллад весьма часто рыцари и леди». При этом, однако, «баллады» обнаруживают <...> народные взгляды, вкусы, привычки».

«Дурак» дает возможность вынести за скобки действительность.

В др<евнерусской> лит<ературе> и живописи тоже типы, но типов этих множество. В фольклоре число их ограничено. (Типы голов: Симеона, ангелов, Марии, Христа и т. д.).

В древнем ф<ольклоре> герой есть персонификация силы (змей, яга, герой) — и только. Конфликт — столкновение сил.

В фольклоре положительные герои только рождаются (напр<имер>, чудесным образом), но никогда не умирают, отрицательные только умирают (см. в сказках цари). Смерть героя есть безошибочный признак позднего происхождения, нового стиля (Сухман, Василий Буслаев). Сухман смыкается с повестью. Сверить реконструкцию Путилова песни из повести. Щелкан убит, а о русских: «Ни на ком не сыскалося».

Соколова²⁹.

Личная, интимная жизнь исторических деятелей не раскрывается. Отсюда возможность неустойчивости имен. Примеры см.: Соколова. с. 221.

Ф<ольклор> тяготеет к героям господств<ующего> класса.

Сказка — царевна.

Баллада — князь.

Свадебн<ые> — обряд.

Эпос — Добрыня.

Поздней — пробуждение — классового сознания.

Вольга и Микула.

В эпосе и других жанрах побеждает правый и гибнет неправый.

В балладе наоборот (Василий и Софья).

Начало трагизма.

Сказ.

Советское время.

Сказ, который раньше не выполнял эстетических функций; теперь их выполняет. Сказы о Чапаеве.

Портрет

Черн<ышевский>, с. 136—138. Портреты в литературе всегда списаны.

В фольклоре портреты никогда не списаны. В фольклоре нет прототипов.

Фольклорные образы не есть воспроизведение с натуры.

Нет психологического портрета.

Есть одяение (доспехи Дюка), конь, но нет лица. Есть брови, но нет глаз.

Пейзаж. Обстановка

Пейзаж появляется только в лирике, вместе с любовью. Но в повествовательные жанры ни любовь, ни лирика не проникают.

Абстракция. Речь

Неспособность к абстракции: отсюда прямая речь. В повести о Карпе Сутулове уже косвенная речь. Неспособность к абстракции. Повторение речи из слова в слово.

Образность

Способы изображения
Никогда не изображается прямо.
(Впрочем: солдатские песни).

2 вида: Поэтически-музыкальный и прозаически-повествовательный.

Основной закон: образность, выражение одного через другое. Прямое выражение нецеломудренно.

Метафора	}	всюду, ср.: пословица.
Параллелизм		
Сравнение		
Дать образы		

Гипербола есть средство либо уничижения, либо возвеличения (реже).

Уничижение и поэтизация есть не только эстетический, но этический закон. Добро и зло. Положительные и отрицательные герои.

Что фольклор никогда не изображает действительность прямо, не поняла историческая школа.

Образность всегда есть образность зрительная, воображаемая. Основной конфликт: борьба добра со злом.

- 1) Илья и Мамай.
- 2) Иван-царевич и Кощей.
- 3) Петр и царь шведский.
- 4) Девушка и разбойники.

Человеческие характеры не индивидуализированы. Это типы. Тип героя, богатыря, царевича, падчерицы, татарского царя и т. д.

Проявление наблюдательности: это прожилки (в реалистических сказках мелкие штрихи о женском лукавстве, жадности попов и пр. — примеры). Эти прожилки не придаток, а ингредиент, входящий в состав произведения.

Реализм

К народному творчеству неприменимо слово «реализм» как термин, обозначающий творческий метод и литературный.

В. И. Чичеров думает, что в фольклоре не «реализм», а «реалистичность» — правдивое изображение жизни.

Историческая песня. Традиционная.

Перенос.

Сохраняется динамизм с его переносимостью: перенос с одного лица на другое.

Традиц<ионное>: тяготение к необычным событиям даже анекдотического характера (взятие Казани, Разин и сын, Пугачев и Панин).

Традиц<ионный> вымысел.

Песни о взятии Азова наподобие Троянского коня.

Внеистор<ический> вымысел.

Смещение хронологическое.

Грозный берет Серпухов от турок.

Грозный никогда не стоял под Серпуховом.

Пут., с. 100.

Переносимость.

Защита Пскова от Стефана Батория приписывается Карамышеву, герою казачьих песен XVI—XVII вв.

Пут., 328.

Традиция.

Продолжает господствовать принцип поэтизации и идеализации.

Пугачев — почему о нем песен мало. Этот принцип уходит в прошлое.

Мнение Горького, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», неверно³⁰.

Разное

Чернышевский — трудовой идеал красоты. На самом деле — сексуальный идеал красоты.

Черныш〈евский〉, 55.

Совершенно неправильно рассуждение Чернышевского о том, что в сознании крестьянина прекрасно то, что соответствует здоровью и пр.

Лирика.

То отличие в жанрах, которое мы отметили, есть отличие не только типологическое, но и историческое. Сказка и эпос — жанры наиболее древние. Когда они перестали соответствовать позднейшим формам мышления, они застыли. Лирические жанры продолжали свое развитие.

Вымысел как таковой не может вызвать лирического к себе отношения.

В фольклоре нет индивидуальной любви.

Эпос вытесняется лирикой. Почему? Эмоция и психология вытесняют драматическую динамику.

Перенос.

И Азов, и Орешек, и Рига берутся совершенно так же, как Казань XVI века — с помощью подкопа, закапывая бочки с порохом, хотя на самом деле все было по-другому.

Исторические песни есть песни об исторических событиях и отношениях, созданные участниками или свидетелями изображаемых событий.

Вымысел.

В отличие от других жанров, объединенных своей внешней природой, историческая песня этим признаком не обладает (скоморошина, былина, плач, лирическая песня, солдатская песня).

Фольклор и действительность (вообще)

О фантастике.

Русский крестьянин XIX в. будет иначе фантазировать, чем китаец XIV века с его сказками о котах или средневековые арабы с 1001 ночью. Действительность определяет фантастику, объясняет ее, но она не составляет ее содержание, не составляет ее эстетический принцип.

Трагические версии всегда древни. Сюжет не соотнесен с действительностью. Когда начинают соотносить, охватывает ужас, который заглушает эстетическое наслаждение.

Добрый молодец и королева.
Кровосмешение.

В ф<олькло>ре нет простой реальной действительности. Действительность или сдвинута (шут<очное>), или уничтожена (сатира), или поэтизирована (лирика, эпос).

Герой героизирован (в эпосе).

Враг только уничтожен.

Народность Т<олстого> в том, что весь Наполеон и вся французская армия *напугана*.

Почему небылицы (реальность веры прошлого) держатся в сказках и не держатся в литературе? Они доставляют эстетическое наслаждение. Здесь красота.

В литературе эстетика от окружающей (или прошлой реальной) жизни. Но до сих пор сказка — красота. «Сказочная красота».

Всякое искусство (даже фотография в руках хорошего фотографа) преломляет действительность.

Фольклор преломляет.

1) Гротеск — шутка, шванк о трупe матери.

Небылицы. Действительность наизнанку. Народная драма. Петрушка.

2) Уничтоженная действительность.

Включает сатиру (Угрюмище, священники, распутные женщины).

3) Идеализированная, возвышенная, опозтизированная действительность.

То, что не поддается ни поэтизации, ни уничтожению, творца из народа не интересует нисколько.

Напр., именины у Пушкина или праздничный бал у Толстого (Ростовы) с упоминанием гостей в фольклоре невозможны. Но именно это составляет основу профессионального повествовательного искусства.

В фольклоре нет чудес.

«Там чудеса» — с точки зрения современного восприятия. Для фольклора чудеса естественны и совершенно обычны.

Гусев, 41³¹.

Приписывает всему феодальному мышлению классовую борьбу.

Гусев, 25.

«Художественный метод мы рассматриваем как один из методов познания человеком действительности».

Т. е. искусство и наука по своим целям совпадают.

Искусство всегда есть отражение действительности, но не всегда есть передача или изображение действительности.

Статья. Отброш~~енный~~ конец

<...> В фольклоре развитие шло наоборот и было дифференцировано по жанрам. В песнях вымышленные герои эпоса сменяются историческими лицами, содержанием солдатских песен становится война и быт. Иное мы видим в сказке: сказочный костяк остается неизменным. Повествование остается таким же неправдоподобным, каким оно было и раньше. Но теперь сказка приобретает социально-бытовую окраску. Одурачивание остается одним из основных приемов повествования. Но когда в жизни появляется помещик-дворянин, одуроченным становится именно помещик. Комическая фигура одуроченного попа приобретает не только комические, но и социально-сатирические черты. Сказки, в которых пародируется богослужение, имеют уже не только антипоповскую, но и антирелигиозную направленность. Таким образом, развитие прозаических и поэтических (стихотворных) жанров шло различно. Песня была ближе к действительности, чем сказка, потому что она выражала различные стороны лирического отношения к жизни. К чистому вымыслу, каким является сказка, лирическое отношение невозможно.

Правда, Пушкин сказал: «Над вымыслом слезами обольюсь». Но слезы над вымыслом возможны только тогда, если этот вы-

мысел как-то очень близок к жизни, к человеческим судьбам и человеческим чувствам. Небылица не может вызвать слез. Поэтому действительность вторгается в поэзию тогда, когда появляется лирическое отношение к ней.

При первобытно-общинном строе нет индивидуальной любви, как это показал еще Энгельс. Появление и развитие лирики связано с появлением индивидуальной любви. В сказке собственно человеческой любви нет. Есть иногда несколько трафаретная красавица-царевна, есть брак как счастливый исход сказочных событий, но это еще не значит, что есть любовь.

Все это связано с отсутствием в сказке реальной действительности. Наоборот, в лирической песне она уже есть. Но то, что служит стимулом к изображению действительности, одновременно служит и препятствием для такого изображения. При лирическом отношении она поэтизируется: поэтизируется природа, появляются лазоревые цветочки, шелковые травы и т. д. Появление пейзажа есть новое в развитии поэзии.

Историческая песня стоит как бы в конце развития фольклора. Развитие это шло не так, как шло развитие древнерусской литературы.

Мотивировки.

Плачи.

Совершенно иное отношение к действительности, чем в сказке и эпосе, а следовательно, и иные способы изображения, мы имеем в лирических жанрах. Над эпосом тяготеет традиция, корнями своими восходящая к мифологическим представлениям. Продуктивный период развития эпоса закончился не позже XVI—XVII веков. Сюжетный репертуар сказки застыл, возможно, еще раньше. Текущая действительность как основа реалистического искусства вторгается в фольклор позднее, чем фантастическое преломление и преобразование ее в сказке. Архаическая сказка при появлении новых требований к изображению действительности застывает, новых сюжетов не создается; или же развивается и эволюционирует до того момента, когда она будет вытеснена другими видами лирического искусства или вообще становится ненужной. Поэтому застывшая сказка живет веками, слегка видоизменяясь, или отмирает и сменяется другими жанрами.

Как уже говорилось, искусство видеть, понимать и художественно передавать действительность есть искусство относительно позднее. Оно постепенно совершенствовалось и продолжает совершенствоваться по сегодняшний день во всех видах словесного искусства.

Историческая песня

Все сказанное готовится к пониманию одного из самых сложных жанров — исторической песни.

Историческая песня есть, с одной стороны, продукт развития лирической песни, с другой — она относится к области эпической поэзии. Соотношение этих двух элементов может быть различно для разных эпох, сюжетов, социальных слоев, от которых она идет.

Историческая песня представляет собой продукт развития лирической песни. Предметом ее служит уже не столько личная жизнь, сколько события родной страны, и этим определяется иная поэтика ее по сравнению с лирической песней.

Ранние исторические песни носят лирический характер: так — песни о татарском полоне или, например, более поздний плач Ксении Годуновой.

Лирический характер носят казачьи исторические песни. От лирической песни историческая наследует широту и размах, стремление к передаче жизненно близких ситуаций. Но историческая песня вместе с тем эпична, т. е. имеет повествовательный характер. Содержание ее — событие историческое, впоследствии почти исключительно военно-исторической действительности.

В исторических песнях действуют исторические лица и говорится об исторических событиях, о которых говорилось выше. Историческая песня, как правило, создается не в крестьянской социальной среде, и потому она освобождается от тех оков, какие тормозили развитие эпоса, хотя это освобождение не доведено до конца.

Поэтому изучение исторической песни может вестись двояким путем: в ней можно проследить как древние традиционные приемы, дающие условное изображение действительности, так и новые, приводящие к более и более близкому реальной жизни изображению.

То новое, что вносит в развитие фольклора историческая песня, определяется социальной средой, в которой она возникает.

В ней действуют исторические лица и говорится об исторических событиях. Поэтический вымысел в ней есть, и иногда он может даже преобладать над передачей действительности, но специфика жанра состоит именно в стремлении передать действительность.

Одна из древнейших, дошедших до нас исторических песен — песня о Щелкане относится к событиям 1327 года. В этом году в Твери произошло восстание против татар и посол орды Шевкан,

сын Дедени, был сожжен в своем доме. На это событие была сложена веселая песня, которая представляет собой довольно типичную скоморошину. Создатели этой песни, судя по ритмике, напеву и стилю, могли быть только скоморохи. В этой песне мы имеем совершенно новое, небывалое до тех пор ни в литературе, ни в народной поэзии изображение действительности. Крестьяне, главные создатели и носители фольклора, связанные с землей и земледельческим трудом, скованные в своем мышлении и в формах своего творчества вековой традицией, не могли быть создателями такой песни. Скоморохи же — с чувством озорства способным нарушить всякую традицию, услышав рассказ о происшедшем событии, переложили его на песню. Именно так и в Западной Европе зингеры сложили веселые и озорные песни о происшествиях города.

Мы не имеем исторических песен вплоть до XVI века, до времени Грозного. Часть песен о Грозном создана в среде пушкарей (песня о взятии Казани), часть в среде городского мелкого люда (песня о гневе Грозного на сына), часть же опять в скоморошной среде (Кострюк). Эти песни восприняты и сохранены в крестьянской среде, которые не отличают их от «старин», т. е. былин. Другими создателями исторических песен были казаки. В их среде возникли песни о Ермаке, позднее о Разине и Пугачеве. И, наконец, начиная с XVII века, со времен Петра и солдатчины и рекрутчины главными создателями и хранителями исторических песен были солдаты. Все решительно войны XVIII—XX веков нашли свое отражение в солдатских исторических песнях. Солдатская жизнь отражена в бытовых солдатских песнях.

Все это определяет то новое отношение к действительности, которое мы имеем в исторической песне.

В лирической песне действия нет или его очень мало. Есть ситуация. Зато вместе с психологией, эмоцией и лирикой появляются зачатки пейзажа: упоминается о лесах, полях, холмах, травах, деревьях, цветах, то есть отдельные предметы пейзажа, хотя пейзажа как такового еще нет. То же о портрете.

Всякое действие основано на конфликте и борьбе (герой и Кощей, солдат и Наполеон). Так в эпической поэзии. В лирической это коллизии моего «я» с окружающим миром, полным препятствий: милый уехал, изменил, грозит виселица («Не шуми...»), кругом тюремные стены или солдатская неволя. Основная тема лирики — это тема неволи.

Продолжение: образность.

То, что служит стимулом развития, становится тормозом.

Солдатская песня, арестантская песня.

Проблема реализма в фольклоре.

Герой совершает необыча^ьные поступки, либо необычайные по своему героизму, либо по ловкости (сказки о ловких надувальщиках), либо по безнравственности (о жадных попах).

Лирическая поэзия чрезвычайно богата жанрами.

Время. Пространство. Счет

Время.

Нет предшествующего времени и последующего.

Поэтика фольклора есть поэтика движущихся тел.

Времени и пространства в фольклоре собственно нет. Нет перерыва действий, остановки. Нет двух театров одновременно, есть только переход от одного театра действий к другому.

Пространство познается в действии (передвижении), время — в абстракции (счет). Поэтому в фольклоре есть пространство и нет времени. Не стареют (Алеша и Добрыня в отъезде).

Три есть много. Счет был до трех. Когда счет дошел до пяти (пальцы), появилась и кратность (две руки, две ноги), за этим раздвигаются границы счета.

Три — рубеж. Три — много и сильно. Все повторяется три раза есть выражение интенсивности действия, а не количества.

Поэтому третья задача — самая трудная, третья царевна — самая красивая и т. д.

Обдумать отношение фольклора к древнерусскому изобразительному искусству.

Оно религиозно и потому психологично, душевно, спиритуалистично.

Фольклор совершенно физичен и поэтому противоположен спиритуализму.

Встречаются внешние очертания палехского искусства в лирике.

Поэтому исполнение ф-ра вообще грех.

Фольклор всегда драматичен. Напр., «Молодец и королева». Все совершается на глазах очень быстро. Нет перерыва во времени.

Пространство в ф-ре существует не само по себе, а только относительно движения героя.

Эмпирическое пространство.

Движение возможно и без него. Преодолевается мгновенно.

Статического пространства нет, т.к. оно нарушается. Город обложен татарами, но Илья выезжает искать Самсона как ни в чем не бывало. Татар вдруг нет.

Историческая песня

Материалы

Диалог как почти единственная форма повествования в исторических песнях.

Отсутствие мотивировок.

Почему Петр гневается на атаманов, не указано и путем сличения вариантов не устанавливается.

Замена.

Иван IV и Петр I, Разин и Пугачев.

В историч<еской> песне нарушены законы композиции эпоса.

Положительное новое.

Нов<ый> реализм.

Установка на вымысел заменяется установкой на передачу реальности, хотя вымысел вовсе не оставлен.

Психологизм.

Образ Грозного сложно психологичен.

Позднее теряется.

Платов, Кутузов — манекены.

Психологизм.

Возможны психологические конфликты и романы.

Анастасия и Иван Гр<озный> в песне о гневе.

Пародия.

Исторические песни о Кострюке есть пародии на эпос.

Нет эпических ретардаций.

Новое: классов<ая> борьба. Классовая борьба, которой нет (или почти нет) в лирических песнях, есть в песнях о Ермаке, Пугачеве. Но и здесь — граница.

Нов<ое>. Индивидуальность.

Сильнее развито индивидуальное начало.

Отбор.

Почему об одних событиях сложена песня, о других нет? Почему нет песен о Бородинском сражении, а есть фантастические песни о Платове у Наполеона. Потому что мысль не закончена.

Нов<ое>. Время.

Эмпирическое время заменяется календарным реальным временем: в ... году.

Новое.

Индив<идуальные> характеры Грозного, Ермака, Петра, Пугачева, Платова, Кутузова — неповторимы и до некоторой степени индивидуализированы.

Новое. Судьба героя.

Князь Пожарский, герой песни о Конотопе, убит.

Конец — торжественное погребение.

Нов<ое>. Форма войны.

Форма ведения войны.

Стоят полки.

Вымысел.

Вымысел не противоречит действительности, а дополняет ее, уточняет.

Ср. сказка: то, чего фактически не могло быть.

Ист<орические> песни: то, что фактически могло быть.

Грозный и пушкари.

Свадьба и <нрзб> Дмитрия.

Традиц<ионное>. Полож<ительный> герой.

Остается стремление к положительному герою. О Гришке Отрепьеве и Борисе Годунове песен мало.

Новое. Действ<ительные> войны.

В истор<ической> песне совершенно меняется способ ведения войны, (ср. эпос).

Значение плачей.

Раб<очая> песня.

Пут., 48.

О рабочей песне и ее связях с фольклором.

¹ Баранов С. Ф. Русское народное поэтическое творчество. М.: Учпедгиз, 1962.

² Подробную систематическую аннотированную библиографию изучения сказки во всем мире дают Ежегодники Института германского народоведения Германской Академии Наук в Берлине: «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde (тома I—V, 1955—1960). Для языков германской и романской группы эти обзоры писал Lutz Röhrich (том I—III, 1955—1957), для Венгрии Агнеса Ковач (том IV, 1958), для Ирландии Линда Дер (том V, 1959), для СССР — Э. В. Померанцева (том VI, 1960).

³ См., например: Нагишкин Д. Сказка и жизнь: Письма о сказке. М., 1957; Пушкирев Л. Н. Труд как основа социальных идеалов в традиционной волшебной сказке// Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, том XX. Русское народно-поэтическое творчество. М., 1953. С. 137—150.

⁴ Цитата не завершена. Приводим ее полностью: «Во всякой сказке есть элемент действительности: если бы детям преподнесли сказку, где петух и кот не разговаривают, дети не стали бы ей интересоваться» (Ленин В. И. Доклад о войне и мире// Соч., Т. 27. М., 1950. С. 79.

⁵ Здесь и в дальнейшем В. Я. Пропп ссылается на работу: Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности// Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1949. С. 38.

⁶ Здесь и в дальнейшем В. Я. Пропп дает ссылки на книгу: Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 68.

⁸ Издание текста и исследование см.: Соколов Ю. М. Повесть о Карпе Сутулове. М., 1914. См. также: Русская повесть XVII века/ Сост. М. О. Скрипиль. М., Гослитиздат, 1954.

⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. Изд. 4. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 36.

¹⁰ Былины Пудожского края/ Подг. текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. С. 31.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Рыбаков Б. А. Исторический взгляд на русские былины/ История СССР. 1961. № 5. С. 141—161.

¹⁴ Историзм русских былин. М., 1962. С. 105—106.

¹⁵ Былины Пудожского края. С. 28.

¹⁶ См.: Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. Т. I. М., 1904; Т. III. М., 1910; Т. II. Прага, 1939.

¹⁷ См.: Bolte S, Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. III. Leipzig, 1915.

¹⁸ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители // Капица О. И. О русской народной сказке. М.; Л., 1930. С. 7.

¹⁹ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т./ Под ред. М. К. Азодовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Л.; М., 1936—1940; Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т./ Подготовка текстов и примеч. В. Я. Проппа. М., 1937. № 257 (141-а; вып. VIII, 22-а). Здесь и в дальнейшем мы пользуемся нумерацией, принятой В. Я. Проппом при издании им сказок Афанасьева.

²⁰Здесь и в дальнейшем В. Я. Пропп ссылается на тексты из сб.: Народные баллады/ Вступ. статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова. Общ. ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1963. Цифра означает страницу.

²¹Имеется в виду объяснение названия города Казани в песне. См.: Путилов Б. Н. Песня об Авдотье Рязаночке. (К истории Рязанского песенного цикла). ТОДРА. XIV. М.; Л., 1958.

²²Путилов Б. Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злосчастии». ТОДРА. XII. М.; Л., 1956.

²³Здесь и в дальнейшем В. Я. Пропп ссылается на сб.: Народные исторические песни/ Вступ. статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. М.; Л., 1962 (Б-ка поэта. БС). Цифра обозначает страницу сборника и номер текста. Большая серия «Библиотеки поэта» обозначается в дальнейшем: БП.

²⁴Сборник донских народных песен/ Составил А. Савельев. СПб., 1866.

²⁵Песни оренбургских казаков/ Собрал А. И. Мякутин. Т. I. Оренбург, 1904.

²⁶В. Я. Пропп привел цитату, видимо, по памяти. Полностью высказывание Н. Г. Чернышевского выглядит следующим образом: «Сила искусства, в особенности поэзии, есть объективно сила воспоминаний.» (Эстетика. М., 1958. С. 150).

²⁷Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 108.

²⁸Балашов Д. М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск. 1966.

²⁹Точная цитата: «Семейно-бытовые сюжеты для исторических песен не характерны: личная, интимная жизнь исторических деятелей в них, как правило, не раскрывается» (Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960).

³⁰Горький А. М. Советская литература. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, С. 703.

³¹Здесь и далее В. Я. Пропп ссылается на работу В. Е. Гусева: „О художественном методе народной поэзии“ // Русский фольклор: Материалы и исследования. V. М.; Л., 1960. Цифра обозначает номер страницы.

М. В. Рогюкова

О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова

«Если литература для многих храм священный, то одним из самых фанатических ее жрецов является С. А. Венгеров, маститый историк литературы, критик, профессор, собиратель и владелец единственного в своем роде книжного, рукописного и портретного хранилища <...>» — так писал о Семене Афанасьевиче Венгерове журнал «Солнце России» в связи с открытием Литературно-библиографического института¹. Выдающийся библиограф, подвижник, влюбленный в литературу, он сыграл заметную роль в литературном процессе конца XIX—начала XX веков и был известен прежде всего как автор и составитель чрезвычайно популярного «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», не утратившего своей ценности и в наши дни².

¹ Кауфман А. Е. С. А. Венгеров и его архив // Солнце России. 1916. № 351(45), ноябрь. С. 3.

² См. о нем: Мерцалов И. П. Друзья русской книги. С. А. Венгеров. Опыт характеристики // Известия товарищества Вольф. 1897. № 3. С. 58—64; Бонгарский Б. С. С. А. Венгеров: (Некролог) // Библиографические известия. 1920. № 3—4. С. 57—58; Венгеров С. А. Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пг., 1920; Кауфман А. Е. Влюбленный в литературу. Памяти С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 9(21). С. 6—8. Могзалевский Б. Л. С. А. Венгеров // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 614—617; Слонимский М. С. Черты из жизни С. А. Венгерова // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 4; Фомин А. Г. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова / Под ред. Н. В. Яковлева. М.—Пг., 1923. С. X—XXXIII; Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты. Л., 1925; Еголин А. М. Венгеров // История русской критики. М.; Л., 1958. Т. II. С. 370—376; Каленцева А. Г. Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова (1855—1920). М., 1964; и др.

Человек общительный и живой, С. А. Венгеров постоянно находился в центре литературной и общественной жизни России, мгновенно откликался на любое значительное событие, пользовался большой популярностью среди русской интеллигенции, был желанным гостем в литературных салонах Петербурга. Он состоял членом многочисленных обществ, принимал активное участие в деятельности Литературного фонда: в разное время избирался его секретарем, председателем и членом ревизионной комиссии. К нему постоянно обращались за советом и помощью. Нередко он вносил свои средства в различные благотворительные мероприятия.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится огромный архив С. А. Венгерова, отражающий всю его многогранную деятельность. По своему составу и содержанию архив очень разнообразен: труды С. А. Венгерова и подготовительные материалы к ним, его переписка, личные документы, материалы редакторской, педагогической, общественной деятельности, документы его родных, собрание рукописей писателей и ученых, протоколы и доклады студенческих семинаров и др. Особое место в архиве занимает обширная коллекция автобиографий писателей, ученых, общественных и политических деятелей. Среди них автобиографии И. С. Тургенева, Д. В. Григоровича, В. М. Гаршина, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Я. П. Полонского, Г. А. Лопатина, В. Д. Бонч-Бруевича и др. Эта коллекция, задуманная как подготовительный материал для Критико-биографического словаря, впоследствии приобрела самостоятельное значение как неисчерпаемый источник для изучения историко-литературного наследия. Плодом многолетнего труда С. А. Венгерова над составлением библиографических изданий явилась уникальная био-библиографическая картотека, содержащая сведения о 80000 писателей и ученых.

Архив С. А. Венгерова поступил в Рукописный отдел Пушкинского Дома в конце 1932—начале 1933 годов³. Сведения о нем содержатся в фондах С. А. Венгерова и его ученика, известного библиографа Александра Григорьевича Фомина.

Еще в пору студенчества С. А. Венгерова, в 70-е годы, было положено начало формирования его архива, когда он приступил к собиранию сведений о писателях и ученых, задумав грандиозный труд — многотомный Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. С этого же времени он стал проявлять глубокий научный интерес к библиографии. В последующие годы архив интенсивно пополнялся.

³ См. Книгу поступлений материалов за 1932—1933 гг. ИРЛИ. Дело фонда № 377.

В середине 80-х годов, в период подготовки к печати первого тома Критико-биографического словаря, «<...> работа приняла более широкие размеры, были приглашены сотрудники, и библиографический материал стал собираться одновременно о всех писателях <...>»⁴. А. Г. Фомин пишет, что к этой работе привлекли в 1888—1891 годы молодых библиографов и филологов, группировавшихся около В. И. Саитова⁵. Так было положено начало знаменитой био-библиографической картотеки С. А. Венгерова, насчитывающей уже к середине 1914 года около 2 млн. карточек. Одновременно С. А. Венгеров стал собирать автобиографии писателей, ученых, политических и общественных деятелей, обращаясь к ним через периодическую печать или рассылая им письма. К 1915 году он собрал около 3500 автобиографий⁶; был составлен список приславших автобиографии. С созданием в 1916 году Литературно-библиографического института расширилась библиографическая работа. Главной задачей нового учреждения являлась регистрация печатной продукции на русском языке после 1912 года⁷. Инициатором создания Института и его первым директором был С. А. Венгеров⁸. Его поддержали Ф. Д. Батюшков, Ф. Ф. Зелинский, Н. И. Кареев, Н. А. Котляревский, В. Н. Перетц, А. А. Шахматов и др. С этого момента судьба литературно-библиографического архива неразрывно связана с Институтом и его последующими преемниками. Здесь впервые был поставлен вопрос о сохранности архива. Так, в Уставе Института было записано, что он обязался «<...> взять на себя охрану архива проф. С. А. Венгерова, всегда обеспечивая ему помещение, и по мере возможности содействовать разработке собранных в архиве материалов <...>»⁹. На учредительном собрании Института С. А. Венгеров заявил, что «предоставляет свой архив в пользование Института, но сохраняет за собой право собственности на него»¹⁰

⁴ Протокол учредительного собрания Литературно-библиографического института от 21 октября 1916 г. (ИРЛИ, Ф. 377).

⁵ Фомин А. Г. С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты (ныне Институт книговедения). Л., 1925. С. 3—4.

⁶ В настоящее время коллекция насчитывает свыше 4000 автобиографий.

⁷ См.: Устав Литературно-библиографического Института. Пг., 1916. С. 3.

⁸ См.: Протокол заседания Совета Литературно-библиографического Института от 20 ноября 1917 г. (ИРЛИ, Ф. 377).

⁹ Устав Литературно-библиографического Института. С. 3.

¹⁰ Протокол учредительного собрания Литературно-библиографического Института от 21 октября 1916 г. (ИРЛИ, Ф. 377).

Постоянная нехватка денежных средств тормозила работу Института, созданного на общественных началах. С учреждением в 1917 году Книжной палаты, регистрация печати была поставлена на государственную основу. Первым директором Книжной палаты стал С. А. Венгеров, остававшийся на этом посту до конца своих дней.

В мае 1917 года из-за отсутствия средств Литературно-библиографический институт, сыгравший важную роль в развитии русской библиографической науки, прекратил свое существование. Сохранился список членов Института. Среди них такие выдающиеся ученые и литераторы, как В. Я. Брюсов, Б. Л. Модзалевский, Н. А. Котляревский, С. Ф. Ольденбург, Н. К. Пиксанов, А. А. Шахматов, И. А. Шляпкин, Павел Флоренский и др.¹¹. Были и коллективные члены, такие как Книгоиздательство Маркса, М. и С. Сабашниковых, «Мир», «Общество деятелей периодической печати и литературы в Москве», «Русские Ведомости»¹².

В 1918 году в качестве преемника Литературно-библиографического института было учреждено Бюро для учета деятелей науки, литературы и общественности в России при Отделе ученых учреждений и высших учебных заведений Наркомпроса, позже присоединенное к Книжной палате¹³. По замыслу С. А. Венгерова, Бюро должно было регистрировать печатную продукцию с 1913 по 1916 гг., так как ее регистрация прекратилась после закрытия Литературно-библиографического института.

В Москве, в июне 1920 года, Постановлением СНК была создана Центральная книжная палата, которой поручалось собирать и регистрировать новые печатные издания, а также распределять их по государственным учреждениям. Российская же книжная палата в Петрограде теперь вела только научно-библиографическую работу. Она была переименована в Российский институт книговедения¹⁴.

Вопрос о приобретении государством архива С. А. Венгерова ставился неоднократно. Так, еще в 1917 году Подкомиссия по регистрации произведений печати и «Книжной летописи»¹⁵ под

¹¹ См.: Список членов Литературно-библиографического института на 1 янв. 1918 г. (ИРЛИ. Ф. 377).

¹² Там же.

¹³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 2.

¹⁴ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 209—210.

¹⁵ Подкомиссия была создана при Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати под председательством комиссара печати Д. П. Капниста. Она разрабатывала проект учреждения Книжной палаты. Подробнее см.: *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты. С. 10—11.

председательством П. Е. Щеголева поставила вопрос о приобретении Палатой библиографической части архива С. А. Венгерова¹⁶. Этот же вопрос возник снова после присоединения к Книжной палате вышеназванного Бюро. В июне 1919 года Президиум Палаты постановил: «<...> признать необходимым в связи с включением в состав Книжной палаты <...> Бюро присоединение к Палате библиографического архива С. А. Венгерова». Была образована Особая комиссия для ознакомления с архивом¹⁷.

Первое заседание Комиссии состоялось 26 января 1920 года под председательством академика С. Ф. Ольденбурга. На заседании с докладом о своем архиве выступил С. А. Венгер¹⁸. Комиссия постановила: просить С. А. Венгерова подготовить записку о принципе составления картотеки, ее объемах и методах оформления карточек; образовать подкомиссию для оценки архива в целом. В состав подкомиссии вошли Я. П. Гребенщиков, М. Д. Орехов, А. С. Поляков, А. Г. Фомин. В сентябре того же года состоялось второе заседание Комиссии. На нем отмечалось, что «картотека профессора С. А. Венгерова представляет <...> ценный научный и справочный материал и должна быть приобретена государством, а не кем иным <...>»¹⁹. Выступивший на заседании А. Г. Фомин подчеркнул, что при оценке собрания С. А. Венгерова необходимо учитывать не только картотеки, которые составляют лишь часть архива, но и другие его части: коллекцию автобиографий русских писателей, собрание их рукописей и портретов, Пушкинское собрание, библиотеку и пр. Комиссия приняла решение о приобретении архива государством и передаче его Российской книжной палате. Решено было составить подробную опись архива и сохранить его навсегда как нераздельное целое²⁰.

Осенью 1920 года произошло ухудшение здоровья С. А. Венгерова, появилось опасение, что дни его сочтены. Беспокоясь за дальнейшую судьбу архива, Президиум Палаты на экстренном заседании 13 сентября решил просить С. А. Венгерова «закрепить свою волю в передаточной записи <...>»²¹. Немедленно пять членов Президиума отправились к нему на квартиру, где в присут-

¹⁶ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 71.

¹⁷ См.: там же. Л. 2.

¹⁸ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ См.: там же. Л. 7.

²¹ ИРЛИ. Дело фонда № 377.

ствии членов семьи была составлена «передаточная запись» (договор), подписанная С. А. Венгеровым. По этой записи все его собрание передавалось в полном объеме Книжной палате на условиях, оговоренных в «передаточной записи»²².

14 сентября 1920 года С. А. Венгерова не стало. 15 сентября по распоряжению Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений архив и библиотека были «переданы под наблюдение и ответственность Российской книжной палаты <...>»²³. Направленное этим же Отделом в Президиум Института книговедения (бывш. Российской книжной палаты) письмо от 10 декабря 1920 года рекомендовало передать архив С. А. Венгерова «в полном составе для хранения, пополнения и обработки Отделу собирания био-библиографических и иконографических материалов о деятелях науки и литературы (бывш. Бюро — М. Р.) как учреждению, специально организованному для работ в архиве С. А. Венгерова ...»²⁴. Заведующему отделом М. Г. Флееру предлагалось «немедленно принять архив и приступить к возобновлению прерванных в нем работ <...>»²⁵.

Осенью 1921 года перевозка архива в Институт книговедения была закончена. Его разместили в особом помещении, примыкающем к Институту. После приведения архива в порядок 15 сентября 1922 года состоялось его открытие, где со вступительным словом выступил новый директор Института, академик Н. К. Никольский. О составе и характере материалов С. А. Венгерова сделал сообщение ученый секретарь Института А. Г. Фомин. Архив был открыт для обозрения публики.

Наступил новый этап в его жизни. С этого момента началась ежедневная кропотливая работа по систематизации и описанию архива. Возглавляли эту работу: сначала — ученик С. А. Венгерова В. С. Спиридонов, а после его отъезда из Петрограда Совет Института избрал на эту должность А. Г. Фомина. Были установлены часы работы для посетителей архива: вторник, среда, пятница с

²² Условия были таковы: 1) архив принимался как «единое нераздельное целое» и не мог «быть разделен ни в настоящем, ни в будущем <...>»; 2) архив при жизни С. А. Венгерова оставался в полном его ведении; по мере описания архива и его оценки сумма за оцененные части архива передавалась либо ему, либо членам его семьи; 3) описание и оценка архива должна быть закончена в течение пяти лет с момента заключения договора (Подробнее см.: ИРЛИ. Дело фонда № 377).

²³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 20.

²⁴ Там же. Л. 21.

²⁵ Там же.

14 до 16 часов. Сохранилась Книга для записей посетителей архива С. А. Венгерова за 1923—1931 гг.²⁶. Здесь мы находим сведения о читателях и их занятиях. Архив посещали студенты, филологи, историки, среди них наиболее значительные имена — С. Д. Балухатый, П. Н. Берков, Л. Б. Модзалевский, С. И. Ожегов, А. Н. Пыпин, Б. В. Томашевский, К. И. Чуковский и др. Исследователи интересовались материалами В. Я. Брюсова, Л. Н. Андреева, И. Ф. Анненского, А. М. Ремизова, В. М. Гаршина, библиографией Л. Н. Толстого, А. Белого, протоколами Пушкинского семинария; делались снимки с Пушкинских автографов; проводились экскурсии, подбирались материалы для выставок.

Сохранились сведения о количестве читателей. Так, за 1924 год архив посетило 85 человек.

Выполняя волю покойного С. А. Венгерова, Совет Института в ноябре 1922 года образовал Особую комиссию для оценки картотеки, библиотеки и архива С. А. Венгерова. Сохранился протокол Комиссии от 12 декабря 1922 года²⁷. Комиссия оценила все собрание С. А. Венгерова » в 1422000 руб. дензнаками 1922 года или в переводе по курсу Госбанка в день производства оценки в 11850 золотых рублей <...>»²⁸, что составило весьма незначительную сумму. При проведении оценки Комиссия устанавливала самые минимальные цены. Так, книга в среднем оценивалась в 150 руб., автобиография писателя — в 500 руб., фотография с Пушкинских рукописей — в 600 руб., портрет писателя — в 150 руб. дензнаками 1922 года. Институт книговедения обратился в Главнауку с ходатайством о вознаграждении наследников С. А. Венгерова, исходя из установленной суммы оценки архива Комиссией. Одновременно с аналогичным ходатайством во ВЦИК обратился и сын С. А. Венгерова, Всеволод Семенович Венгеров. По Постановлению СНК от 29 августа 1923 года наследникам С. А. Венгерова была выплачена часть оценочной суммы — 5000 руб. золотом из резервного фонда СНК.

В 1924 году между дирекцией Института книговедения и группой учеников С. А. Венгерова возникают разногласия по вопросам хранения и использования материалов архива. 24 ученика С. А. Венгерова (среди них Н. В. Измайлов, А. С. Искоз-Долинин, Ю. Г. Оксман, Ю. Н. Тынянов, А. Г. Фомин, Б. М. Эйхенбаум и др.) обратились в Институт книговедения с заявлением о своем несогласии с действиями администрации²⁹. В нем подчеркивалось,

²⁶ См.: ИРЛИ. Дело фонда № 377.

²⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 26—27 об.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 51—53 об.

что С. А. Венгеров, передавая свой архив Книжной Палате, рассматривал ее как центр работы его учеников, которым он вверял судьбу своего архива. Отмечалось, что Институт, приступая к подготовке издания архива, не привлек к этому специалистов по истории новой русской литературы и отстранил от этого дела учеников С. А. Венгерова, знакомых с происхождением и историей материалов архива. Руководители Института без должного внимания относятся к архиву и распоряжаются им по своему усмотрению: Институт «предает некоторые части архива уничтожению <...>»³⁰. Для подготовки и издания материалов архива ученики С. А. Венгерова потребовали создать компетентную комиссию с их участием. К заявлению присоединилась и семья С. А. Венгерова. Его сын, Всеволод Семенович, направил в Институт письмо по поводу неудовлетворительного использования архива и поддержал предложение о создании комиссии³¹. В ответ на заявление Институт книговедения 24 мая 1924 года направил письмо в Ленинградское отделение Главнауки с опровержением всех обвинений в свой адрес³². В нем отмечалось, что научная разработка архива ведется по плану, составленному лично С. А. Венгеровым. Институт возражал против создания комиссии, так как это ставило бы государственное научное учреждение под контроль неответственного собрания общественных деятелей <...>, он не был намерен вступать в переговоры с «самочинной организацией»³³.

29 сентября 1924 года в вечернем выпуске «Красной газеты» появилась заметка: «Об архиве С. А. Венгерова (письмо в редакцию)». Без подписи³⁴. В ней говорилось, что «никакой научной разработки архива <...> не производится, благодаря отсутствию сотрудников, могущих продолжить дело С. А. Венгерова <...>; <...> архив оказался обреченным на существование общественно-бесполезное <...>»³⁵. Дирекция Института снова выступила с опровержением, отметив, что архив С. А. Венгерова находится в полном порядке, и она не желает вступать в полемику с

³⁰ В частности, имел место случай продажи газет на макулатуру (См.: ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 51).

³¹ См.: ИРЛИ. Дело фонда № 377.

³² См.: там же. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 57—59 об.

³³ Там же. Л. 59 об.

³⁴ Там же. Л. 60.

³⁵ Там же.

безответственными лицами³⁶. Однако в феврале 1925 года Ленинградским отделением Главнауки была образована Комиссия по вопросу о рациональном использовании собрания С. А. Венгерова в составе представителей Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ), Пушкинского Дома, Института сравнительной истории литературы при Ленинградском университете, Литературного отделения Института истории искусств, Института книговедения и учеников С. А. Венгерова.

Большинство членов комиссии высказались за то, что по составу и характеру материалов архив С. А. Венгерова должен принадлежать либо Институту книговедения, либо Пушкинскому Дому. О целесообразности передачи архива Пушкинскому Дому высказался Б. В. Томашевский, в то время заместитель заведующего Отделением по научной части ЛОГ, и инспектор Отделения Л. П. Якубинский. Этот же вопрос рассматривался и на совещании 12 февраля 1925 года при Научной части ЛОГ. Выступивший от имени Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский выразил полное согласие с решением о передаче архива Пушкинскому Дому. Развернувшаяся дискуссия по вопросу дробления архива выявила полярные точки зрения. Так, Н. А. Котляревский и представитель Института книговедения В. В. Сиповский высказались за возможность дробления архива в интересах использования, а А. Г. Фомин был категорически против.

В сентябре 1925 года ученики С. А. Венгерова: А. С. Искоз-Долинин, В. С. Спиридонов и А. Г. Фомин — направили письмо в АН СССР, обосновав необходимость передачи архива Пушкинскому Дому и подчеркнув, что такова была воля покойного С. А. Венгерова: «<...> в случае закрытия Палаты или изъятия из нее архива он должен перейти в Пушкинский Дом <...>»³⁷. Особо отмечалась неделимость архива — архив передавался в Академию Наук полностью.

Дело, однако, затянулось на несколько лет. В июле 1932 года Президиум АН направил в Сектор науки Наркомпроса РСФСР ходатайство о передаче архива в ИРЛИ, подчеркнув, что он органически сливается с архивом ИРЛИ по своему профилю и тематике³⁸. Эта же мысль была высказана А. Г. Фоминым в частных письмах Н. К. Пиксанову от 27 ноября и 1 декабря 1932 года³⁹.

³⁶ См.: там же. Л. 61.

³⁷ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 73..

³⁸ См.: там же. Дело фонда № 377. Письмо от 19 июля 1932 г.

³⁹ См.: там же. Дело фонда № 377.

В связи с созданием в Москве Литературного музея возник вопрос о передаче туда архива С. А. Венгерова. Опасаясь за его судьбу, семья С. А. Венгерова направила 27 ноября 1932 года письма заведующему Музеем В. Д. Бонч-Бруевичу и Народному комиссару просвещения А. С. Бубнову с возражением⁴⁰ против передачи архива в Москву. Вновь был поднят вопрос о поступлении архива в Пушкинский Дом.

Наконец Разрешение было получено. В письме от 10 декабря 1932 года Н. К. Пиксанов сообщает А. Г. Фомину о распоряжении А. С. Бубнова (от 9 ноября 1932 г.) немедленно передать архив С. А. Венгерова в Пушкинский Дом⁴¹.

В 1933 году Институт книговедения был ликвидирован. Началась поэтапная передача архива С. А. Венгерова в ИРЛИ. Сохранились акты приема-передачи материалов, датируемые мартом—маем 1933 года⁴².

Впоследствии из архива С. А. Венгерова был выделен ряд материалов, имеющих самостоятельное значение. Так, архив М. А. Протопопова в количестве 65 ед. хр. стал самостоятельным фондом, в Литературный музей ИРЛИ было передано иконографическое собрание — около 35000 гравюр, фотографий, фотокопий, литографий и пр.; фотографии с Пушкинских рукописей поступили в Пушкинский фонд ИРЛИ, дневник Н. А. Добролюбова за 1857 год — в фонд Н. А. Добролюбова, библиотека С. А. Венгерова была полностью передана в библиотеку ИРЛИ, материалы о деятельности Литфонда вошли в состав архива Литфонда.

В соответствии с завещанием С. А. Венгерова была подготовлена программа издания литературной части архива. Сохранился ее проект с припиской рукой Н. Мордовченко и его записка о составе материалов для публикации⁴³. В издание планировалось включить автобиографии, письма, рукописи. Предполагалось выпустить пять сборников. В Деле фонда № 377 имеется недатированное письмо В. С. Венгерова в издательство «Academia» с просьбой включить публикацию материалов архива в план издания на 1935 год и определить объем издания⁴⁴. К сожалению, этот замысел не осуществился. По-видимому, это связано с тем,

40 См.: там же.

41 См.: там же.

42 См.: там же.

43 См.: ИРЛИ. Дело фонда № 377.

44 См.: там же.

что В. С. Венгеров был репрессирован и по Постановлению особой тройки при УНКВД по Карагандинской области в 1938 году расстрелян.

В настоящее время в составе Отдела библиографии и источниковедения ИРЛИ создана группа по подготовке к публикации аннотированного указателя к автобиографическому собранию С. А. Венгерова. В дальнейшем предполагается публикация автобиографий русских писателей с развернутыми комментариями.

Ведется работа по научно-технической обработке архива и составлению научно-справочного аппарата к нему.

Архив продолжает пополняться. Так, за последнее время поступили материалы старшего сына С. А. Венгерова, Всеволода Семеновича, переданные в Рукописный отдел его дочерью Ниной Всеволодовной Венгеровой, за что мы приносим ей глубокую благодарность.

IV. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Г. А. Крылова

**Обзор архивных материалов XVIII—XX веков,
поступивших в Рукописный отдел
Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
в 1984—1986 годах**

Рукописный отдел сердечно благодарит за принесенные ему в дар архивные материалы О. А. Белоброву, Д. Ф. Белорукова, А. Л. Вассоевич, Г. И. Вздорнова, С. А. Воронина, Т. В. Жарких, Н. Я., А. Я. и Н. А. Жданович, А. Н. Иезуитова, В. Я. Иоанас, Г. И. Карпова, В. В. Конецкого, В. Н. Конныхину-Семину, Е. М. Косачевскую, А. Г. Лебедеву, М. П. Лепехина, Д. С. Лихачева, М. В. Минокина, В. В. Митрофанова, А. С. Морщихину, Е. Д. Петряева, Р. С. Прокофьеву, В. А. Прокофьева, И. И. Потоцкого, Л. Л. Толмакову, А. Л. Толмачева, А. С. Файнштейн, Г. К. Холопова, В. П. Шкурко, М. Д. Эльзона.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Гущик Владимир Ефимович (1892—1947) — писатель. Фонд 820.

Письма к В. Е. Гущику: А. И. Куприна 28 (1930-е годы), Игоря Севеянина (1929). Воспоминания В. Е. Гущика о А. И. Куприне (1940) Париж. Стихотворения В. Е. Гущика (6 тетрадей; 1920—1946 годы). Газетные вырезки произведений В. Е. Гущика (1929—1945).

Дехтерев Александр Петрович (1889—1959)—литератор; архиепископ Виленский и Литовский Алексей. Фонд 821.

Коллекция писем к А. П. Дехтереву (1909—1946); 45 корреспондентов, 153 письма. Письма: И. В. Амфитеатрова (1938), П. И. Биццли 6 (1923—1930), С. И. Гессена 9 (1927—1928), С. М. Городецкого 2 (1917), Г. Д. Гребенщикова 3 (1945—1946), А. И. Куприна (1913), А. П. Ладинского 1-5 (1930—1935), В. И. Немировича-Данченко 3 (1934—1935), Ф. К. Сологуба (1915), В. Ф. Ходасевича 5 (1927—1930), Е. Н. Чирикова 4 (1930—1931) и др.

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Алексеев Михаил Павлович (1896—1981) — литературовед, академик с 1959 года, заведующий Сектором взаимосвязей русской литературы с зарубежными, Председатель Пушкинской комиссии. Фонд 815.

Письма М. П. Алексеева 2 (1972, 1975) к Е. И. Косачевской.

Брыкин Николай Александрович (1895—1980) — писатель. Фонд 429. Материалы о Великой Отечественной войне: красноармейские многотиражные газеты (1942—1944); схема группировки войск противника на Днестре (1943); политдонесения Н. А. Брыкина (1942—1946), листовки, обращения (1941—1944); Акт о военной капитуляции (1945).

Воронин Сергей Алексеевич (р. 1913) — писатель. Фонд 795.

«Повести о И. П. Павлове»: варианты произведения (машинопись с многочисленными поправками, 1980). «Так начинался БАМ (Дневник младшего техника Амурской экспедиции 1937—1938 гг.)» (машинопись с правкой автора). «Выстрел на берегу» (машинопись с правкой).

Письма к С. А. Воронину читателей и организаций (1972—1984).

Гиппиус Василий Васильевич (1890—1942) — историк литературы, поэт, переводчик, критик. Фонд 47.

Конспекты его лекций по поэтике и истории литературы (1927—1929 годы), сделанные студенткой В. С. Верлаховской.

Евгеньев-Максимов (наст. фамилия — Максимов) Владислав Евгеньевич (1883—1955), историк русской литературы, некрасовед, профессор Ленинградского университета. Фонд 719.

Трудовая книжка (1930—1952 гг.). Фотографии семьи и сослуживцев по университету (1920—1952). Письма к нему (3) Н. М. Чернышевской (1945—1948).

Зоценко Михаил Михайлович (1895—1958) — писатель. Фонд 501.

Письма М. М. Зоценко к жене Вере Владимировне и сыну Валерию Михайловичу Зоценко (1945—1952). Записные книжки В. В. Зоценко (1940—1950) с упоминаниями о начале работы над своими произведениями. Письма читателей к М. М. Зоценко (1956—1958).

Каллистов Николай Дмитриевич (1883—1917) — историк русского флота, поэт. Фонд 822.

Воспоминания Н. В. Кузнецова о семье Каллисовых-Кузнецовых (1880—1910). Семейные документы и фотографии (1890—1915).

Конецкий Виктор Викторович (р. 1929) — писатель. Фонд 799.

Письма к В. В. Конецкому: Ю. П. Казакова 70 (1957—1968), В. Б. Шкловского (1984).

Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — государственный деятель, юрист, писатель; почетный академик по Разряду изящной словесности II. Почетный Член Академии наук. Фонд 134.

Письма Е. В. Пономаревой к А. Ф. Кони; биографические документы А. Ф. Кони (1890—1910).

Максимов Сергей Васильевич (1831—1901) — этнограф, почетный академик по разряду изящной словесности. Фонд 565.

Записи о рождении и смерти родственников С. В. Максимова в книге «Полнейший месяцеслов» (М. 1863).

Родословная опись С. В. Максимова, сделанная Д. Ф. Белоруковым.

Белоруков Д. Ф. Биографический очерк о С. В. Максимове «По народной тропе» (машинопись).

Маркович Николай Андреевич (1807—1860) — поэт, этнограф, историк. Фонд 488.

Письмо Н. А. Марковича к О. М. Бодянскому (1857); Статья Е. М. Кочавеской об этом письме (машинопись).

Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — библиограф, историк литературы, пушкинист, член-корреспондент Академии наук, старший ученый хранитель Рукописного отделения Пушкинского Дома. Фонд 184.

Жданович Н. Я. Воспоминания о Б. Л. Модзалевском и Г. И. Нарбуте (рукопись на карточках).

Павлович Надежда Александровна (1895—1980) — поэтесса. Фонд 578.

Письма Н. А. Павлович к М. С. Добромысловой 7 (1930—1935).

Пиксанов Николай Кирьякович (1878—1969) — историк литературы, член-корреспондент Академии наук, сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Фонд 496.

Письма А. Ф. Грибоедова 30 и Н. Ф. Грибоедовой 4 к Д. И. Руничу (1800-е годы); автограф И. А. Гончарова (1879) — дарительная надпись Андрию Языкову на книге «Фрегат Паллада». (Т. 1. Спб., 1879).

Письма к Н. К. Пиксанову: И. И. Брюсовой 4 (1926—1928), Н. С. Ашукина 4 (1928), Л. Я. Гинзбург 1 (1927), О. Н. Ползиковой 1 (1911).

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт. Фонд 241.

Стихотворение, посвященное Н. А. Грибоедовой (список 1890 года).

Семиз Душан Иванович (1884—1955) — журналист. Фонд 470.

Биографические документы дочери Д. И. Семиза, Марии Душановны. Письма к М. Д. Семиз 7 (1961—1967) В. А. Рождественского.

Семин Виталий Николаевич (1927—1978) — писатель. Фонд 811.

Переписка В. Н. Семина с издательствами «Новый мир», «Звезда», «Наш современник», «Простор», «Дон» и др. (1969—1975).

Переписка В. Н. Семина с родными (1960—1975).

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — писатель, общественный деятель. Фонд 755.

Письмо Н. С. Тихонова к Т. К. Афоной (1961).

Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — начальник главного управления по делам печати; мемуарист. Фонд 318.

Письмо А. А. Фета к Е. М. Феоктистову (20.XI. б. г.).

Холопов Георгий Константинович (1914—1990) — писатель, главный редактор журнала «Звезда» (Ленинград) (1957—1988). Фонд 759.

Черновые и белые автографы произведений, опубликованных в журнале «Звезда» и «Нева» (1975—1980).

Дневники (3 тетради; 1960—1965).

Воспоминания (1960—1965). Черновики.

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк литературы и революционного движения; редактор журнала «Былое»; управляющий Петроградским историко-революционным архивом.

Письма 3 (1917) П. Е. Щеголева к сыну. Открытка А. Чеботаревской В. Щеголевой (1920).

Энгельгардт Борис Михайлович (1887—1942) — литератор. Фонд 700. «Путешествие вокруг света И. Обломова», одна из редакций монографии. Черновая рукопись <1920—1930>.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Блок Александр Александрович. «Брожу в стенах монастыря...», беловой автограф с карандашной пометой <после 1904>.

Иванов Всеволод Иванович. Глава «Чужая земля» из повести «Бронепоезд 14—69», автограф (1922). Письма (2) Грошикова Федора Васильевича Минокину Михаилу Васильевичу о повести (1967).

Иоанс Владимир Яковлевич. «Немецкая школа», очерк (машинопись; 1985).

Каверин Вениамин Александрович. Письма А. Н. Иезуитову 2 (1984).

Митрофанов Виктор Васильевич. Письма к В. В. Митрофанову В. В. Бианки 11 (1946—1956), М. И. Погодина (1961), Воспоминания о Н. А. Звонкине. Тетрадь. Беловой автограф.

Северянин Игорь (псевд. Лотарева Игоря Васильевича).

Тетрадь стихотворений, беловые автографы с незначительной правкой 20 (1909—1933); некоторые из них посвящены В. В. Берниковой. Групповой портрет (фото) с В. В. Берниковой (1933).

Сосинский-Семихат Бронислав Брониславович. Дневники (1921—1942). Три тетради.

Твардовский Иван Трифонович. Письма к И. Т. Твардовскому А. Т. Твардовского 12 (1940—1965); Г. Н. Троепольского 1 (1978); В. Я. Лакшина 1 (1980). Материалы о подготовке к печати воспоминаний И. Т. Твардовского о брате в издательстве «Современник» (1981).

Шишков Вячеслав Яковлевич. «Народная война 1812 года», черновой автограф статьи (2 августа 1941).

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Анатолий Дмитриевич (1922—1990) — библиограф, сотрудник Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Рукописное справочно-источниковедческое собрание, являющееся завершающей частью картотеки, ранее поступившей в Рукописный отдел. Насчитывает около 70 тысяч карточек и представляет собой роспись литературно-художественного, литературоведческого, критико-библиографического, мемуарного, некрологического материала, опубликованного в петербургских и московских журналах (1900—1918). Материал того же характера, опубликованный в русских зарубежных изданиях (журналы и газеты) за 1918—1970 годы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- Аарне А. А. 310
Абрамович Д. И. 48, 53
Абрамович Р. 17
Абросимова В. Н. 98
Абызов Ю. И. 226, 233
Авакум, протопоп 176
Августин Блаженный 72
Авраамов А. 4, 7, 11, 21, 24, 25
Агуреев Ф. 349
Агурский М. С. 62
Адамович Г. В. 226, 227
Адамс (Адамс-Александровский В. Ф.) В. Т. 221, 225, 239, 241, 243, 258, 266, 268, 287
Адрианов С. А. 47, 53, 65
Азадовский К. М. 220
Азадовский М. К. 371
Алданов М. А. 236
Александр Македонский, царь 316
Александр I, император 140, 352
Александр II, император 140
Александр III, император 118, 236
Александрович 21
Алексеев, рядовой 114
Алексеев А. Д. 387
Алексеев Е. И. 104, 108, 126
Алексеев М. П. 385
Алексей Михайлович, царь 335
Альберини (урожд. Сухотина) Т. М. 128
Альтман Н. И. 25
Алянский С. М. 7, 9, 39
Амфитеатров И. В. 384
Анастасия Романовна, царица, жена Ивана VI 369
Андреев Л. Н. 32, 54, 60, 379
Андреев Н. П. 303, 314, 371
Андреев П. А. 60
Анненский И. Ф. 58, 379
Анреп Б. В. 84
Антокольский П. Г. 59
Арабаджиу Р. 258, 270
Аракчеев А. А. 352
Аренс В. Е. 59
Арефьев С. 254
Аристотель 72, 291, 357
Архангельский А. 287
Арцыбашев М. П. 249, 250, 279
Арцыбашева (урожд. Княжевич) Е. И. 249, 250, 276
Аршас Н. Г. 233
Аскольдов С. А. (наст. имя Алексеев С. А.) 41, 43, 47, 50, 53, 63, 71
Астахова А. М. 371, 372
Афанасьев А. Н. 311, 371
Афонина Т. К. 386
Ахматова А. А. 21, 78—88, 216, 237
Ашукин Н. С. 386
Бабенко В. Г. 271
Багриновский М. М. 287
Багров Д. Г. 158
Бакрылов В. В. 8, 19, 20, 24, 29, 32, 36, 38, 39
Балашов Д. М. 314—326, 340, 355, 356, 358, 372
Балугьянский М. А. 79
Балухатый С. Д. 95, 379
Бальзак О., де 230
Бальмонт К. Д. 55, 60, 277
Банделло М. 302
Баранов С. Ф. 294, 371
Баранова А. Д. 222, 223, 227, 229, 232, 240, 241, 244, 247, 255, 258, 259, 261, 265, 267, 268, 270, 275, 277, 279, 283, 284, 286, 287
Барышева И. А. 19
Баторий Стефан, польский король 338, 361
Батюшков Ф. Д. 375
Бахтин В. Г. 2
Бebelъ Г. 302
Безносос Э. Л. 261
Бекетова М. А. 55, 60, 61
Белинский В. Г. 59
Белич А. И. 264, 265
Белоброва О. А. 384
Белоруков Д. Ф. 384, 386
Белоусов С. П. 128
Белоцветов Н. Н. 17

1

Составили Л. Н. Иванова, Н. А. Прозорова.

Составители выражают благодарность В. Г. Белоусу за помощь в работе.

- Бельмонт (Блюменталь) Л. 249, 250
 Белый А. (наст. фам. Бугаев Б. Н.) 3, 4, 7—9, 11—17, 19—28, 30—33, 35—39, 43—46, 49—53, 55, 58—62, 64, 66—77, 379
 Бенуа А. Н. 44
 Бенуа П. 257, 259
 Бенцелевич А. А. 270
 Бенцелевич Л. Н. 270
 Бергман В. 241
 Бердяев Н. А. 16, 52
 Берзинь (Берзиньш) Р. Я. 249, 250
 Берков П. Н. 379
 Берникова (урожд. Скворцова) В. В. 252, 275, 387
 Берс А. А. 128
 Бетховен Л., ван 238
 Бехтерев В. М. 41, 44, 50, 63
 Беме Я. 72
 Бианки В. В. 387
 Бизе Ж. 258
 Бицилли П. И. 384
 Бланк Р. 17
 Блок А. А. 4, 5, 7—11, 13, 18, 21—25, 27—30, 32, 35, 36, 39, 40, 42, 44, 46, 47, 50, 51, 53, 55, 56, 58—60, 63, 64, 170, 215, 216, 248, 374, 387
 Бобрин А. А. 19
 Бобров С. П. 25
 Богатырев П. Г. 290
 Богданович А. 117
 Богоматов (Баматов) 349
 Бодлер Ш. 171, 205
 Бодянский О. М. 386
 Боккаччио (Боккачо) Д. 312
 Боже Э. 93
 Больте И. 309, 310
 Бондарский Б. С. 373
 Бонч-Бруевич В. Д. 374, 382
 Борис Годунов, царь 370
 Боричевский И. А. 18, 19, 40, 50, 51, 63
 Борман И. К. 222, 224, 241, 243, 244, 247, 252
 Борель 61
 Бородин И. П. 44
 Бозций 72
 Браудо Е. М. 32, 43, 50, 63
 Браун Н. Л. 61
 Браун Ф. А. 17
 Брешко-Брешковский Н. Н. 257, 259
 Бруни Л. 19, 21, 52, 53
 Брыкин Н. А. 385
 Брюсов В. Я. 3, 21, 25, 55, 60, 238, 240, 241, 259, 374, 376, 379
 Брюсова И. И. 386
 Брюсова И. М. 25
 Бубнов А. С. 382
 Будберг А. А. 154, 155
 Булыгин А. Г. 102, 142
 Бунин И. А. 236, 238, 240, 246, 247
 Бураковский А. З. 260, 261
 Бурлюк Д. Д. 220
 Бурлюк Н. Д. 220
 Бюклинг Л. 221
 Бялик Х. Н. 272, 273
 Вагинов К. К. (наст. фам. Вагенгейм) 59, 169—214
 Вагинова А. И. 171
 Вагнер Р. 25, 58, 237, 249, 257, 258
 Вайнбергер Я. 256, 258
 Вальтер Вл. В. 17
 Вальтер Р. Р. 17
 Ванька Каин см. Каин И. О.
 Варшавский В. С. 223
 Васильев А. В. 13, 18, 19, 32, 35, 36, 41, 44, 45, 47, 50, 52, 57, 62, 64, 71—73
 Васильчиков Б. А. 140, 141
 Вассоевич А. Л. 384
 Введенский А. И. 43
 Ведро А. 286, 287
 Вежинский К. 227
 Векслер А. Л. 13, 14, 18, 19, 42, 48, 52, 53, 56, 57, 71, 74
 Вейкат В. 287
 Веллер В. 297
 Венгеров В. С. 379, 380, 382, 383
 Венгеров С. А. 32, 35, 37, 96, 232, 373—383
 Венгерова З. А. 17
 Венгерова Н. В. 383
 Вергилий (Виргилий) 47
 Верди Дж. 258
 Верещагин В. В. 108
 Верлаховская В. С. 385
 Вертинский А. Н. 171, 236, 270, 271
 Веселовский А. Н. 291, 292
 Везбер А. 241, 244
 Вздорнов Г. И. 384
 Вивьен С. С. 19
 Видлевский В. 59
 Викрам 302
 Виссаль Е. 14, 57, 58
 Витте С. Ю. 99, 100, 104, 105, 126, 128, 139, 142, 143, 145
 Витязев П. (нас. фам. Седеко Ф. И.) 32, 45, 51, 62, 64
 Владиславлев И. В. 216
 Волконский Г. С. 352, 353
 Волошин М. А. 15, 61
 Вольтинский А. Л. 13, 22, 29, 32, 36, 47, 53, 65
 Воротынский И. М. 337
 Вольф М. О. 216, 218
 Воронин С. А. 384, 385
 Врубель М. А. 25, 55
 Гагарин М. П. 344
 Гагарин С. В. 147, 148, 163, 164
 Гагарины 344
 Гаген — Торн Н. И. 13, 14, 19
 Гай М. 256, 258
 Гайдебуров П. П. 13, 20, 36

- Гайлит А. 259
 Ганин А. 4
 Гарт С. (наст. фам. Зусман С. С.) 41, 50, 63
 Гаршин В. М. 374, 379
 Гапон Г. А. 100
 Гащак В. М. 290
 Гегель Г. В. Ф. 59, 75
 Гейне Г. 56
 Герасимов М. П. 21
 Герберштейн, гр. 273
 Гердер И. Г. 309
 Герострат 114
 Гердберг Н. 121
 Герцен А. И. 32, 35, 62
 Гершензон М. О. 21, 48, 49
 Гессен И. В. 17
 Гессен С. И. 384
 Гете И. В. 15, 27, 46, 51, 53
 Гиббон Э. 170
 Гизетти А. А. 13, 18, 19, 22, 32, 35, 37, 38, 40, 44, 49, 50, 54, 56—62
 Гинзбург И. З. 52
 Гинзбург И. С. 44
 Гинзбург Л. Я. 78, 386
 Гильфердинг А. Ф. 304—306, 308, 343, 371
 Гишпиус Вас. В. 385
 Гишпиус Вл. Вас. 13, 21, 25, 29, 32, 36, 40, 44, 47, 55, 63
 Гишпиус З. Н. 29, 224, 237, 238, 246, 247
 Гириный Л. И. 19, 52
 Гладков Ф. В. 238
 Глебов И. (наст. фам. Асафьев Б. В.) 21
 Глебов-Путиловский Н. Н. 32
 Глебова-Судейкина О. А. 80
 Гнедич П. П. 136
 Гоген П. 76
 Годунова Ксения, царица 337, 366
 Голицын В. В. 331
 Голицын М. В. 140, 142
 Голлербах Э. Ф. 18
 Головани, профессор 44
 Голосовкер Я. Э. 16
 Гольдман Э. 64
 Гомер 47, 295
 Гончаров И. А. 386
 Гордин Я. И. 54, 56—59
 Горнунг Л. В. 80
 Горнфельд А. Г. 22, 29, 58
 Городецкий С. М. 384
 Горький М. 29, 36, 64, 91, 105, 128—130, 132, 357, 361, 372
 Гофман Э.-Т.-А. 48, 256, 257
 Грауэн А. 281, 282
 Грауэн И. А. см. Хэфели И. А.
 Грачева А. М. 2
 Гребенщиков Г. Д. 384
 Гребенщиков Я. П. 377
 Гревс И. М. 47, 64
 Грибоедов А. Ф. 386
 Грибоедова Н. А. 386
 Грибоедова Н. Ф. 386
 Григ Э. 237
 Григорович Д. В. 374
 Григорьев А. Д. 308, 371
 Григорянц Г. 222, 247, 252, 281
 Гримм 309, 371
 Грошиков Ф. В. 387
 Груздев И. А. 13, 51, 59
 Грэм И. 80
 Губер П. К. 47, 64
 Гудович И. В. 347
 Гумилев Н. С. 60, 215—218, 237, 238, 242, 248
 Гуно Ш. 256, 258
 Гуревич Я. С. 32
 Гурлянд-Эльяшева Э. З. 13, 18, 19, 31, 36, 43, 50, 52
 Гуро Е. Г. 59
 Гурович М. М. 17
 Гусев В. Е. 364, 372
 Гуцан (в замуж. Меннеке) Е. Т. (Злата) 255, 282—285
 Гуцник В. Е. 384
 Гюго В. 312
 Давид, царь 324
 Давыдов Н. В. 140, 142
 Данзас Ю. Н. (псевд. Ю. Николаев) 39, 47, 49, 50, 52, 62
 Данилевский 14
 Данилевский Н. Я. 48
 Данте А. 17, 22, 23, 47, 53, 86
 Даныко Е. Я. 21, 59
 Дарвин Ч. 33
 Дейч Л. 37
 Демчинский Б. Н. 41, 49, 52, 63
 Денисов 22
 Денисов В. 54
 Денисов В. Т. 353
 Державин Г. Р. 291
 Дехтерев А. П. 384
 Диллон Э. 144
 Дитерихс И. К. 105, 147
 Дмитрий 370
 Добролюбов Н. А. 382
 Добромыслова М. С. 386
 Долгорукий В. В. 343
 Долгорукий Ю. В. 345
 Долгоруков И. А. 328
 Долгоруков П. Д. 140, 141
 Долгорукова, княжна 85
 Доливо-Добровольский А. И. 60
 Домбровская (Волнянская) М. В. 229, 230, 232
 Домонтович Г. И. 232
 Достоевский Ф. М. 5, 22, 23, 32, 46—49, 53, 60, 64, 65, 230
 Дубенский Д. Н. 146, 153
 Дудин М. А. 252
 Дуниковский И. 327
 Дымшиц А. Л. 95
 Дюваль Ж. 205

- Евгеньев-Максимов (наст. фам. Максимов) В. Е. 385
- Евдокимова Г. И. 220
- Евдокия, парица см. Лопухина Е. Ф.
- Евидкий А. Г. 272, 273, 276, 277
- Евреинов Н. Н. 44
- Еголин А. М. 373
- Екатерина II, императрица 345, 347, 348, 352
- Елисеев Г. Г. 257, 258
- Ермак Тимофеевич, казачий атаман 331, 336, 337, 341, 351, 367, 369, 370
- Ершов И. В. 40
- Есенин С. А. 3, 25, 238, 240
- Ефремов М. Т. 219, 221, 222
- Жарких Т. В. 384
- Жданович А. Я. 384
- Жданович Н. А. 384
- Жданович Н. Я. 384, 386
- Животовский С. В. 265
- Жирмунский В. М. 22, 44
- Жуков Д. А. 252
- Жуковский В. А. 55
- Зайцев Б. К. 246, 247, 264
- Зайцева Е. Д. 17
- Залле В. 17
- Замятин Е. И. 4, 21, 52, 60
- Западелов Б. 61
- Засыпкин 19
- Зверев В. М. 23
- Зворыкин Н. А. 387
- Здзеховский М. Э. 223, 224
- Зелинский Ф. Ф. 22, 41, 47, 50, 52, 63, 375
- Зенгер А. В. 145
- Зиновьев 66
- Злата см. Гудан (в замуж. Меннеке) Е. Т.
- Злачевский А. Г. 12
- Злобин В. А. 218
- Змеев Г. Я. 19, 42
- Зоргин см. Зорич С. Г.
- Зорина С. Р. 98
- Зорич С. Г. 349
- Зощенко В. В. 385
- Зощенко В. М. 385
- Зощенко М. М. 13, 385
- Зубарев Д. И. 224
- Иарл Б. 278
- Ибсен Г. 55
- Иван IV Грозный, царь 323, 331, 338, 339, 342, 356, 361, 367, 369, 370
- Иванов А. П. 25
- Иванов Вс. И. 387
- Иавнов Вяч. И. 21, 44, 49
- Иванов Е. П. 55, 57—61
- Иванов-Разумник (наст. фам. и имя Разумник Васильевич Иванов) 4, 5, 7, 9—11, 13, 15, 16, 18—22, 24—33, 35—48, 50—53, 55, 57—60, 62—65, 71, 73, 74, 77
- Иванова Е. В. 3, 4, 62
- Иванова Л. Н. 219, 220
- Иваск Ю. П. 243
- Игумнова Ю. И. 107
- Иезуитов А. Н. 384, 387
- Измайлов Н. В. 379
- Иловайский А. И. 347
- Ионас В. Я. 384, 387
- Иоф (Иов) В. С. 43, 63
- Исаков С. Г. 221, 226, 241
- Искоз-Долинин А. С. 379, 381
- Йокубатис А. 223
- Йорданов Х. 222, 251, 277
- Каверин В. А. 13, 387
- Каган 32
- Каган М. 58
- Кадысев, унтер-офицер 114
- Казаков Ю. П. 385
- Казин В. В. 21
- Каин И. О. (Ванька Каин) 329
- Кайгородов А. Д. 259, 261, 262
- Кайгородова М. К. 259, 261, 262
- Кайзерлинг Г. 57
- Калентьева А. Г. 373
- Каллистов Н. Д. 385
- Кампанелла Т. 66—70
- Канкарович А. И. 40, 53
- Кант Й. 47, 52
- Кашица О. И. 371
- Каплан 19
- Каплун С. Г. 14, 17
- Капнист Д. П. 376
- Карамзин Н. М. 232
- Карамышев С. К. 334, 335, 338, 361
- Каратыгин В. Т. 22, 54
- Каратыгина 44
- Кареев Н. И. 44, 62, 375
- Карлус (Карл IX, шведский король) 337
- Карпов Г. И. 384
- Карсавин А. П. 6, 22, 41, 43, 50, 71, 72
- Карузо А. Г. 220, 239, 241, 255, 257, 262, 264, 267—270, 272, 274, 277, 279, 280, 282, 286
- Карузо А. И. 220, 221, 283
- Карузо И. А. 220, 221, 231, 234, 238, 241, 257, 264, 266, 267, 269, 270, 272, 274, 279—281, 283—286
- Карузо (урожд. Ставрокова) С. И. 219—287
- Кассо Л. А. 159
- Касымов К. 327
- Катаев В. П. 238
- Катилина, римский претор 7, 10, 25, 28
- Кауфман А. Е. 373
- Кац Б. 87
- Кельнер В. Е. 226
- Кибальник С. А. 169

- Кибальчич В. Л. (псевд. Виктор Серж) 19, 37, 45, 51, 53, 64
- Кирхнер О. 284
- Киселева Л. Н. 283
- Кладо Н. Л. 114
- Клейнмихель, гр. (жена П. А. Клейнмихеля) 232
- Клеопатра, египетская царица 206
- Климова Д. М. 2
- Клокачев В. П. 12
- Клузов, запасной Преображенского полка 114
- Клушин В. Н. 62, 63
- Клюев Н. А. 3, 21, 25, 41, 53, 55, 63, 65
- Ключевский В. О. 140, 142
- Книпович Е. Ф. 60
- Кнорринг И. Н. 270, 271
- Кнут Д. (наст. фам. Фихман Д. М.) 270, 271
- Княжин Вал. (наст. фам. Ивойлов В. Н.) 55
- Князева Н. Г. 23, 244
- Ковалевский А. О. 79
- Ковач А. 371
- Козлов А. А. 63
- Койген Д. 17
- Комиссаржевская В. Ф. 130
- Конедцкий В. В. 384, 385
- Кони А. Ф. 385
- Коновыгина-Семина В. Н. 384
- Коренди (Коренева; урожд. Запольская) В. Б. 227, 280—282, 285, 286
- Коренева В. 280, 281, 285
- Короленко В. Г. 273
- Корсаков В. П. 12
- Корцов М. И. 12
- Косачевская Е. М. 384—386
- Косенко О. В. 96
- Котляревский Н. А. 265, 375, 376, 381
- Коялович Н. М. 14, 18, 19, 42, 51, 52
- Кравцова И. Г. 83
- Кралин М. М. 80, 81
- Краснопольская-Шенфельд Т. Г. 276, 278
- Краснощеков И. М. 349
- Краснощеков М. 339
- Краснощеков Ф. И. 328, 350
- Красовский Ю. А. 222
- Крейд В. П. 216
- Крейнцивальд Ф. 240, 252, 271, 283
- Крживоблоцкий 276
- Кристи М. П. 10, 22, 39, 51, 71, 76
- Крогиус А. А. 44
- Кроль А. Е. 31, 32, 36
- Кропоткин П. А. 45, 51
- Круус Р. 221, 222, 232, 277, 278, 283
- Круут (к замуж. Лотарева) Ф. М. 223, 230, 232, 235—237, 239, 241—243, 247—249, 251, 252, 254—258, 260—264, 266—270, 272, 274, 277, 278, 280, 286
- Крутиков, профессор 44
- Кублицкая-Пиоттух А. А. (урожд. Бекетова, в первом браке Блок) 61
- Кузмин М. А. 21
- Кузминская Т. А. 100, 124
- Кузнецова Н. В. 385
- Кузьмин Н. В. 60
- Кун 269
- Купер Э. А. 256, 257
- Куприн А. И. 236, 246, 247, 264, 276, 384
- Кутузов М. И. 346, 354, 369, 370
- Кухар А. Э. 220—222, 283
- Кучум, хан 331
- Кушнер Б. А. 7, 11, 13, 22, 24—30, 32
- Лавренев Б. А. 238
- Лавров, профессор 69
- Лавров А. В. 2, 4, 13
- Лавров Н. С. 37, 43, 45, 49, 50
- Лавров П. Л. 32, 35, 59, 62
- Ладинский А. П. 270, 271, 384
- Лазарев Н. Н. 150
- Лазаревич Ю. С. 148, 149
- Лазаревский, профессор 44
- Лазаревский Б. А. 246, 247
- Лайд М. 287
- Лакшин В. Я. 387
- Ламков О. 136
- Лапинь Е. Я. 2
- Лапченко А. Ф. 2
- Лапшин И. И. 39, 43, 50
- Ларош А. Г. 13
- Лебедев В. 61
- Лебедев В. М. 270, 271
- Лебедева А. Г. 384
- Левберг М. 61
- Левенгаупт А. Л. 328
- Лейбниц Г. 72
- Лемке М. К. 32
- Ленин В. И. (наст. фам. Ульянов) 298, 371
- Леонов Л. М. 238
- Леонтьев К. К. 170
- Леонтьев К. Н. 47, 53, 64
- Лепехин М. П. 384
- Лернер Н. О. 22
- Леруа Э. 52, 65
- Лесков Н. С. 230
- Лесман М. С. 8, 18, 30, 36, 37, 39, 41—45, 48, 56, 57, 65, 87, 216, 244, 281, 286
- Лесман Н. Г. см. Князева Н. Г.
- Лецинский С. 329
- Лившиц Б. 170
- Лиалиенфельд 257
- Линде Б. 286
- Липковская А. Я. 269, 270
- Липковская Л. Я. 256, 258, 269, 276, 278, 279
- Лисовска О. 93
- Лист Ф. 238
- Литвинов И. М. 115, 136
- Лихачев Д. С. 358, 372, 384
- Лобачевский Н. И. 64
- Лозинский М. Л. 216
- Ломокина Т. Л. 2
- Ломоносов М. В. 119

- Лопатин Г. А. 374
 Лопухин В. А. 328, 354
 Лопухина Е. Ф. 344
 Лопухов см. Лопухин В. А.
 Лосский Н. О. 6, 13, 20, 22, 25, 37, 39, 41, 43
 Лотарев В. И. 230—232, 239, 274
 Лотарев В. П. 260, 261
 Лотарева (урожд. Шеншина) Н. С. 229, 232
 Лохвицкая М. А. 237, 240, 242, 246
 Лошкарев П. П. 31, 36, 52
 Лубяникова Е. И. 227
 Лукаш И. С. 277
 Лукк Б. 287
 Лукницкая В. К. 218
 Лукницкий П. Н. 218
 Лукьянов С. М. 40
 Луллий Р. 72
 Луначарский А. В. 7—9, 24, 25, 27, 28
 Лундберг Е. Г. 7, 9, 11, 13, 17, 18, 21, 24, 25, 61
 Лунц Л. Н. 13
 Лурье А. С. 7, 13, 20—22, 25, 32, 36, 47, 48, 54, 65, 80, 81, 85
 Лутохин Д. А. 220
 Львов Н. Н. 140, 142
 Люб С. 144
 Лютер А. 17
 Люце М. Н. 155

 Магазинер Я. М. 43, 44
 Мадлена (Мадлэн) 253—255
 Мазуччо (Мазуччо) С. 302
 Майдель Р., фон 15
 Майзельс Д. Л. 218
 Макаров С. О. 108
 Макаровский О. Ф. 2
 Маковицкий Д. П. 100, 125, 128, 147
 Максимов Д. Е. 28, 64
 Максимов С. В. 385, 386
 Малевич К. С. 25
 Малкина Е. Р. 215, 216, 218
 Мальцева Л. П. 283
 Мамай 360
 Мамантов В. 162
 Мандельштам О. Э. 87, 88
 Маньковский К. М. 169, 170, 172
 Марков Е. Л. 232
 Маркович Н. А. 386
 Маркс А. Ф. 271, 376
 Маркс К. 46
 Мартов Ю. О. 17
 Мартынова А. Н. 288
 Маслов Г. В. 218
 Массалитинов Н. О. 276, 278
 Массалитиновы 261
 Матюшин М. В. 13, 36
 Мацуев Н. И. 216
 Маяковский В. В. 21, 25, 81, 91, 215, 220, 284, 291, 294
 Медем М. М. 79
 Медемы-Балугьянские 85

 Мейер А. А. 7, 13, 18—21, 25, 27, 31—33, 35—38, 40—43, 45, 47—57, 62
 Мейерхольд В. Э. 7, 9, 11, 13, 24, 25, 28
 Мейникес С. 14
 Мейринк Г. 59
 Меншиков А. Д. 344
 Меньшиков М. О. 113, 120, 122
 Мережковский Д. С. 29, 223, 224, 246, 247, 257, 259, 264
 Меринг Н. М. 14, 19, 42
 Мерцалов И. П. 373
 Мещерский В. П. 99
 Микеланджело (Микель-Анджело) Б. 25
 Милославский И. И. 335
 Мими К. К. 279
 Мими-Вноровская М. Л. 272—274, 279
 Минаев Ф. М. 345
 Минокин М. В. 384, 387
 Минский Н. М. (наст. фам. Виленкин) 17, 128
 Митрофанов В. В. 384, 387
 Михайлов Д. Д. 14, 46, 51
 Михайловский Н. К. 61
 Мищенко Л. Л. 40, 50, 64
 Мнишек Марина 337
 Мнухин Л. А. 227
 Модзалевский Б. Л. 373, 376, 386
 Модзалевский Л. Б. 379
 Монтанус 302
 Мор Т. 66
 Мордовченко Н. И. 382
 Морщихина А. С. 384
 Мосолов А. А. 136, 151, 168
 Мстиславский С. (наст. фам. Масловский С. Д.) 4, 21
 Муратов К. Д. 95, 96
 Мякутин А. И. 347, 372

 Нагишкин Д. Д. 371
 Нансен Фр. 261
 Наполеон Бонапарт 45, 50, 363, 367, 370
 Нарбут В. Н. 44
 Нарбут Г. И. 386
 Неведомский М. 130
 Недоброво Н. В. 84, 88
 Незлобин К. Н. 250
 Неклюдов С. Ю. 290
 Некрасов И. И. 345
 Некрасов Н. А. 273, 291, 294
 Нелидовы 232
 Немилов, профессор 44
 Немирович-Данченко Вас. И. 119, 384
 Нерон, римский император 194
 Никандров Н. Н. 21
 Никита Романович ("Иваныч"), есаул 341
 Никитин Д. В. 107
 Никитин Н. Н. 47
 Никифоров А. И. 309, 371
 Никифоров-Волгин В. А. 269, 270
 Николаев Н. И. 63
 Николаев С. И. 250

- Николаевский Б. И. 226
 Николай II, император 98—168, 236
 Нилендер В. О. 16, 21
 Николаев-Бергин Н. М. 89—97
 Николаева-Бергина М. П. 89—97
 Никольская Т. А. 169, 171
 Ницше Ф. 50
 Новомировский Я. И. 16, 19, 45
 Новосадов Б. (наст. фам. Тагто Б. Х.) 283
 Новосильцев Ю. А. 140, 142
 Нотович О. К. 116
- Оболенский Д. Д. 119
 Оболенский Н. Д. 119
 Одоевцева И. В. 215
 Ожегов С. И. 379
 Оксман Ю. Г. 379
 Олсуфьев Ад. В. 101, 165
 Олсуфьев Ал. В. 101
 Ольденбург С. Ф. 376, 377
 Ольденбургский А. П., принц 105, 155, 162
 Ольшевская-Ардова Н. А. 80
 Оранский С. А. 18, 38, 44, 62
 Орехов М. В. 37
 Орехов М. Д. 377
 Орлицкая В. Я. 273, 274
 Орлов В. Н. 147
 Орнатская Т. И. 78
 Осокин П. М. 19
 Островский Н. А. 91
 Острогорская А. Я. 215
 Острогорская Т. Е. 216
 Остроумова-Лебедева А. П. 215
 Отрепьев Г. (Лжедмитрий) 337, 370
 Оффенбах Ж. 257
 Оцуп Н. А. 218, 223, 227, 245, 270, 271
- Павел I, император 347
 Павлов И. П. 36, 44, 385
 Павлова М. М. 224
 Павлович Н. А. 21, 61, 386
 Падуров И. В. 351
 Палаймо, рядовой 114
 Палеолог М. 102
 Панин П. И. 361
 Парилова Г. Н. 305, 308, 371
 Парменид 75
 Парчевский Ф. Я. 42, 43, 49, 50
 Паскаль Б. 74
 Паскевич И. Ф. 351
 Паули 302
 Пергамент М. Я. 44
 Перетц В. Н. 375
 Перегяткович Б. 59
 Перцов П. П. 25
 Песонен П. 221
 Петина А. И. 283, 287
 Петр I, царь 112, 217, 307, 329, 330, 343—345, 367, 369, 370
 Петр, св. апостол 217, 218
 Петров М. В. 252, 272
- Петров-Водкин К. С. 7, 11, 13, 15, 18—21, 24, 25, 27, 28, 31, 35—37, 42, 44, 50, 52, 54, 57
 Петрова М. Г. 4
 Петровский А. С. 16
 Петроний см. Пильский П. М.
 Петряев Е. Д. 384
 Пешкова Е. П. 105, 132
 Пещерский (Мещерилов), воевода 335
 Пиксанов Н. К. 376, 381, 382, 386
 Пильняк Б. А. (наст. фам. Вогау) 21, 238
 Пильский П. М. (псевд. Петроний) 225, 266, 267, 284
 Пильц 273
 Пинес Д. М. 14, 19, 20, 22, 57, 59
 Пиотровский А. И. 22
 Пичино М. 76
 Платов М. И. 328, 346, 354, 369, 370
 Платон 23, 40, 50, 51, 66, 70—75
 Плавев В. К. 137, 139
 Плавецкий М. М. 307
 Плотин 72
 Пляхожанов Б. В. 252
 Поварнин С. И. 43, 44
 Погодин М. И. 387
 Пожарский С. Р. 336, 369, 370
 Поземковский Г. М. 256, 257
 Познер В. 226
 Познер С. 226
 Полетаев Е. 22
 Полетица Ю. 61
 Ползикова О. Н. 386
 Поливка Г. 309
 Поляк С. 250
 Положенский С., протоиерей 284
 Полонская Е. Г. 13, 59
 Полонский Я. П. 374, 386
 Поляков А. С. 377
 Поляков С. А. (псевд. Литовцев) 17
 Померанцева Э. В. 371
 Пономарева Е. В. 385
 Поплавский Б. Ю. 270, 271
 Постоутенко К. Ю. 233
 Потоцкий И. И. 384
 Потулов В. И. 12
 Потемкин Г. А. 328, 348
 Правдин Б. В. 241, 243, 267, 268
 Пришвин М. М. 21
 Прокофьев В. А. 384
 Прокофьев С. С. 25
 Прокофьева Р. С. 384
 Пропп В. Я. 288—290, 371, 372
 Протопопов М. А. 382
 Прохоров Н. 305, 308
 Прохоров С. 286, 287
 Пугачев Е. И. 336, 348, 361, 367, 369, 370
 Пумпянский Л. В. 18, 19, 21, 22, 43—47, 50—53, 63, 64
 Пунин Н. Н. 13, 20—22, 25, 36, 37, 44, 48, 56, 57, 61, 81, 87

- Путилов Б. Н. 288—290, 326—355, 359, 361, 370, 372
 Пуччини Д. 258
 Пушкарев Л. Н. 371
 Пушкин А. С. 21, 25, 48, 49, 58, 81, 91, 291, 294, 364
 Пыпин Н. А. 379
 Пэрна Н. Я. 44, 50, 63
 Пятс В. А. (наст. фам. Пестовский) 21, 47, 52
 Пятс К. 287
 Рабинович Я. Л. 61
 Радищев А. Н. 91
 Радлов Н. Э. 44
 Радлов С. Э. 44, 50, 53
 Радлов Э. Л. 13, 32, 36, 40, 43, 50, 62
 Раевская-Хьюз О. 18, 226
 Разгоневы 261
 Разин С. Т. 332—334, 336, 361, 367, 369
 Райков Б. Е. 33, 35, 59, 62
 Ракитин Ю. Л. (наст. фам. Ионин) 248, 249
 Раннит А. (Долгошев А. К.) 284, 286
 Распутин Г. Е. (наст. фам. Новых) 102, 121, 244
 Ратенау В. 56
 Рафаэль С. 25
 Рахманинов С. В. 286
 Рашковская А. 60, 61
 Ребанэ (Либерто-Ребанэ) А. 256, 258
 Редигер А. Ф. 149, 151
 Редько А. М. 60
 Рейснер Л. М. 218
 Ремизов А. М. 3, 17, 21, 23, 39, 42, 52, 238, 240, 276, 277, 305, 379
 Ремизов Н. А. 305
 Ремизова-Довгелло С. П. 17
 Решнин Д. А. 332
 Римский-Корсаков А. Н. 25, 32, 44
 Римский-Корсаков Н. А. 257
 Родюкова М. В. 373
 Рождественский В. А. 60, 61, 218, 228, 386
 Рожков И. А. 44
 Розанов В. В. 18, 22, 58, 119, 122
 Розанов И. Н. 216
 Розенталь Н. Н. 39, 45, 49
 Роллан Р. 64
 Романов П. С. 238, 240
 Романова К. А., великая княгиня 235, 236, 240
 Россици Д. 237
 Рубинштейн Д. Л. 242, 244, 248
 Рузвельт Т. 126
 Румянцев А. Б. 96
 Румянцев П. А. 348—350
 Рунич Д. И. 386
 Русов Н. 61
 Русгейкес Г. Н. 244, 280, 286
 Рыбаков Б. А. 306, 308, 371
 Рыкова (урожд. Адам) Л. Т. 279, 280
 Рысс С. Г. 12
 Сабанеев Л. П. 22
 Сабашников М. В. 376
 Сабашников С. В. 376
 Сабашникова М. В. 14, 15, 18, 19, 25, 53
 Савельев А. М. 328, 372
 Савина М. Г. 135, 136
 Савонарола Д. 67
 Садовень Е. 256, 257
 Сайтов В. И. 375
 Саккеги Ф. 302
 Салтыков-Щедрин М. Е. 374
 Салтыков И. П. 335
 Сапогов В. А. 271
 Сведенборг Э. 144, 145
 Святополк-Мирский П. Д. 100, 101, 116—119, 139
 Святополк-Мирская (урожд. Бобринская) Е. А. 117
 Северянин И. (псевд. Лотарева И. В.) 171, 219—287, 384, 387
 Сегалова М. Р. 17
 Селиванов Ф. М. 290
 Сементковский Р. И. 120
 Семиз Д. И. 386
 Семиз М. Д. 386
 Семин В. Н. 386
 Сергеев-Ценский С. Н. 21
 Серебрянников 44
 Серова 61
 Сибелиус Я. 238
 Сидорова 19
 Симанович А. 121
 Сиповский В. В. 381
 Складин А. Д. 61
 Скатов Н. Н. 2
 Скафтымов А. П. 306
 Скопин (Скопин-Шуйский) М. В. 316, 337, 358
 Скотт В. 312
 Скрипиль М. О. 371
 Скугаревский А. 149
 Скуратов Малюта (Скуратов-Бельский Г. Л.) 337
 Сливинская М. А. 251, 252
 Сливинский А. В. 251, 252
 Слонимский М. С. 373
 Смирнов А. А. 22
 Смирнов Д. А. 257, 258, 282, 283
 Смотрицкий 19
 Собецкий М. Г. 45, 49, 64
 Соболевский В. И. 155
 Соловьев В. С. 40, 50, 62, 63
 Соловьев С. 21
 Соловьев С. М. 16, 60
 Соймонов А. Д. 305, 308, 371
 Соколов Ю. М. 358, 371
 Соколова В. К. 359, 372
 Сологуб Ф. К. (наст. фам. Тетерников) 21, 29, 32, 60, 238, 242, 244, 248, 259, 384
 Соломон, царь 324, 325

- Сорокин П. А. 22, 32, 35, 37, 43, 44, 47, 50, 53, 62, 65
 Сосинский-Семихат Б. Б. 387
 Спиридонов В. С. 378, 381
 Станкевич В. Б. 17, 59
 Станюкович К. М. 270, 271
 Стародуб 248
 Степун Ф. А. 21
 Стодальский С. И. 272
 Столица А. Н. 259, 261, 277
 Столыпин П. А. 116, 141, 157, 158
 Стояров М. П. 16
 Стоянов Б. С. 18, 38, 51
 Страндел Е. В. 222
 Стриндберг А. 55
 Суворин А. С. 98, 99, 111, 114, 118, 119, 121, 122
 Суворов А. В. 349, 350
 Сувчинский П. П. 17
 Сухотина-Толстая Т. Л. 106, 126, 129, 131, 147
 Сухотины 106
 Сьоннерберг К. А. (псевд. Эрберг) 5, 7—14, 19—32, 35—43, 49—51, 53, 54, 56, 57, 62, 63, 65, 71, 76
 Тагер Е. М. 218
 Тагор Р. 56, 60
 Тан-Богораз В. Г. 48
 Тарановский Ф. В. 244
 Татлин В. Е. 25, 52
 Тахтаров 44
 Тацын 351
 Твардовский А. Т. 387
 Твардовский И. Т. 387
 Теляковский В. А. 136
 Терек А. см. Форш О. Д.
 Тименчик Р. Д. 87
 Тихонов Н. С. 21, 59, 222, 386
 Толмакова Л. Л. 384
 Толмачев А. Л. 384
 Толстая А. Л. 107, 157, 159
 Толстая (урожд. Вестерлуна) Д. Ф. 103
 Толстая Н. Л. 159
 Толстая (урожд. Дитерихс) О. К. 105
 Толстая С. А. 100, 103—108, 111, 114, 116, 117, 120, 123—128, 131, 132, 155, 158, 159
 Толстая С. Л. 159
 Толстой А. Л. 105, 111
 Толстой А. Н. 17, 307
 Толстой И. Л. 146
 Толстой Л. Н. 18, 37, 50, 52, 99, 101, 105, 107—111, 115, 123, 124, 128, 132—134, 146, 147, 150, 159, 161, 307, 311, 312, 363, 364, 379
 Толстой Л. Л. 98—168
 Толстой Н. Л. 100, 153, 155, 159—162
 Толстой Павел А. 100, 153, 155, 159, 161
 Толстой Петр Л. 126, 153, 155, 159, 161
 Толстой Ф. Л. 159
 Толстые 107, 119
 Толчинский 22
 Томашевский Б. В. 57, 95, 379, 381
 Травус В. М. 218
 Тревер И. В. 12
 Троепольский Г. М. 387
 Трубецкой П. П. 115
 Трубецкой С. Н. 140, 142
 Тубянский М. И. 56
 Тургенев И. С. 374
 Тынянов Ю. Н. 21, 49, 57, 379
 Тэффи (урожд. Лохвицкая, в замуж. Бучинская) Н. А. 226, 236, 246, 247, 265, 274
 Уханова А. В. 19
 Ухтомский Э. Э. 116, 140, 142
 Файнштейн А. С. 384
 Федин К. А. 90
 Фейербах Л. 57
 Фельтен Н. Е. 18, 52
 Федоров О. Ф. 38, 62
 Федоровский Н. М. 17
 Феоктистов Е. М. 386
 Феррандо Арагонский, король Кастилии 302
 Фет А. А. 386
 Фехнер Е. Ю. 14, 19
 Фигурнова О. С. 226
 Филиппенко Ю. А. 44
 Философов Д. В. 250
 Финк Е. И. 231, 233, 254
 Флеер М. Г. 378
 Флейшман Л. 18, 226
 Флоренский П. А. 376
 Фомин А. Г. 216, 373—379, 381, 382
 Формачев А. И. 222, 259
 Форш (урожд. Комарова, псевд. А. Терек) О. Д. 3, 14, 18, 19, 21, 42, 45, 47, 48, 50—53, 57, 60, 65, 216
 Фофанов И. Т. 305, 308
 Фофанов К. М. 171, 242, 244
 Францдорф Х. 239, 241
 Фредерикс 44
 Фредерикс В. Б. 149—152, 158, 160—163, 165
 Фроленок С. И. 96
 Фромм Г. В. 17
 Хадали, царевна 176
 Хаджи-Мурат 351
 Хазин М. Г. 272, 275
 Халатьян Н. 52
 Хан-Магомедов С. К. 247
 Ханс, садовник 131
 Харазми М. 222, 252
 Харджиев Н. И. 87, 88
 Хвольсон О. Д. 44
 Хлебников А. Г. 19, 21, 56, 171
 Хованский И. 335
 Ховин В. Р. 58, 220, 230, 232
 Ходасевич В. Ф. 21, 384
 Холопов Г. К. 384, 386
 Хьюз Р. 18, 226
 Хэфели (урожд. Грауэн) И. А. 283

- Царькова Т. С. 2
 Цветаева М. И. 227
 Циммерман М. М. 87
- Чайковский П. И. 257, 258
 Чапаев В. И. 359
 Чапыгин А. П. 21
 Чеботаревская Ан. Н. 244, 387
 Чебышев-Дмитриев А. А. 18, 19, 42, 46, 48, 50—53, 56, 57, 60, 71, 74, 75
- Черкашенин М. 339
 Чернышев З. Г. 346, 350, 351
 Чернышевская Н. М. 385
 Чернышевский Н. Г. 59, 298, 299, 301, 357, 359, 362, 371, 372
- Чертков В. Г. 124, 146, 158, 159
 Чертков Д. 60
 Чехов А. П. 311, 312, 357
 Чешихин-Ветринский В. Е. 50
 Чириков Е. Н. 130, 384
 Чистов К. В. 290
 Чичеров В. И. 314, 361
 Чосер Д. 302
 Чугаев Л. А. 44
 Чудновская Ф. Я. 19
 Чукалов С. К. 222, 265, 277, 286
 Чуковский К. И. 80, 379
 Чуковский Н. К. 170, 171
 Чулков Г. И. 40
- Шагинян М. С. 22, 52, 259
 Шаляпин Ф. И. 256, 257
 Шанявский А. А. 90
 Шахматов А. А. 375, 376
 Шей де Ванат В. И. 275
 Шелаева А. А. 2
 Шелли П. Б. 54
 Шенберг 45
 Шенгели Г. А. 222, 226, 228, 232, 233, 250, 286
- Шереметев Б. П. 329, 330, 342
 Шершеневич В. Г. 25, 171
 Шестов Л. И. (наст. фам. Шварцман) 4, 11, 13, 17, 18, 21, 24, 25, 61
- Шидловский С. В. 168
 Шидловский Ю. В. 132
 Шилейко В. К. 80
 Шиллер Ф. 238
 Шимкевич А. К. 78
 Шимкевич К. А. 19, 78, 79, 85
 Шишов Д. Н. 140, 141
 Шишков В. Я. 238, 387
 Шкловская Н. А. 13
 Шкловский В. Б. 21, 22, 32, 44, 47, 49, 52, 53, 385
- Шкурко В. П. 384
 Шляпкин И. А. 376
 Шмелев И. С. 246, 247
 Шмидт, профессор 44
 Шмидт Н. Я. 168
 Шопен Ф. 257
 Шпет Г. Г. 22, 25, 59, 62
 Шпильгаген Ф. 230
- Штейнберг А. З. 5, 7, 9, 11, 13—22, 24—32, 35—46, 48—54, 56, 57, 62, 64, 71, 76
- Штейнер Р. 15
 Штраудтман Е. К. 114
 Шрейдер А. А. 16, 17
 Шульгин В. В. 252
 Шумаков Ю. Д. 222, 224, 240, 241, 243, 283
- Щегловитов И. Г. 159
 Щеголев П. Е. 377, 387
 Щеголева В. А. 387
 Щелкан (Чол-хан) 336, 339, 340, 359, 366
 Щерба Л. В. 56
- Эйгель И. К. 247
 Эйхенбаум Б. М. 21, 22, 32, 44, 48, 49, 53, 57, 58, 379
- Эльзон М. Д. 215, 384
 Энгельгардт Б. М. 387
 Энгельгардт М. А. 99
 Энгельс Ф. 365
 Эрберг см. Сьоннерберг К. А.
 Эренбург И. Г. 17
 Эриугена И. С. 72
 Эссен А. К. 230, 232, 266
 Эссен Н. О. 232
 Эфроимсон В. П. 16
 Эфрусси П. О. 44
- Юлиан Отступник 39
 Юренив 256
 Юсупов, кн., Сумароков-Эльстон гр. Ф. Ф. 234, 236
- Юсупова (урожд. Романова) И. А., великая княгиня 235, 236
 Юткевич С. 81
- Яблоновский А. А. 99
 Якобсон М. И. 287
 Яковлев Н. В. 373
 Якубинский Л. П. 57, 381
 Янгфельд Б. 222
 Яценко А. Я. 17, 226
- Bergmann A. 45
 Bolte S. 371
 Braithwaite G. (Брейтвейт Г.) 262, 264, 266, 267
 Der Z. 371
 Dobringer E. 4
 Englert E. H. 221
 Goldmann E. 45, 64
 Hoffman S. 4
 Ivanov-Razumnik R. V. 4, см. также Иванов-Разумник
 Krūminš E. 233
 Polivka G. 371
 Swedenborg 145, см. также Сведенборг Э.
 Woloshina M. 15, см. также Волошина М. В.
 Бурһ О. 233, 248

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем издании тексты рукописных оригиналов печатаются с максимально возможным приближением к источнику.

Сохраняется по возможности точно порядок расположения материала, особенности орфографии и пунктуации, способ авторских выделений (разрядка, курсив, и т. п.). Авторские сокращения раскрываются лишь в тех случаях, когда возможно иное прочтение текста. Редакторские конъектуры, а также отточия, обозначающие сокращение текста, даются в ломаных скобках. Текст, зачеркнутый автором, отмечается прямыми скобками.

Принятые сокращения:

ГАРФ — Гос. архив Российской Федерации. Москва.

ГМТ — Гос. музей Л. Н. Толстого. Москва.

ГТБ — Гос. театральная библиотека им. А. В. Луначарского. С.-Петербург.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. С.-Петербург.

РГАЛИ — Российский гос. архив литературы и искусства. Москва.

РГИА — Российский гос. исторический архив. С.-Петербург.

РНБ — Российская национальная библиотека. С.-Петербург.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

- Е. В. Иванова.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни . . . 3
Т. И. Орнатская. Материалы А. А. Ахматовой в архиве
К. А. Шимкевича 78
Н. А. Хохлова. Коллекция газетных вырезок
Н. М. и М. П. Николаевых-Бергиных 89

II. ПУБЛИКАЦИИ

- «...Время идет интереснейшее...» (Письма Л. Л. Толстого
к Николаю II). Публикация В. А. Абросимовой
и С. Р. Зориной 98
К. К. Вагинов. Стихотворения из альбома, подаренного
К. Н. Маньковскому.
Публикация С. А. Кибальника 169
Н. С. Гумилев. Письмо к Е. Р. Малкиной.
Публикация М. Д. Эльзона 215
Игорь Северянин. Письма к С. И. Карузо (1931—1940).
Публикация Л. Н. Ивановой 219
В. Я. Пропп. Поэтика. Публикация А. Н. Мартыновой 288

III. ИЗ ИСТОРИИ ФОНДОВ

- М. В. Родюкова.* О судьбе архива Семена Афанасьевича
Венгерова 373

IV. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

- Г. А. Крылова.* Обзор архивных материалов XVIII—XX веков,
поступивших в Рукописный отдел Института
русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
за 1984—1986 годы. 384
Указатель имен 388

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на
1992 год. / Отв. ред. Т. С. Царькова

В очередном выпуске "Ежегодника" публикуются материалы, представляющие значительный интерес для истории русской культуры. Подробно освещается и документируется деятельность Вольной Философской Ассоциации, публикуется большая подборка стихотворений К.Вагинова, неоконченный труд В.Я.Пропца по поэтике, письма Л. А. Толстого, Н. С. Гумилева, И. Северянина, приводятся новые материалы А. А. Ахматовой, а также обзоры ряда архивов и новых поступлений в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Редактор *Д. М. Климова*

Худож. ред. *В. Г. Бахтин*

Техн.ред. *О. Ф. Махарский*

Корректоры *Т. А. Ломакина, Е. Я. Лапиль*

ЛР N 062679 от 02.06.93

Подписано к печати 25.10.96 г.

Формат 60х90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25.

Тираж 1 000 экз. Зак. № 56

Гуманитарное агентство «Академический проект»
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Отпечатано в типографии издательства "Петро - РИФ".
190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., д. 6.